

Приключения

Гекльберри Финна

Марк Твен

КАК ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ЭТИМ

Электронная книга ТАНТОРА

ПОИСК: Просто нажмите на название главы в оглавлении, и
вы попадете на первую страницу этой главы. Вам не нужно нажимать на
главы последовательно, вы можете перейти к любой главе в любое время..

ЧТОБЫ ВЕРНУТЬСЯ НАЗАД: Просто нажмите на название главы в начале любой главы,
и вам будет возвращено оглавление.

Нажмите здесь, чтобы перейти к
Глава девятая

Contents

2

vengeance! Anne laughed—and then sighed. The bloom had been brushed from one little maiden dream. Would the painful process go on until everything became prosaic and hum-drum?

Chapter IX
An Unwelcome Lover and a Welcome Friend

The second term at Redmond sped as quickly as had the first—"actually whizzed away," Philippa said. Anne enjoyed it thoroughly in all its phases—the stimulating class rivalry, the making and deepening of new and helpful friendships, the gay little social stunts, the doings of the various societies of which she was a member, the widening of horizons and interests. She studied hard, for she had made up her mind to win the Thorburn Scholarship in English. This being won, meant that she could come back to Redmond the next year without trenching on Marilla's small savings—something Anne was determined she would not do.

Gilbert, too, was in full chase after a scholarship, but found plenty of time for frequent calls at Thirty-eight, St. John's. He was Anne's escort at nearly all the college affairs, and she knew that their names were coupled in Redmond gossip. Anne raged over this but was helpless; she could not cast an old friend like Gilbert aside, especially when he had grown suddenly wise and wary, as behooved him in the dangerous proximity of more than one Redmond youth who would gladly have taken his place by the side of the slender, red-haired coed, whose gray eyes were as alluring as stars of evening. Anne was never attended by the crowd of willing victims who hovered around Philippa's conquering march through her Freshman year; but there was a lanky, brainy Freshie, a jolly, little, round Sophomore, and a tall, learned Junior who all liked to call at Thirty-eight, St. John's, and talk over 'ologies and 'isms, as well as lighter subjects, with Anne, in the becushioned parlor of that domicile. Gilbert did not love any of them, and he was exceedingly careful to give none of them the advantage over him by any untimely display of his real feelings Anne-ward. To her he had become again the boy-comrade of Avonlea days, and as such could hold his own against any smitten swain who had

53

Нажмите здесь, чтобы вернуться к
оглавлению

ПЕЧАТЬ ГЛАВЫ: Если вы предпочитаете иметь перед собой распечатанную страницу
во время прослушивания аудиокниги, вы можете распечатать страницу, раздел или любой
выбранный фрагмент по вашему желанию, выбрав страницу (страницы), которые вы хотите распечатать, затем перейдя в
меню файлов Adobe Reader и выбрав “Печать”.

Содержание

Глава I

Место действия: Долина Миссисипи Время: сорок-пятьдесят лет назад

ВЫ не узнаете обо мне, если не прочитаете книгу под
названием "Приключения Тома Сойера", но это не имеет значения. Эта
книга была написана мистером Марком Твеном, и в основном он говорил правду. Там
были вещи, которые он приукрашивал, но в основном он говорил правду. Это
ерунда. Я никогда не видел никого, кто не лгал бы время от времени, без этого
была тетя Полли, или вдова, или, может быть, Мэри. Тетя Полли — она тетя Тома,
Полли, — и Мэри, и вдова Дуглас, обо всем этом рассказано в этой
книге, которая, как я уже говорил, по большей части правдива, с некоторыми натяжками.

Итак, книга заканчивается так: мы с Томом нашли
деньги, которые грабители спрятали в пещере, и это сделало нас богатыми. Мы получили по шесть
тысяч долларов за штуку — все золотом. Это было ужасное зрелище денег, когда
они были свалены в кучу. Так вот, судья Тэтчер взял их и продал под проценты,
и это приносило нам по доллару в день за штуку круглый год —больше, чем кто-либо
мог сказать, что с ними делать. Вдова Дуглас, она приняла меня за своего
сына и разрешила воспитывать меня; но жить в
доме все время было тяжело, учитывая, какой мрачной, правильной и порядочной была вдова
во всех отношениях; и поэтому, когда я больше не мог этого выносить, я сбежал. Я
снова облачился в свои старые лохмотья и бочку из-под сахара и был свободен и
доволен. Но Том Сойер выследил меня и сказал, что собирается
сколотить банду разбойников, и я мог бы присоединиться, если бы вернулся к вдове
и стал респектабельным. Так что я вернулся.

Вдова плакала надо мной и называла меня бедной заблудшей овечкой, и
она называла меня еще множеством других имен, но она никогда не имела в виду ничего плохого
этим. Она снова одела меня в ту новую одежду, и я ничего не мог поделать, кроме как
потеть и потеть, и мне было тесно. Ну, а потом все по-старому
началось снова. Вдова позвонила в колокольчик, призывая к ужину, и вам пришлось
прийти вовремя. Когда вы садились за стол, вы не могли сразу приступить к еде,
но вам приходилось ждать, пока вдова опустит голову и
немного поворчит по поводу съестных припасов, хотя на самом деле с ними не было ничего плохого
, то есть ничего, просто все готовилось само по себе. В

баррель всякой всячины, все по-другому; все смешивается, и сок
как бы меняется местами, и дела идут лучше.

После ужина она достала свою книгу и рассказала мне о Моисее и
Камышевиках, и я из кожи вон лез, чтобы разузнать о нем все; но мало-помалу
она проговорилась, что Моисей умер довольно давно; так что
тогда он меня больше не интересовал, потому что я не придаю значения
мертвецам.

Довольно скоро мне захотелось курить, и я попросил вдову разрешить мне. Но
она не захотела. Она сказала, что это подлая практика и не чисто, и я
должен постараться больше этого не делать. Просто с некоторыми людьми так бывает.
Они нападают на что-то, когда ничего об этом не знают. Здесь
она беспокоилась о Мозесе, который не был ей родственником и, видите ли, ни для
кого не был нужен, поскольку его больше не было, и все же находила силу обвинять меня в том, что я
сделал дело, в котором было хоть что-то хорошее. И она тоже взяла понюшку табаку; конечно,
с этим все было в порядке, потому что она сделала это сама.

Ее сестра, мисс Уотсон, сносная стройная старая дева в защитных очках,
только что переехала жить к ней и теперь набросилась на меня с учебником правописания
. Она обрабатывала меня со средней усердностью около часа, а затем
вдова заставила ее успокоиться. Я больше не мог этого выносить. Потом в течение
часа было смертельно скучно, и я нервничал. Мисс Уотсон говорила:
“Не задирай ноги так высоко, Гекльберри”; и “Не морщись так
, Гекльберри, сядь прямо”; и довольно скоро она добавляла:
“Не раздвигай их так, Гекльберри, почему бы тебе не попытаться
вести себя прилично?” Потом она рассказала мне все о плохом месте, и я сказал, что хотел бы
быть там. Тогда она разозлилась, но я не хотел причинить ей вреда. Все, чего я хотел
, - это уехать куда-нибудь; все, чего я хотел, - это перемен, я не был конкретен.
Она сказала, что было нехорошо говорить то, что я сказал; сказала, что не сказала бы этого ни за
что бы ни за что на свете; она собиралась жить так, чтобы попасть в хорошее место. Что ж, я
не видел никакой пользы в том, чтобы пойти туда, куда направлялась она, поэтому я решил,
что не буду пытаться сделать это. Но я никогда этого не говорил, потому что это только
создало бы проблемы, а не принесло бы никакой пользы.

Теперь у нее было начало, и она продолжила и рассказала мне все об этом
хорошем месте. Она сказала, что все, что нужно было бы делать там, - это
весь день напролет ходить с арфой и петь, во веки веков. Так что я не придал этому большого значения
. Но я никогда этого не говорил. Я спросил ее, считает ли она Тома Сойера

хотел бы пойти туда, и она сказала, что вид у него неважный. Я была рада
этому, потому что хотела, чтобы мы с ним были вместе.

Мисс Уотсон продолжала приставать ко мне, и это стало утомительным и
одиноким. Мало-помалу они пригласили негров и отслужили молитву, а
потом все отправились спать. Я поднялся к себе в комнату с огарком
свечи и поставил ее на стол. Потом я сел в кресло у окна
и попытался подумать о чем-нибудь веселом, но это было бесполезно. Я чувствовал себя таким
одиноким, что больше всего на свете желал умереть. Сияли звезды, и
листья шелестели в лесу очень печально; и я услышал сову, где-то вдалеке,
улюлюканье о ком-то, кто умер, и козодоя, и
собаку, плачущую о ком-то, кто вот-вот умрет; и ветер
пытался что-то прошептать мне, но я не мог разобрать, что именно,
и от этого меня пробрала холодная дрожь. Потом далеко в лесу
я услышал такой звук, который издает призрак, когда хочет рассказать
о чем-то, что у него на уме, но не может быть понято, и
поэтому не может спокойно отдохнуть в своей могиле, и вынужден ходить так каждую ночь,
скорбя. Я был так подавлен и напуган, что пожалел, что у меня нет
компании. Довольно скоро по моему плечу пополз паук, и я
стряхнул его, и он загорелся на свече; и не успел я сдвинуться с места, как он весь
съежился. Мне не нужно было, чтобы кто-нибудь говорил мне, что это ужасно плохой
знак и принесет мне несчастье, поэтому я испугался и изо всех сил стряхнул с себя
одежду. Я встала и трижды повернулась на месте
и каждый раз крестила грудь; а потом перевязала ниткой маленькую прядь своих
волос, чтобы отпугнуть ведьм. Но у меня не было никакой уверенности. Ты
делаешь это, когда теряешь подкову, которую нашел, вместо того, чтобы
прибивать ее гвоздями над дверью, но я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь говорил, что это
способ уберечься от невезения, если ты убил паука.

Я снова сел, дрожа всем телом, и достал трубку, чтобы
закурить, потому что в доме теперь было тихо, как в гробу, и вдова
ничего не узнала бы. Итак, спустя долгое время я услышал, как часы где—то далеко в
городе пробили бум—бум—бум — двенадцать ударов; и снова все стихло - еще тише,
чем когда-либо. Довольно скоро я услышал, как в темноте среди
деревьев хрустнула ветка — что-то шевелилось. Я замер и прислушался. Как только я смог
едва расслышать “ме-йоу! ме-йоу!” там, внизу. Это было здорово! Говорит
я: “Ме-йоу! ме-йоу!” - так тихо, как только мог, а потом я выключил свет и

вылез через окно в сарай. Затем я соскользнул на
землю и пополз среди деревьев, и, конечно же, там меня ждал Том
Сойер.

Глава II

МЫ на цыпочках пошли по тропинке среди деревьев обратно к концу
сада вдовы, пригибаясь, чтобы ветви не
царапали наши головы. Когда мы проходили мимо кухни, я споткнулся о корень
и наделал шуму. Мы присели на корточки и лежали неподвижно. Большой
негр мисс Уотсон по имени Джим сидел в дверях кухни; мы могли видеть его
довольно ясно, потому что за его спиной горел свет. Он встал и
примерно на минуту вытянул шею, прислушиваясь. Затем он говорит:

"Кто, да?"

Он послушал еще немного; затем спустился на цыпочках и встал прямо
между нами; мы могли бы почти дотронуться до него. Ну, вероятно, это были минуты
за минутами, когда не было слышно ни звука, а мы все были так близко друг к другу.
У меня на лодыжке начало чесаться одно место, но я не побоялась его почесать;
а потом начало чесаться ухо; и рядом со спиной, прямо между
плечами. Казалось, я умру, если не смогу почесаться. Что ж, с тех пор я много раз замечал
эту штуку. Если вы находитесь в центре внимания, или на похоронах,
или пытаетесь заснуть, когда вам совсем не хочется спать — если вы находитесь где угодно,
где вам не стоит чесаться, то у вас будет чесаться все тело в
более чем тысяче мест. Довольно скоро Джим говорит:

"Скажи, кто ты? Где ты? Гоните моих кошек, если я ничего не слышал.
Что ж, я знаю, что мне нужно делать: я должен сесть здесь и послушать,
скажи, что я снова это слышу ".

Поэтому он сел на землю между мной и Томом. Он прислонился
спиной к дереву и вытянул ноги так, что одна из них почти
коснулась моей. У меня зачесался нос. Это чесалось до слез
у меня на глазах. Но я не боялась чесаться. Потом это начало чесаться изнутри.
Затем я добралась до зуда снизу. Я не знал, как мне усидеть на месте
. Это несчастье продолжалось целых шесть или семь минут; но
казалось, что намного дольше. Теперь у меня чесалось в одиннадцати разных местах
. Я подумал, что не выдержу этого больше ни минуты, но я поставил свой

зубы твердые, и я приготовился попробовать. Как раз в этот момент Джим начал тяжело дышать; затем он захрапел — и довольно скоро я снова почувствовал себя комфортно.

Том сделал мне знак — что—то вроде легкого шороха губами - и мы поползли прочь на четвереньках. Когда мы были в десяти футах от него, Том что-то шепнул мне и хотел забавы ради привязать Джима к дереву. Но я сказал "нет"; он может проснуться и устроить переполох, и тогда они узнают, что меня не было дома. Потом Том сказал, что у него недостаточно свечей, и он проскользнет на кухню и возьмет еще. Я не хотел, чтобы он пытался. Я сказал, что Джим может проснуться и прийти. Но Том хотел его зажечь, поэтому мы проскользнули туда и взяли три свечи, а Том положил на стол пять центов в качестве платы. Потом мы вышли, и я весь вспотел от желания убраться восвояси; но ничто не могло помочь Тому, кроме как подползти к тому месту, где был Джим, на четвереньках и сыграть ему что-нибудь. Я ждал, и мне показалось, что прошло довольно много времени, все было таким тихим и одиноким.

Как только Том вернулся, мы срезали путь по тропинке, обогнули забор сада и мало-помалу оказались на крутой вершине холма с другой стороны дома. Том сказал, что он снял с головы Джима шляпу и повесил ее на ветку прямо над ним, и Джим слегка пошевелился, но не проснулся. Потом Джим сказал, что ведьмы околдовали его и ввели в транс, и катались на нем верхом по всему штату, а потом снова посадили под деревьями, и повесили его шляпу на ветку, чтобы показать, кто это сделал. И в следующий раз, когда Джим рассказал это, он сказал, что они довезли его до Нового Орлеана; и после этого каждый раз, когда он рассказывал это, он распространялся все больше и больше, пока мало-помалу не сказал, что они объездили его по всему миру и до смерти утомили, а спина у него была вся в нарывах от седла. Джим был чудовищно горд этим и добился того, что почти не замечал других ниггеров. Ниггеры приезжали за много миль, чтобы послушать, как Джим рассказывает об этом, и на него смотрели с большим уважением, чем на любого ниггера в этой стране. Незнакомые ниггеры стояли с открытыми ртами и разглядывали его с ног до головы, как будто он был каким-то чудом. Ниггеры всегда говорят о ведьмах в темноте у кухонного очага; но всякий раз, когда кто-нибудь заговаривал и давал понять, что все знает о таких вещах, заходил Джим и говорил: “Хм! Что ты знаешь о ведьмах?” и этого ниггера заткнули пробкой, и ему пришлось отойти на второй план. Джим всегда носил эту пятицентовую монету на шнурке у себя на шее и говорил, что это амулет, который дьявол подарил ему своими руками, и говорил, что он может вылечить им кого угодно

и вызывал ведьм, когда хотел, просто сказав ему что-нибудь;
но он никогда не рассказывал, что именно он ему сказал. Ниггеры съезжались со всей
округи и отдавали Джиму все, что у них было, только за то, чтобы взглянуть на эту пятицентовую
монету; но они не прикасались к ней, потому что дьявол приложил к ней свои
руки. Джим больше всего разорился как слуга, потому что стал заносчивым
из-за того, что видел дьявола и на нем ездили ведьмы.

Ну, когда мы с Томом добрались до края вершины холма, мы посмотрели
вниз, на деревню, и увидели три или четыре мерцающих огонька,
может быть, там были больные люди; и звезды над нами искрились
очень красиво; а внизу, у деревни, была река, шириной в целую милю,
и ужасно тихая и величественная. Мы спустились с холма и нашли Джо Харпера,
и Бена Роджерса, и еще двух или трех мальчиков, спрятавшихся на старом
кожевенном дворе. Итак, мы отцепили лодку и спустились вниз по реке на две с
половиной мили, к большому шраму на склоне холма, и сошли на берег.

Мы подошли к зарослям кустарника, и Том заставил всех поклясться
хранить тайну, а затем показал им дыру в холме, прямо в
самой густой части кустарника. Затем мы зажгли свечи и вползли внутрь на
руках и коленях. Мы прошли около двухсот ярдов, и тут пещера
открылась. Том пошарил среди проходов и довольно скоро
нырнул под стену, где вы бы не
заметили, что в ней есть дыра.,,,Мы прошли по узкому проходу и попали в нечто вроде комнаты, сырой,
потной и холодной, и там остановились. Том говорит:

“Теперь мы создадим эту банду грабителей и назовем ее "Банда Тома Сойера"
. Каждый, кто хочет присоединиться, должен принести клятву и написать свое
имя кровью”.

Все были готовы. Поэтому Том достал лист бумаги, на котором он
написал клятву, и прочитал его. В нем каждый мальчик клялся оставаться в группе,
и никогда не разглашать никаких секретов; и если кто-нибудь что-нибудь сделает с каким-либо
мальчиком в группе, тот из мальчиков, кому было приказано убить этого человека и его
семью, должен это сделать, и он не должен есть и не должен спать, пока не
убьет их и не вырубит у них на груди крест, который был знаком
группы. И никто, кто не принадлежал к группе, не мог использовать этот знак,
и если он это сделал, на него должен быть подан в суд; и если он сделал это снова, он должен быть убит.
И если кто-то из членов группы раскрывал секреты, ему, должно быть,
перерезали горло, а затем сожгли тело и развеяли пепел

все вокруг, и его имя вычеркнуто из списка кровью и никогда больше не упоминается бандой, но пусть на него наложат проклятие и забудут навсегда.

Все говорили, что это была действительно красивая клятва, и спрашивали Тома, выдумал ли он ее сам. Он сказал, что кое-что из этого есть, но остальное взято из пиратских книг и разбойничьих книжек, и это было у каждой банды высокого тона.

Некоторые думали, что было бы неплохо убить СЕМЬИ мальчиков, которые выдали секреты. Том сказал, что это хорошая идея, поэтому он взял карандаш и записал это. Затем Бен Роджерс говорит:

“Вот Гек Финн, у него нет семьи; что ты собираешься делать с ним?”

“Ну, разве у него нет отца?” - спрашивает Том Сойер.

“Да, у него есть отец, но в наши дни его никогда не найдешь. Он раньше валялся пьяный со свиньями на кожевенном заводе, но в этих краях его не видели уже год или больше.

Они обсудили это и собирались исключить меня, потому что они сказали, что у каждого мальчика должна быть семья или кто-то, кого можно убить, иначе это было бы несправедливо по отношению к остальным. Что ж, никто не мог придумать, что можно сделать — все были сбиты с толку и сидели неподвижно. Я была почти готова расплакаться, но вдруг придумала выход и предложила им мисс Ватсон — они могли бы убить ее. Все говорили:

“О, она подойдет. Все в порядке. Гек может войти ”.

Затем они все воткнули себе в пальцы булавку, чтобы взять кровь для подписи, и я поставил свою отметку на бумаге.

“Итак, - говорит Бен Роджерс, - чем занимается эта Банда?”

“Ничего, только грабежи и убийства”, - сказал Том.

“Но кого мы собираемся грабить? — дома, или скот, или...”

“Барахло! кража скота и подобные вещи - это не грабеж; это кража со взломом”, говорит Том Сойер. “Мы не грабители. Это не в стиле. Мы разбойники с большой дороги. Мы останавливаем дилижансы и экипажи на дороге в масках, убиваем людей и забираем их часы и деньги”.

“Мы всегда должны убивать людей?”

“О, конечно. Так будет лучше всего. Некоторые власти думают иначе, но в основном считается, что лучше всего их убить — за исключением тех, кого вы приводите в пещеру сюда и держите там, пока за них не потребуют выкуп.

“ Выкупили? Что это?”

“Я не знаю. Но это то, что они делают. Я видел это в книгах; так что конечно, это то, что мы должны сделать”.

“Но как мы можем это сделать, если не знаем, что это такое?”

“Почему, вините во всем нас, мы должны это сделать. Разве я не говорил вам, что это есть в книгах? Ты хочешь начать действовать не так, как написано в книгах, и все перепутать?”

“О, все это очень хорошо СКАЗАНО, Том Сойер, но каким образом, во имя всей нации, эти ребята будут выкуплены, если мы не знаем, как это сделать с ними? — это то, до чего я хочу добраться. Итак, что, по-твоему, это такое?”

“Ну, я не знаю. Но, возможно, если мы оставим их у себя до тех пор, пока за них не будет выкупа, это означает, что мы будем держать их до тех пор, пока они не умрут ”.

“Вот, это что-то ВРОДЕ. Это ответ. Почему ты не мог сказать это раньше? Мы будем держать их до тех пор, пока за них не заплатят выкуп до смерти; и они тоже будут надоедливыми людьми — пожирают все подряд и всегда пытаются вырваться на свободу”.

“ Как ты говоришь, Бен Роджерс. Как они могут освободиться, когда над ними охрана, готовая пристрелить их, если они сдвинут колышек?”

“ Охранник! Что ж, это хорошо. Значит, кто-то должен дежурить всю ночь и никогда не спать, просто чтобы присматривать за ними. Я думаю, что это глупость. Почему человек не может забрать дубинку и потребовать за нее выкуп, как только они доберутся сюда?”

“ Потому что этого нет в книгах, так что ... вот почему. Итак, Бен Роджерс, ты хочешь заниматься обычными делами или нет?— в этом вся идея. Разве ты не считаешь, что люди, создавшие книги, знают, как правильно поступать? Как ты думаешь, ты можешь научить их чему-нибудь? Не по хорошей сделке. Нет, сэр, мы просто продолжим и потребуем за них выкуп обычным способом ”.

“Хорошо. Я не возражаю; но я все равно говорю, что это глупый способ. Скажи, мы тоже убиваем женщин?

“Ну, Бен Роджерс, если бы я был таким же невеждой, как ты, я бы не подал виду. Убивать женщин? Нет; никто никогда не видел в книгах ничего подобного. Ты приводишь их в пещеру и всегда вежлив с ними, как с пирожком; и мало-помалу они влюбляются в тебя и больше никогда не хотят возвращаться домой”.

“Что ж, если так, я согласен, но я не придаю этому значения. Очень скоро пещера будет битком набита женщинами, и

люди, ожидающие выкупа, чтобы не осталось места для
грабителей. Но продолжай, мне нечего сказать”.

Маленький Томми Барнс уже спал, и когда его разбудили,
он был напуган, плакал и сказал, что хочет домой, к своей маме, и
больше не хочет быть грабителем.

Поэтому они все смеялись над ним и называли плаксой, и это
разозлило его, и он сказал, что пойдет прямо и расскажет все секреты. Но
Том дал ему пять центов, чтобы он молчал, и сказал, что мы все пойдем домой
и встретимся на следующей неделе, и ограбим кого-нибудь, и убьем несколько человек.

Бен Роджерс сказал, что он не может часто выходить из дома, только по воскресеньям, и поэтому он
хотел начать в следующее воскресенье; но все мальчики сказали, что было бы нехорошо
делать это в воскресенье, и это решило дело. Они согласились собраться вместе
и назначить день, как только смогут, а затем мы выбрали Тома Сойера
первым капитаном, а Джо Харпера вторым капитаном Банды, и так отправились
домой.

Я взобрался на сарай и прокрался в свое окно как раз перед тем, как
забрезжил день. Моя новая одежда была вся в масле и глине, и я
устал как собака.

Глава III

Что ж, утром старая мисс Уотсон устроила мне хорошую взбучку по
поводу моей одежды; но вдову она не отругала, а только оттерла
жир и глину и выглядела такой огорченной, что я подумала, что
вела бы себя прилично, если бы могла. Тогда мисс Уотсон отвела меня в чулан
и помолилась, но из этого ничего не вышло. Она сказала мне молиться каждый день, и
о чем бы я ни попросила, я это получу. Но это было не так. Я попробовал. Однажды я получил
леску, но без крючков. Без крючков от нее не было никакого толку. Я пытался
зацепиться за крючки три или четыре раза, но почему-то у меня ничего не получалось.
Мало-помалу, однажды, я попросил мисс Уотсон попробовать для меня, но она сказала, что я
дурак. Она никогда не говорила мне почему, и я никак не мог этого понять.

Однажды я присел в лесу и долго думал об этом.
Я говорю себе: если человек может получить все, о чем молится, почему бы
дьякону Уинну не вернуть деньги, которые он потерял на свинине? Почему вдова не может
вернуть свою украденную серебряную табакерку? Почему мисс Ватсон не может быть толстой

вверх? Нет, говорю я себе, ничего в этом нет. Я пошел и рассказал об этом
вдове, и она сказала, что то, что тело может получить, помолившись за это,
- это “духовные дары”. Для меня этого было слишком много, но она сказала мне, что
имела в виду — я должен помогать другим людям и делать все, что в моих силах для других
людей, и все время заботиться о них, и никогда не думать о себе.
Как я понял, это относилось в том числе и к мисс Уотсон. Я ушел в лес
и долго прокручивал это в уме, но не мог увидеть в этом никакой
пользы — за исключением других людей; так что в конце концов я решил, что
больше не буду об этом беспокоиться, а просто оставлю все как есть. Иногда
вдова отводила меня в сторону и говорила о Провидении так, что у
кого угодно текли слюнки; но, может быть, на следующий день мисс Уотсон
брала себя в руки и снова все рушила. Я рассудил, что вижу, что есть
два Провидения, и бедняга выдержал бы немалое испытание
Провидением вдовы, но если мисс Уотсон заполучила его туда, то ему уже ничто не
поможет. Я все обдумал и решил, что буду принадлежать
вдове, если он захочет меня, хотя и не мог понять, как ему
тогда будет лучше, чем раньше, учитывая, что я был таким
невежественным, в некотором роде низким и злобным.

Папаша, мы не виделись больше года, и это было
для меня удобно; я больше не хотел его видеть. Раньше он всегда
избивал меня, когда был трезв и мог дотянуться до меня; хотя я
большую часть времени, когда он был рядом, уходил в лес. Ну,
примерно в это же время его нашли утонувшим в реке, примерно в двенадцати милях
от города, так говорили люди. Во всяком случае, они решили, что это был он; сказали, что этот
утонувший был как раз его роста, оборванный и с необычно
длинными волосами, которые были похожи на папоротник; но они ничего не могли разобрать по
лицу, потому что оно пробыло в воде так долго, что совсем не походило на
лицо. Они сказали, что он плавал в воде на спине. Они взяли
его и похоронили на берегу. Но мне было недолго спокойно, потому что
я случайно кое-что вспомнил. Я прекрасно знал, что утонувший
человек плывет не на спине, а лицом вниз. И тогда я понял, что это
был не папа, а женщина, переодетая в мужскую одежду. И мне снова стало
неловко. Я рассудил, что старик со временем объявится снова,
хотя мне и хотелось, чтобы он этого не делал.

Мы играли в грабителей время от времени около месяца, а потом я уволился.
Все мальчики так и сделали. Мы никого не грабили, никого не убивали, а
только притворялись. Раньше мы выскакивали из леса и нападали
на погонщиков свиней и женщин в тележках, везущих садовый хлам на рынок,
но ни разу никого из них не подстрелили. Том Сойер называл свиней “слитками”,
а репу и прочее - “джулери”, и мы ходили в пещеру
и хвалились тем, что мы сделали, и сколько людей мы
убили и пометили. Но я не видел в этом никакой выгоды. Однажды Том послал
мальчика побегать по городу с горящей палкой, которую он назвал лозунгом
(это был знак для Банды собраться вместе), а затем он сказал, что
получил секретные известия от своих шпионов, что на следующий день целая группа испанских
купцов и богатых арабов собирается разбить лагерь в Пещерной Лощине с двумя
сотнями слонов, шестьюстами верблюдами и более чем тысячей
“летних” мулов, все навьючены бриллиантами, и у них нет
только охраны из четырехсот солдат, и поэтому мы будем лежать в засаде.
устроить засаду, как он это называл, убить всех и забрать вещи. Он сказал, что
мы должны почистить наши мечи и ружья и приготовиться. Он никогда не мог пойти
даже за тележкой для сбора репы, но он должен был вычистить все мечи и ружья
для этого, хотя это были всего лишь доски и метлы, и ты мог
чистить их, пока они не сгнили, и тогда они не стоили и горстки
пепла больше, чем были раньше. Я не верил, что мы сможем одолеть
такую толпу испанцев и арабов, но мне хотелось увидеть верблюдов
и слонов, поэтому на следующий день, в субботу, я был под рукой в засаде;
и когда мы получили приказ, мы выбежали из леса и спустились с холма.
Но там не было ни испанцев, ни арабов, ни верблюдов
, ни слонов. Это было не что иное, как пикник воскресной школы, да и то всего
на уроке начальных классов. Мы разорили его и погнались за детьми по
лощине; но нам так и не досталось ничего, кроме пончиков и джема, хотя
Бену Роджерсу досталась тряпичная кукла, а Джо Харперу - сборник гимнов и брошюра;
а потом ворвалась учительница и заставила нас бросить все и вырезать. Я
не видел никаких бриллиантов и сказал об этом Тому Сойеру. Он сказал, что их там все равно было
много; и он сказал, что там тоже были арабы,
слоны и все такое. Я спросил, почему же тогда мы не могли их увидеть? Он сказал, что если бы я
не был таким невежественным, но читал книгу под названием "Дон Кихот", я бы
знал, не спрашивая. Он сказал, что все это было сделано с помощью чар. Он сказал

там были сотни солдат, и слоны, и сокровища, и так
далее, но у нас были враги, которых он называл волшебниками; и они превратили
все это в детскую воскресную школу, просто назло. Я сказал, что все
в порядке; тогда нам оставалось только отправиться за волшебниками. Том
Сойер сказал, что я тупица.

“Ну, - сказал он, - фокусник мог бы призвать множество джиннов, и они
разделали бы тебя как миленького, прежде чем ты успел бы произнести ”Джек Робинсон“.
Они высокие, как дерево, и такие же большие, как церковь”.

“Ну, — говорю, - допустим, у нас есть джинны, которые помогут НАМ - разве мы не можем
тогда разделаться с другой толпой?”

“Как ты собираешься их достать?”

“Я не знаю. Как они их получают?”

“Ну, они натирают старую жестяную лампу или железное кольцо, и тогда джинны
врываются, вокруг гремят гром и молнии,
клубится дым, и все, что им говорят делать, они делают.
Они не задумываются о том, чтобы вырвать с корнем стрелковую башню и
огреть ею по голове директора воскресной школы - или любого
другого человека”.

“Кто заставляет их так рваться?”

"Ну, тот, кто трет лампу или кольцо. Они принадлежат тому, кто
трет лампу или кольцо, и они должны делать все, что он скажет. Если он
прикажет им построить дворец длиной в сорок миль из бриллиантов и
набить его жевательной резинкой, или чем ты там хочешь, и привезти из Китая
дочь императора, чтобы ты женился на ней, они должны это сделать - и они
должны сделать это еще до восхода солнца на следующее утро. И более того: они должны
возить этот дворец в вальсе по всей стране, куда ты захочешь, ты
понимаешь ”.

“Ну, - говорю я, - я думаю, что они просто сборище тупиц, раз сами не следят за
дворцом”, вместо того чтобы вот так дурачить их. И что
более того — если бы я был одним из них, я бы встретил человека в Иерихоне, прежде чем
бросить свой бизнес и прийти к нему, чтобы почистить старую жестяную лампу ”.

“Как ты говоришь, Гек Финн. Да ведь тебе ПРИШЛОСЬ бы кончить, когда он
натирал ее, хочешь ты того или нет.

“Что?! а я высокий, как дерево, и большой, как церковь? Тогда ладно;
я бы пришел, но я уверен, что заставил бы этого человека залезть на самое высокое дерево, которое было в стране”.

“Черт возьми, с тобой бесполезно разговаривать, Гек Финн. Ты, кажется,
почему—то ничего не знаешь - совершенный болван.

Я обдумывал все это в течение двух или трех дней, а потом решил, что
посмотрю, нет ли в этом чего-нибудь особенного. Я взял старую жестяную лампу и железное кольцо, пошел в лес и все терся и терся, пока не вспотел, как
индеец, рассчитывая построить дворец и продать его; но это было бесполезно,
ни один из джиннов не прилетел. И тогда я рассудил, что все это было всего лишь
одной из выдумок Тома Сойера. Я думал, он верит в арабов и
слонов, но что касается меня, то я думаю иначе. Здесь были все признаки
воскресной школы.

Глава IV

ИТАК, прошло три или четыре месяца, и была уже глубокая зима
. Я почти все время ходил в школу и немного умел писать, читать и
по буквам, и мог произнести таблицу умножения до шести раз
семь равно тридцати пяти, и я не думаю, что когда-нибудь смог бы продвинуться дальше, чем
это, если бы мне суждено было жить вечно.
Во всяком случае, я не придаю значения математике.

Сначала я ненавидел школу, но мало-помалу научился это выносить.
Всякий раз, когда я необычайно уставал, я прогуливал уроки, и то, что я прятался
на следующий день, шло мне на пользу и поднимало настроение. Так что чем дольше я ходила в
школу, тем легче мне становилось. Я тоже вроде как привыкла к
манерам вдовы, и они уже не так раздражали меня. Жизнь в доме и
сон в кровати по большей части тяготили меня довольно сильно, но до наступления холодов
я иногда выбирался из дома и спал в лесу, и это
было для меня отдыхом. Мне больше всего нравились старые способы, но я становился таким, что и
новые мне тоже немного нравились. Вдова сказала, что я продвигаюсь медленно, но
уверенно и дела у меня идут вполне удовлетворительно. Она сказала, что не стыдится меня.

Однажды утром за завтраком я случайно перевернул солонку. Я
потянулся за куском так быстро, как только мог, чтобы перекинуть его через левое плечо
и уберечься от невезения, но мисс Уотсон опередила меня, и

вычеркнул меня. Она говорит: “Убери свои руки, Гекльберри; что за
беспорядок ты всегда устраиваешь!” Вдова замолвила за меня словечко,
но это не избавит меня от невезения, я достаточно хорошо это знал
. Я отправился в путь после завтрака, чувствуя беспокойство и дрожь, и
гадая, откуда это на меня свалится и что это будет.
Есть способы уберечься от некоторых видов невезения, но этот был не из
таких; так что я никогда ничего не пытался делать, а просто тащился с подавленным
духом и настороже.

Я спустился в палисадник и перелез через ступеньку там, где вы
проходите через высокий дощатый забор. На
земле лежал слой свежего снега толщиной в дюйм, и я увидел чьи-то следы. Они поднялись из
каменоломни и некоторое время постояли у изгороди, а затем пошли дальше вокруг
садовой ограды. Забавно, что они не вошли, после того как так долго стояли вокруг.
Я не мог разобрать, что это. Почему-то это было очень любопытно. Я собирался
пойти по кругу, но сначала наклонился, чтобы посмотреть на следы. Сначала я ничего не
заметил, но потом заметил. В левом ботинке был крест -
каблук забит большими гвоздями, чтобы отпугивать дьявола.

Через секунду я был уже на ногах и мчался вниз по склону. Время от времени я оглядывался через
плечо, но никого не видел. Я был у судьи
Тэтчера так быстро, как только смог туда добраться. Он сказал:

“ Мальчик мой, ты совсем запыхался. Ты пришел за своим
интересом?

“Нет, сэр”, - говорю я. “А для меня что-нибудь найдется?”

- О, да, вчера вечером поступил полугодовой платеж — более ста пятидесяти
долларов. Для тебя это целое состояние. Вам лучше позволить мне вложить их вместе с
вашими шестью тысячами, потому что, если вы их возьмете, вы их потратите”.

“Нет, сэр, - говорю, - я не хочу их тратить. Мне это вообще не нужно — и
эти шесть тысяч тоже. Я хочу, чтобы ты взял их; я хочу отдать их тебе —
шесть тысяч и все остальное.

Он выглядел удивленным. Казалось, он не мог разобрать, что это. Он говорит:

“Что ты хочешь этим сказать, мой мальчик?

Я говорю: “Пожалуйста, не задавай мне никаких вопросов по этому поводу. Ты возьмешь это
— правда?

Он говорит:

“Ну, я озадачен. Что-то не так?”

“Пожалуйста, возьми это, — говорю я, - и ни о чем не спрашивай меня - тогда мне не не придется лгать”.

Он некоторое время изучал, а потом сказал:

“Ого-о! Кажется, я понимаю. Ты хочешь ПРОДАТЬ мне все свое имущество — не отдавай его. Это правильная идея”.

Затем он написал что-то на бумаге, перечитал и сказал:

“Вот, видишь, здесь написано ‘за вознаграждение’. Это значит, что я купил это у тебя и заплатил тебе за это. Вот тебе доллар. Теперь ты подпиши это”.

Я подписал это и ушел.

У негра мисс Уотсон, Джима, был волосяной шар величиной с твой кулак, который его вынули из четвертого желудка быка, и он использовал его для колдовства. Он сказал, что внутри него был дух, и он знал все. Поэтому я пошел к нему той ночью и сказал, что папа снова был здесь, потому что я нашел его следы на снегу. Что я хотел знать, так это то, что он собирался делать и собирался ли он остаться? Джим достал свой шарик для волос и сказал что-то над ним, а затем поднял его и бросил на пол. Он упал довольно прочно и откатился всего на дюйм. Джим попробовал снова, и потом в другой раз, и это сработало точно так же. Джим опустился на колени, приложил к нему ухо и прислушался. Но это было бесполезно; он сказал, что это не будет говорить. Он сказал, что иногда это не будет говорить без денег. Я сказал ему, что у меня есть старый гладкий фальшивый четвертак, который никуда не годится, потому что медь немного просвечивает сквозь серебро, и это все равно не пройдет, даже если меди не будет видно, потому что он такой гладкий, что кажется жирным, и это будет сказываться на нем каждый раз. (Я решил, что ничего не скажу о долларе, который получил от судьи.) Я сказал, что это довольно плохие деньги, но, может быть, волосяной шарик возьмет их, потому что, может быть, он не заметит разницы. Джим понюхал его, покусал, потер и сказал, что он сделает так, чтобы волосяной шарик решил, что это вкусно. Он сказал, что расколет сырую картофелину по-ирландски, засунет между ними четвертинку и будет держать так всю ночь, и на следующее утро не будет видно латуни, и она больше не будет казаться жирной, и любой в городе съест ее за минуту, не говоря уже о шарике для волос. Что ж, я и раньше знал, что картофель способен на такое, но забыл об этом.

Джим сунул монетку под шарик для волос, присел и снова прислушался
. На этот раз он сказал, что с шариком для волос все в порядке. Он сказал, что это расскажет
всю мою судьбу, если я захочу. Я говорю, продолжай. Итак, волосяной шар поговорил
с Джимом, и Джим рассказал это мне. Он говорит:

“ Твой старый отец даже не знает, что он собирается делать. Иногда
он говорит, что уйдет далеко, а потом говорит, что останется. Путь Де Беса -
быть легким и позволить старику идти своим путем. Вокруг него парят два их ангела
. Один из них белый и блестящий, а другой черный.
Белый заставляет его немного подойти справа, а черный приплывает
и все разрушает. Никто не может сказать, кто из них должен забрать его в де
лас. Но с тобой все в порядке. У тебя в
жизни будут серьезные проблемы и немалая радость. Иногда тебе становится больно, а иногда
тебе становится плохо; но каждый раз тебе снова становится хорошо.
Две их девчонки крутятся вокруг тебя в твоей жизни. Одна из них светлая, а другая
темная. Один богат, а другой по. Ты собираешься выйти замуж за по.
Один за другим становится богатым. Ты хочешь оставаться ”подальше от воды"
столько, сколько тебе заблагорассудится, но не прибегай ни к каким мерам, потому что это в счетах, что
тебя повесят ".

Когда я зажег свечу и поднялся к себе в комнату той ночью, там сидел
папа — сам по себе!

Глава V

Я закрыл дверь, чтобы. Потом я обернулась и увидела его. Раньше я
все время его боялась, он так сильно меня загорел. Я подумала, что мне
страшно сейчас, тоже; но через минуту я понимаю, что ошибался—то есть, после
первого толчка, как вы можете сказать, когда мое дыхание вроде, он так
неожиданно, но сразу после того, как я вижу, я предупреждаю не боится его стоит
bothring об.

Ему было почти пятьдесят, и выглядел он на все это. Его волосы были длинными, спутанными
и сальными, они свисали вниз, и сквозь них было видно, как блестят его глаза,
как будто он был за виноградными лозами. Волосы были полностью черными, без седины; как и его длинные,
спутанные бакенбарды. На его лице не было никакого румянца там, где было видно его лицо
; оно было белым; не таким, как у других людей, но таким белым, от которого
тело тошнит, таким белым, от которого по телу бегут мурашки — белым, как у древесной жабы,

белое рыбье брюхо. Что касается его одежды — просто лохмотья, вот и все. Одна
лодыжка у него покоилась на другом колене; ботинок на этой ноге был разорван, и два
пальца торчали наружу, и он время от времени ими шевелил. Его шляпа
валялась на полу — старая черная шляпа с загнутым верхом, похожая на крышку.

Я стоял и ... смотрел на него; он сидел и ... смотрел на меня, слегка откинувшись на спинку стула
. Я поставил свечу. Я заметил, что окно было поднято; значит,
он забрался в сарай. Он продолжал оглядывать меня с ног до головы. Мало-помалу
он говорит:

“Накрахмаленная одежда — очень. Ты считаешь себя большим жуком,
НЕ ТАК ли?

“Может, и так, а может, и нет”, - говорю я.

“Не вешай мне лапшу на уши”, - говорит он. - Ты надела
довольно много украшений с тех пор, как меня не было. Я сбавлю тебе обороты
прежде чем покончу с тобой. Говорят, ты тоже образованный — умеешь читать и
писать. Ты думаешь, что ты лучше своего отца, не так ли, потому что он
не может? Я вытяну это из тебя. Кто тебе сказал, что ты можешь заниматься такой
фантастической глупостью, эй?— кто тебе сказал, что ты можешь?”

“Вдова. Она сказала мне”.

“Вдова, слышь?— и кто сказал вдове, что она может соваться в свои
разбираться с вещами, которые ее не касаются?”

“Никто никогда не говорил ей”.

“Хорошо, я научу ее вмешиваться. И смотри сюда — ты бросаешь эту
школу, слышишь? Я научу людей воспитывать мальчика важничать перед
его собственным отцом и делать вид, что он лучше того, кто ОН есть. Если ты позволишь мне поймать
тебя снова на том, что ты дурачишься в школе, слышишь? Твоя мать не умела
читать, и она не умела писать, кроме того, перед смертью. Никто из семьи
не мог перед смертью. Я не могу; и вот ты вот так раздуваешься
. Я не тот человек, который это выдержит — ты слышишь? Слушай, дай мне послушать, как ты
читаешь”.

Я взял книгу и начал читать что-то о генерале Вашингтоне
и войнах. Когда я прочитал примерно полминуты, он
ударил книгу рукой и швырнул ее через весь дом. Он говорит:

“Это так. Ты можешь это сделать. У меня были сомнения, когда ты сказал мне. А теперь
послушай сюда; прекрати это вычурство. Я этого не потерплю. Я позабочусь о тебе,

моя умница, и если я поймаю тебя около этой школы, я тебя хорошенько подпалю. Во-первых, ты знаешь, что тоже получишь религию. Я никогда не видел такого сына”.

Он взял маленькую синюю с желтым картинку, на которой были изображены несколько коров и мальчик, и говорит:

“Что это?”

“Это то, что мне дают за то, что я хорошо усваиваю уроки.

Он разорвал его и говорит:

”Я дам тебе кое—что получше - я дам тебе воловью шкуру“.

Он с минуту посидел там, бормоча и рыча, а потом говорит:

“Правда, ты душистый денди? Кровать; и постельное белье; и зеркало; и кусок ковра на полу - и твой собственный отец спал со свиньями на кожевенном дворе. Я никогда не видел такого сына. Бьюсь об заклад, я сниму с тебя эти оборки, прежде чем покончу с тобой. Твоему важничанью нет конца — говорят, ты богат. Эй?— как тебе это?”

“Они лгут — вот как”.

“Послушай—ка, смотри, как ты со мной разговариваешь; я стою на всем, на что я сейчас способен — так что не наглей. Я пробыл в городе два дня, и я не слышал ничего, кроме того, что ты богат. Я слышал об этом и дальше, вниз по реке. Вот почему я пришел. Ты отдашь мне эти деньги завтра - они мне нужны”.

“У меня нет денег”.

“Это ложь. Это у судьи Тэтчер. Ты получишь это. Я хочу это ”.

“У меня нет денег, говорю тебе. Спросите судью Тэтчера, он скажет вам то же самое”.

“Хорошо. Я спрошу его; и я заставлю его тоже поколотить, или я узнаю причину почему. Скажи, сколько у тебя денег в кармане? Я хочу это”.

“У меня нет только доллара, и я хочу, чтобы это ...”

“Не имеет значения, для чего тебе это нужно — ты просто выкладываешь это вон”.

Он взял его и попробовал, чтобы проверить, вкусно ли оно, а потом сказал, что идет в город за виски; сказал, что весь день ничего не пил. Выбравшись на навес, он снова просунул голову внутрь и обругал меня за то, что я напялил на себя оборки и пытаюсь быть лучше его; а когда я решил, что он ушел, он вернулся, снова просунул голову и велел мне

подумай о той школе, потому что он собирался лечь на меня и облизать
если я не брошу это.

На следующий день он был пьян, пошел к судье Тэтчеру и
запугивал его и пытался заставить отдать деньги; но он
не смог, и тогда он поклялся, что заставит закон заставить его.

Судья и вдова обратились в суд, чтобы добиться, чтобы суд забрал меня
у него и позволил одному из них быть моим опекуном; но это был новый
судья, который только что пришел, и он не знал старика; поэтому он сказал, что
суды не должны вмешиваться и разлучать семьи, если они могут этому помочь; сказал, что
он ни за что не заберет ребенка у его отца. Так что судье Тэтчер и
вдове пришлось бросить это дело.

Это доставляло старику такое удовольствие, что он уже не мог успокоиться. Он сказал, что будет шкурить
меня до посинения, если я не соберу для него немного денег. Я
занял три доллара у судьи Тэтчер, и папа взял их и
напился, и пустился во все тяжкие, и ругался, и улюлюкал, и
неистовствовал; и он разгуливал по всему городу с жестяной сковородкой почти до
полуночи; потом его посадили в тюрьму, а на следующий день он предстал перед судом,
и снова посадили в тюрьму на неделю. Но он сказал, что доволен; сказал, что он
босс своего сына и позаботится о том, чтобы ЕМУ было тепло.

Когда он вышел, новый судья сказал, что собирается сделать из него мужчину
. Поэтому он отвел его к себе домой, и одел чисто и
красиво, и пригласил завтракать, и обедать, и ужинать с семьей,
и был для него, так сказать, просто старым пирогом. А после ужина он заговорил с
ним о воздержании и тому подобных вещах, пока старик не заплакал и не сказал, что
он был дураком и зря потратил свою жизнь; но теперь он собирался
начать все с чистого листа и стать человеком, которого никто не будет стыдиться, и
он надеялся, что судья поможет ему и не будет смотреть на него свысока. Судья
сказал, что может обнять его за эти слова; поэтому он заплакал, и его жена заплакала
снова; папа сказал, что раньше его всегда неправильно понимали
, и судья сказал, что он в это верит. Старик сказал, что
человек, который был подавлен, хотел только сочувствия, и судья сказал, что это так;
поэтому они снова заплакали. И когда пришло время ложиться спать, старик встал,
протянул руку и сказал:

“Взгляните на это, все джентльмены и леди; возьмите это в руки; встряхните это.
Есть рука, которая была рукой свиньи; но это уже не так; это

рука человека, который начал новую жизнь и скорее умрет, чем отправится
назад. Запомни эти слова — не забудь, что я их сказал. Теперь это чистая рука
; пожми ее — не бойся ”.

И они трясли его, один за другим, со всех сторон и плакали.
Жена судьи поцеловала его. Затем старик подписал обязательство—сделал
свою отметку. Судья сказал, что это было самое святое время за всю историю наблюдений, или что-то
в этом роде. Потом они укрыли старика в красивой комнате, которая была
комнатой для гостей, и как-то ночью ему сильно захотелось пить, и он
вылез на крышу веранды, и съехал по подпорке, и обменял свой
новый плащ на кувшин сорокапятицентовика, и снова вылез обратно, и хорошо повеселился
; а к рассвету он снова выполз, пьяный в стельку, и
скатился с веранды, и сломал левую руку в двух местах, и почти
замерз до смерти, когда кто-то нашел его после восхода солнца. И когда они
пришли посмотреть на эту свободную комнату, им пришлось провести зондирование, прежде чем они
смогли в ней ориентироваться.

Судья почувствовал себя немного обиженным. Он сказал, что, по его мнению, тело, возможно, могло бы
перевоспитать старика с помощью дробовика, но другого
способа он не знал.

Глава VI

Что ж, довольно скоро старик снова встал на ноги, и тогда он
обратился в суд к судье Тэтчеру, чтобы заставить его отказаться от этих денег,
и он тоже обратился ко мне за тем, что я не бросил школу. Пару
раз он ловил меня и лупил, но я все равно ходил в школу и большую часть времени уворачивался от
него или убегал от него. Раньше мне не очень хотелось ходить в школу
, но я решила пойти туда сейчас, чтобы досадить папе. Тот судебный процесс был медленным
делом — казалось, что они никогда к нему не приступят; поэтому
время от времени я занимал у судьи два-три доллара для
него, чтобы не получить взбучку. Каждый раз, когда он получал деньги, он
напивался; и каждый раз, когда он напивался, он растил Каина по городу; и
каждый раз, когда он растил Каина, его сажали в тюрьму. Он просто подходил — такие
вещи были как раз по его части.

Он слишком часто околачивался у вдовы, и тогда она сказала ему
наконец, что, если он не перестанет там употреблять, у нее будут неприятности

для него. Ну, РАЗВЕ он не был безумен? Он сказал, что покажет, кто был боссом Гека Финна. Итак, однажды весной он подкараулил меня, поймал меня и повез вверх по реке примерно на три мили в лодке, а затем переправился на берег Иллинойса, где было лесисто и не было никаких домов, кроме старой бревенчатой хижины в месте, где лес был таким толстым, что вы не могли найти его, если не знали, где он находится.

Он все время держал меня при себе, и у меня так и не было возможности сбежать. Мы жили в той старой хижине, и он всегда запирал дверь и клал ключ под голову по ночам. У него было ружье, которое он, по-моему, украл, и мы ловили рыбу и охотились, и это было то, на что мы жили. Время от времени он запирал меня и ходил в магазин, расположенный в трех милях от парома, и менял рыбу и дичь на виски, и приносил его домой, и напивался, и хорошо проводил время, и облизывал меня. Вдова, она узнала, где я был, мало—помалу, и она послала человека попытаться добраться до меня; но папа отогнал его ружьем, и вскоре после этого я привык к тому, что я был там, где был, и мне это нравилось - все, кроме воловьей кожи.

Это было что-то вроде лени и веселья: весь день с комфортом отдыхать, курить и ловить рыбу, и никаких книг или учебы. Прошло два месяца или больше, и моя одежда превратилась в сплошные лохмотья и грязь, и я не понимала, как мне вообще могло так понравиться во вдовьем доме, где тебе приходилось мыться, есть с тарелки, и причесываться, и ложиться спать, и регулярно вставать, и вечно утруждаться над книгой, и старая мисс Уотсон все время тебя клюет. Я больше не хотел возвращаться. Я перестал ругаться, потому что вдове это не понравилось; но теперь я снова взялся за это, потому что у папы не было никаких возражений. Там, в лесу, были довольно хорошие времена, обойди все это стороной.

Но мало-помалу папа стал слишком умело обращаться со своими засосами, и я не мог этого выносить. Я был весь в рубцах. Он тоже стал часто уезжать и запирать меня. Однажды он запер меня и отсутствовал три дня. Это было ужасно одиноко. Я решил, что он утонул, и я больше никогда не смогу выбраться. Я был напуган. Я решил, что найду какой-нибудь способ выбраться оттуда. Я много раз пытался выбраться из той хижины, но не мог найти никакого способа. В нем не было окна, достаточно большого, чтобы собака могла пролезть. Я не мог подняться по трубе, она была слишком узкой. Дверь была сделана из толстых массивных дубовых плит. Папа был очень осторожен, чтобы не оставить

нож или что-нибудь еще было в хижине, когда его не было; я думаю, что обыскивал
это место не меньше сотни раз; ну, я почти все время
занимался этим, потому что это был чуть ли не единственный способ скоротать время. Но на этот раз я
наконец-то кое-что нашел; я нашел старую ржавую пилу по дереву без
ручки; она была просунута между стропилами и вагонкой крыши. Я
смазал его и приступил к работе. В дальнем конце хижины, за столом, к бревнам была прибита старая попона, чтобы
ветер не задувал в щели и не гасил свечу. Я залез
под стол, приподнял одеяло и принялся распиливать секцию
большого нижнего бревна — достаточно большого, чтобы я мог пройти. Что ж, это была
хорошая долгая работа, но я уже подходил к концу, когда услышал
выстрел папаши в лесу. Я избавился от следов своей работы, сбросил
одеяло и спрятал пилу, и довольно скоро пришел папа.

Папа был не в лучшем настроении — так что он был самим собой. Он сказал, что
был в центре города, и все шло наперекосяк. Его адвокат сказал, что он
рассчитывал выиграть свой иск и получить деньги, если они когда-нибудь
начнут судебный процесс; но тогда были способы отложить это надолго, и
судья Тэтчер знала, как это сделать. И он сказал, что люди допускали, что
будет еще один судебный процесс, чтобы забрать меня у него и отдать вдове в качестве
моего опекуна, и они предположили, что на этот раз он выиграет. Это
сильно потрясло меня, потому что я больше не хотела возвращаться к вдове
и быть такой стесненной и цивилизованной, как они это называли. Тогда старик
перешел к ругани, и проклинал все и всех, что приходило ему в голову,
а затем проклинал их всех снова, чтобы убедиться, что он ничего не пропустил,
и после этого он закончил чем-то вроде общей ругани со всех сторон,
включая значительную группу людей,
имен которых он не знал, и поэтому называл их как-там-их-там, когда добирался до них, и
продолжал свою ругань.

Он сказал, что хотел бы посмотреть, как вдова заберет меня. Он сказал, что будет
осторожен, и если они попытаются натравить на него какую-нибудь подобную дичь, он знал
место в шести или семи милях отсюда, где они могли бы спрятать меня, где они могли бы охотиться до тех пор,
пока не свалятся и не смогут меня найти. Это снова заставило меня почувствовать себя неловко
, но только на минуту; я решил, что не останусь под рукой, пока у него
не появится такая возможность.

Старик заставил меня сходить к лодке и принести вещи, которые у него были. Там был пятидесятифунтовый мешок кукурузной муки, кусок бекона, боеприпасы, четырехгаллоновый кувшин виски, старая книга и две газеты для ваты, а также немного пакли. Я собрал поклажу, вернулся назад и присел на нос лодки отдохнуть. Я все обдумал, и решил, что, когда убегу, возьму ружье и несколько веревок и отправлюсь в лес. Я решил, что не буду оставаться на одном месте, а просто побрею через всю страну, в основном по ночам, буду охотиться и ловить рыбу, чтобы выжить, и заберусь так далеко, что ни старик, ни вдова больше никогда не смогут меня найти. Я рассудил, что выпилюсь и уйду в ту же ночь, если папа достаточно напьется, и я рассчитывал, что он так и сделает. Я так увлекся этим, что не заметил, как долго пробыл здесь, пока старик не закричал и не спросил меня, сплю я или утонул.

Я занес все вещи в хижину, а потом уже почти стемнело. Пока я готовил ужин, старик сделал глоток-другой, вроде как согрелся и снова принялся за риппинг. Он был пьян в городе, и всю ночь пролежал в канаве, и на него было приятно смотреть. Тело подумало бы, что он Адам — он был просто весь в грязи. Всякий раз, когда его алкоголь начинал действовать, он почти всегда обращался к правительству, на этот раз он говорит:

“Назовите это правительством! да вы только посмотрите на это и поймете, на что это похоже. Вот закон а, готовый отобрать у человека сына - собственного сына человека, на воспитание которого у него были все хлопоты, все тревоги и все расходы. Да, как только этот человек наконец вырастил своего сына и был готов приступить к работе, начать что-то делать для НЕГО и дать ему отдохнуть, закон встал на его защиту. И они называют ЭТО правительством! Это еще не все, черт возьми. Закон поддерживает старого судью Тэтчера и помогает ему не допустить меня к моей собственности. Вот что делает закон: Закон берет человека, стоящего шесть тысяч долларов и выше, и запирает его в такую старую хижину-ловушку, как эта, и позволяет ему разгуливать в одежде, которая свинье не идет. Они называют это правительством! Человек не может добиться своих прав при таком правительстве. Иногда у меня возникает сильное желание просто покинуть страну навсегда. Да, и я так им и СКАЗАЛ; я так и сказал старому Тэтчеру ему в лицо. Многие из них слышали меня и могут передать, что я сказал. Я говорю, что за два цента я бы уехал из проклятой страны и никогда больше к ней и близко не подходил.

Это те самые слова. Я говорю, посмотри на мою шляпу — если ты называешь это шляпой, — но крышка поднимается, а все остальное опускается, пока не оказывается ниже моего подбородка, и тогда это вообще не шляпа, а больше похоже на то, что мою голову просунули сквозь кусок печной трубы. Посмотри на это, говорю я, — такую шляпу мог бы носить я — один из самых богатых людей в этом городе, если бы я мог отстаивать свои права.

"О, да, это замечательное правительство, замечательное. Да ты только посмотри сюда. Там был свободный негр из Огайо — мулат, почти такой же белый, как белый человек. На нем была самая белая рубашка, которую вы когда-либо видели, и самая блестящая шляпа; и в этом городе нет ни одного человека, у которого была бы такая же красивая одежда, как у него; и у него были золотые часы с цепочкой и трость с серебряным набалдашником — самый ужасный старый седовласый набоб в штате. И что вы думаете? Они сказали, что он был профессором в колледже, и мог говорить на всех языках, и знал все. И это не главное. Они сказали, что он мог ГОЛОСОВАТЬ, когда был дома. Что ж, это меня успокоило. Думаю я, во что превращается эта страна? Это была лекция, и я как раз собирался пойти и проголосовать, если я просто так предупреждать не слишком пьян, чтобы попасть туда; а когда они сказали мне, что было Государственного в стране, где они пусть этот ниггер голосовать, я нарисовал. Я говорю, что больше никогда не буду голосовать. Это те самые слова, которые я сказал; они все слышали меня; и страна может сгнить из—за меня - я никогда больше не буду голосовать , пока жив. И посмотреть на хладнокровие этого черномазого — да ведь он не А стал бы уступать мне дорогу, если бы я не оттолкнул его с дороги. Я говорю людям, почему этого негра не выставили на аукцион и не продали? — вот что я хочу знать. И что, по-твоему, они сказали? Да ведь они сказали, что его нельзя было продать, пока он не пробудет в штате шесть месяцев, а он еще не пробыл там так долго. Ну вот, это образец. Они называют это правительством, которое не может продать свободного ниггера, пока он не пробудет в штате шесть месяцев. Вот правительство, которое называет себя правительством, и притворяется правительством, и думает, что оно правительство, и все же должно простоять в бездействии целых шесть месяцев, прежде чем оно сможет схватить бродячего, вороватого, инфернального, свободного негра в белой рубашке, и..."

ППА был толкнул, чтобы он не заметил, как его старый передок ноги , принимая его, так что он пошел кубарем над ванной соленой свинины и лаяли обе голени, а остальные его речи было все горячие рода язык—в основном ховаи по самой негр и govment, хотя он дал ванну тоже, все вместе, тут и там. Он прыгал по каюте

сильно, сначала на одной ноге, потом на другой, держась сначала за одну голень,
потом за другую, и, наконец, он
внезапно размахнулся левой ногой и со всего маху ударил по ванне. Но это было неразумно,
потому что из
передней части ботинка вытекла пара пальцев на ногах; так что теперь он поднял вой, от которого волосы на теле
встали дыбом, и упал в грязь, и покатился там, и зажал пальцы ног;
и ругань, которую он произнес тогда, перекрывала все, что он когда-либо делал
раньше. Он сам так сказал потом. Он слышал старого Соуберри
Хагана в свои лучшие дни и сказал, что на него это тоже подействовало; но я думаю, что это
, может быть, было своего рода нагромождением.

После ужина папа взял кувшин и сказал, что у него там достаточно виски
для двух пьяниц и одной белой горячки. Это всегда было его слово. Я
рассудил, что примерно через час он напьется в стельку, и тогда я украду
ключ или выпилюсь сам, то одно, то другое. Он пил и пил, и
мало-помалу повалился на свои одеяла; но удача отвернулась от меня. Он
не заснул крепко, но был встревожен. Он стонал, и
стонал, и еще долго метался туда-сюда. Наконец мне так захотелось спать, что я
не мог держать глаза открытыми изо всех сил, и прежде чем я понял, что я делаю,
я уже крепко спал, а свеча горела.

Я не знаю, как долго я спал, но внезапно раздался
ужасный крик, и я вскочил. Там был папа, выглядевший диким, он скакал
во все стороны и кричал о змеях. Он сказал, что они
ползали по его ногам; а потом он подпрыгивал, кричал и говорил, что
одна из змей укусила его в щеку, но я не видел никаких змей. Он вскочил
и стал бегать кругами по каюте, крича: “Уберите его! уберите его
! он кусает меня за шею!” Я никогда не видела, чтобы у мужчины были такие дикие
глаза. Довольно скоро он совсем выбился из сил и упал, тяжело дыша; затем он
удивительно быстро перекатывался снова и снова, пиная предметы во все стороны, и
бил и хватал воздух руками, и кричал, и говорил, что
им овладели дьяволы. Постепенно он выдохся и некоторое
время лежал неподвижно, постанывая. Потом он лег еще тише и не издал ни звука. Я мог
слышать сов и волков далеко в лесу, и это все еще казалось
ужасным. Он лежал в углу. Мало-помалу он приподнялся
и прислушался, склонив голову набок. Он говорит очень тихо:

“Трамп—трамп—трамп; это мертвые; трамп—трамп—трамп;
они идут за мной; но я не уйду. О, они здесь! не прикасайся
ко мне — не надо! убери руки — они холодные; отпусти. О, оставь беднягу в покое!”

Потом он опустился на четвереньки и уполз, умоляя их оставить
его в покое, завернулся в одеяло и забился под
старый сосновый стол, все еще умоляя; а потом разрыдался. Я могла
слышать его сквозь одеяло.

Мало-помалу он выкатился и вскочил на ноги с диким видом, и
он увидел меня и бросился на меня. Он гонялся за мной по всему дому
со складным ножом, называя меня Ангелом Смерти и говоря, что
убьет меня, и тогда я больше не смогу прийти за ним. Я умоляла, и говорила
ему, что я был всего только я, Гек; а он засмеялся таким визгливым смехом, и ревел,
и ругался, и продолжал преследовать меня. Однажды, когда я резко развернулся и
увернулся от его руки, он схватил меня за куртку между
плечами, и я подумал, что пропал; но я выскользнул из куртки быстро,
как молния, и спас себя. Довольно скоро он совсем выбился из сил,
привалился спиной к двери и сказал, что отдохнет
минутку, а потом убьет меня. Он подложил под себя нож и сказал, что
поспит и наберется сил, а потом посмотрит, кто есть кто.

Так что довольно скоро он задремал. Мало-помалу я раздобыл старый
стул с расщепленным дном, взобрался на него как можно тише, чтобы не шуметь, и опустил
пистолет. Я просунул в него шомпол, чтобы убедиться, что он заряжен,
затем положил его поперек бочонка с репой, указывая на папу, и сел
за ним, чтобы подождать, пока он пошевелится. И как медленно и неподвижно тянулось время
вперед.

Глава VII

“ ВСТАВАЙ! Что у тебя на уме?

Я открыла глаза и огляделась, пытаясь понять, где я
нахожусь. Это было после восхода солнца, и я крепко спала. Папа стоял
надо мной с таким кислым и больным видом. Он говорит:

“Что ты делаешь с этим пистолетом?”

Я решил, что он ничего не знает о том, что делал, поэтому я
говорит:

“Кто-то пытался проникнуть внутрь, и я подстерегал его”.

“Почему ты не вытащил меня?”

“Ну, я пытался, но не смог; я не смог сдвинуть тебя с места”.

“Ну, хорошо. Не стойте там и не болтайте весь день, а прогуляйтесь с вами и посмотрите, есть ли рыба на удочки на завтрак. Я подойду через минуту.

Он отпер дверь, и я вышел на берег реки. Я заметил, что какие-то куски веток и тому подобное плывут вниз, а также россыпь коры; так что я понял, что река начала подниматься. Я подумал, что сейчас у меня были бы отличные времена, если бы я был в городе. Июньский подъем раньше всегда приносил мне удачу; потому что, как только начинается подъем, вниз плывут дрова и куски бревенчатых плотов — иногда по дюжине бревен вместе; так что все, что вам нужно сделать, это поймать их и продать на склады древесины и лесопилку.

Я пошел вверх по берегу, одним глазом высматривая папу, а другим высматривая, что может принести подъем. Ну вот, вдруг появляется каноэ; тоже просто красавица, футов тринадцати-четырнадцати в длину, плывет высоко, как утка. Я оттолкнулся от берега головой вперед, как лягушка, в одежде и во всем остальном, и бросился к каноэ. Я просто ожидал, что там кто-нибудь будет лежать , потому что люди часто так делали, чтобы одурачить других, и когда парень вытаскивал лодку из воды, они поднимались и смеялись над ним. Но на этот раз это было не так. Конечно, это было дрейфующее каноэ, и я забрался в него и выгреб на берег. Думаю, старик обрадуется, когда увидит это — она стоит десять долларов. Но когда я добрался до берега, папы еще не было видно , и когда я загонял ее в маленький ручей, похожий на овраг, весь увитый лианами и ивами, мне пришла в голову другая идея: я решил хорошенько спрятать ее, а потом, "вместо того чтобы убегать в лес, я бы спустился вниз по реке примерно на пятьдесят миль и навсегда разбил лагерь в одном месте, и мне было бы не так тяжело топать пешком".

Это было довольно близко к лачуге, и мне все время казалось, что я слышу, как старик приближается; но я спрятал ее; а потом я вышел и выглянул из-за зарослей ив, и увидел старика, который шел по тропинке немного дальше, как раз целясь из ружья в птицу. Значит, он ничего не видел.

Когда он поладил, я изо всех сил старался придерживаться линии “рысью”. Он злоупотреблял мне немного за то, что так медленно, но я сказал ему, что я упал в реку, и что

это было то, что заставляло меня так тосковать. Я знал, что он увидит, что я мокрый, и тогда начнет задавать вопросы. Мы сняли с удочки пять сомов и пошли домой.

Пока мы ложились спать после завтрака, мы оба были почти измотаны, я подумал, что если бы я мог придумать какой-нибудь способ удержать папу и вдову от попыток преследовать меня, это было бы надежнее, чем полагаться на удачу, чтобы уйти достаточно далеко, прежде чем они меня хватятся; видите ли, всякое может случиться. Ну, какое-то время я не видел никакого выхода, но мало-помалу папа поднялся на минутку, чтобы выпить еще одну бочку воды, и сказал:

- В другой раз, когда сюда придет человек, который будет рыскать поблизости, ты меня выгони, слышишь? Этот человек здесь не для добра. Я бы его пристрелил. В следующий раз буди меня, слышишь?

Потом он упал и снова заснул; но то, что он говорил, навело меня именно на ту идею, которую я искал. Я говорю себе, что могу исправить это сейчас, чтобы никому не пришло в голову преследовать меня.

Около двенадцати часов мы свернули и пошли вверх по берегу. Река поднималась довольно быстро, и на подъеме было много плавника. Мало—помалу показалась часть бревенчатого плота - девять бревен, скрепленных вместе.
Мы вышли на лодке и отбуксировали ее на берег. Потом поужинали.
Любой, кроме папы, подождал бы до конца дня, чтобы поймать побольше материала; но это было не в стиле папы. Девяти бревен было достаточно для одного раза; он должен был ехать прямо в город и продавать. Поэтому он запер меня, сел в лодку и начал буксировать плот примерно в половине четвертого. Я решил, что в ту ночь он не вернется. Я подождал, пока не посчитал, что он хорошо начал; затем я достал свою пилу и снова принялся за это бревно
. Прежде чем он оказался на другом берегу реки, я выбрался из ямы; он и его плот были всего лишь пятнышком на воде вдали.

Я взял мешок с кукурузной мукой и отнес его туда, где было спрятано каноэ, раздвинул лианы и ветки и положил его внутрь; затем я проделал то же самое с куском бекона; затем с кувшином виски. Я забрал весь кофе, и сахар, которые там были, и все боеприпасы; я забрал вату; я забрал ведро и тыквенную тыкву; я забрал ковш и жестяную кружку, и свою старую пилу, и два одеяла, и сковородку, и кофейник. Я взял рыболовные лески, спички и другие вещи — все, что стоило хоть цент. Я убрался

вон из этого места. Мне нужен был топор, но его не было, только тот, что лежал на поленнице дров, и я знал, почему оставлю его. Я достал пистолет, и теперь с этим было покончено.

Я изрядно потрепал землю, выползая из ямы и вытаскивая так много вещей. Поэтому я исправил это, насколько мог, с внешней стороны, посыпав место пылью, которая скрыла гладкость и опилки. Затем я закрепил кусок бревна на прежнем месте и положил два камня под него и один напротив него, чтобы удерживать его там, потому что в этом месте оно было согнуто и не совсем касалось земли. Если бы вы стояли в четырех или пяти футах от него и не знали, что он распилен, вы бы никогда этого не заметили; и кроме того, это была задняя часть хижины, и вряд ли кто-нибудь стал бы там дурачиться.

Перед каноэ была сплошная трава, так что я не оставил следов. Я пошел по ней , чтобы посмотреть. Я стоял на берегу и смотрел на реку. Все в порядке. Поэтому я взял ружье и пошел немного вверх по лесу, и охотился на птиц, когда увидел дикую свинью; свиньи вскоре одичали в этих низинах после того, как они ушли с ферм в прериях. Я застрелил этого парня и отвез его в лагерь.

Я взял топор и выломал дверь. Я победил его и взломал , проделав немалую работу. Я привел свинью и оттащил ее почти к столу, перерезал ему горло топором и уложил его на землю истекать кровью; я говорю "землю", потому что земля была плотно утрамбована, и без досок. Ну, а потом я взял старый мешок и насыпал в него побольше крупных камней — все, что смог перетащить, — и начал со свиньи, и потащил его к двери, и через лес спустился к реке, и бросил туда, и он затонул, скрывшись из виду. Легко было заметить, что что-то волокли по земле. Мне действительно хотелось, чтобы там был Том Сойер; я знал, что он проявит интерес к такого рода бизнесу и добавит причудливых штрихов. Никто не мог бы так раскрепоститься, как Том Сойер, в таких вещах, как это.

Ну, напоследок я вырвал немного своих волос и хорошенько окровавил топор, и прилепил его с обратной стороны, а топор швырнул в угол. Затем я поднял поросенка и прижимал его к груди курткой (чтобы с него не капало), пока не откусил хороший кусок под домом, а затем сбросил его в реку. Теперь я подумал кое о чем другом. Поэтому я пошел и взял пакет с

я достал из каноэ еду и мою старую пилу и отнес их в дом. Я
отнес пакет туда, где он обычно стоял, и проделал пилой дырку на дне
него, потому что там не было ни ножей, ни вилок —папа
готовил все своим складным ножом. Затем я отнес
мешок примерно на сотню ярдов по траве и через ивы
к востоку от дома, к неглубокому озеру шириной в пять миль, полному
камыша — и уток тоже, можно сказать, в сезон. На другой стороне было болото
или ручей, вытекающий из него, который протекал за много миль отсюда, я не
знаю куда, но он не впадал в реку. Еда просеялась и проложила
небольшую дорожку до самого озера. Я уронил туда и папин точильный камень, чтобы
выглядело так, будто это было сделано случайно. Затем я завязал дыру в
мешке с мукой бечевкой, чтобы он больше не протекал, и снова отнес его и свою
пилу к каноэ.

Уже почти стемнело, поэтому я спустил каноэ вниз по реке под
ивами, нависавшими над берегом, и стал ждать восхода луны. Я
привязался к иве, потом перекусил и мало-помалу улегся
в каноэ, чтобы выкурить трубку и обдумать план действий. Я говорю себе, что они
пойдут по следу от этого мешка с камнями к берегу, а потом перетащат
реку за мной. И они пойдут по этой тропинке к озеру и
спустятся к вытекающему из него ручью, чтобы найти грабителей, которые убили
меня и забрали вещи. Они никогда не будут охотиться в реке ни за чем, кроме
моего мертвого тела. Скоро им это надоест, и они больше не будут беспокоиться
обо мне. Ладно, я могу остановиться где захочу. Остров Джексона
достаточно хорош для меня; я довольно хорошо знаю этот остров, и никто никогда
туда не приезжает. И тогда я смогу ездить по вечерам в город, шнырять там
и покупать то, что захочу. Остров Джексона - то самое место.

Я очень устал и первым делом осознал, что заснул. Когда я
проснулся, то с минуту не понимал, где нахожусь. Я сел и немного испуганно огляделся
по сторонам. Потом я вспомнил. Река казалась много и
много миль в поперечнике. Луна была такой яркой, что я мог
сосчитать дрейфующие бревна, которые
скользили по воде, черные и неподвижные, в сотнях ярдов от берега.,,Все было мертво тихо, и, казалось, было поздно, и
ПАХЛО поздно. Вы
понимаете, что я имею в виду — я не знаю слов, чтобы выразить это.

Я сделал хороший отрыв и растяжку и уже собирался отстегнуться и
стартовать, когда услышал вдали над водой какой-то звук. Я послушался. Довольно скоро я

выбрался. Это был тот самый глухой, обычный звук, который издают весла,
работающие в уключинах, когда ночь тихая. Я выглянул из-за
ивовых ветвей и увидел это — ялик, плывущий далеко по воде. Я
не мог сказать, сколько человек было в нем. Он продолжал приближаться, и когда он поравнялся со мной, я увидел, что
в нем был только один человек.
Я думаю, может быть, это
папа, хотя я его и не ожидал. Он проплыл подо мной по
течению, и мало-помалу он выплыл на берег на легкой воде,
и он проплыл так близко, что я мог протянуть руку с пистолетом и дотронуться до него.
Что ж, это, конечно, БЫЛ папа — и к тому же трезвый, судя по тому, как он складывал
весла.Я не стал терять времени. В следующую минуту я уже плыл вниз по течению
мягко, но быстро в тени берега. Я проехал две с половиной мили, а
затем направился на четверть мили или больше к середине
реки, потому что довольно скоро я должен был проезжать мимо паромной пристани, и
люди могли увидеть меня и окликнуть. Я выбрался из-под плавника,
затем лег на дно каноэ и позволил ему плыть. Я лежал там,
хорошо отдохнул и выкурил трубку, глядя в
небо; на нем не было ни облачка. Небо кажется таким глубоким, когда ложишься на
спину в лунном свете; я никогда не знал этого раньше. И как далеко
тело может слышать шум воды в такие ночи! Я слышал, как люди разговаривали на
пристани парома. Я тоже слышал, что они говорили, каждое слово. Один человек
сказал, что сейчас наступают долгие дни и короткие ночи.
Другой сказал, что ЭТО, по его мнению, не из коротких — и
тогда они засмеялись, и он повторил это снова, и они снова засмеялись; потом
они разбудили другого парня и рассказали ему, и засмеялись, но он не
засмеялся; он вырвал что-то бодрое и сказал, чтобы его оставили в покое. Первый
парень сказал, что хотел рассказать это своей старухе — она бы подумала, что это
очень хорошо; но он сказал, что это ничто по сравнению с некоторыми вещами, которые он говорил в
свое время. Я слышал, как один человек сказал, что уже почти три часа, и он надеялся, что
рассвета придется ждать не больше недели. После этого разговор
удалялся все дальше и дальше, и я
больше не мог разобрать слов; но я слышал бормотание, а время от времени и смех, но он
казался далеким.

Теперь я был далеко под паром. Я поднялся, и там был дом Джексона
Остров, примерно в двух с половиной милях вниз по течению, сильно заросший лесом и

стоит посреди реки, большой, темный и солидный, как
пароход без огней. На
носу не было никаких признаков перекладины — теперь все было под водой.

Мне не потребовалось много времени, чтобы добраться туда. Я пронесся мимо головы с головокружительной скоростью, течение было таким быстрым, а затем я попал в мертвую воду и
приземлился на бортик, обращенный к берегу Иллинойса. Я загнал каноэ в глубокую
вмятину на берегу, о которой я знал; мне пришлось раздвинуть ветви ивы, чтобы
забраться внутрь; и когда я закрепил каноэ, никто не мог увидеть его
снаружи.

Я подошел и сел на бревно в конце острова и посмотрел
на большую реку, на черный плавник и вдаль, на город,
в трех милях от нас, где мерцали три или четыре огонька.
Чудовищно большой плот с лесом плыл примерно в миле вверх по течению,
спускаясь вниз, с фонарем посередине. Я смотрел, как оно ползет
вниз, и когда оно было почти поравняно с тем местом, где я стоял, я услышал, как кто-то сказал:
“Кормовые весла, сюда! прижмите ее голову к борту! Я услышал это так же ясно,
как если бы мужчина был рядом со мной.

Небо уже слегка посерело; поэтому я ушел в лес,
и прилег вздремнуть перед завтраком.

Глава VIII

Когда я проснулся, солнце стояло так высоко, что, по моим прикидкам, было уже больше восьми
часов. Я лежал там, на траве, в прохладной тени, думая обо всем,
и чувствуя себя отдохнувшим, немного комфортным и удовлетворенным. Я мог видеть
солнце через одно или два просвета, но в основном вокруг были большие деревья, и
среди них было мрачно. На земле были веснушчатые места,
куда свет просачивался сквозь листья, и веснушчатые места
немного менялись местами, показывая, что там, наверху, дул легкий ветерок.
Пара белок сидела на ветке и очень дружелюбно щебетала надо мной.

Я был очень ленив и чувствовал себя комфортно — не хотел вставать и
готовить завтрак. Ну, я уже снова задремал, когда мне показалось, что я слышу глубокий
звук "бум!” далеко вверх по реке. Я просыпаюсь, опираюсь на локоть
и прислушиваюсь; довольно скоро я слышу это снова. Я вскочил, подошел и
выглянул в дыру в листве и увидел, что над ней стелется клуб дыма

вода поднялась довольно высоко — примерно на уровне парома. И там был
паром, полный людей, плывущих вниз. Теперь я знал, в чем
дело. “Бум!” Я вижу, как из
борта парома вырывается белый дым. Видите ли, они стреляли из пушек над водой, пытаясь вытащить мое
тело наверх.

Я был изрядно голоден, но разводить костер мне не годилось,
потому что они могли увидеть дым. Итак, я сидел там и смотрел на
пушечный дым и слушал грохот. Река там была шириной в милю,
и летним утром она всегда выглядит прелестно, так что я
достаточно хорошо проводил время, наблюдая, как они охотятся за моими останками, если бы у меня только был
перекус. Ну, а потом я случайно подумал, что они всегда кладут
ртуть в буханки хлеба и пускают их по воде, потому что они всегда попадают
прямо к утонувшей туше и там останавливаются. Так что, говорю я, я буду
начеку, и если кто-нибудь из них будет преследовать меня, я устрою им
представление. Я переехал на окраину острова в Иллинойсе, чтобы посмотреть, как мне повезет
, и я не был разочарован. Подали большую двойную буханку, и я
скорее всего, взял ее длинной палкой, но моя нога соскользнула, и она выплыла
дальше. Конечно, я находился там, где течение было ближе всего к
берегу — я знал достаточно для этого. Но мало-помалу наступил еще один
удар, и на этот раз я победил. Я вынул пробку, вытряхнул немного
ртути и вонзил в нее зубы. Это был “хлеб пекаря” — то, что едят
люди высшего сорта; никаких тебе низкопробных кукурузных лепешек.

Я нашел хорошее местечко среди листьев и сел там на бревно,
жуя хлеб и наблюдая за паромщиком, и был очень доволен.
И тут меня осенило. Я говорю: "Теперь, я думаю, вдова, или
священник, или кто-то еще молился, чтобы этот хлеб нашел меня, и вот он
взял и сделал это". Так что нет никаких сомнений, что в этом что—то есть
, то есть что-то есть, когда молятся такие люди, как вдова или
пастор, но у меня это не работает, и я считаю, что это работает не только у
правильных людей.

Я закурил трубку, хорошенько затянулся и продолжал наблюдать.
Паром плыл по течению, и я решил, что у меня будет шанс
увидеть, кто был на борту, когда он появится, потому что он подплывет
близко, туда, где появился хлеб. Когда она довольно прилично приблизилась ко мне
, я затушил трубку и пошел туда, где выудил хлеб,

и лег за бревном на берегу, на небольшом открытом месте. Там, где
бревно раздваивалось, я мог заглянуть внутрь.

Мало-помалу она появилась и подплыла так близко, что они смогли
вытащить доску и выйти на берег. Почти все были на лодке.
Папа, и судья Тэтчер, и Бесси Тэтчер, и Джо Харпер, и Том
Сойер, и его старая тетя Полли, и Сид, и Мэри, и многие другие.
Все говорили об убийстве, но тут вмешался капитан и
сказал:

- А теперь смотри внимательно; течение начинается здесь ближе всего, и, возможно,
его выбросило на берег и он запутался в кустах у
кромки воды. Во всяком случае, я на это надеюсь".

" Я на это и не надеялся. Они все столпились и перегнулись через перила,
почти у меня перед носом, и замерли, наблюдая изо всех сил. Я мог
видеть их превосходно, но они не могли видеть меня. Затем капитан прокричал:

"Отойдите!" - и пушка выстрелила таким грохотом прямо передо мной,
что я оглох от шума и почти ослеп от дыма,
и я решил, что пропал. Если бы у них было несколько пуль, я думаю, они бы
а достали труп, за которым охотились. Что ж, я вижу, что не пострадал, благодаря
богу. Лодка поплыла дальше и скрылась из виду за выступа
острова. Время от времени я слышал грохот, все дальше и дальше
, и мало-помалу, через час, я его больше не слышал. Остров был
длиной в три мили. Я решил, что они добрались до сути и сдаются.
Но это было еще не скоро. Они обогнули подножие острова и
двинулись вверх по каналу со стороны Миссури, двигаясь под парами и время от времени издавая грохот
. Я перешел на ту сторону и стал наблюдать за
ними. Поравнявшись с оконечностью острова, они прекратили стрельбу,
высадились на берег Миссури и отправились домой, в город.

Я знал, что теперь со мной все в порядке. Никто другой не стал бы за мной охотиться
. Я достал свои ловушки из каноэ и разбил себе хороший лагерь в
густом лесу. Я соорудил что-то вроде палатки из своих одеял, чтобы спрятать свои вещи
так, чтобы дождь не мог добраться до них. Я поймал сома и, поторговавшись, распорол
его своей пилой, а к заходу солнца развел походный костер и
поужинал. Затем я натянул леску, чтобы наловить рыбы на завтрак.

Когда стемнело, я сидел у костра, курил и чувствовал себя довольно
довольным; но постепенно мне стало как-то одиноко, и я пошел и

сидел на берегу и слушал, как плещется течение, и считал
звезды, и дрейфующие бревна, и плоты, которые спускаются на воду, а потом лег спать;
нет лучшего способа скоротать время, когда тебе одиноко; ты не можешь
оставаться таким, ты скоро справишься с этим.

И так в течение трех дней и ночей. Никакой разницы — одно и то же.
Но на следующий день я отправился исследовать остров. Я был
хозяином всего этого; все это, так сказать, принадлежало мне, и я хотел знать об
этом все; но главным образом я хотел потратить время. Я нашел много клубники,
спелой и первоклассной; и зеленый летний виноград, и зеленую ежевику; и
зеленая ежевика только начинала показываться. Я рассудил, что все это со временем
пригодится.

Ну, я пошел дурачиться в глухой лес, пока не решил, что уже недалеко
от подножия острова. У меня было с собой ружье, но я ни во что не стрелял;
это было для защиты; думал, что убью какую-нибудь дичь неподалеку от дома. Примерно в
это время я чуть не наступил на приличных размеров змею, и она заскользила
прочь по траве и цветам, а я погнался за ней, пытаясь в нее выстрелить. Я
несся вперед и внезапно наткнулся прямо на пепелище
лагерного костра, который все еще дымился.

Мое сердце подпрыгнуло где-то в легких. Я так и не дождался, чтобы посмотреть
дальше, а расчехлил пистолет и прокрался обратно на цыпочках так
быстро, как только мог. Время от времени я останавливался на секунду среди
густых листьев и прислушивался, но мое дыхание становилось таким тяжелым, что я больше ничего не слышал
. Я прокрался дальше по другому фрагменту, затем снова прислушался; и
так далее, и так далее. Если я вижу пенек, я принимаю его за человека; если я наступаю на палку
и ломаю ее, у меня возникает ощущение, что кто-то разделил один из моих вдохов на
два и у меня получается только половина, да и та короткая.

Когда я добрался до лагеря, я не чувствовал себя очень нахальным, в моем зобу было не так уж много
песка; но я сказал, что сейчас не время валять дурака. Так я
получил все мои ловушки в мое каноэ снова, так как у них из виду, и
я загасил костер и развеяли прах вокруг чтобы выглядеть как старый в прошлом
году в лагере, а потом clumb дерево.

Я думаю, что пробыл на дереве часа два, но я ничего не видел, я
ничего не слышал — мне только КАЗАЛОСЬ, что я слышал и видел не меньше
тысячи вещей. Ну, я не мог оставаться там вечно; так что, наконец, я добрался

упал, но я оставался в густом лесу и все время был начеку. Все, что я
смогла съесть, - это ягоды и то, что осталось от завтрака.

К тому времени, как наступила ночь, я изрядно проголодался. Поэтому, когда стало хорошо
и стемнело, я отплыл от берега еще до восхода луны и поплыл к
берегу Иллинойса - примерно четверть мили. Я пошел в лес и
приготовил ужин, и я уже почти решил, что останусь там на всю
ночь, как вдруг я слышу ШЛЕПАНЬЕ, ШЛЕПАНЬЕ, и
говорю себе: приближаются лошади; а затем я слышу голоса людей. Я как можно быстрее погрузил
все в каноэ, а потом прокрался
через лес, чтобы посмотреть, что удастся выяснить. Я не успел далеко уйти, как
услышал, как мужчина сказал:

“Нам лучше разбить лагерь здесь, если мы сможем найти хорошее место; лошади вот-вот
выбьются из сил. Давай осмотримся”.

Я не стал ждать, а оттолкнулся и легко поплыл прочь. Я пришвартовался на
старом месте и решил, что буду спать в каноэ.

Я почти не спал. Я почему-то не мог думать. И каждый
раз, когда я просыпался, мне казалось, что кто-то держит меня за шею. Так что сон
не пошел мне на пользу. Мало-помалу я говорю себе, что не могу так жить;
Я собираюсь выяснить, кто это со мной здесь, на острове; я
выясню это или лопну. Что ж, я сразу почувствовал себя лучше.

Поэтому я взял весло и отплыл от берега всего на шаг или два, а
затем позволил каноэ опуститься в тень.
Светила луна, и за пределами теней было светло, как днем. Я
продвигался вперед около часа, все было тихо, как камни, и крепко
спало. Что ж, к этому времени я был почти у подножия острова. Начал дуть
легкий прохладный ветерок, и это было все равно что сказать, что
ночь почти закончилась. Я повернул лодку веслом и направил ее
носом к берегу; затем взял ружье и выскользнул на опушку
леса. Я сел там на бревно и выглянул наружу сквозь листву. Я вижу,
луна зашла за горизонт, и темнота начала окутывать реку. Но
через некоторое время я увидел бледную полоску над верхушками деревьев и понял, что этот день
приближается. Поэтому я взял свое ружье и проскользнул туда, где пробежал
через тот костер, останавливаясь каждую минуту или две, чтобы прислушаться. Но мне как-то не
везло; я никак не мог найти нужное место. Но мало-помалу, конечно,
я заметил вдали за деревьями отблеск огня. Я пошел на это,

осторожно и медленно. Мало-помалу я подошел достаточно близко, чтобы посмотреть, и там на земле лежал человек. У меня от этого мурашки по коже. У него на голове было одеяло, и его голова почти горела в огне. Я сидел там, за кустами, примерно в шести футах от него, и не сводил с него глаз. Уже начинал сереть дневной свет. Довольно скоро он ойкнул, потянулся и сбросил одеяло, и это оказался Джим мисс Уотсон! Бьюсь об заклад, я был рад его видеть. Я говорю:

"Привет, Джим!" - и убежал.

Он подскочил и дико уставился на меня. Затем он опускается на колени, складывает руки вместе и говорит:

"Не делай мне больно — не надо! Я никогда не причинял вреда гхосу'. Я всегда любил мертвых людей и делал для них все, что мог. Ты снова отправляйся в реку, куда тебе заблагорассудится, и не делай ничего плохого старине Джиму в "уз авлуз", твой друг.

Что ж, я ненадолго заставляю его понять, что я не мертв. Я всегда был так рад видеть Джима. Сейчас я не чувствую себя одиноким. Я сказал ему, что не боюсь, что ОН расскажет людям, где я был. Я продолжал говорить, но он только сидел там и смотрел на меня; никогда ничего не говорил. Тогда я говорю:

" Уже хорошо светает. Давайте позавтракаем. Разожги свой походный костер хорошо.

- Что толку разводить костер, чтобы жарить клубнику в грузовике? Но у тебя ведь есть ружье, не так ли? День, когда мы найдем что-нибудь получше, чем клубника".

"Клубника и тому подобное", - говорю я. "Это то, на что ты живешь?"

"Ничего другого я не смог достать", - говорит он.

"Как долго ты пробыл на острове, Джим?"

"Я возвращаюсь ночью, когда тебя убивают".

"Что, все это время?"

"Да, действительно".

"И разве у тебя не было ничего, кроме этой дряни, в пищу?"

"Нет, ничего другого".

"Ну, ты, должно быть, ужасно проголодался, не так ли?"

"Думаю, я мог бы съесть лошадь. Думаю, я мог бы. Как долго ты пробудешь на де острове?

- С той ночи, когда меня убили.

“Нет! Почему, на что ты жил? Но у тебя есть пистолет. О, да, у тебя
есть пистолет. Это хорошо. Теперь ты убьешь меня, и я разведу огонь”.

Итак, мы пошли туда, где стояло каноэ, и пока он разводил костер на
поросшем травой открытом месте среди деревьев, я принес муку, бекон и
кофе, кофейник, сковородку, сахар и жестяные кружки, и
негр был изрядно огорчен, потому что решил, что все это было сделано
с помощью колдовства. Я тоже поймал хорошего крупного сома, и Джим почистил его
своим ножом и поджарил.

Когда завтрак был готов, мы разлеглись на траве и съели его
горячим, еще дымящимся. Джим уплетал его изо всех сил, потому что почти умирал с голоду. Затем,
когда мы хорошенько наелись, мы расслабились и стали бездельничать. Мало-помалу
Джим говорит:

- Но послушай-ка, Гек, кого это мы убили в этой лачуге, если это произошло
разве ты не предупреждал?

Тогда я рассказал ему все, и он сказал, что это было умно. Он сказал
Том Сойер не мог придумать лучшего плана, чем тот, что был у меня. Тогда я говорю:

“Как ты здесь оказался, Джим, и как ты сюда попал?”

Он выглядел довольно смущенным и с минуту ничего не говорил. Затем
он говорит:

“Может, мне лучше не говорить”.

“Почему, Джим?”

“Ну, у них свои причины. Но ты бы не донес на меня, если бы я был вынужден тебе рассказать,
правда, Гек?

“Будь я проклят, если бы захотел, Джим”.

“Что ж, я верю тебе, Гек. Я... я убегаю.

”Джим!“

”Но учти, ты сказал, что не скажешь... Ты знаешь, ты сказал, что
не скажешь, Гек.”

“ Ну, я так и сделал. Я сказал, что не буду, и я буду этого придерживаться. Честное ИНДЕЙСКОЕ слово, я
сделаю. Люди назвали бы меня опустившимся аболиционистом и презирали бы за то, что я
молчу, но это ничего не меняет. Я не собираюсь рассказывать,
и я все равно не собираюсь туда возвращаться. Итак, теперь давайте узнаем об этом все”.

“Ну, видите ли, это было по-другому. Старая хозяйка — это мисс Ватсон — она
все время клюет меня и обращается со мной довольно грубо, но она никогда не говорила, что
не продаст меня в Орлеан. Но я заметил, что они были торговцами-ниггерами

в последнее время я часто бываю в таких местах, что мне становится не по себе. Ну, как-то ночью
я приполз к дому довольно поздно, а дом был не совсем чистый, и я услышал, как старая
хозяйка сказала вдове, что хочет продать меня в Орлеан, но она
не хотела, но могла бы выручить за меня восемь сотен долларов, хотя это была
большая куча денег, которую она не смогла "удержать". Вдобавок она пыталась заставить ее
сказать, что она "этого не сделает, но я так и не дождалась ответа’. Говорю вам, я сорвался с места очень
быстро.

- Я спустился с холма, специально, чтобы украсть скифт “долго шел"
сомерсет из города, но там все еще были люди, поэтому я спрятался в
старой полуразрушенной бондарной лавке на берегу, чтобы дождаться, когда все уйдут
восвояси. Ну, я был с ними всю ночь. У них все время кто-нибудь был рядом.
‘Долго, часов в шесть утра, начинают проезжать скифты, но примерно в восемь...
девять каждый скифт, который проходил, был длинным, когда мы говорили о том, как твой отец приехал
в город и сказал, что тебя убили. Здесь полно женщин и
джентльменов, которые едут посмотреть это место. Иногда они подъезжали к
магазину и делали передышку, прежде чем тронуться в путь, так что из разговоров я узнал все
об убийстве. Мне очень жаль, что ты погиб, Гек, но я больше не
мой.

“ Я весь день пролежал под одеялом де шавена. Я проголодался, но я не
боюсь; потому что я знал, что старая миссис с вдовой собираются собираться в
лагерь сразу после завтрака и их не будет весь день, и они знают, что я
отправляюсь со скотом на рассвете, так что они не захотят видеть меня
на месте, и поэтому они не скажут, что скучают по мне, пока не стемнеет вечером.
Остальные слуги не стали бы скучать по мне, если бы они уехали в отпуск
, как только старики разъедутся.

- Ну, когда стемнело, я свернул на ривер-роуд и прошел еще около
двух миль, пока там не оказалось ни одного дома. Я уже придумал свою мину
насчет того, что мне, агвине, делать. Видите ли, если я продолжу пытаться уйти
пешком, собаки выследят меня; если я украду скифт, чтобы перейти границу, они пропустят этот
скифт, понимаете, и они будут знать, о чем я буду говорить с другой стороны,
о том, как взять мой след. Итак, я говорю, что я занимаюсь розыгрышем; это не
ОСТАВЛЯЕТ следа.

“Я вижу свет, приближающийся из-за реки, так что я иду вброд,
толкая перед собой бревно, и проплыл больше половины пути через реку,
забрался в заросли плавника, низко опустив голову, чтобы быть добрее

приходилось все время держаться в лесу.

плыви против течения, скажи де раффу, чтобы шел с нами. Потом я подплыл к ультрафиолетовому излучению на корме
оно подвернулось. На некоторое время стало облачно и совсем темно. Так что я
вскарабкался и лег на доски. Мужчины были все там, в
середине, где был фонарь. Река поднималась, и у нее было хорошее
течение; так что я рассчитывал, что к утру я буду в двадцати пяти милях
вниз по реке, а потом соскользну на рассвете и доплыву до берега, а затем доберусь
до леса на стороне Иллинойса.

“Но мне не повезло. Когда мы "подплыли" к носу
острова, на корму начал выходить человек с фонарем, я увидел, что
ждать бесполезно, поэтому я соскользнул за борт и ударил по острову’. Ну, у меня было предположение, что я
мог бы нанять ’мос’ где угодно, но я не мог — банк был слишком блефовым. Я "уз мос", чтобы
добраться до острова, потому что ’я нашел’ хорошее место. Я отправился в лес,
уверенный, что больше не буду "дурачить раффов", пока они двигают фонарь
вот так. У меня была трубка в затычке от собачьей лапки и несколько спичек в кепке,
но они не промокли, так что со мной все в порядке.

“ И, значит, все это время у тебя не было ни мяса, ни хлеба? Почему
у тебя не было глиняных черепах?”

“Как ты собираешься добраться до меня? Ты не можешь поскользнуться на эм и схватить эм; en
как тело может ударить эм камнем? Как человек мог сделать это
ночью? Ru Я предупредил Гвинн, чтобы она показала меня на берегу днем ”.

“ Ну, это так. Тебе, конечно,
Ты слышал, как они стреляли из пушки?

“О, да. Я знал, что они были рядом с тобой. Я вижу, как эм проходит мимо хи—
наблюдал за эм из кустов”.

Появляются молодые птицы, пролетая ярд или два за раз и
зажигаясь. Джим сказал, что это знак того, что будет дождь. Он сказал, что это знак,
когда молодые цыплята летят таким образом, и поэтому он решил, что это было то же самое,
когда молодые птицы делали это. Я собирался поймать кого-нибудь из них, но
Джим мне не позволил. Он сказал, что это смерть. Он сказал, что однажды его отец сильно
заболел, и кто-то из них поймал птицу, и его старая бабушка сказала, что его
отец умрет, и он умер.

И Джим сказал, что ты не должен считать, что ты собираешься приготовить на
ужин, потому что это принесет несчастье. То же самое, если вы встряхнули
скатерть после захода солнца. И он сказал, что если у человека был улей и этот
человек умер, пчелам нужно сообщить об этом до восхода солнца на следующее утро, или

иначе все пчелы ослабли бы, бросили работу и погибли. Джим сказал, что
пчелы не будут жалить идиотов; но я этому не поверил, потому что сам много раз пробовал
их, и они меня не ужалили.

Я слышал о некоторых из этих вещей раньше, но не обо всех.
Джим знал всевозможные знаки. Он сказал, что знает почти все. Я
сказал, что, по-моему, все приметы предвещают неудачу, и поэтому я спросил
его, нет ли там каких-нибудь знаков удачи. Он говорит:

“ Их очень мало, и от НИХ нет никакой пользы для тела. Для чего ты хочешь
знать, когда придет удача? Хочешь, чтобы она не приходила?” И он сказал:
“Если у тебя волосатые руки и волосатая грудь, это признак того, что ты агвин
хочешь быть богатым. Что ж, от такого знака, как этот, есть какая-то польза, потому что все так далеко впереди.
Видишь ли, может быть, тебе придется долго ждать, чтобы ты мог
отбить охоту и убить себя, если бы ты не знал по знаку, что сможешь
разбогатеть к этому времени ”.

- У тебя волосатые руки и волосатая грудь, Джим?

“ Какой смысл отвечать на этот вопрос? Разве ты не видишь, что у меня есть?”

“Ну, а ты богат?”

“Нет, но я был богат раньше и продолжаю быть богатым снова. Сначала у меня было
пятнадцать долларов, но я отложил их на потом, и меня выгнали”.

“Чем ты спекулировал, Джим?”

“Ну, сначала я занялся акциями”.

“Какими акциями?”

“Ну, живым скотом, ты знаешь. Я вложил десять долларов в корову. Но я
не собираюсь откладывать больше денег в запас. Де трусил и умер у моего
хана”.

“Итак, ты проиграл десять долларов”.

“Нет, я проиграл не все. Я потерял около девяти из них. Я единственный, кто скрывается
стал выше на доллар и десять центов”.

“ У тебя осталось пять долларов и десять центов. У тебя были какие-нибудь предположения
еще?

“Да. Ты знаешь того черномазого с одной ногой, который говорит со старым Мисто
Брэдишем? Ну, он открыл банк и сказал, что любой, кто положит туда доллар
, получит эти ’доллары еще’ в конце года. Ну, все ниггеры вошли
, но у них было немного. Я был единственным, у кого было много. Так что я выстоял
ради миллиона долларов, но я сказал, что если у меня их не будет, я открою банк

мой шеф. Ну, конечно, этот ниггер хочет не пускать меня в бизнес,
потому что он говорит, что у них нет дела даже до двух банков, поэтому он говорит, что я
могу вложить свои пять долларов, если он заплатит мне тридцать пять в конце следующего года.

"Так что я сделал это. Потом я подумал, что сразу вложил бы тридцать пять долларов
чтобы дело двигалось. У них был негр по имени Боб, он украл
деревянную квартиру, но его хозяин об этом не знал; и я откупился от него и сказал
ему взять тридцать пять долларов, когда наступит следующий год; но
той ночью кто-то украл деревянную квартиру, а на следующий день одинокий негр
сказал, что банк лопнул. Так что никто из них не дал нам денег".

"Что ты сделал с десятью центами, Джим?"

"Ну, я бы хотел их потратить, но мне приснился сон, на сон грядущий
я бы дал это ниггеру по имени Балум—Балумова Задница, они зовут его для
краткости; он один из тех болванов, знаете ли. Но они говорят, что ему повезло,
а я вижу, что мне не повезло. Я мечтаю, чтобы Балум вложил десять центов, если
он повысит мне зарплату. Ну, Балум, он прячет деньги, и когда он
был в церкви, он слышал, как проповедник говорил, что тот, кто отдаст деньги
Господу, получит свои деньги обратно сто раз. Так что Балум, которого он
спрятал, отдал десять центов де по и залег на дно, чтобы посмотреть, что из этого
выйдет".

"Ну, и что из этого вышло, Джим?"

"Ничего из этого не вышло. Мне никак не удавалось получить эти деньги
так; как и ему, Балуму, не удавалось'. Я не собираюсь давать взаймы больше денег, пока не
увижу охрану. Проповедник
говорит, что я верну тебе деньги в сто раз больше! Если бы я мог вернуть десять ЦЕНТОВ, я бы назвал это "да" и был бы рад такому
шансу-'Ну, в любом случае, все в порядке, Джим, если ты когда-нибудь снова станешь богатым
.

" Да, но я теперь богат, если посмотреть на это. Я сам хозяин, и у меня ничего нет
восемь сотен долларов. Хотел бы я, чтобы у меня были деньги, я бы "не хотел денег".

Глава IX

Я ХОТЕЛ пойти и посмотреть на место примерно в центре острова,
которое я нашел во время исследования; поэтому мы отправились в путь и вскоре добрались до него,

потому что остров был всего три мили в длину и четверть мили
в ширину.

Это место представляло собой довольно длинный, крутой холм или гряду высотой около сорока футов
. Нам было нелегко добраться до вершины, склоны были такими крутыми, а
кусты такими густыми. Мы топтали и карабкались по ней повсюду, и мало-помалу
нашли хорошую большую пещеру в скале, почти до самой вершины, со стороны
в сторону Иллинойса. Пещера была размером с две или три комнаты, соединенные
вместе, и Джим мог стоять в ней прямо. Внутри было прохладно. Джим
был за то, чтобы сразу поставить там наши ловушки, но я сказал, что мы не хотим
все время лазать туда-сюда.

Джим сказал, что если мы спрячем каноэ в хорошем месте и поставим все ловушки
в пещере, мы сможем броситься туда, если кто-нибудь придет на остров,
и они никогда не найдут нас без собак. И, кроме того, он сказал, что те
маленькие птички сказали, что будет дождь, и хотел ли я, чтобы вещи
промокли?

Итак, мы вернулись, взяли каноэ, подплыли к
пещере и перетащили туда все ловушки. Затем мы отыскали место
поблизости, чтобы спрятать каноэ среди густых ив. Мы сняли с лески несколько
рыбин, снова насадили их и начали готовиться к ужину.

Дверь пещеры была достаточно большой, чтобы вкатить в нее бочку, а с
одной стороны двери пол немного выступал, был ровным и
хорошим местом для разведения костра. Так что мы соорудили его там и приготовили ужин.

Мы расстилаем одеяла внутри вместо ковра и
там ужинаем. Мы сложили все остальные вещи под рукой в задней части пещеры. Довольно
скоро потемнело, загрохотало и посветлело; значит, птицы были
правы насчет этого. Как только начался дождь, он лил со всей яростью, и
я никогда не видел, чтобы так дул ветер. Это была одна из обычных летних гроз.
Становилось так темно, что за окном все казалось иссиня-черным, и чудесно; и
дождь барабанил так сильно, что деревья поодаль
казались тусклыми и похожими на паутину; и тут налетал порыв ветра, который
пригибал деревья и вздымал бледную нижнюю сторону листьев;
а затем следовал настоящий порыв ветра и заставлял
ветви размахивать руками, как будто они были просто дикими; и затем, когда
было самое синее и черное — ФСТ! это было так же ярко, как слава,
и вы могли мельком увидеть верхушки деревьев, уходящие вдаль

вон там, в бурю, на сотни ярдов дальше, чем ты мог видеть раньше; через секунду снова темно, как во грехе, и теперь ты слышишь, как гром раскатывается с ужасным грохотом, а затем с грохотом, ворчанием, кувырком катится вниз по небу к нижней стороне мира, как будто катишь пустые бочки вниз по лестнице — там, где ступени длинные и они часто подпрыгивают, ты знаешь.

“Джим, это мило”, - говорю я. “Я бы не хотел быть нигде, кроме как здесь. Передай мне еще ломоть рыбы и немного горячего кукурузного хлеба.

“Ну, ты бы не был здесь беном, если бы там не было бена для Джима. Ты бы съела бена дауна в лесу без всякого ужина, если бы "мос" не утонул, тоже; да ты бы так и сделала, милая. Цыплята знают, когда собирается дождь, как и птицы в Чили”.

Река все поднималась и поднималась в течение десяти или двенадцати дней, пока, наконец, не вышла из берегов. Глубина воды на острове в низинах и на дне Иллинойса составляла три-четыре фута. На той стороне он был во много миль шириной, но на стороне Миссури это было то же самое старое расстояние в поперечнике — полмили, потому что берег Миссури был просто стеной высоких утесов.

Днем мы плавали на каноэ по всему острову, в густом лесу было очень прохладно и тенисто, даже если снаружи палило солнце. Мы петляли между деревьями, и иногда виноградные лозы свисали так густо, что нам приходилось отступать и идти другим путем. Ну, на каждом старом сломанном дереве можно было увидеть кроликов, змей и тому подобное ; и когда остров был переполнен на день или два, они становились такими ручными из-за того, что были голодны, что вы могли подплыть прямо к ним и дотронуться до них рукой, если бы захотели; но не змеи и черепахи — они соскальзывали в воду. Горный хребет, на котором находилась наша пещера, был полон их. У нас могло бы быть достаточно домашних животных, если бы мы захотели.

Однажды ночью мы поймали небольшую часть плота с пиломатериалами — хорошие сосновые доски. Он был двенадцати футов в ширину и примерно пятнадцати—шестнадцати футов в длину, а верх возвышался над водой на шесть или семь дюймов - твердый, ровный пол. Иногда при дневном свете мы могли видеть проплывающие мимо бревна, но мы не обращали на них внимания ; мы не показывались при дневном свете.

В другую ночь, когда мы были на вершине острова, незадолго до рассвета, с западной стороны показался каркасный дом. Она была двухэтажной и значительно накренилась. Мы выгребли и поднялись на борт

—залезай в окно наверху. Но было еще слишком темно, чтобы что-либо разглядеть, поэтому мы закрепили каноэ и сели в него дожидаться рассвета.

Рассветало еще до того, как мы добрались до подножия острова. Затем мы заглянули в окно. Мы смогли разобрать кровать, и стол, и два старых стула, и еще кучу вещей на полу, и там у стены висела одежда. На полу в дальнем углу лежало что-то, похожее на человека. Итак, Джим говорит:

“Привет, ты!”

Но она не сдвинулась с места. Поэтому я крикнул снова, и тогда Джим сказал:

“Человек не спит — он мертв. Ты стой спокойно — я пойду посмотрю.

Он подошел, наклонился, посмотрел и говорит:

“Это мертвец. Да, действительно; к тому же голый. Он - Бен, убитый выстрелом в спину. Я думаю, он мертв уже два... э-э... три дня. Входи, Гек, но не смотри на его лицо —оно слишком израненное.

Я вообще не смотрел на него. Джим набросил на него какие-то старые тряпки, но ему не нужно было этого делать; я не хотел его видеть. По полу были разбросаны кучи старых засаленных карточек, и старые бутылки из-под виски, и пара масок, сделанных из черной ткани; а по всем стенам были самые невежественные слова и рисунки, сделанные углем. Там были два старых грязных ситцевых платья, шляпка от солнца, несколько женских трусов, висевших на стене, и еще кое-какая мужская одежда. Мы сложили все это в каноэ — оно могло пригодиться. На полу валялась старая мальчишеская соломенная шляпа в крапинку; я взял и ее. И еще там была бутылочка, в которой было молоко, и у нее была тряпичная пробка, чтобы ребенок мог сосать. Мы хотели бы а взять бутылочку, но она была разбита. Там был потрепанный старый сундук, и старый сундучок для волос со сломанными петлями. Они стояли открытыми, но в них не осталось ничего ценного. По тому, как были разбросаны вещи, мы предположили, что люди уезжали в спешке и не были починены так, чтобы унести большую часть своих вещей.

Мы купили старый жестяной фонарь, и мясницкий нож без ручки, и совершенно новый нож Барлоу, который в любом магазине стоит две копейки, и много сальных свечей, и оловянный подсвечник, и тыкву, и жестяную кружку, и старое потрепанное одеяло с кровати, и ридикюль с иголками, и булавки, и пчелиный воск, и пуговицы, и нитки, и все такое прочее, и топорик, и несколько гвоздей, и рыболовную леску толщиной с мой мизинец с небольшим количеством

чудовищные крючки на нем, и рулон оленьей кожи, и кожаный собачий ошейник,
и подкова, и несколько пузырьков с лекарствами, на которых не было этикетки
на них; и как раз перед тем, как мы уходили, я нашел вполне сносную расческу для карри,
а Джим нашел старый скрипичный смычок и деревянную ножку. Ремешки
на нем были оторваны, но, за исключением этого, это была достаточно хорошая нога, хотя она
была слишком длинной для меня и недостаточно длинной для Джима, и мы не смогли найти
другую, хотя обыскали все вокруг.

И так, обойди все вокруг, мы сделали хороший улов. Когда мы были готовы
отчалить, мы находились в четверти мили ниже острова, и был
довольно ясный день; поэтому я велел Джиму лечь в каноэ и укрыться
стеганым одеялом, потому что, если бы он встал, люди могли бы сказать, что он негр, еще на большом
расстоянии. Я доплыл на веслах до берега Иллинойса и проплыл по течению почти
полмили. Я пробрался вверх по мертвой воде под берегом, и не было
никаких происшествий, и я никого не видел. Мы добрались домой целыми и невредимыми.

Глава X

ПОСЛЕ завтрака я хотел поговорить о покойнике и угадать, как
его убили, но Джим не захотел. Он сказал, что это принесет плохую
примету; и, кроме того, он сказал, что он может прийти и преследовать нас; он сказал, что человек,
которого не похоронили, с большей вероятностью будет бродить по округе, чем тот, который
был посажен и удобен. Это звучало довольно разумно, так что я больше ничего не
сказал; но я не мог удержаться от того, чтобы обдумать это и пожалеть, что не
знаю, кто застрелил этого человека и зачем они это сделали.

Мы порылись в одежде, которая у нас была, и нашли восемь долларов серебром,
зашитые в подкладку старого шерстяного пальто. Джим сказал, что, по его мнению,
люди в том доме украли пальто, потому что, если бы они
знали, что там были деньги, они бы их не оставляли. Я сказал, что, по-моему, они убили и его тоже,
но Джим не хотел говорить об этом. Я говорю:

- Теперь ты думаешь, что это плохая примета; но что ты сказал, когда я принес
змеиную шкуру, которую позавчера нашел на вершине хребта?
Ты сказал, что прикасаться к змеиной коже руками - самая большая неудача в мире
. Что ж, вот тебе и неудача! Мы загребли весь этот грузовик
и восемь долларов в придачу. Хотел бы я, чтобы нам так не везло
каждый день, Джим.

“ Не обращай внимания, милая, не обращай внимания. Не будь такой грубой. Это приближается. Имей в виду, я тебе говорю, это скоро произойдет.

Это тоже произошло. У нас был этот разговор во вторник. Так вот, после ужина в пятницу мы валялись в траве на верхнем конце гребня и покончили с табаком. Я пошел в пещеру, чтобы раздобыть немного, и нашел там гремучую змею. Я убил его и свернул калачиком на одеяле Джима, очень естественно, думая, что будет немного весело, когда Джим найдет его там. Ну, а ночью я совсем забыл о змее, и когда Джим бросился на одеяло, пока я зажигал, подруга змеи была там и укусила его.

Он с воплем вскочил, и первое, что увидел свет, был шалун, свернувшийся калачиком и готовый к очередному прыжку. Я в мгновение ока уложил его палкой, а Джим схватил папин кувшин с виски и начал разливать его до дна.

Он был босиком, и змея укусила его прямо в пятку. Это все происходит из-за того, что я такой дурак, что не помню, что где бы ты ни оставил мертвую змею, ее пара всегда приходит туда и обвивается вокруг нее. Джим сказал мне отрубить змее голову и выбросить ее, а затем освежевать тело и поджарить его кусочек. Я сделал это, и он съел это и сказал, что это поможет вылечить его. Он заставил меня снять погремушки и тоже обвязать их вокруг его запястья . Он сказал, что это помогло бы. Затем я тихонько выскользнул и выбросил змей подальше в кусты, потому что я не собирался позволять Джиму узнать, что это все моя вина, если я мог что-то поделать.

Джим все сосал и сосал из кувшина, и время от времени он выходил из себя, метался и кричал; но каждый раз, приходя в себя, он снова принимался сосать из кувшина. Его ступня довольно сильно распухла, и его нога тоже; но мало-помалу пьяный начал приходить в себя, и я решил, что с ним все в порядке; но меня укусила скорее змея, чем папино виски.

Джим пролежал четыре дня и ночи. Потом опухоль полностью прошла, и он снова был в форме. Я решил, что никогда больше не возьму змеиную шкуру своими руками, теперь, когда я вижу, что из этого вышло. Джим сказал, что, по его мнению, в следующий раз я ему поверю. И он сказал, что иметь дело со змеиной кожей - это такая ужасная неудача, что, возможно, мы еще не дошли до конца. Он сказал, что ему легче увидеть новую луну над своим левым плечом тысячу раз, чем взять в руки змеиную шкуру в

его рука. Что ж, я и сам начинал чувствовать то же самое, хотя всегда
считал, что смотреть на новолуние через левое плечо - это одна из
самых беспечных и глупых поступков, которые только может совершить человеческое тело. Старый Хэнк Банкер
однажды сделал это и хвастался этим; и меньше чем через два года он
напился и упал с дробовой вышки, и распластался так, что
был просто, можно сказать, слоем; и они засунули его бочком
между двумя дверями сарая вместо гроба и похоронили его так, так они говорят, но я
этого не видел. Папа рассказал мне. Но в любом случае все это произошло из-за того, что я смотрел на Луну
вот так, как дурак.

Итак, дни шли своим чередом, и река снова вышла из своих
берегов; и едва ли не первое, что мы сделали, это наживили на один из больших
крючков освежеванного кролика, насадили его и поймали сома, который был размером
с человека, длиной шесть футов два дюйма и весом более двухсот
фунтов. Мы, конечно, не смогли бы с ним справиться; он бы вышвырнул нас в
Иллинойс. Мы просто сидели и смотрели, как он рвался и метался, пока не
утонул. Мы нашли у него в животе медную пуговицу, круглый шарик и
много мусора. Мы раскололи шарик топориком, и в нем была
катушка. Джим сказал, что он держал его там уже давно, чтобы покрыть таким образом и
сделать из него шарик. Я думаю, это была самая крупная рыба, которую когда-либо ловили в
Миссисипи. Джим сказал, что никогда не видел рыбы крупнее. В деревне он
стоил бы очень дорого. На тамошнем рынке такую
рыбу продают килограммами; каждый покупает
ее по кусочку; мясо у нее белое, как снег, и хорошо поджаривается.

На следующее утро я сказал, что это становится медленным и скучным занятием, и я хотел бы
как-нибудь расшевелить его. Я сказал, что, пожалуй, переправлюсь через реку и
выясню, что происходит. Джиму понравилась эта идея, но он сказал, что я должен идти
в темноте и смотреть в оба. Затем он внимательно изучил это и сказал, не могу ли я
надеть что-нибудь из этих старых вещей и нарядиться как девушка? Это тоже была хорошая
идея. Итак, мы укоротили одно из ситцевых платьев, и я подвернула
штанины брюк до колен и влезла в него. Джим закрепил его сзади с помощью
крючков, и он пришелся как нельзя кстати. Я надела солнцезащитную шляпку и завязала ее под
подбородком, и тогда для кого-то заглянуть внутрь и увидеть мое лицо было все равно что заглянуть
в стык печной трубы. Джим сказал, что меня вряд ли кто-нибудь узнает, даже
днем. Я практиковался целый день, чтобы получить повесить вещи,
и я мог бы сделать очень хорошо в них, только Джим сказал, что мне не дойти

как девчонка; и он сказал, что я должна перестать задирать платье, чтобы добраться до
кармана брюк. Я обратил на это внимание и сделал лучше.

Я отправился вверх по берегу Иллинойса на каноэ сразу после наступления темноты.

Я направился к городу чуть ниже паромной пристани, и
течение вынесло меня на дно города. Я привязал лодку
и двинулся вдоль берега. В маленькой лачуге, в
которой уже давно никто не жил, горел свет, и мне стало интересно, кто же снял
там квартиру. Я подкрался и заглянул в окно. Там была
женщина лет сорока, которая вязала при свече, стоявшей на
сосновом столе. Я не знал ее в лицо; она была незнакомкой, потому что в этом городе нельзя было
найти лицо, которого я не знал. Теперь это было удачей, потому что
я слабел; я начинал бояться, что пришел; люди могли узнать
мой голос и узнать меня. Но если бы эта женщина пробыла в таком маленьком
городке два дня, она могла бы рассказать мне все, что я хотел знать; поэтому я постучал в
дверь и решил, что не забуду, что я девушка.

Глава XI

“ВОЙДИТЕ”, - сказала женщина, и я вошел. Она говорит: “Подбодрись”.

Я сделал это. Она оглядела меня с ног до головы своими маленькими блестящими глазками и говорит:

“Как бы тебя звали?”

“Сара Уильямс”.

“Где ты живешь?" В этом районе?"

“Нет". В Хукервилле, семью милями ниже. Я прошел весь путь пешком
и я очень устал”.

“ Я, наверное, тоже проголодался. Я тебе что-нибудь найду.

“ Нет, я не голоден. Я был так голоден, что мне пришлось остановиться двумя милями ниже
здесь, на ферме; так что я больше не голоден. Из-за этого я так опаздываю. Моя
мать слегла, у нее закончились деньги и все такое, и я прихожу сказать
моему дяде Эбнеру Муру. Она говорит, что он живет на верхнем конце города. Я
никогда раньше здесь не был. Ты его знаешь?”

“ Нет, но я еще не со всеми знаком. Я не прожил здесь и двух
недель. Это довольно далеко от верхнего конца города. Тебе лучше
остаться здесь на всю ночь. Сними шляпку.

“Нет, ” говорю я. “ Думаю, я немного отдохну и пойду дальше. Я не боюсь темноты”.

Она сказала, что не отпустит меня одну, но ее муж скоро вернется, может быть, через полтора часа, и она отправит его со мной. Потом она заговорила о своем муже, и о своих родственниках выше по реке, и о своих родственниках ниже по реке, и о том, насколько раньше им жилось намного лучше, и как они не знали, но они совершили ошибку, приехав в наш город, вместо того, чтобы оставить нас в покое — и и так далее, и тому подобное, пока я не испугался, что совершил ошибку, придя к ней, чтобы узнать, что происходит в городе; но мало-помалу она перешла к папе и убийству, и тогда я был готов позволить ей болтать без умолку дальше. Она рассказала о том, как мы с Томом Сойером нашли шесть тысяч долларов (только она получила десять), и все о папе, и о том, каким тяжелым жребием он был, и о том, каким тяжелым жребием я был, и, наконец, она добралась до того места, где меня убили. Я говорю:

“Кто это сделал? Мы много слышали об этих событиях в Хукервилле, но мы не знаем, кто убил Гека Финна.

“Ну, я полагаю, что здесь есть очень большая вероятность, что есть люди, которые хотели бы знать, кто его убил. Некоторые думают, что старина Финн сделал это сам”.

“Нет, это правда?”

“Сначала почти все так думали. Он никогда не узнает, насколько близок к тому, чтобы его чтобы его линчевали. Но перед наступлением ночи они переоделись и решили, что это сделал беглый негр по имени Джим.

— Почему ОН... -

Я остановился. Я решил, что мне лучше оставаться на месте. Она побежала дальше и так и не вообще заметила, что я вставил:

“ Негр сбежал в ту самую ночь, когда был убит Гек Финн. Итак, за него назначена награда — триста долларов. И за старину Финна тоже назначена награда — двести долларов. Видите ли, он приехал в город на утро после убийства и рассказал об этом, и был с ними на охоте на пароме, и сразу после того, как встал и уехал. Перед наступлением ночи они хотели линчевать его, но, как видите, он исчез. Так вот, на следующий день они обнаружили, что негр исчез; они узнали, что его не видели до десяти часов вечера, когда было совершено убийство. И тогда они повесили это на него,

видите ли, и пока они были сыты этим по горло, на следующий день вернулся старина Финн и отправился с визгом к судье Тэтчеру, чтобы раздобыть денег на охоту за ниггером по всему Иллинойсу. Судья дал ему немного, и в тот вечер он напился и просидел до полуночи с парой очень суровых на вид незнакомцев, а потом ушел с ними. Что ж, он не вернется обратно, и они не будут искать его, пока все немного не уляжется , потому что теперь люди думают, что он убил своего сына и устроил все так, что люди подумают, что это сделали грабители, и тогда он получит деньги Гека, не утруждая себя долгим судебным процессом. Люди говорят, что он не слишком хорош для этого. О, я думаю, он хитрый. Если он не вернется в течение года, с ним все будет в порядке. Ты знаешь, ты ничего не сможешь против него доказать; тогда все уляжется, и он получит деньги Гека так же легко, как и ничего".

"Да, я так думаю, м. Я не вижу ничего особенного в этом. Все перестали думать, что это сделал ниггер?"

"О, нет, не все. Очень многие думают, что это сделал он. Но они довольно скоро схватят ниггера, и, может быть, им удастся напугать его ".

- А что, они все еще охотятся за ним?

- Ну, ты же невиновен, не так ли? Триста долларов валяются Каждый день, чтобы люди могли их забрать? Некоторые думают, что ниггер не далеко отсюда. Я один из них, но я никому об этом не говорил. Несколько дней назад я разговаривал с пожилой парой, которая живет по соседству в бревенчатой лачуге, и они случайно сказали, что почти никто никогда не ездит на тот остров, вон тот, который они называют Остров Джексона. Там что, никто не живет? говорю я. Нет, никто, говорят они. Я больше ничего не сказал, но кое о чем подумал. Я был почти уверен, что видел дым вон там, в оконечности острова, за день или два до этого, поэтому я сказал себе, что, как бы там ни было, не тот ниггер прячется вон там; в любом случае, говорю я, стоит потрудиться, чтобы устроить там охоту. Я не видела никакого запаха дыма, так что думаю, может быть, он ушел, если это был он; но муж идет посмотреть — он и еще один мужчина. Он ушел вверх по реке, но сегодня вернулся, и я сказал ему об этом, как только он добрался сюда два часа назад.

Мне стало так не по себе, что я не мог усидеть на месте. Мне нужно было что-то сделать со своими руками; поэтому я взяла со стола иголку и принялась вдевать в нее нитку. У меня дрожали руки, и я плохо справлялся с этим. Когда женщина остановилась

разговаривая, я поднял глаза, и она смотрела на меня довольно любопытно и слегка улыбалась
. Я отложил иголку с ниткой, изобразил заинтересованность —
и я тоже заинтересовался — и сказал:

“Триста долларов - это сила денег. Я бы хотел, чтобы моя мать могла
получить их. Ваш муж собирается туда сегодня вечером?

“О, да. Он отправился в город с человеком, о котором я вам рассказывал, чтобы раздобыть лодку и посмотреть, не смогут ли они одолжить еще одно ружье. Они отправятся туда после полуночи.

- Неужели они не могли видеть лучше, если бы подождали до рассвета?

“ Да. И негр тоже не мог видеть лучше? После полуночи он
, скорее всего, уснет, и они смогут проскользнуть через лес и разыскать
его костер, чтобы было удобнее в темноте, если он у него есть.

“Я об этом не подумала”.

Женщина продолжала смотреть на меня с любопытством, и я не чувствовала себя ни капельки комфортно. Довольно скоро она говорит: ”

“Как, ты сказала, тебя зовут, милая?”

“М—Мэри Уильямс”.

Мне почему-то не показалось, что я раньше называл это Мэри, поэтому я
не поднял глаз — мне показалось, что я сказал, что это Сара; так что я почувствовал себя как бы загнанным в угол и испугался, что, возможно, я тоже так выгляжу. Мне хотелось, чтобы
женщина сказала что-нибудь еще; чем дольше она молчала, тем тревожнее мне
было. Но теперь она говорит:

“Милая, мне показалось, ты сказала, что это Сара, когда вошла в первый раз?”

“О, да, я сказала. Сара Мэри Уильямс. Сара - мое первое имя.
Кто-то называет меня Сарой, кто-то Мэри.

“О, вот в чем дело?”

“Да”.

Тогда я чувствовал себя лучше, но мне все равно хотелось убраться оттуда. Я
пока не мог поднять глаз.

Ну, женщина принялась рассказывать о том, какие были тяжелые времена, и как
бедно им приходилось жить, и что крысы были так свободны, как будто они владели этим
местом, и так далее, и тому подобное, и тогда мне снова стало легко. Она была права
насчет крыс. Время от времени можно было увидеть, как одна из них высовывает нос из норы в углу
. Она сказала, что ей нужно иметь под рукой что-нибудь, чтобы бросать в них
когда она одна, иначе они не будут давать ей покоя. Она показала мне

свинцовый брусок скрутился в узел, и сказала, что она хорошо им стреляет
в целом, но день или два назад вывихнула руку и не знает,
сможет ли теперь метко метнуть. Но она дождалась удобного случая и
сразу же замахнулась на крысу; но промахнулась мимо нее и сказала “Ой!”
ей так больно было в руке. Затем она сказала мне попробовать в следующий раз. Я хотел
убраться отсюда до возвращения старика, но, конечно, не подал виду. Я
поймал эту штуку, и первой крысе, которая показала свой нос, я позволил уехать, и если бы она
а осталась там, где была, то это была бы вполне сносная больная крыса. Она сказала, что это было
первоклассно, и она рассчитывала, что я получу следующий улей. Она пошла за
куском свинца и принесла его обратно, а также принесла моток пряжи,
с которым она хотела, чтобы я ей помог. Я поднял обе руки, и она
накрыла их мотком и продолжила рассказывать о своих
делах с мужем. Но она прервалась, чтобы сказать:

“ Не спускай глаз с крыс. Тебе лучше держать поводок на коленях,
под рукой ”.

И как раз в этот момент она уронила комок мне на колени, и я
поджал к нему ноги, а она продолжала говорить. Но только около
минуты. Потом она сняла платок, посмотрела мне прямо в лицо,
и очень мило, и сказала:

“Ну же, как тебя на самом деле зовут?”

“Ч—что, мам?”

“Как тебя на самом деле зовут?" Это Билл, или Том, или Боб? — или кто там еще?”

По-моему, я дрожал как осиновый лист и почти не знал, что делать. Но
Я говорю:

“ Пожалуйста, не смейся над такой бедной девочкой, как я, мама. Если я буду мешать
здесь, я...

“ Нет, ты не сделаешь этого. Сядь и оставайся там, где стоишь. Я не собираюсь
причинять тебе боль, и я не собираюсь доносить на тебя, придурок. Ты просто расскажи мне свой
секрет и доверься мне. Я сохраню его; и, более того, я помогу тебе. Мой
старик тоже, если ты этого захочешь. Видишь ли, ты сбежавший подмастерье, вот
и все. Это ничего не значит. В этом нет ничего плохого. С тобой плохо обращались,
и ты решила порезаться. Благослови тебя Господь, дитя, я бы не донес на
тебя. Расскажи мне все об этом сейчас же, будь хорошим мальчиком.

Поэтому я сказал, что нет смысла продолжать играть в это, и я
просто начистоту все ей расскажу, но она не должна уходить

вернулась к своему обещанию. Тогда я сказал ей, что мои отец и мать умерли, и
закон отдал меня под опеку злого старого фермера в деревне в тридцати милях
от реки, и он обращался со мной так плохо, что я больше не мог этого выносить
; он уехал на пару дней, и я воспользовался
шансом и украл кое-что из старой одежды его дочери и смылся, и я
три ночи шел за тридцать миль. Я путешествовал ночами, а днем прятался
и спал, и мешка с хлебом и мясом, который я прихватил из дома,
мне хватило на всю дорогу, и у меня их было вдоволь. Я сказал, что верю, что мой дядя
Абнер Мур позаботится обо мне, и именно поэтому я отправился в
этот город Гошен.

“ Гошен, детка? Это не Гошен. Это Санкт-Петербург. Гошен
в десяти милях выше по реке. Кто тебе сказал, что это Гошен?

- Ну, человек, которого я встретила сегодня утром на рассвете, как раз когда собиралась
свернуть в лес, чтобы как обычно поспать. Он сказал мне, что, когда дороги
разветвляются, я должен выбрать правую руку, и пять миль приведут меня в
Гесем.

“ Я думаю, он был пьян. Он сказал тебе совершенно неправду.

“Ну, он действительно вел себя так, как будто был пьян, но сейчас это не имеет значения. Мне нужно
выдвигаться. Я приведу Гошена до рассвета.

“ Подожди минутку. Я приготовлю тебе что-нибудь перекусить. Возможно, тебе захочется
этого”.

Поэтому она приготовила мне закуску и говорит:

“Скажи, когда корова ложится, какой конец у нее встает первым?
Ответьте на подсказку сейчас — не останавливайтесь, чтобы изучить ее. Какой конец встает
первым?”

“Задний конец, мам”.

“Ну, тогда лошадь?”

“Передний конец, мам”.

“С какой стороны дерева растет мох?”

“С северной стороны”.

“Если на склоне холма пасутся пятнадцать коров, сколько из них ест
когда их головы были направлены в одну сторону?

“Все пятнадцать, мама”.

“Ну, я думаю, ты жила в деревне. Я подумал, может быть,
ты снова пытаешься меня заинтересовать. Как теперь твое настоящее имя?

“Джордж Питерс, мам”.

“Ну, постарайся запомнить это, Джордж. Не забудь и скажи мне, что это Элександр, прежде чем ты уйдешь, а потом выходи, сказав, что это Джордж Элександр, когда я тебя поймаю. И не ходи по женщинам в этом старом ситцевом. Ты делаешь девушку сносно бедной, но, возможно, сможешь одурачить мужчин. Благослови тебя господь, дитя, когда ты собираешься вдеть нитку в иголку, не держи нитку неподвижно и не подноси к ней иглу; держи иглу неподвижно и протыкай ее ниткой; почти всегда так поступает женщина, но мужчина всегда поступает по-другому. И когда вы бросаетесь на крысу или что-нибудь еще, приподнимитесь на цыпочки и как можно неловче поднимите руку над головой , промахнувшись мимо своей крысы примерно на шесть-семь футов. Бросок с выпрямленной рукой от плеча, как будто там была опора для поворота, как у девочки; не от запястья и локтя, с вытянутой рукой в сторону, как у мальчика. И, имейте в виду, когда девушка пытается поймать что-нибудь у себя на коленях, она разводит колени в стороны; она не хлопает ими друг о друга, как вы делали, когда ловили кусок свинца. Да ведь я принял тебя за мальчика, когда ты вдевал нитку в иголку; и я придумал все остальное, просто чтобы быть уверенным. А теперь беги к своему дяде, Саре Мэри Уильямс Джорджу Александру Питерсу, и если ты попадешь в беду, сообщи миссис Джудит Лофтус, то есть мне, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы вытащить тебя из нее. Всю дорогу держитесь речной дороги, и в следующий раз, когда пойдете бродяжничать, возьмите с собой обувь и носки. Дорога к реке каменистая, и, я думаю, твои ноги будут в плохом состоянии, когда ты доберешься до Гошена.

Я поднялся по берегу ярдов на пятьдесят, а затем свернул по своим следам и проскользнул обратно к тому месту, где стояло мое каноэ, на порядочном расстоянии от дома. Я запрыгнул в лодку и поспешно отчалил. Я поднялся вверх по течению достаточно далеко, чтобы добраться до оконечности острова, а затем начал переправу. Я сняла солнцезащитный колпак, потому что тогда мне не хотелось надевать шоры. Когда я был примерно на середине, я услышал, как начали бить часы, поэтому остановился и прислушался; звук донесся слабый над водой, но отчетливый — одиннадцать. Достигнув оконечности острова, я не стал дожидаться взрыва, хотя сильно запыхался, а направился прямо в лес, где раньше был мой старый лагерь, и развел там хороший костер на высоком и сухом месте.

Затем я прыгнул в каноэ и изо всех сил поплыл к нашему месту, в полутора милях в полутора километрах ниже. Я приземлился и провалился сквозь

лес, вверх по гребню и в пещеру. Там Джим лежал на земле и крепко спал
. Я разбудил его и говорю:

“ Вставай и трахни себя, Джим! Нельзя терять ни минуты.
Они преследуют нас!”

Джим никогда не задавал никаких вопросов, он никогда не произносил ни слова; но то, как он
работал в течение следующих получаса, свидетельствовало о том, как он был напуган. К
тому времени все, что у нас было в мире, было на нашем плоту, и она была
готова к тому, чтобы ее вытолкнули из ивовой бухты, где она пряталась. Первым делом мы потушили
походный костер в пещере и после этого не зажигали свечу
снаружи.

Я отвел каноэ немного от берега и осмотрелся; но
если поблизости и была лодка, я не смог ее разглядеть, потому что при звездах и тенях не
хорошо видно. Потом мы спустили плот и проскользнули в
тени мимо подножия острова, не произнося ни слова.

Глава XII

Должно быть, было около часу дня, когда мы
наконец спустились под остров, и плот, казалось, действительно двигался очень медленно. Если должна была появиться лодка,
мы собирались сесть в каноэ и плыть к берегу Иллинойса; и
хорошо, что лодка не пришла, потому что нам и в голову не пришло положить в
каноэ ружье, или леску, или что-нибудь съестное. В рутере мы слишком
попотели, чтобы думать о стольких вещах. Было бы неразумно
класть ВСЕ на плот.

Если мужчины отправились на остров, я просто ожидаю, что они нашли костер, который я
развел, и наблюдали за ним всю ночь, ожидая прихода Джима. В любом случае, они держались
подальше от нас, и если то, что я устроил пожар, не обмануло их, то это не
моя вина. Я обошелся с ними так низко, как только мог.

Когда забрезжил первый проблеск дня, мы привязались к буксиру
в большой излучине на иллинойской стороне, обрубили топором тополиные ветви
и прикрыли ими плот, чтобы он выглядел так, будто
там на берегу произошел обвал. Бугельный выступ - это песчаная коса, на которой
растут тополя толщиной с зубья бороны.

У нас были горы на берегу Миссури и густой лес на
Со стороны Иллинойса, и канал проходил вдоль берега Миссури в том месте,

так что мы не боимся, что кто-нибудь наткнется на нас. Мы пролежали там весь день,
и смотрели, как плоты и пароходы плывут вдоль берега Миссури, а
идущие вверх пароходы бороздят большую реку посередине. Я рассказал Джиму все о
том времени, когда я болтал с той женщиной; и Джим сказал, что она умная
, и если бы она сама отправилась за нами, то не стала бы сидеть и
наблюдать за костром - нет, сэр, она привела бы собаку. "Ну, тогда, - сказал я, - почему
она не могла сказать своему мужу, чтобы он привел собаку?" Джим сказал, что, держу пари, она подумала
об этом к тому времени, как мужчины были готовы тронуться в путь, и он полагал, что они, должно быть,
отправились в город за собакой и поэтому потеряли столько времени, иначе мы
не были бы здесь, на возвышенности, в шестнадцати или семнадцати милях ниже
деревни — нет, действительно, мы снова были бы в том же старом городе. Поэтому я сказал, что
мне все равно, по какой причине они нас не поймали, главное, чтобы они
этого не сделали.

Когда начало смеркаться, мы высунули головы из
зарослей тополя и посмотрели вверх, вниз и поперек; ничего не было
видно; тогда Джим взял несколько верхних досок плота и соорудил уютный
вигвам, чтобы прятаться под ним в ненастную погоду и чтобы вещи оставались
сухими. Джим сделал настил для вигвама и поднял его на фут или больше выше
уровня плота, так что теперь одеяла и все ловушки были вне
досягаемости волн парохода. Прямо посередине вигвама мы сделали
слой земли глубиной около пяти-шести дюймов с рамкой вокруг него, чтобы
удерживать его на месте; это было для разведения костра в ненастную погоду или в холод;
вигвам скрывал его от посторонних глаз. Мы также сделали дополнительное рулевое
весло, потому что одно из остальных могло сломаться о корягу или
что-нибудь еще. Мы соорудили короткую раздвоенную палку, на которую вешали старый фонарь,
потому что мы всегда должны зажигать фонарь всякий раз, когда видим пароход,
идущий вниз по течению, чтобы не попасть под колеса; но нам не
пришлось бы зажигать его для лодок, идущих вверх по течению, если бы мы не увидели, что находимся на том, что они
называют “переправой”; река была еще довольно высокой, очень низкие берега
все еще были немного под водой; поэтому лодки, идущие вверх, не всегда шли по
каналу, а искали легкую воду.

В эту вторую ночь мы плыли от семи до восьми часов при
течении, скорость которого превышала четыре мили в час. Мы ловили рыбу,
разговаривали и время от времени купались, чтобы прогнать сонливость. Это было
довольно торжественно - плыть вниз по большой спокойной реке, лежа на спине

мы смотрели на звезды, и нам никогда не хотелось громко разговаривать, и
нечасто мы смеялись — только тихим смешком. У нас
, как правило, была очень хорошая погода, и с нами вообще ничего не случилось
— ни в ту ночь, ни на следующую, ни еще через.

Каждую ночь мы проезжали мимо городов, некоторые из них располагались далеко на черных склонах холмов, ничего, кроме сверкающего слоя огней; ни одного дома нельзя было разглядеть. На пятую ночь мы проезжали мимо Сент-Луиса, и мне показалось, что весь мир осветился. В Санкт-Петербурге говорили, что в Сент-Луисе двадцать или тридцать тысяч человек, но я никогда в это не верил, пока не увидел это чудесное сияние огней в два часа той тихой ночи. Там не было ни звука; все спали.

Теперь я каждый вечер выбирался на берег около десяти часов в какой-нибудь деревушке и покупал на десять-пятнадцать центов муки, бекона или другой еды; а иногда я поднимал цыпленка, которому было неудобно сидеть на насесте, и брал его с собой. Папа всегда говорил: бери цыпленка, когда у тебя есть шанс, потому что, если он тебе самому не нужен, ты легко можешь найти того, кто захочет, а доброе дело никогда не забывается. Я никогда не видел, чтобы папа сам не хотел курицу, но, во всяком случае, он так говорил.

Утром, еще до рассвета, я пробирался на кукурузные поля и брал взаймы арбуз, или мушмулу, или тыкву, или немного молодой кукурузы, или что-нибудь в этом роде. Папа всегда говорил, что нет ничего плохого в том, чтобы брать вещи взаймы, если ты собираешься когда-нибудь вернуть их; но вдова сказала, что это не что иное, как мягкое название воровства, и ни один порядочный человек не стал бы этого делать. Джим сказал, что, по его мнению, вдова была отчасти права, и папа был отчасти прав; поэтому лучше всего было бы, если бы мы выбрали две—три вещи из списка и сказали, что больше не будем их одалживать, - тогда он решил, что не будет никакого вреда одолжить остальные. Так что мы проговорили об этом всю ночь, плывя вниз по реке, пытаясь решить, выбросить ли нам арбузы, или кантелопы, или дыни, или что-нибудь еще. Но ближе к рассвету мы удовлетворительно все уладили и решили отказаться от крабовых яблок и хурмы. До этого мы чувствовали себя не совсем хорошо, но сейчас все было комфортно. Я тоже был рад тому, как все получилось, потому что крабовые яблоки никогда не бывают вкусными, а хурма созреет только через два-три месяца.

Время от времени мы стреляли водоплавающую птицу, которая вставала слишком рано утром или ложилась спать недостаточно рано вечером. Поверьте всему
, мы жили довольно обеспеченно.

На пятую ночь под Сент-Луисом после полуночи разразился сильный шторм, с силой грома и молний, и дождь лил как из ведра
сплошной пеленой. Мы остались в вигваме и предоставили плоту самому о себе позаботиться. Когда сверкнула молния, мы увидели впереди большую прямую реку
и высокие скалистые утесы по обе стороны. Мало-помалу я говорю: "Привет, Джим, посмотри-ка туда!" Это был пароход, разбившийся о скалу. Мы
дрейфовали прямо к ней. Молния показала ее очень
отчетливо. Она накренилась, часть ее верхней палубы выступала над водой,
и при
вспышках можно было разглядеть каждый маленький колокольчик, а также стул
у большого колокола, на спинке которого висела старая шляпа с опущенными полями.

Ну, это было далеко, ночью, в шторм, и все так таинственно -
похоже, я почувствовал то же, что почувствовал бы любой другой мальчик, когда увидел бы это затонувшее судно, лежащее там , такое печальное и одинокое, посреди реки. Я
хотел забраться на борт и немного осмотреться, посмотреть, что там
было. Поэтому я сказал:

"Давай приземлимся на нее, Джим".

Но Джим поначалу был категорически против этого. Он говорит:

"Я не хочу долго валять дурака без проблем. Мы делаем "вину"
что ж, нам лучше оставить вину в покое, как говорится в хорошей книге. Вроде как
не они сторожа на этом сбое".

"Присмотри за своей бабушкой, - говорю я. - Здесь не за чем следить,
кроме "техаса" и лоцманской рубки; и неужели ты думаешь, что кто-нибудь
рискнет своей жизнью ради "техаса" и лоцманской рубки в такую ночь, как эта, когда она
может в любую минуту разорваться и ее смоет вниз по реке?" Джим не мог
ничего на это возразить, поэтому и не пытался. - И кроме того, - сказал я, - мы могли бы
позаимствовать что-нибудь стоящее из каюты капитана. Сигары,
держу пари - и стоят по пять центов за штуку, солидные наличные. Капитаны пароходов
всегда богаты, они получают шестьдесят долларов в месяц, и им, знаете ли, наплевать ни на цент,
сколько стоит та или иная вещь, лишь бы она была им нужна. Засунь свечу себе в
карман; я не успокоюсь, Джим, пока мы не пошарим в ней. Как ты думаешь,
Том Сойер когда-нибудь ездил на этой штуке? Только не ради пирога, он бы не стал. Он бы

назови это приключением — вот как он назвал бы это; и он приземлился бы на эту развалину, если бы это было его последнее действие. И разве он не добавил бы в это стиля? — разве он не распространился бы, да и вообще? Ну, можно подумать, что это Кристофер К'Ламбус открывает Kingdom-Come. Жаль, что здесь НЕТ Тома Сойера”.

Джим немного поворчал, но сдался. Он сказал, что мы не должны говорить больше, чем можем помочь, а потом говорить очень тихо. Молния снова показала нам место крушения как раз вовремя, и мы захватили буровую вышку и закрепились там.

Палуба здесь была высокой. Мы крались вниз по склону к лаборду, в темноте, по направлению к техасу, медленно нащупывая дорогу ногами и раскидывая руки, чтобы отбиться от парней, потому что было так темно, что мы не могли разглядеть никаких признаков их присутствия. Довольно скоро мы уперлись в передний конец светового люка и влезли на него; следующий шаг привел нас к капитанской двери, которая была открыта, и, клянусь Богом, далеко внизу, в техасском холле, мы увидели свет! и все в ту же секунду нам кажется, что мы слышим тихие голоса вон там!

Джим прошептал, что ему очень плохо, и попросил меня пойти с ним. Я сказал, что все в порядке, и собирался направиться к плоту, но как раз тогда я услышал вопль, произносящий:

“О, пожалуйста, не надо, ребята; клянусь, я никогда не расскажу!”

Другой голос сказал довольно громко:

“Это ложь, Джим Тернер. Ты и раньше так себя вел. Ты всегда хочешь большего, чем твоя доля в грузовике, и ты всегда это получаешь, потому что ты поклялся, что если не получишь, то расскажешь. Но на этот раз ты сказал это в шутку слишком часто. Ты самая злая, вероломная гончая в этой стране.

К этому времени Джим уже ушел к плоту. Я просто сгорал от любопытства; и я сказал себе, что Том Сойер сейчас не отступил бы, и поэтому я тоже не отступлю; я собираюсь посмотреть, что здесь происходит. Поэтому я опустился на четвереньки в маленьком коридорчике и пополз в темноте на корму, пока между мной и поперечным залом "Техаса" не осталась только одна каюта. Затем там я вижу человека, распростертого на полу и связанного по рукам и ногам, и двух мужчин, стоящих над ним, и у одного из них в руке был тусклый фонарь, а у другого - пистолет. Этот продолжал целиться из пистолета в голову мужчины, лежащего на полу, и говорить:

“Я БЫ С УДОВОЛЬСТВИЕМ! И я тоже ортер — подлый скунс!”

Человек на полу съеживался и говорил: “О, пожалуйста, не надо, Билл, я никогда не собираюсь рассказывать.

И каждый раз, когда он говорил это, человек с фонарем смеялся и говорил:

“Это НЕ ТАК! Ты никогда не говорил ничего более правдивого, чем это, держу пари, ты”. И однажды он сказал: “Послушай, как он умоляет! и все же, если бы мы не взяли над ним верх и не связали его, он убил бы нас обоих. И за что? Просто за ничего. Просто потому, что мы отстаивали свои ПРАВА — вот для чего. Но я уверен, что ты больше никому не будешь угрожать, Джим Тернер. Убери свой пистолет, Билл.

Билл говорит:

“Я не хочу этого, Джейк Паккард. Я за то, чтобы убить его — и разве он не точно так же убил олд Хэтфилда — и разве он этого не заслужил?”

“Но я не ХОЧУ, ЧТОБЫ его убивали, и у меня есть на это свои причины”.

“Благослови тебя господь за эти слова, Джейк Паккард! Я никогда тебя не забуду долго я живу!” - говорит человек на полу, как бы всхлипывая.

Паккард не обратил на это никакого внимания, но повесил свой фонарь на гвоздь и направился туда, где в темноте стоял я, и жестом пригласил Билла следовать за мной. Я проплыл так быстро, как только мог, около двух ярдов, но лодка накренилась так, что я не мог быстро плыть; поэтому, чтобы меня не переехали и не поймали, я заполз в каюту на верхнем борту.
Мужчина шел, шаркая в темноте, и когда Паккард добрался до моей каюты, он сказал:

— Сюда, заходи сюда.

И он вошел, а за ним и Билл. Но прежде чем они вошли, я был наверху на верхней койке, загнанный в угол, и сожалел, что пришел. Потом они стояли там, положив руки на бортик койки, и разговаривали. Я не мог их видеть
, но по виски, которое они пили, мог сказать, где они были. Я
был рад, что не пью виски; но это все равно не имело большого значения
, потому что большую часть времени они не могли посадить меня на дерево, потому что я
не дышал. Я был слишком напуган. И, кроме того, тело НЕ МОГЛО
дышать и слышать такие разговоры. Они говорили тихо и серьезно. Билл хотел
убить Тернера. Он говорит:

“Он сказал, что расскажет, и он расскажет. Если бы мы отдали обе наши доли
ему СЕЙЧАС, это не имело бы никакого значения после скандала и того, как
мы его обслужили. Ты родился в Шоре, он представит доказательства против государства; теперь
ты слышишь МЕНЯ. Я за то, чтобы избавить его от неприятностей ”.

“Я тоже”, - очень тихо говорит Паккард.

“Виноват, я уже начал думать, что это не так. Что ж, тогда это все
правильно. Давай пойдем и сделаем это”.

“Подожди минутку, я еще не сказал своего слова. Послушай меня.
Стрельба - это хорошо, но есть более тихие способы, если дело должно быть сделано.
Но вот что я скажу: нет смысла ходить по двору за
поводом, если ты можешь добиться того, что задумал, таким же хорошим способом, который
и в то же время не приводит тебя ни в какие затруднения. Разве это не так?”

“Держу пари, что так оно и есть. Но как ты собираешься справиться с этим на этот раз?”

“Ну, моя идея такова: мы пошарим вокруг и соберем все, что есть
подберите тех, кого мы не заметили в каютах, и плывите к берегу, прячась
в грузовике. Тогда мы подождем. Теперь я говорю, что пройдет не больше двух
часов, прежде чем это месиво разобьется и смоется вниз по реке. Видишь?
Он утонет, и ему некого будет винить в этом, кроме себя самого
. Я думаю, с его стороны это гораздо лучшее зрелище, чем убийство. Я
против того, чтобы убивать человека, пока ты можешь обходить это стороной; это нехорошо
с точки зрения смысла, это нехорошо с точки зрения морали. Разве я не прав?”

“ Да, я так и думаю. Но, предположим, она НЕ разобьется и не смоется
?”

“Ну, мы все равно можем подождать два часа и посмотреть, не так ли?”

“Тогда ладно, пошли”.

Итак, они тронулись, и я выскочил, весь в холодном поту, и бросился бежать
вперед. Там было темно, как в кромешной тьме; но я сказал каким-то грубым
шепотом: “Джим!” - и он ответил прямо у моего локтя чем-то вроде
стона, и я сказал:

- Быстрее, Джим, сейчас не время валять дурака и ныть; там
банда убийц, и если мы не разыщем их лодку и не пустим
ее дрейфовать вниз по реке, чтобы эти ребята не смогли выбраться из
затонувшего судна, одному из них придется туго. Но если мы найдем их
лодку, мы можем поставить их всех в затруднительное положение — потому что шериф их достанет.

Быстрее — поторопись! Я буду охотиться со стороны лабораторного борта, ты - со стороны стабборда. Ты начинай с плота и...

“О, боже мой, боже мой! Королевские ВВС? Они больше не ВВС; она закончила вырвалась на свободу и ушла — и вот мы здесь!”

Глава XIII

НУ, у меня перехватило дыхание, и я почти потерял сознание. Заткнуться на развалюхе с такой бандой, как эта! Но сейчас было не время для сантиментов. Мы ДОЛЖНЫ были найти эту лодку сейчас — должны были заполучить ее для себя. Итак, мы двинулись - дрожа и раскачиваясь вдоль кормового борта, и это была тоже медленная работа — казалось, прошла неделя, прежде чем мы добрались до кормы. Никаких признаков лодки. Джим сказал, что не верит, что сможет идти дальше — так напуган, что у него, по его словам, почти не осталось сил. Но я сказал, давай, если мы останемся на этом обломке, мы, конечно, в затруднительном положении. Итак, мы снова отправились в путь. Мы поплыли к корме "Техаса" и нашли ее, а затем поползли вперед по световому люку, цепляясь за ставни, потому что край светового люка был в воде. Когда мы подошли довольно близко к двери в поперечный коридор, там, конечно же, была лодка! Я едва мог ее разглядеть. Я почувствовал огромную благодарность. В следующую секунду я бы оказался на ее борту, но как раз в этот момент, когда дверь открылась. Один из мужчин высунул голову всего в паре футов от меня, и я подумал, что пропал; но он снова просунул ее внутрь и говорит:

“Убери этот проклятый фонарь с глаз долой, Билл!”

Он бросил в лодку пакет с чем-то, а затем забрался сам и сел. Это был Паккард. Потом вышел Билл и сел в машину. Паккард говорит тихим голосом:

“Все готово — отчаливаем!”

Я едва мог держаться за ставни, я был так слаб. Но Билл говорит:

“Подожди—ка, ты прошел через него?”

“Нет. Разве не так?”

“Нет. Значит, он уже получил свою долю наличных”.

“Ну, тогда пойдем; нет смысла брать грузовик и оставлять деньги”.

“Скажи, а он не заподозрит, что мы задумали?”

“Может быть, он и не сделает этого. Но мы все равно должны это получить. Пойдем ”.

Поэтому они вышли и вошли внутрь.

Дверь захлопнулась, потому что она была с накренившимся бортом; и через полсекунды я был в лодке, а Джим, кувыркаясь, летел за мной. Я достал свой нож, перерезал веревку, и мы понеслись!

Мы не прикасались к веслу, не разговаривали, не шептались и едва даже дышали. Мы быстро скользили вперед, в мертвой тишине, мимо кончика ящика для весел и мимо кормы; затем еще через секунду или две мы были в сотне ярдов ниже места крушения, и темнота поглотила его, каждый последний признак, и мы были в безопасности, и знали это.

Когда мы были в трехстах или четырехстах ярдах ниже по течению, мы увидели, как фонарь на секунду вспыхнул, как маленькая искорка, у входа в Техас, и мы поняли по этому, что негодяи упустили свою лодку, и начали понимать, что теперь у них такие же неприятности, как и у Джима Тернера
.

Затем Джим взялся за весла, и мы поплыли вслед за нашим плотом. Это был первый раз, когда я начала беспокоиться о мужчинах — думаю, раньше у меня не было на это времени. Я начал думать, как это ужасно, даже для убийц, оказаться в таком затруднительном положении. Я говорю себе: "Никто не знает, но я еще могу стать убийцей, и тогда как бы мне это понравилось?" Так говорит я Джиму:

- При первом свете, который мы увидим, мы приземлимся в сотне ярдов ниже или выше него, в таком месте, где будет хорошее укрытие для тебя и лодки, а потом я пойду и приготовлю какую-нибудь пряжу, и пошлю кого-нибудь за этой бандой и вытащу их из передряги, чтобы их можно было повесить, когда придет их время.

Но эта идея провалилась, потому что довольно скоро снова начался шторм, и на этот раз сильнее, чем когда-либо. Лил дождь, и нигде не было видно ни огонька ; я думаю, все были в постелях. Мы мчались вниз по реке, высматривая огни и наш плот. Спустя долгое время дождь прекратился, но тучи остались, и молнии продолжали сверкать, и мало-помалу вспышка показала нам впереди что-то черное, плывущее, и мы направились к нему.

Это был плот, и мы были очень рады снова взобраться на него. Мы теперь видели свет справа, на берегу. Поэтому я сказал, что пойду

за это. Лодка была наполовину заполнена награбленным добром, которое эта банда награбила там, на затонувшем судне. Мы свалили все в кучу на плот, и я велел Джиму плыть вниз по течению и, когда он решит, что проплыл около двух миль, зажечь свет и поддерживать его, пока я не приду; тогда я взялся за весла и оттолкнулся от света. Когда я спустился к нему, на склоне холма показались еще трое или четверо. Это была деревня. Я приблизился к свету у берега, налег на весла и поплыл. Проходя мимо, я вижу, что это был фонарь, висевший на перекладине двухкорпусного парома. Я огляделся в поисках сторожа, гадая, где он спит; и мало-помалу обнаружил, что он устроился насестом на корточках вперед, опустив голову между колен. Я два или три раза легонько толкнул его в плечо и заплакал.

Он как-то странно встрепенулся; но когда он увидел, что это был всего лишь я, он сделал хороший перерыв и потянулся, а затем сказал:

“Привет, как дела? Не плачь, малыш. В чем проблема?”

Я говорю:

“Папа, и мама, и сестренка, и...”

Тут я не выдержал. Он говорит:

“О, черт возьми, НЕ принимай это так близко к сердцу; у всех нас бывают свои проблемы, и все будет хорошо. Что с ними такое?

“Они ... они... вы сторож на лодке?”

“Да”, - говорит он с видом довольно-вполнеудовлетворенным. - Я капитан и владелец, и помощник, и лоцман, и вахтенный, и старший помощник на палубе , а иногда я отвечаю за груз и пассажиров. Я не так богат, как старина Джим Хорнбек, и я не могу быть таким уж великодушным и добрым к Тому, Дику, и Гарри, как он, и швырять деньгами, как он; но я много раз говорил ему, что не поменялся бы с ним местами; ибо, говорит я, жизнь моряка - это жизнь по мне, и будь я проклят, если бы жил в двух милях от города, где никогда ничего не происходит, несмотря на все его спондилезы и многое другое вдобавок. из этого. Говорит, что я...

Я ворвался и говорю:

“У них ужасные неприятности, и...”

“КТО это?”

- Ну, папа, и мама, и сестренка, и мисс Хукер; и если бы вы взяли свой паром и отправились туда...

“ Куда наверх? Где они?

“На затонувшем судне”.

“На каком затонувшем судне?”

“Да ведь там только одно”.

“Что, вы имеете в виду не ”Вальтера Скотта“?”

"Да".

“Хорошая земля! что они ТАМ делают, ради всего святого?”

“Ну, они пошли туда не с какой-то целью”.

“Держу пари, что нет! Боже мой, у них нет ни единого шанса
если они не уберутся отсюда как можно быстрее! Да как же, черт возьми, они
вообще попали в такую передрягу?”

“ Достаточно просто. Мисс Хукер была там в гостях, в городе...”

“Да, в Бут-Лэндинге... продолжайте”.

“Она была там в гостях, в Бут—Лэндинге, на окраине
в тот вечер, когда она отправилась со своей негритянкой на конном пароме, чтобы
остаться на ночь в доме своей подруги, мисс Как-там-ее-можно-называть, я
забыл ее имя, и они потеряли рулевое весло, развернулись
и поплыли кормой вниз примерно две мили, а седельные
сумки остались на разбитом корабле, и перевозчик, и негритянка, и
лошади - все погибли, но мисс Хукер ухватилась за руль и поднялась на борт
затонувшего судна. Итак, примерно через час после наступления темноты мы приплыли на нашей
торговой барже, и было так темно, что мы не заметили затонувшего судна, пока не оказались
прямо на нем; и поэтому МЫ погрузились в седельные сумки; но все мы спаслись, кроме Билла
Уиппла - а он, о, был лучшим кретином!— Я бы больше всего хотел, чтобы это был
я, правда”.

“Мой Джордж! Это самая крутая вещь, которую я когда-либо бил. И что
вы все сделали потом?

“Ну, мы закричали и поплыли дальше, но там так широко, что мы не могли
сделать так, чтобы никто не услышал. Итак, папа сказал, что кто-то должен как-то выбраться на берег и позвать на помощь
. Я был единственным, кто умел плавать, поэтому я бросился к нему,
и мисс Хукер сказала, что, если я не вызову помощь раньше, идите сюда и
разыщите ее дядю, и он все починит. Я добрался до берега примерно в миле
ниже и с тех пор валял дурака, пытаясь заставить людей сделать
что-нибудь, но они сказали: "Что, в такую ночь и при таком течении?
В этом нет никакого смысла; поезжайте на пароме’. Теперь, если вы пойдете и...
”

“Клянусь Джексоном, я БЫ ХОТЕЛ, и, черт возьми, я не знаю, но я сделаю это; но кто, черт возьми, собирается за это ПЛАТИТЬ? Как ты думаешь, твой папа...

“Почему БЫ и нет, ВСЕ в порядке. Мисс Хукер, в частности, рассказала мне, что ее дядя Хорнбек...

“ Отличные пушки! ОН ее дядя? Смотри-ка, ты сверни вон на тот свет, когда доберешься туда, и поверни на запад, и примерно через четверть мили ты придешь к таверне; скажи им, чтобы они отвезли тебя к Джиму Хорнбеку, и он оплатит счет. И не вздумай валять дурака, потому что он захочет узнать новости. Скажи ему, что я позабочусь о безопасности его племянницы до того, как он сможет добраться до города. А теперь горбаться сам; я собираюсь завернуть за угол, чтобы разбудить своего инженера.

Я поплыл на свет, но как только он завернул за угол, я вернулся, сел в свою лодку и вычерпал из нее воду, а затем вытащил ее на берег по спокойной воде ярдов на шестьсот и спрятался среди деревянных лодок; потому что я не мог успокоиться, пока не увижу, как трогается паром. Но учитывая все это, я чувствовал себя более комфортно из-за того, что взял на себя все эти хлопоты ради этой банды, потому что не многие бы на это пошли. Я хотел бы, чтобы вдова знала об этом. Я решил, что она будет гордиться мной за то, что я помогаю этим негодяям, потому что "Негодяи и мертвые удары" - это те, к которым вдова и добрые люди проявляют наибольший интерес.

Что ж, вскоре появляются обломки, тусклые и сумрачные, скользящие вниз! Какая-то холодная дрожь пробежала по мне, и тогда я бросился к ней. Она была очень глубокой, и через минуту я вижу, что шансов на то, что в ней кто-то останется жив, было не так уж много. Я обхватил ее со всех сторон и немного покричал, но ответа не последовало; все замерли как вкопанные. Мне было немного обидно за эту банду, но не сильно, потому что я полагал, что если они смогут это вынести, то и я смогу.

Затем показался паром; и я направился к середине реки по длинному наклонному течению вниз по течению; и когда я решил, что был вне досягаемости глаз, я налег на весла, оглянулся и увидел, как она пошла обнюхивать место крушения в поисках останков мисс Хукер, потому что капитан знал, что они понадобятся ее дяде Хорнбеку; и тогда довольно скоро паром сдался и направился к берегу, а я взялся за работу и с грохотом понесся вниз по реке.

Казалось, прошло много времени, прежде чем показался огонек Джима; и
когда он действительно показался, казалось, что он находится за тысячу миль отсюда. К тому времени, как я добрался туда, небо на востоке начало слегка сереть; поэтому мы
пристали к острову, спрятали плот, затопили лодку, легли на дно и
спали как убитые.

Глава XIV

МАЛО-помалу, когда мы поднялись, мы перевернули грузовик, который банда угнала
с места крушения, и нашли ботинки, и одеяла, и одежду, и всевозможные
другие вещи, и много книг, и подзорную трубу, и три коробки
сигаров. Мы никогда раньше не были так богаты, ни в одной из наших жизней.
Seegars были в расцвете сил. Мы провели весь день в лесу, разговаривая,
а я читал книги и в целом хорошо проводил время. Я рассказал Джиму все
о том, что произошло внутри затонувшего судна и на пароме, и сказал, что
такого рода вещи - это приключения; но он сказал, что больше не хочет
приключений. Он сказал, что, когда я вошел в "Техас", и он пополз обратно, чтобы
взобраться на плот, и обнаружил, что ее нет, он чуть не умер, потому что решил, что
с НИМ все равно покончено, это можно исправить; потому что, если его не спасут,
он утонет; а если его спасут, тот, кто его спас,
отправит его обратно домой, чтобы получить награду, и тогда мисс
Уотсон, конечно, продаст его на юг. Что ж, он был прав; он почти
всегда был прав; у него была необычно рассудительная голова для негра.

Я много читал Джиму о королях, герцогах, графах и тому подобном,
и о том, как безвкусно они одевались, и с каким шиком они одевались, и называли
друг друга "ваше величество", "ваша светлость", "ваша светлость" и так далее,
вместо "мистер"; и глаза Джима выпучились, и он заинтересовался. Он
говорит:

“Я и не знал, что их так много. Я ни о ком не слышал,
гм, странно, но старый король Соллерман, если ты не считаешь этих королей, которые
в одной стае с тобой. Сколько стоит король мерзавцев?”

“Получить?” Я говорю: “Ну, они получают тысячу долларов в месяц, если захотят"
этого; они могут иметь столько, сколько захотят; все принадлежит им”.

“РАЗВЕ ты НЕ гей? ru Что им нужно делать, Гек?”

"ОНИ ничего не делают! Как ты говоришь! Они просто сидят без дела”.

“Нет, это так?”

“Конечно, это так. Они просто сидят без дела — за исключением, может быть, тех случаев, когда происходит война; тогда они отправляются на войну. Но в других случаях они просто бездельничают; или отправляются на соколиную охоту — просто соколиную охоту и ш—ш—ш! - ты слышишь шум?”

Мы выскочили наружу и посмотрели; но это было не что иное, как стук колеса парохода вдали, огибающего мыс; так что мы возвращаемся обратно.

“Да, - говорю я, - а иногда, когда становится скучно, они ссорятся с парламентом; и если все не уходят, он просто сносит им головы . Но в основном они околачиваются вокруг гарема.

- Вокруг которого?

“Гарем”.

“Что такое гарем?”

“Место, где он держит своих жен. Разве ты не знаешь о гареме? У Соломона был один; у него было около миллиона жен”.

“ Ну да, это так; я— я совсем забыл об этом. Гарем - это барский дом, я полагаю. Скорее всего, у них в семье неспокойные времена. Но я думаю, что ссоры между женами возможны; и это усиливает шум. Еще они говорят, Соллерман де Уизес "человек, который когда-либо жил". Я не придаю этому значения. Объясните почему: захотел бы мудрый человек жить в середине, постоянно чертыхаясь? - ? Нет, он бы этого не сделал. Мудрый человек взял бы и построил бы билер-фактуру; тогда он мог бы закрыть билер-фактуру, когда захочет отказаться”.

“Ну, но в любом случае он БЫЛ мудрейшим человеком; потому что вдова, она сама мне так сказала”.

“Я не знаю, что говорит вдовец, он совсем не был мудрецом. У него были какие-то приемы, которые я когда-либо видел у э-э-э... отцов. Ты знаешь о том чили, которое он хочет разрезать надвое?

“Да, вдова рассказала мне все об этом”.

“НУ, ден! Предупредить "что за идея у битенов в мире’? Ты просто посмотри на это минутку. Дах — пень, дах—дат - одна из женщин; он - ты, дат - еще одна; я - Соллерман; а твоя долларовая купюра - из Чили. Надеюсь, ты это утверждаешь. Что мне делать? Должен ли я поговорить с монгами-соседями, чтобы выяснить, кому из них вы, дескать, должны долго помогать, и передать это нужному человеку, все в целости и сохранности, как у кого-нибудь из них было

но они схватили и заперли его в тюрьме, и некоторые говорят, что он там умер.,,,

любая сообразительность помогла бы? Нет, я разделяю счет пополам и отдаю половину
тебе, а другую половину - другой женщине. Таков был путь
Соллерману предстояло поступить с Чили. Теперь я хочу спросить вас: что
толку от этой половины банкноты? — на нее ничего нельзя купить. Ru Какая польза от половины
чили? Я бы и гроша ломаного не дал за миллион ун эм".

"Но, черт возьми, Джим, ты совершенно упустил суть — вини себя, ты
промахнулся на тысячу миль".

"Кто? Я? Продержись. Не говори со мной о своих пинтах. Я думаю, что
я понимаю смысл, когда вижу это; но в том, что я делаю, нет никакого смысла. Де
Спут предупреждал не о половине чили, спут был о целом Чили; и
человек, который думает, что может уладить спут о целом чили, если половина
чили не знает достаточно, чтобы выйти из-под дождя. Не говори мне
о Соллермане, Гек, я знаю его в лицо.

"Но я говорю тебе, что ты не понимаешь сути".

"Виноват де пойнт! Думаю, я знаю то, что знаю. Моя ты, де
НАСТОЯЩАЯ пинта глубже. Она лежит на том пути, которым
был поднят Соллермун. Вы берете человека, у которого на руках один или два чиллена;
будет ли этот человек доволен чилленом? Нет, это не так; он не может этого преодолеть.
ОН знает, как их ценить. Но если вы возьмете человека, у которого около пяти
миллионов чилленов работает за пределами дома, то увидите, что это не так. ОН так же быстро разрежет
чили пополам, как кошка. У них еще много чего есть. Чили, два, может, меньше,
никаких обращений к Соллерману, папа, забери его!"

Я никогда не видел такого ниггера. Если ему однажды пришло в голову что-то, то
больше его оттуда не вытащишь. Он был самым неприязненным к Соломону из всех
ниггеров, которых я когда-либо видел. Поэтому я перешел к разговору о других царях и пропустил Соломона
мимо ушей. Я рассказал о Людовике Шестнадцатом, которому давным-
давно отрубили голову во Франции; и о его маленьком мальчике дельфине, который мог бы
стать королем,

"Маленький парень".

"Но некоторые говорят, что он выбрался и уехал в Америку".

"Это хорошо! Но ему будет очень одиноко — у них здесь нет королей,
правда, Гек?"

"Нет".

"Но у него не может быть проблем. Что он собирается делать?"

“Ну, я не знаю. Кто-то из них попадает в полицию, а кто-то из них учит людей говорить по-французски”.

- А что, Гек, разве французы не говорят так же, как мы?

— НЕТ, Джим, ты не понял ни слова из того, что они сказали - ни единого слова.

“Ну, теперь я в шоке! Как это получилось?”

“Я не знаю; но это так. Я почерпнул кое-что из их болтовни из книги. Предположим, к вам подошел бы мужчина и сказал ”Полли-ву-франзи" — что бы вы подумали?

“Я бы ни о чем не подумал; я бы взял и треснул его по голове, если бы он не был белым. Я бы не позволил ни одному ниггеру называть меня так ”.

“Черт возьми, это никак тебя не называет. Это всего лишь вопрос: "Ты знаешь, как говорить по-французски?”

“Ну, Ден, почему он не мог этого СКАЗАТЬ?”

“Ну, он же это говорит. Так говорят французы ”.

“Ну, это ужасно нелепый способ, но я не хочу ничего больше слышать" насчет этого. В этом нет никакого смысла”.

“Послушай, Джим, разве кошки разговаривают так, как мы?”

“Нет, кошка этого не делает”.

“Ну, а корова делает?”

“Нет, корова не разговаривает, придурок”.

“Кошка разговаривает как корова или корова как кошка?”

“Нет, они не разговаривают”.

“Для них естественно и правильно говорить не так, как друг у друга, не так ли это?”

“Конечно”.

“И разве не естественно и правильно, что кошка и корова разговаривают не так, как МЫ ”

“Ну, это просто так”.

“Ну, тогда почему для француза не естественно и не правильно говорить не так, как мы? Это ты мне ответь”.

“А кот - это человек, Гек?”

“Нет”.

“Ну, Ден, нет никакого смысла в том, что кот говорит как мужчина. Корова - это человек? — э-э, а корова - это кошка?”

“Нет, она ни та, ни другая”.

“Ну, Ден, она не имеет права говорить так, как кто-либо из них" никто из них. Разве француз - мужчина?”

“Да”.

“НУ, Ден! Папа виноват, почему он не ГОВОРИТ как мужчина? Ты ответь мне НА ЭТО!”

Я вижу, что бесполезно тратить слова — негра не научишь спорить. Поэтому я ухожу.

Глава XV

МЫ рассудили, что еще три ночи приведут нас в Каир, расположенный на дне Иллинойса, где впадает река Огайо, и это было то, чего мы добивались . Мы бы продали плот, сели на пароход и поплыли вверх по Огайо среди свободных Штатов, и тогда бы у нас не было неприятностей.

Ну, на вторую ночь начал сгущаться туман, и мы направились к буксиру, к которому можно было привязаться, потому что не годилось пытаться бежать в тумане; но когда я поплыл вперед на каноэ, закрепив леску, там не было ничего, кроме маленьких деревцев, к которым можно было привязаться. Я обвязал леской один из них прямо на краю срезанного берега, но там было сильное течение, и плот понесло вниз с таким грохотом, что она вырвала его с корнем и уплыла прочь. Я вижу, как сгущается туман, и мне стало так плохо и страшно, что я не мог сдвинуться с места, как мне показалось, почти полминуты — а потом никакого плота в поле зрения не было; ничего не было видно на двадцать ярдов. Я запрыгнул в каноэ, побежал обратно на корму, схватил весло и нанес ей удар сзади. Но она не подплыла. Я так спешил, что не успел ее развязать. Я встал и попытался развязать ее, но был так взволнован, что у меня дрожали руки, так что я почти ничего не мог ими сделать.

Как только я тронулся в путь, я устремился за плотом, горячим и тяжелым, прямо по буксирной головке. Пока все было в порядке, но буксирная головка была не длиннее шестидесяти ярдов, и в ту минуту, когда я пролетел мимо ее подножия, я вылетел в сплошной белый туман и имел не больше представления, в какую сторону иду, чем мертвец.

Думаю я, грести не годится; сначала я знаю, что наткнусь на берег или на буксир или еще что-нибудь; я должен сидеть неподвижно и плыть, и все же это мощно

беспокойное занятие - в такой момент неподвижно держать руки. Я охнул и прислушался. Где-то далеко внизу я слышу тихий возглас, и у меня поднимается настроение. Я рванулся за ним, внимательно прислушиваясь, чтобы услышать его снова. В следующий раз, когда он появится, я увижу, что направляюсь не к нему, а вправо от него. И в следующий раз я направлялся куда—то влево от него - и тоже не слишком его догонял, потому что я летал по кругу, то в одну, то в другую сторону, но он все время шел прямо вперед.

Я действительно хотел, чтобы этот дурак догадался побить жестяную сковороду, и бил бы по ней все время, но он так и не сделал этого, и именно неподвижные места между возгласами доставляли мне неприятности. Что ж, я продолжал сражаться, и тут же услышал возглас ПОЗАДИ меня. Теперь я здорово запутался. Это был чей-то возглас, или же я обернулся.

Я бросил весло на землю. Я снова услышал крик; он все еще был позади меня, но в другом месте; он все приближался и менял свое место, а я продолжал отвечать, пока мало-помалу он снова не оказался передо мной, и я понял, что течение отнесло каноэ вниз по течению, и со мной все было в порядке, если это кричал Джим, а не какой-нибудь другой плотовщик. Я ничего не мог сказать о голосах в тумане, потому что ничто не выглядит неестественно и не звучит естественно в тумане.

Улюлюканье продолжалось, и примерно через минуту я с грохотом вывалился на срезанный берег с дымчатыми призраками больших деревьев на нем, и течение отбросило меня влево и понесло мимо, среди множества коряг, которые довольно ревели, так быстро их проносило течением.

Еще через секунду или две она снова стала сплошной белой и неподвижной. Тогда я замер совершенно неподвижно, слушая, как колотится мое сердце, и, думаю, я не сделал ни вдоха, пока оно билось сотню раз.

Тогда я просто сдаюсь. Я понял, в чем дело. Тот срезанный берег был островом, и Джим спустился с другой его стороны. Это был не буксир, мимо которого можно было проплыть за десять минут. На нем был большой лес, как на обычном острове; он мог быть пяти или шести миль в длину и более полумили в ширину.

Я молчал, навострив уши, минут пятнадцать, я думаю. Конечно, я плыл со скоростью четыре или пять миль в час, но вы не когда-нибудь задумывались об этом. Нет, вам КАЖЕТСЯ, что вы неподвижно лежите на воде; и если мимо проскальзывает небольшая коряга, вы не думаете про себя, как быстро ВЫ плывете, но вы переводите дыхание и думаете: ого! как

эта загвоздка рвется наружу. Если вы думаете, что не так уж уныло и одиноко одной ночью в тумане, попробуйте один раз — увидите.

Затем, примерно в течение получаса, я время от времени кричу; наконец я слышу ответ издалека и пытаюсь последовать за ним, но у меня это не получается, и сразу же я решил, что попал в гнездо буксирных головешек, потому что у меня были смутные проблески их по обе стороны от меня — иногда просто узкий канал между ними, а некоторые, которых я не мог разглядеть, я знал, что были там, потому что я слышал плеск течения о старые сухие кусты и мусор, которые нависали над берегами. Ну, я недолго продержался, выпуская упсов из рук среди белобрысых; и я, во всяком случае, лишь немного погнался за ними, потому что это было хуже, чем гоняться за Джеком-фонарем. Вы никогда не знали, чтобы звук так изворачивался и менялся местами так быстро и так часто.

Мне пришлось довольно резво отплывать от берега четыре или пять раз, чтобы не выбрасывать острова из реки; и поэтому я решил, что плот, должно быть, время от времени ударяется о берег, иначе его унесло бы дальше вперед и он исчез из поля зрения — он плыл немного быстрее, чем я.

Ну, мало-помалу мне показалось, что я снова оказался в открытой реке, но я нигде не слышал никаких признаков крика. Я решил, что Джим, может быть, зацепился за загвоздку, и все было кончено из-за него. Мне было хорошо, но я устал, поэтому я лег в каноэ и сказал, что больше не буду беспокоиться. Я, конечно, не хотел ложиться спать, но мне так хотелось спать, что я ничего не мог с собой поделать; поэтому я подумал, что мне стоит немного вздремнуть.

Но я думаю, что это было нечто большее, чем просто дремота, потому что, когда я проснулся, звезды ярко сияли, туман совсем рассеялся, и я уже спускался по большому повороту кормой вперед. Сначала я не понимал, где нахожусь; я думал, что сплю; а когда все начало возвращаться ко мне, все, казалось, смутно припомнилось с прошлой недели.

Здесь была чудовищно большая река с самым высоким и толстым лесом по обоим берегам; просто сплошная стена, насколько я мог видеть по звездам. Я посмотрел вниз по течению и увидел черное пятнышко на воде. Я бросился за ним, но когда я добрался до него, там не оказалось ничего, кроме пары бревен, скрепленных вместе. Потом я увидел еще одно пятнышко и погнался за ним; потом еще одно, и на этот раз я был прав. Это был плот.

Когда я добрался до него, Джим сидел там, опустив голову между
коленями, и спал, его правая рука свисала с рулевого весла.
Другое весло было отломано, а плот завален листьями,
ветками и грязью. Так что ей пришлось нелегко.

Я пристегнулся и лег под носом у Джима на плоту, и начал
вырываться, и тянуться кулаками к Джиму, и говорит:

“Привет, Джим, я спал? Почему ты меня не разбудил?”

“Боже милостивый, это ты, Гек? Ru ты не мертв — ты не
утонул — ты снова здесь? Это слишком хорошо для правды, милая, это слишком хорошо
для правды. Дай мне посмотреть на тебя, чили, дай мне почувствовать тебя. Нет, ты не мертв!
ты снова ”живешь своей жизнью", все тот же старый Гек — все тот же старый
Гек, слава богу!"

“Что с тобой такое, Джим? Ты п-пил?”

“П-пил? Разве я п-пил? Был ли у меня шанс стать...
пьяницей?

“Ну, тогда что заставляет тебя говорить так дико?”

“Как я могу говорить дико?”

“КАК? Разве ты не говорил о моем возвращении и обо всем
в таком духе, как будто я уехал?

— Гек-Гек Финн, посмотри мне в глаза, посмотри мне в глаза.
РАЗВЕ ты не ушел?”

“Уехал? Да что, во имя нации, ты имеешь в виду? Меня нигде не было
. Куда я мог пойти?”

“Ну, послушай сюда, босс, они что-то не так делают, они такие. Я - это Я, или кто
Я ТАКОЙ? Я хи, или кто я ТАКОЙ? Теперь это то, что я хочу знать”.

- Ну, я думаю, что ты здесь, это достаточно ясно, но я думаю, что ты запутавшийся
старый дурак, Джим.

“ Я, не так ли? Ну, ты мне вот что ответь: разве ты не натянул веревку в
каноэ, чтобы добраться до буксира?

“Нет, не видел. Какой кудрявый? Я не вижу никакого кудрявого”.

“Ты не видел никакого кудрявого? Посмотри сюда, разве трос не оборвался
когда королевские BBC понеслись вниз по реке, оставив тебя на каноэ позади
в тумане?

- Какой туман?

“ Ах, де фог! — де фог, который был здесь всю ночь. Разве ты не кричал, как и я, не кричал, что мы влипли на островах, и один из нас погиб, а другой был "ничуть не хуже лос", потому что он не знал, кто он такой? ru Разве я не наломал кучу дров на этих островах и не провел ужасное время, пока этот мерзавец не утонул? Теперь это не так, босс, не так ли? Ты ответь мне на это.

“ Ну, для меня это слишком много, Джим. Я не видел ни тумана, ни островов, ни каких-либо неприятностей, вообще ничего. Я сидел здесь и разговаривал с тобой всю ночь, пока ты не уснул минут десять назад, и, думаю, я сделал то же самое. Ты не мог напиться за это время, так что, конечно, тебе это снилось”.

“Папа, принеси, как я смогу увидеть все это во сне за десять минут?”

“Ну, черт возьми, тебе это действительно приснилось, потому что ничего из этого не было на самом деле”.

“Но, Гек, для меня все это так же ясно, как...”

“Какая разница, насколько это просто; в этом ничего нет. Я знаю, потому что был здесь все это время.

Минут пять Джим ничего не говорил, но сидел и изучал над этим. Затем он говорит:

- Ну, Ден, я думаю, мне это действительно приснилось, Гек; но черт бы побрал моих кошек, если это не самый страшный сон, который я когда-либо видел. Ru У меня никогда не было никаких снов, потому что это утомило меня так, как этот”.

“О, ну что ж, все в порядке, потому что сон иногда утомляет тело, как и все остальное. Но этот сон был мучительным; расскажи мне все о нем, Джим.

Итак, Джим приступил к работе и рассказал мне все от начала до конца, как это произошло, только он все сильно приукрасил. Затем он сказал, что должен начать и “истолковать” это, потому что это было послано в качестве предупреждения. Он сказал, что первый буксир означал человека, который попытается сделать нам что-то хорошее, но течение было другим человеком, который унесет нас от него. Возгласы были предупреждениями, которые приходили к нам время от времени, и если бы мы не старались изо всех сил разобраться в них, они просто навлекли бы на нас неудачу, вместо того чтобы уберечь от нее. Куча тупоголовых была проблемой, с которой мы собирались столкнуться со сварливыми людьми и всевозможными подлыми людьми, но если мы не будем лезть не в свое дело и не будем огрызаться и раздражать

с ними мы бы справились, выбрались из тумана в большую чистую
реку, которая называлась свободными Штатами, и у нас больше не было бы проблем.

Сразу после того, как я поднялся на плот, небо затянуло тучами, но теперь
снова прояснилось.

“О, что ж, все это интерпретируется достаточно хорошо, насколько это возможно, Джим”, - говорю я
. “Но что означают ЭТИ вещи?”

Это были листья и мусор на плоту и сломанное весло.
Теперь вы можете увидеть их в первозданном виде.

Джим посмотрел на мусорное ведро, потом на меня и снова обратно на мусорное ведро
. Сон так прочно засел у него в голове, что он,
казалось, не мог стряхнуть его и сразу же
расставить факты по своим местам. Но когда он все-таки поправил эту штуку, он посмотрел на меня
пристально, даже не улыбнувшись, и сказал:

“За что они стоят? Я собираюсь рассказать тебе. Когда я совсем вымотался
на работе, а потом стал звать тебя и лег спать, мое сердце
едва не разбилось, потому что ты проиграл, и я понятия не имел, что со
мной будет в королевских BBC. Ru когда я просыпаюсь и вижу, что ты снова рядом, что ты в
безопасности, у меня наворачиваются слезы, и я могу опуститься на колени и поцеловать твою ногу,
я так благодарен. Ru все, что ты думаешь о том, как ты мог бы
одурачить старину Джима ложью. Этот грузовик - это МУСОР; а мусор - это то, что есть у
людей, которые бросают грязь на голову своим друзьям и заставляют их стыдиться ”.

Затем он медленно встал, подошел к вигваму и вошел туда
, не сказав ничего, кроме этого. Но этого было достаточно. Это заставило меня почувствовать себя
такой подлой, что я чуть не поцеловала ЕМУ ногу, чтобы заставить взять свои слова обратно.

Прошло пятнадцать минут, прежде чем я смог собраться с силами, чтобы пойти и
унижаться перед ниггером; но я сделал это, и я никогда не сожалел об этом
впоследствии. Я больше не устраивал ему подлых выходок, и я бы не
сделал этого, если бы знал, что это заставит его так себя чувствовать.

Глава XVI

МЫ проспали почти весь день и тронулись в путь ночью, немного отстав от
чудовищно длинного плота, который тянулся мимо, как процессия. У нее было
по четыре длинных гребня на каждом конце, так что мы рассудили, что на ней, вероятно, находилось до тридцати
человек. На борту было пять больших вигвамов, широко расставленных, и открытый

походный костер посередине и высокие флагштоки на концах. В ней была
сила стиля. Это было что-то вроде работы плотовщиком
на таком судне, как это.

Мы плавно спускались к большому повороту, и ночь затянула тучами, и
стало жарко. Река была очень широкой и с
обеих сторон обнесена крепкой деревянной стеной; в ней почти никогда не было видно ни просвета, ни огонька. Мы
говорили о Каире и гадали, узнаем ли мы его, когда
доберемся туда. Я сказал, что, скорее всего, мы этого не сделаем, потому что я слышал, что там было не
больше дюжины домов, и если они случайно не были освещены
, как мы могли узнать, что проезжаем мимо города? Джим сказал, что если бы
две большие реки соединились там вместе, это было бы заметно. Но я сказал, что, возможно,
нам может показаться, что мы проходим мимо подножия острова и снова входим в
ту же старую реку. Это встревожило Джима — и меня тоже. Итак, вопрос
заключался в том, что делать? Я сказал: гребите к берегу, как только покажется свет, и
скажите им, что папа отстал, идет с торговой шлюпкой, что он
новичок в этом деле и хочет знать, далеко ли до Каира.
Джим подумал, что это хорошая идея, поэтому мы перекурили и стали ждать.

Теперь ничего не остается, как внимательно следить за городом,
и не проезжать мимо, не увидев его. Он сказал, что обязательно это увидит,
потому что он станет свободным человеком в ту же минуту, как увидит это, но если он пропустит это, то
снова окажется в стране рабов и больше не будет претендовать на свободу. Каждый миг,
пока он вскакивает и говорит:

“Да, она такая?”

Но это не так. Это были Джек-о-фонарики, или жуки-молнии; поэтому он снова сел
и принялся наблюдать, как и раньше. Джим сказал, что от того, что он был так близок к свободе, его
всего трясло и лихорадило. Что ж, я могу сказать
вам, что меня тоже бросило в дрожь, когда я услышал его, потому что мне
начало приходить в голову, что он БЫЛ совершенно свободен — и кто был
виноват в этом? Почему, Я. Я не мог выкинуть это из головы, ни как
ни за что. Это стало беспокоить меня так, что я не мог успокоиться; я не мог усидеть на месте
на одном месте. До меня никогда раньше не доходило, что это такое,
что я делаю. Но теперь дошло; и это осталось со мной, и обжигало меня
все больше и больше. Я пытался убедить себя, что я ни в чем не виноват,
потому что я не прогонял Джима от его законного владельца; но это было бесполезно,
совесть каждый раз просыпалась и говорила: “Но ты же знал, что он бежал за

его свобода, и ты мог бы доплыть до берега и рассказать кому-нибудь ". Это
было так - я не мог обойти это сейчас. Вот тут-то и загвоздка.
Совесть говорит мне: "Что такого сделала с тобой бедная мисс Уотсон, что
ты мог видеть, как ее негр уходит прямо у тебя на глазах, и никогда не произносил ни
единого слова? Что эта бедная пожилая женщина тебе сделала, что ты мог
так подло обращаться с ней? Ведь она пыталась выучить тебе твою книгу, она пыталась
научить тебя твоим манерам, она пыталась быть хорошей к тебе всеми
известными ей способами. ВОТ что она сделала".

Я почувствовал себя таким подлым и несчастным, что больше всего на свете желал умереть. Я
ерзал взад-вперед по плоту, ругая себя про себя, а Джим
ерзал взад-вперед мимо меня. Мы оба не могли усидеть на месте. Каждый
раз, когда он танцевал вокруг и говорил: "Да это Каир!", это пронзало меня, как
выстрел, и я думала, что если бы это БЫЛ Каир, я бы умерла от
несчастья.

Джим все время говорил вслух, пока я разговаривал сам с собой. Он
говорил, что первое, что он сделает, когда доберется до свободного штата, он
начнет копить деньги и никогда не потратит ни цента, а когда у него
наберется достаточно, он купит своей жене дом на ферме недалеко от
того места, где жила мисс Уотсон; и тогда они оба будут работать, чтобы купить двоих
детей, и, если их хозяин не продаст их, они наймут абитуриента, который
пойдет и украдет их.

Больше всего меня поразили подобные разговоры. Раньше он никогда в жизни не осмелился бы говорить
такие вещи. Просто посмотрите, как все изменилось в нем в ту
минуту, когда он решил, что почти свободен. Это было в соответствии со старой поговоркой,
"Дай ниггеру дюйм, и он возьмет локоть". Думаю я, вот что получается
из-за моего недомыслия. Вот этот негр, которому я почти помог
сбежать, вышел прямо на улицу и сказал, что украдет своих
детей - детей, которые принадлежали человеку, которого я даже не знал; человеку, который
никогда не делал мне ничего плохого.

Мне было жаль слышать это от Джима, это было такое унижение с его стороны. Моя
совесть стала будоражить меня сильнее, чем когда—либо, пока, наконец, я не сказал ей:
"Оставь меня в покое — еще не слишком поздно - я выгребу на берег с первыми лучами солнца
и расскажу". Я сразу почувствовал легкость, счастье и легкость как перышко. Все мои
проблемы исчезли. Я стал внимательно смотреть по сторонам в поисках света и как бы
напевал про себя. Мало-помалу показался один из них. Джим поет:

“ Мы в безопасности, Гек, мы в безопасности! Подпрыгивай и щелкай каблуками! Это де Старый добрый Каир в Лас-Вегасе, я джис это знает!”

Я говорю:

“Я возьму каноэ и пойду посмотрю, Джим. Знаешь, этого может и не быть.

Он прыгнул, приготовил каноэ и бросил свое старое пальто в воду
дно, чтобы я мог сесть, и дай мне весло; и когда я оттолкнулся, он
говорит:

“Очень скоро я буду кричать от радости, и я скажу, что это все из-за
Гека; я свободный человек, и я никогда не смог бы освободиться, если бы это случилось не из-за Гека; Гек сделал это. Джим никогда не забудет тебя, Гек; ты лучший друг, который когда-либо был у Джима; и ты единственный друг, который теперь есть у старого Джима.

Я плыл прочь, весь в поту, готовясь донести на него; но когда он сказал
это, это, казалось, лишило меня самообладания. Тогда я продвигался медленно,
и я не совсем уверен, был ли я рад, что начал, или
нет. Когда я был в пятидесяти ярдах от него, Джим сказал:

“Ну и дела, старый верный Гек; единственный белый джентльмен, который когда-либо сдержал свое обещание, данное старине Джиму”.

Ну, мне просто стало дурно. Но я говорю, что должен это сделать — я не могу отказаться от этого. Как раз в этот момент мимо проплывает лодка с двумя мужчинами с ружьями, и они остановились, и я остановился. Один из них говорит:

“Что это там?”

“Обломок плота”, - говорю я.

“Ваше место на нем?”

“Да, сэр”.

“На нем есть люди?”

“Только один, сэр”.

“Ну, там пятеро негров сбежали сегодня ночью вон там, над головой
из-за поворота. Ваш мужчина белый или черный?”

Я не ответил на запрос. Я пытался, но слова не шли с языка. Секунду или две я
пытался собраться с духом и справиться с этим, но у меня не хватило мужества
— не хватило мужества кролика. Я вижу, что слабею; поэтому я просто
оставляю попытки, встаю и говорю:

“Он белый”.

“Я думаю, мы пойдем и посмотрим сами”.

“Я бы хотел, чтобы ты это сделал, - говорю я, - потому что там папа, и, может быть, ты помог бы мне отбуксировать плот к берегу, где светло. Он болен, как и мама и Мэри Энн.

“ О, дьявол! мы спешим, мальчик. Но, полагаю, мы должны. Давай, пристегивайся к своему веслу, и поехали дальше.

Я пристегнулся к своему веслу, и они взялись за весла. Когда мы нанесли пару ударов, я сказал:

“ Папа будет тебе очень благодарен, могу тебе сказать. Все уходят, когда я хочу, чтобы они помогли мне отбуксировать плот на берег, а я не могу сделать это сам”.

“Ну, это чертовски подло. Тоже странно. Скажи, мальчик, что случилось с твоим отцом?

“ Это—э—э-э... ну, в общем, ничего особенного.”

Они перестали тянуть. До плота осталось совсем немного теперь. Один говорит:

“Боже, это ложь. Что случилось с твоим отцом? Отвечайте прямо сейчас, и так будет лучше для вас”.

“Я сделаю, сэр, я сделаю, честное слово, но не покидайте нас, пожалуйста. Это... это... Джентльмены, если вы только продвинетесь вперед и позволите мне сообщить вам заголовок, вам не придется подходить к плоту — пожалуйста, подходите.

“Отодвинь ее, Джон, отодвинь!” - говорит один. Они дали задний ход воде. “Держись подальше, парень, смотри в оба. Черт возьми, я просто думаю, что ветер донес это до нас. У твоего папы оспа, и ты это прекрасно знаешь. Почему ты не вышел и не сказал об этом? Ты хочешь распространить это повсюду?”

“Ну, - говорю я, всхлипывая, - я уже всем говорил раньше, и они просто ушли и бросили нас”.

“ Бедняга, в этом что-то есть. Нам очень жаль вас, но мы— Ну, черт возьми, понимаете, мы не хотим заболеть оспой. Слушай сюда, я скажу тебе, что делать. Не пытайся приземлиться самостоятельно, иначе разобьешь все вдребезги. Вы проплывете вниз примерно двадцать миль, и окажетесь в городке на левом берегу реки. Тогда будет еще долго после восхода солнца, и когда ты попросишь о помощи, скажи им, что у твоих родных озноб и высокая температура. Не будь снова дураком и позволь людям догадаться, в чем дело. Теперь мы пытаемся оказать вам услугу;

так что ты просто разделяешь нас на двадцать миль, вот и молодец.
Приземляться там, где светло, не принесет никакой пользы — это всего лишь дровяной склад.
Послушай, я считаю, что твой отец беден, и должен сказать, что ему очень не
повезло. Вот, я положу двадцатидолларовую золотую монету на эту доску, и ты получишь
ее, когда она проплывет мимо. Я чувствую себя ужасно подло, покидая тебя; но царство мне небесное!
не годится шутить с оспой, неужели ты не понимаешь?

“Подожди, Паркер, - говорит другой мужчина, - вот тебе двадцатка, положи на
доску для меня. Прощай, мальчик; делай, как сказал тебе мистер Паркер, и с тобой
все будет в порядке.

“ Вот так, мой мальчик, прощай, прощай. Если ты увидишь каких-нибудь сбежавших
ниггеров, ты позовешь на помощь и схватишь их, и ты сможешь
на этом заработать немного денег ”.

- До свидания, сэр, - говорю я. - Я не позволю ни одному беглому негру пройти мимо меня, если
Я могу с этим поделать.

Они ушли, а я забрался на плот, чувствуя себя плохо и подавленно, потому что
я очень хорошо знал, что поступил неправильно, и я вижу, что мне бесполезно
пытаться научиться поступать правильно; тело, которое не начинает действовать правильно, когда
оно маленькое, не выставляется напоказ — когда наступает критический момент, нет ничего,
чтобы поддержать его и заставить заниматься своей работой, и поэтому его бьют. Потом я
подумал минутку и сказал себе: "Подожди; предположим, ты поступил бы правильно
и отказался от Джима, было бы тебе лучше, чем то, что ты делаешь сейчас?" Нет, говорю я,
я бы чувствовал себя плохо - я бы чувствовал себя точно так же, как сейчас. Ну, тогда, говорю я,
какой смысл тебе учиться поступать правильно, когда поступать правильно - дело хлопотное,
а поступать неправильно - совсем нетрудно, и плата точно такая же? Я был
в тупике. Я не мог ответить на этот вопрос. Поэтому я решил, что больше не буду беспокоиться
по этому поводу, но после этого всегда делаю то, что подвернется под руку в данный момент.

Я вошел в вигвам; Джима там не было. Я огляделся по сторонам; его
нигде не было. Я говорю:

“Джим!”

“Вот и я, Гек. Они еще не пропали из виду? Не говори громко.”

Он был в реке под кормовым веслом, высунув наружу только нос. Я сказал
ему, что они скрылись из виду, поэтому он поднялся на борт. Он говорит:

“Я слушал все эти разговоры, и я соскользнул в реку, где был гвинн
, чтобы оттолкнуться от нее, если они поднимутся на борт. Потом я собирался снова плыть на
плот, когда они ушли. Но, лоузи, как ты их одурачил, Гек!

Это уловка умников! Говорю тебе, чили, я надеюсь, что это спасет старину Джима — старина Джим не забудет тебя за это, милая.

Потом мы поговорили о деньгах. Это была довольно приличная прибавка — по двадцать долларов за штуку. Джим сказал, что теперь мы можем пользоваться палубой на пароходе, и денег нам хватит на столько, сколько мы захотим добраться до свободных Штатов. Он сказал, что плоту осталось пройти еще двадцать миль, но он хотел бы, чтобы мы уже были там.

Ближе к рассвету мы причалили, и Джим был очень внимателен к тому, чтобы хорошенько спрятать плот. Затем он проработал весь день, собирая вещи в узлы, и готовясь бросить сплав.

В тот вечер около десяти часов мы увидели вдали огни городка внизу, за левым поворотом.

Я отправился в каноэ, чтобы спросить об этом. Довольно скоро я обнаружил человека на реке с яликом, который натягивал леску. Я встал в ряд и говорит:

“Мистер, это город Каир?”

“Каир? нет. Вы, должно быть, полный идиот”.

“Что это за город, мистер?”

“Если хотите знать, пойдите и выясните. Если ты останешься здесь, беспокоясь рядом со мной еще хотя бы на полминуты, ты получишь то, чего не захочешь”.

Я поплыл к плоту. Джим был ужасно разочарован, но я сказал, что никогда не обращай внимания, следующим местом, как я полагал, будет Каир.

Перед рассветом мы проехали еще один город, и я снова собрался выйти; но это была возвышенность, так что я не поехал. В Каире нет возвышенностей, сказал Джим. Я совсем забыл об этом. Мы остановились на день на выступе, довольно близко к левому берегу. Я начал кое-что подозревать. Джим тоже. Я говорю:

“Может быть, той ночью мы проезжали мимо Каира в тумане”.

Он говорит:

“Давай поговорим об этом, Гек. Таким ниггерам не везет. Я авлузу показалось, что кожа гремучей змеи не справилась со своей работой”.

- Лучше бы я никогда не видел эту змеиную кожу, Джим, лучше бы я никогда не видел ее.

“ Это не твоя вина, Гек, ты не знал. Не вини себя за это”.

Когда рассвело, здесь, у берега, была чистая вода Огайо, конечно, достаточно, а снаружи была старая обычная Мутная вода! Итак, с Каиром было покончено.

Мы все это обсудили. Плыть к берегу не годилось; конечно, мы не могли поднять плот вверх по течению. Не было другого выхода, кроме как дождаться темноты, сесть обратно в каноэ и рискнуть. Итак, мы проспали весь день в зарослях тополя, чтобы набраться сил для работы, и когда мы вернулись к плоту, когда стемнело, каноэ уже не было!

Долгое время мы не произносили ни слова. Говорить было не о чем. Мы оба достаточно хорошо знали, что это была еще одна работа из кожи гремучей змеи-
; так какой смысл был говорить об этом? Это было бы только похоже на то, что мы находим недостатки, и это неизбежно привело бы к еще большему невезению — и продолжало бы приносить его, пока мы не узнали бы достаточно, чтобы оставаться на месте.

Мало-помалу мы обсудили, что нам лучше сделать, и пришли к выводу, что нет другого выхода, кроме как просто плыть вниз на плоту, пока у нас не появится возможность купить каноэ, чтобы вернуться обратно. Мы не собираемся одалживать их, когда поблизости нет никого, как сделал бы папа, потому что это может натравить людей на нас.

Итак, мы отплыли на плоту после наступления темноты.

Любой, кто еще не верит, что обращаться с змеиная кожа, после всего, что эта змеиная кожа сделала для нас, теперь в это поверят, если они прочтут дальше и увидят, что еще она сделала для нас.

Каноэ лучше всего покупать у плотов, стоящих у берега. Но мы не увидели никаких припасенных плотов; так что мы плыли три часа и больше. Что ж, ночь стала серой и довольно густой, что является следующей самой неприятной вещью после тумана. Вы не можете различить очертания реки, и вы не можете видеть расстояние. Было уже очень поздно и тихо, а потом вверх по реке появился пароход. Мы зажгли фонарь и рассудили, что она это увидит.
Лодки, плывущие вверх по течению, обычно не подплывали к нам близко; они выходят и идут вдоль отмелей и ищут легкую воду под рифами; но в такие ночи, как эта, они идут прямо по каналу против всей реки.

Мы слышали, как она бежит, но не могли разглядеть ее как следует, пока она не подошла совсем близко. Она целилась прямо в нас. Часто они делают это и пытаются увидеть, насколько близко они могут подлететь, не соприкасаясь; иногда штурвал откусывает от размаха, и тогда пилот высовывает голову, смеется и думает

он очень умен. Ну, вот она и пришла, и мы сказали, что она собирается
попытаться побрить нас; но, похоже, она ни капельки не сбривалась. Она была
большой и тоже приближалась в спешке, похожая на черное облако,
окруженное рядами светлячков; но внезапно она выплыла наружу,
большая и пугающая, с длинным рядом широко открытых дверц печи, сияющих, как
раскаленные зубы, и ее чудовищные луки и щиты нависли прямо над нами.
На нас закричали, зазвенели колокольчики, требуя заглушить двигатели, раздался
взрыв ругани и свист пара — и когда Джим полетел за борт
с одной стороны, а я с другой, она проломилась прямо сквозь
плот.

Я нырнул — и при этом стремился нащупать дно, потому что тридцатифутовое колесо
должно было проехать надо мной, а я хотел, чтобы у него было достаточно места. Я
всегда мог пробыть под водой минуту; на этот раз, я думаю, я пробыл под водой
минуты полторы. Затем я в спешке отскочил к вершине, потому что чуть не
сорвался. Я вынырнул по самые подмышки, вытряхнул воду из
носа и немного отдышался. Конечно, там было бурное течение; и,
конечно, эта лодка снова завела моторы через десять секунд после того, как она остановила
их, потому что они никогда особо не заботились о плотовщиках; так что теперь она плыла, вспениваясь,
вверх по реке, вне поля зрения в такую ненастную погоду, хотя я мог слышать
ее.

Я позвал Джима около дюжины раз, но не получил никакого ответа;
поэтому я схватил доску, которая задела меня, когда я “барахтался в воде”, и
поплыл к берегу, толкая ее перед собой. Но я разглядел, что
течение течет к левому берегу, а это означало, что
я был на переправе; поэтому я свернул и пошел в ту сторону.

Это был один из таких длинных, наклонных двухмильных переходов, так что я
довольно долго добирался туда. Я благополучно приземлился и вскарабкался на
берег. Я не мог видеть ничего, кроме нескольких путей, но я пробирался по неровной
земле четверть мили или больше, а потом наткнулся на большой старомодный двойной бревенчатый дом, прежде чем
заметил его. ....
Я собирался проскочить мимо
и убежать, но множество собак выскочило и принялось выть и
лаять на меня, и я понял, что лучше не трогать еще один колышек.

Глава XVII

Примерно через минуту кто-то выглянул из окна, не высовывая
головы, и сказал:

“Будет сделано, мальчики! Кто там?”

Я говорю:

“Это я”.

“Кто это я?”

“Джордж Джексон, сэр”.

“Чего вы хотите?”

“Мне ничего не нужно, сэр. Я только хотел пройти мимо, но собаки
меня не пускают.

— Эй, чего ты тут бродишь в такое время ночи?

“Я не рыскал вокруг, сэр, я упал за борт с парохода”.

“О, это вы сделали, не так ли? Зажгите там кто-нибудь свет. Как ты
сказал, тебя зовут?

“ Джордж Джексон, сэр. Я всего лишь мальчик”.

“Послушай, если ты говоришь правду, тебе не нужно бояться —
никто не причинит тебе вреда. Но не пытайтесь сдвинуться с места; стойте там, где стоите.
Разбудите Боба и Тома, кого-нибудь из вас, и принесите оружие. Джордж
Джексон, с тобой кто-нибудь есть?”

“Нет, сэр, никто”.

Теперь я услышал, как в доме зашевелились люди, и увидел свет.
Мужчина пропел:

— Убери фонарь, Бетси, старая дура, неужели у тебя нет хоть капельки
здравого смысла? Положи его на пол за входной дверью. Боб, если вы с Томом
готовы, займите свои места.

“Все готово”.

“Итак, Джордж Джексон, ты знаком с Шепердсонами?”

“Нет, сэр, я никогда о них не слышал”.

“Что ж, может быть, так, а может и нет. Теперь все готово. Шагни вперед,
Джордж Джексон. И помни, не торопись — двигайся очень медленно. Если
с вами кто—нибудь есть, пусть держится подальше - если он покажется, он

быть застреленным. Пойдем сейчас же. Иди медленно, толкни дверь сам — только настолько, чтобы протиснуться внутрь, слышишь?

Я не спешил; я не смог бы, даже если бы и а захотел. Я делал по одному медленному шагу за раз, и не было слышно ни звука, только мне казалось, что я слышу свое сердце. Собаки были так же неподвижны, как и люди, но следовали немного позади меня. Когда я добрался до трех бревенчатых порогов, я услышал, как они отпирают и отодвигают засовы. Я положил руку на дверь и толкнул ее немного и еще немного, пока кто—то не сказал: “Ну вот, достаточно, просунь голову внутрь”. Я сделал это, но решил, что они снимут ее.

Свеча стояла на полу, и вот они все стояли и смотрели на меня, а я на них, примерно четверть минуты: трое крупных мужчин с пистолетами, направленными на меня, отчего, скажу я вам, меня передернуло; самый пожилой, седой, около шестидесяти, двум другим по тридцать или больше — все они изящные и статные — и милейшая пожилая седовласая леди, а за ее спиной две молодые женщины, которых я не мог как следует разглядеть. Старый джентльмен говорит:

“ Ну вот; я думаю, все в порядке. Входите.

Как только я вошел, пожилой джентльмен запер дверь на засов запер дверь на засов и велел молодым людям войти со своими ружьями, и все они прошли в большую гостиную, где на полу был новый тряпичный ковер, и собрались в углу, который был вне досягаемости фасадных окон — сбоку их не было. Они держали свечу и внимательно посмотрели на меня, и все сказали: “Да ведь ОН не Шепердсон — нет, в нем нет никакого Шепердсона”. Тогда старик сказал, что надеется, я не буду возражать, если меня обыщут на предмет оружия, потому что он не хотел причинить мне вреда — это было только для того, чтобы убедиться. Поэтому он не стал совать нос в мои карманы, а только пощупал снаружи руками и сказал, что все в порядке. Он сказал мне, чтобы я вела себя непринужденно, как дома, и рассказала все о себе; но пожилая леди говорит:

- Да благословит тебя господь, Сол, бедняжка промокла до нитки; и тебе не кажется, что, может быть, он голоден?

“Это верно для тебя, Рэйчел, я забыла”.

Итак, пожилая леди говорит:

“Бетси” (это была негритянка), “облетай вокруг и приведи его поскорее съешь что-нибудь, бедняжка; и кто-нибудь из вас, девочки, идите, разбудите Бака и скажите ему — о, вот и он сам. Бак, возьми это

маленький незнакомец, сними с него мокрую одежду и переодень его в
что-нибудь из твоих сухих вещей".

Баку было примерно столько же лет, сколько мне, — тринадцать-четырнадцать или около того,
хотя он был немного крупнее меня. На нем не было ничего, кроме рубашки,
и он был очень хмурый. Он вошел, разинув рот и тыча одним кулаком
себе в глаза, а другим тащил пистолет. Он
говорит:

- Неужели здесь поблизости нет Шепердсонов?

Они сказали, нет, это была ложная тревога.

"Ну, - говорит он, - если бы у них был какой-нибудь бен, думаю, у меня бы он был".

Все засмеялись, а Боб говорит:

"Ну, Бак, они могли бы снять с нас скальпы, ты так долго не приходил
".

"Ну, за мной никто не гонится, и это неправильно, что меня всегда держат
в подавленном состоянии; я не получаю никакого представления".

"Не бери в голову, Бак, мой мальчик, - говорит старик, - ты еще покажешь себя
достаточно, всему свое время, не беспокойся об этом. Теперь иди с тобой надолго
и делай, как велела тебе твоя мать.

Когда мы поднялись наверх, в его комнату, он принес мне грубую рубашку,
карусель и штаны, и я надел их. Пока я говорил, он
спросил, как меня зовут, но прежде чем я успел ответить, он начал рассказывать
мне о сойке и молодом кролике, которых он поймал в лесу
позавчера, и он спросил меня, где был Мозес, когда погасла свеча
. Я сказал, что не знаю; я ни за что не слышал об этом раньше.

"Ну, угадай", - говорит он.

"Как я могу догадаться, - говорю я, - если я никогда не слышал об этом
раньше?"

"Но ты можешь догадаться, не так ли? Это так же просто".

"КАКАЯ свеча?" Я спрашиваю.

"Ну, любая свеча", - говорит он.

"Я не знаю, где он был", - говорю я. "Где он был?"

"Да ведь он был в ТЕМНОТЕ! Так вот где он был!"

"Ну, если ты знал, где он был, о чем ты меня спрашивал?"

"Да что ты, это загадка, разве ты не видишь? Скажи, как долго ты
собираешься оставаться здесь? Ты должен оставаться всегда. У нас может быть просто бум

времена — сейчас у них нет школы. У вас есть собака? У меня есть
собака, и она ходит на реку и приносит щепки, которые ты бросаешь в воду.
Тебе нравится расчесывать по воскресеньям и тому подобные глупости? Спорим, я
не хочу, но мама меня заставляет. Черт бы побрал эти старые штаны! Думаю, мне
лучше надеть их, но я бы предпочел не надевать, здесь так тепло. Вы все готовы? Все
в порядке. Пойдем, старина.

Холодные кукурузные лепешки, холодная кукурузная говядина, масло и пахта - вот что
мне там приготовили, и ничего вкуснее я еще не
встречал. Бак, его мать и все остальные курили початковые трубки,
кроме негритянки, которой уже не было, и двух молодых женщин.
Они все курили и разговаривали, а я ела и разговаривала. Молодые женщины были
закутаны в одеяла, а их волосы распущены по спине. Они все задавали мне
вопросы, и я рассказал им, как мы с папой и вся наша семья жили
на маленькой ферме в нижней части Арканзаса, и моя сестра Мэри
Энн сбежала, вышла замуж и больше о ней ничего не слышали, и Билл
отправился на охоту за ними и больше ничего не слышал, и Том и Морт
умерли, а потом не осталось никого, кроме меня и папы, и его
просто сократили до нуля из-за его неприятностей; так что, когда он
умер, я забрал то, что осталось, потому что на ферме ничего не было. принадлежащий нам, и
поплыл вверх по реке, по палубному переходу, и упал за борт; и вот так я
очутился здесь. Поэтому они сказали, что у меня может быть там дом столько, сколько я
захочу. Потом почти рассвело, и все легли спать, и я
лег спать с Баком, а когда проснулся утром, черт бы все побрал, я
забыл, как меня зовут. Итак, я пролежал там около часа, пытаясь
подумать, и когда Бак проснулся, я сказал:

“Ты можешь писать по буквам, Бак?”

“Да”, - говорит он.

“Держу пари, ты не сможешь выговорить мое имя по буквам”, - говорю я.

“Держу пари на что угодно, что смогу”, - говорит он.

“Хорошо, - говорю я, - продолжайте”.

“Г-е-о-р-г-е Дж-а-х—о-н-там”, - говорит он.

“Что ж, ” говорю я, “ ты сделал это, но я не думал, что ты сможешь. Это не
сложно произносить имя по буквам — сразу, не заучивая ”.

Я записал это, наедине, потому что кто-нибудь мог захотеть, чтобы я произнес это по буквам следующим, и поэтому я хотел быть под рукой и произносить это так, как будто я к этому привык
.

Это была очень хорошая семья и очень хороший дом тоже. Я раньше не видел ни одного загородного дома, который был бы таким красивым и в котором было бы так много стиля. На входной двери не было ни железной щеколды, ни деревянной, с бечевкой из оленьей кожи, только медная ручка для поворота, такая же, как в домах в городе. В гостиной не было ни кровати, ни каких-либо признаков кровати; но во множестве гостиных в городах есть кровати. Там был большой камин, который был заложен кирпичом снизу, и кирпичи поддерживались чистыми и красными, если наливать на них воду и протирать другим кирпичом; иногда они промывают их красной водной краской, которую они называют испано-коричневой, такой же, как это делают в городе. У них были большие латунные собачьи кандалы, на которые можно было поднять бревно для пиления. Посередине каминной полки стояли часы с изображением города, нарисованным на нижней половине стеклянной панели, и круглым местом для солнца посередине, и можно было видеть, как за ними качается маятник. Было прекрасно слышать тиканье часов; и иногда, когда кто-нибудь из этих разносчиков оказывался поблизости и обыскивал ее и приводил в хорошую форму, она начинала и пробивала сто пятьдесят, прежде чем выбивалась из сил. Они не взяли бы за нее никаких денег.

Так вот, с каждой стороны часов было по большому диковинному попугаю, сделанному из чего-то вроде мела и ярко раскрашенному. Рядом с одним из попугаев была кошка, сделанная из посуды, а рядом с другим - фарфоровая собачка; и когда на них надавливали, они пищали, но не открывали ртов и не выглядели ни по-другому, ни заинтересованно. Они со скрипом проходили снизу. За этими штуками была разложена пара больших вееров в виде крылышек дикой индейки
. На столе в центре комнаты стояло что-то вроде красивой корзинки для посуды, в которой были навалены яблоки, апельсины, персики и виноград, которые были намного краснее, желтее и красивее, чем настоящие, но они были ненастоящими, потому что было видно, где откололись кусочки и виднелся белый мел, или что там у него было, под ними.

У этого стола была крышка, сделанная из красивой клеенки, с нарисованным на ней красным и синим распластанным орлом и раскрашенной каймой по всему периметру. Они сказали, что это привезли аж из Филадельфии. Еще там были какие-то книги,

идеально ровные стопки на каждом углу стола. Одна из них была большой
семейной Библией, полной картинок. Одним из них был "Прогресс Пилигрима", о человеке,
который бросил свою семью, в нем не говорилось почему. Время от времени я много читал в нем.
тогда. Заявления были интересными, но жесткими. Другим было
Предложение Дружбы, полное прекрасных вещей и поэзии; но я не читал
этих стихов. Другим были Речи Генри Клея, а другим - книга доктора
"Семейная медицина" Ганна, в которой рассказывалось все о том, что делать, если человек
болен или мертв. Там был сборник гимнов и много других книг. И
там были хорошие стулья с раздельным дном, и к тому же совершенно прочные - не сложенные
пополам посередине и не сломанные, как старая корзина.

На стенах у них были развешаны картины — в основном “Вашингтоны" и "
Лафайеты", "Битвы" и "Хайленд Мэри", а одна называлась "Подписание
декларации”. Там были такие, которые они называли мелками, которые одна из
умерших дочерей сделала сама, когда ей было всего пятнадцать
лет. Они отличались от любых фотографий, которые я когда—либо видел раньше -
в основном, более черные, чем обычно. На одной была женщина в узком черном
платье, слегка подпоясанном под мышками, с выпуклостями, похожими на кочан капусты, в
середине рукавов, и в большой черной шляпке-совке с черной
вуалью, и в белых тонких лодыжках, перевязанных черной лентой, и в очень маленьких
черных туфельках, похожих на стамеску, и она задумчиво опиралась на надгробную плиту,
на правый локоть, под плакучей ивой, а другая ее рука, свисающая
вниз, держала белый носовой платок и ридикюль, и
под фотографией было написано: сказала: “Увы, я больше никогда тебя не увижу”.
Другой была молодая леди с волосами, зачесанными наверх до
макушки и завязанными там узлом перед расческой, как спинка стула,
и она плакала в носовой платок, а в другой руке у нее лежала на
спинке мертвая птица пятками вверх, а под картинкой было
написано: “Увы, я больше никогда не услышу Твоего сладкого щебета”. Там была одна,
где молодая леди стояла у окна и смотрела на луну, и слезы
текли по ее щекам; в одной руке она держала открытое письмо, на краешке которого виднелся
черный сургуч, а ко рту она прижимала
медальон на цепочке, а под картинкой
было написано: “И ты ушел, да, ты ушел, увы”. По-моему, все это были приятные
фотографии, но мне они почему-то не понравились, потому что, если
мне когда-нибудь становилось немного не по себе, они всегда вызывали у меня восторг. Все

было жаль, что она умерла, потому что она выложила еще много таких фотографий, которые нужно было сделать, и по тому, что она сделала, люди могли видеть, чего они лишились. Но я посчитал, что с ее характером ей было бы лучше проводить время на кладбище. Она работала над тем, что, по их словам, было ее величайшей картиной, когда заболела, и каждый день и каждую ночь молилась о том, чтобы ей позволили дожить до тех пор, пока она не закончит это дело, но у нее так и не появилось шанса. Это была фотография молодой женщины в длинном белом платье, стоящей на перилах моста, готовой прыгнуть с него, с распущенными по спине волосами и смотрящей на Луну, по ее лицу текли слезы, и у нее были две руки, сложенные на груди, и две руки вытянуты вперед, и еще две тянутся к Луне — идея заключалась в том, чтобы посмотреть, какая пара будет смотреться лучше, а затем вычесать все остальные руки; но, как я говорил, она умерла, не успев принять решение, и теперь они держала эту фотографию над изголовьем кровати в своей комнате, и каждый раз, когда наступал ее день рождения, они вешали на нее цветы. В других случаях его прикрывали небольшой занавеской. У молодой женщины на фотографии было довольно милое личико, но рук было так много, что она казалась мне слишком похожей на паука.

Эта молодая девушка, когда была жива, вела альбом для вырезок и вклеивала в него некрологи, несчастные случаи и случаи страданий пациентов из пресвитерианского журнала Observer и писала стихи в честь них из собственной головы. Это были очень хорошие стихи. Вот что она написала о мальчике по имени Стивен Доулинг Ботс, который упал в колодец и утонул:

ОДА БОТАМ СТИВЕНА ДОУЛИНГА, ДЕКАБРЬ

И заболел ли молодой Стивен, И умер ли молодой Стивен? И печальные сердца сжались, И плакали ли скорбящие?

Нет; такова не была судьба юного Стивена Доулинга Ботса; Хотя печальные сердца вокруг него сгустились, но это было не от уколов от болезни.

Ни коклюш не изуродовал его тело, Ни корь не изуродовала прыщи; Не они осквернили священное имя Стивена Доулинга Ботами.

Презренная любовь не причинила горя Этой кудрявой голове, И проблемы с желудком не повергли его в уныние, Молодого Стивена Доулинга Ботса.

О нет. Тогда перечисляй со слезами на глазах, Пока я рассказываю о его судьбе. Его душа вылетела из этого холодного мира, упав в колодец.

Они вытащили его и опустошили; Увы, было слишком поздно; Его дух
ушел, чтобы резвиться В царстве добра и величия.

Если Эммелин Грейнджерфорд умела сочинять такие стихи до того, как ей исполнилось
четырнадцать, никто не знает, чего бы она смогла добиться со временем. Бак
говорил, что она может тараторить стихи как ни в чем не бывало. Ей никогда не приходилось останавливаться,
чтобы подумать. Он сказал, что она набрасывала строчку, а если не могла найти
что-нибудь в рифму, то просто вычеркивала ее и набрасывала другую
и шла дальше. Она не была привередливой; она могла написать обо всем, о чем
вы пожелаете дать ей написать, просто чтобы это было грустно. Каждый раз, когда
умирал мужчина, или женщина, или ребенок, она оказывалась под рукой со
своей “данью”, прежде чем он остывал. Она называла их данью. Соседи
сказали, что сначала был доктор, потом Эммелин, потом гробовщик —
гробовщик никогда не опережал Эммелин, кроме одного раза, и тогда она загорелась
идеей рифмы к имени покойного, которое было Уистлер. После этого она
уже не была прежней; она никогда не жаловалась, но стала добрее,
зачахла и прожила недолго. Бедняжка, много раз я заставляла
себя подняться в маленькую комнату, которая раньше принадлежала ей, достать ее бедный
старый альбом для вырезок и почитать в нем, когда ее рисунки раздражали меня
и я немного злилась на нее. Мне нравилась вся эта семья, мертвые и все такое,
и я не позволю ничему встать между нами. Бедняжка Эммелин сочинила
стихи обо всех умерших людях, когда была жива, и мне казалось
неправильным, что теперь, когда ее
не стало, некому было сочинить что-нибудь о ней; так что я попытался сочинить стих-другой сам, но, похоже, у меня
как-то не
получалось. Они содержали комнату Эммелины в чистоте, и все
вещи в ней были расставлены именно так, как ей нравилось, когда она была
жива, и там никогда никто не спал. Пожилая леди
сама убирала комнату, хотя там было много негров, и она много там шила
и в основном читала свою Библию.

Ну, как я уже говорил о гостиной, на окнах были красивые занавески
: белые, с нарисованными на них изображениями замков, увитых
виноградными лозами по стенам, и скота, спускающегося на водопой. Еще там было
маленькое старое пианино, в котором, по-моему, стояли жестяные сковородки, и ничто не было
так приятно, как слушать, как юные леди поют “Разорвано последнее звено” и
играют на нем ”Пражскую битву“. Стены всех комнат были

стало ужасно темно.

оштукатурены, полы в большинстве из них устланы коврами, и весь дом был
побелен снаружи.

Это был двойной дом, и большое открытое пространство между ними было
с крышей и полом, и иногда стол накрывали там в середине
дня, и это было прохладное, уютное место. Ничего не могло быть
лучше. И предупреждаю, приготовление вкусное, и всего понемножку!

Глава XVIII

Видите ли, полковник ГРЕЙНДЖЕРФОРД был джентльменом. Он был джентльменом
во всем, как и его семья. Он был знатного происхождения, как говорится, а
в мужчине это ценится не меньше, чем в лошади, так
говорила вдова Дуглас, и никто никогда не отрицал, что она принадлежала к первой аристократии в нашем
городе; и папа он тоже всегда это говорил, хотя сам был не более высокого качества,
чем грязный кот. Полковник . Грейнджерфорд был очень высоким и очень стройным, и
у него был смугловато-бледный цвет лица, нигде ни малейшего признака красноты; он
каждое утро гладко выбривал все свое худое лицо, и у него были тончайшие
губы, и тончайшие ноздри, и высокий нос, и густые
брови, и самые черные глаза, запавшие так глубоко, что
казалось, будто они смотрят на вас из пещер, как вы можете выразиться. У него был высокий
лоб, черные прямые волосы ниспадали до
плеч. Руки у него были длинные и тонкие, и каждый день своей жизни он
надевал чистую рубашку и парадный костюм с головы до ног из льна, такого
белого, что на него было больно смотреть глазам; а по воскресеньям он надевал синий фрак
с медными пуговицами. Он носил трость красного дерева с серебряным
набалдашником. В нем не было ни капли легкомыслия, ни капельки, и он
никогда не был громким. Он был настолько добр, насколько мог быть — вы могли чувствовать это,
вы знаете, и поэтому у вас была уверенность. Иногда он улыбался, и на это было
приятно смотреть; но когда он выпрямлялся, как столб свободы, и
из-под его бровей начинали сверкать молнии, вам хотелось
сначала залезть на дерево, а потом выяснить, в чем дело. Ему
никогда не приходилось говорить кому—либо, чтобы он следил за своими манерами - там, где он был, все
всегда были хорошо воспитаны. Всем тоже нравилось, когда он был
рядом; он почти всегда был солнечным лучом — я имею в виду, он создавал впечатление, что это
хорошая погода. Когда он превратился в облако, для

полминуты, и этого было достаточно;
в течение недели больше ничего не пойдет не так.

Когда он и пожилая леди спустились утром, вся семья
встала со своих стульев и пожелала им доброго дня, и больше не садилась
, пока они не сели. Затем Том и Боб подошли к буфету,
где стоял графин, налили в бокал биттера и протянули его
ему, и он подержал бокал в руке и подождал, пока Том и Боб
смешают, а потом они поклонились и сказали: “Наш долг перед вами, сэр и
мадам”; и ОНИ поклонились изо всех сил и поблагодарили вас,
и так они выпили, все трое, а Боб и Том налили ложку
воды на сахар и капельку виски или яблочного бренди на дно
бокалов. наполни бокалы и передай их мне и Баку, и мы тоже выпили за стариков
.

Боб был самым старшим, а Том следующим — высокими, красивыми мужчинами с очень
широкими плечами и смуглыми лицами, длинными черными волосами и черными глазами.
Они были одеты в белое полотно с головы до ног, как и пожилой джентльмен,
и носили широкополые панамы.

Потом была мисс Шарлотта; ей было двадцать пять, она была высокой,
гордой и величественной, но настолько хорошей, насколько это было возможно, когда она не волновалась;
но когда она волновалась, у нее был взгляд, который заставил бы вас поникнуть на месте,
как у ее отца. Она была прекрасна.

Как и ее сестра, мисс София, но это было совсем другое дело. Она была
нежной и ласковой, как голубка, и ей было всего двадцать.

У каждого человека был свой негр, который прислуживал им, в том числе и Бак. Моему
ниггеру было чудовищно легко, потому что я не привык, чтобы
кто-то что-то для меня делал, но "Бакс" большую часть
времени был на взводе.

Это было все, что осталось от семьи сейчас, но раньше их было больше
— трое сыновей; их убили; и Эммелин, которая умерла.

Старый джентльмен владел множеством ферм и более чем сотней негров.
Иногда туда приезжала толпа людей верхом, со стороны десяти или
пятнадцати миль в округе, и оставалась на пять или шесть дней, и устраивала такие пирушки
вокруг и на реке, и танцы, и пикники в лесу
днем, и балы по вечерам в доме. Эти люди были в основном

родственники семьи. Мужчины принесли с собой оружие. Это была
очень качественная партия, скажу я вам.

Там был еще один аристократический клан — пять или шесть
семей, в основном из фамилии Шепердсон. Они были такими же высоколобыми
, родовитыми, богатыми и величественными, как племя Грейнджерфордов.
Шепердсоны и Грейнджерфорды пользовались одной и той же пристанью для пароходов, которая
находилась примерно в двух милях выше нашего дома; поэтому иногда, когда я ездил туда
со многими нашими родителями, я часто видел там Шепердсонов верхом на
их прекрасных лошадях.

Однажды мы с Баком были в лесу на охоте и услышали
топот лошади. Мы переходили дорогу. Бак говорит:

“ Быстрее! Прыгай в лес!”

Мы сделали это, а затем выглянули в лес сквозь листву.
Довольно скоро по дороге галопом проскакал великолепный молодой человек, легко придерживая
коня и выглядя как солдат. Поперек
луки седла у него висело ружье. Я видел его раньше. Это был молодой Харни Шепердсон. Я
услышал, как у моего уха выстрелил пистолет Бака, и шляпа Харни слетела с
его головы. Он схватил ружье и поскакал прямо к тому месту, где мы
прятались. Но мы не стали ждать. Мы побежали через лес.
Лес был негустым, поэтому я оглянулся через плечо, чтобы увернуться от пули,
и дважды видел, как Харни прикрывал Бака из ружья; а потом он ускакал
тем же путем, каким приехал, — наверное, за своей шляпой, но я не мог разглядеть. Мы не
переставали бежать, пока не добрались до дома. Глаза старого джентльмена сверкнули на
минуту — как я понял, в основном от удовольствия, — затем его лицо как бы
разгладилось, и он сказал довольно мягко:

“Мне не нравится эта стрельба из-за куста. Почему ты не вышел
на дорогу, мой мальчик?

“ Шепердсоны этого не делают, отец. Они всегда пользуются преимуществом.

Мисс Шарлотта держала голову высоко, как королева, пока Бак
рассказывал свою историю, ее ноздри раздувались, а глаза щелкали. Двое
молодых людей помрачнели, но ничего не сказали. Мисс София
побледнела, но румянец вернулся, когда она обнаружила, что мужчина не пострадал.

Как только я смог уложить Бака у кукурузных колосьев под деревьями
мы вдвоем, я сказал:

- Ты хотел убить его, Бак?

“Ну, держу пари, что так и было”.

“Что он тебе сделал?”

“Он? Он никогда ничего мне не делал”.

“Ну, тогда за что ты хотел его убить?”

“Да ни за что, просто это из-за вражды.

”Что такое вражда?“

”Почему, где ты вырос?“ Разве ты не знаешь, что такое вражда?”

“Никогда не слышал об этом раньше — расскажи мне об этом”.

“Ну, - говорит Бак, - вражда это так: человек ссорится с
другой мужчина и убивает его; затем брат этого другого мужчины убивает ЕГО; затем
другие братья с обеих сторон нападают друг на друга; затем
ДВОЮРОДНЫЕ БРАТЬЯ вступают в схватку — и мало-помалу все убиты, и
больше нет вражды. Но это как-то медленно и занимает много времени”.

“И давно это продолжается, Бак?”

“Ну, я бы ПРЕДПОЛОЖИЛ! Это началось тридцать лет назад или около того
примерно там же. Из—за чего-то возникли проблемы, а затем начался судебный процесс, чтобы
их урегулировать; и иск был подан против одного из мужчин, и поэтому он поднялся и застрелил
человека, выигравшего иск, - что он, естественно, и сделал бы.
Любой бы так сделал.

“Из—за чего были проблемы, Бак? — из-за земли?”

“Я думаю, может быть ... я не знаю”.

“Ну, а кто стрелял? Это был Грейнджерфорд или
Шепердсон?

“ Законы, откуда я знаю? Это было так давно”.

“Неужели никто не знает?”

“О, да, папа знает, я думаю, и некоторые другие старики; но
теперь они не знают, из-за чего вообще разгорелся скандал ”.

“Много ли было убитых, Бак?”

“Да, для похорон подходящий момент. Но они не всегда убивают. В папу
попало несколько картечин, но он не возражает, потому что все равно не
много весит. Боба немного порезали боуи, а Тому
раз или два причинили боль”.

“Бак, в этом году кого-нибудь убили?”

“Да, у нас есть один, и у них есть один. Месяца три назад мой
четырнадцатилетний двоюродный брат Бад ехал по лесу верхом на друге

на берегу реки, и у него не было с собой оружия, что было глупостью, и в безлюдном месте он слышит, как сзади него скачет лошадь, и видит, как старый Лысый Шепердсон гонится за ним с ружьем в руке, и его седые волосы развеваются по ветру; и "вместо того, чтобы спрыгнуть и скрыться в кустах, Бад"мычал, что сможет обогнать его; так что у них это и было, так и так, пять миль или больше, старик догонял всех. в тот раз; и вот, наконец, Бад увидел, что это бесполезно, поэтому он остановился и повернулся лицом так, чтобы отверстия от пуль были впереди, вы знаете, а старик подъехал и застрелил его. Но у него не было особого шанса насладиться своей удачей, потому что через неделю наши ребята уложили ЕГО ".

- Я думаю, этот старик был трусом, Бак.

" Я думаю, он НЕ БЫЛ трусом. Не с осуждающим видом. Среди Шепердсонов нет ни одного труса — ни единого. И среди Грейнджерфордов тоже нет трусов. Да ведь этот старик однажды в течение получаса отстаивал свою позицию в драке против трех Грейнджерфордов и вышел победителем. Все они были верхом; он спрыгнул со своей лошади и спрятался за небольшой поленницей дров, держа свою лошадь перед собой, чтобы остановить пули; но Грейнджерфорды остались на своих лошадях и скакали вокруг старика и палили в него, а он палил в них. Он и его лошадь вернулись домой изрядно потрепанными, но Грейнджерфордов пришлось вернуть домой — и один из них был мертв, а другой умер на следующий день. Нет, сэр; если кто-то охотится за трусами, он не хочет тратить время среди этих Шепердсонов, потому что они не разводят ничего подобного.

В следующее воскресенье мы все отправились в церковь, примерно за три мили, все верхом на лошадях. Мужчины взяли с собой ружья, Бак тоже, и держали их между колен или прислонили к стене. Шепердсоны сделали то же самое. Это была довольно злобная проповедь — все о братской любви и тому подобной нудятине; но все сказали, что это была хорошая проповедь, и все они обсуждали ее по дороге домой, и им было так много чего сказать о вере, и добрых делах, и даровой благодати, и предначертании, и я не знаю, о чем еще, что мне это действительно показалось одним из самых тяжелых воскресений, которые я когда-либо встречал.

Примерно через час после ужина все вокруг задремали, кто в своих креслах, а кто и в своих комнатах, и стало довольно скучно. Бак

и собака, растянувшись на траве под солнцем, крепко спала. Я поднялся
в нашу комнату и решил, что и сам неплохо бы вздремнуть. Я нашел эту милую
мисс Софию, стоявшую в дверях своей комнаты, которая была рядом с нашей, и она отвела
меня в свою комнату и очень тихо закрыла дверь, и спросила, нравится ли она мне,
и я сказал, что нравится; и она спросила, могу ли я кое-что сделать для нее и
никому не скажу, и я сказал, что сделаю. Потом она сказала, что забыла свое
Завещание и оставила его на скамье в церкви между двумя другими книгами, и спросила,
не мог бы я тихонько выскользнуть, сходить туда и принести его ей, и никому ничего не говорить
. Я сказал, что сделаю это. Так что я выскользнул из машины и зашагал вверх по дороге, а
в церкви никого не было, за исключением, может быть, пары свиней, потому что на двери
не было никакого замка, а летом свиньи любят перфорированный пол -
время, потому что там прохладно. Если вы заметили, большинство людей ходят в церковь не только
когда это необходимо; но свинья - это другое дело.

Говорю я себе, что что-то не так; для девушки неестественно
так волноваться из-за Завещания. Поэтому я встряхиваю его, и оттуда выпадает
маленький листок бумаги, на котором карандашом написано “ПОЛОВИНА третьего”.
Я перерыл его, но больше ничего не смог найти. Я ничего не мог с этим поделать
, поэтому снова вложил листок в книгу, а когда вернулся домой и
поднялся наверх, мисс София ждала меня у своей двери. Она втащила меня
внутрь и закрыла дверь; затем она заглянула в Завещание, пока не нашла
бумагу, и как только она прочитала ее, то выглядела довольной; и прежде чем кто-либо
успел подумать, она схватила меня, прижала к себе и сказала, что я
лучший мальчик в мире, и чтобы я никому не говорил. На минуту ее
лицо сильно покраснело, а глаза загорелись, и это сделало ее сильной
красавицей. Я был немало удивлен, но, собравшись с духом, спросил
ее, о чем эта статья, и она спросила, читал ли я ее, и я
сказал “нет”, а она спросила, умею ли я читать по почерку, и я ответил ей: "Нет, только
грубый почерк", и тогда она сказала, что на бумаге нет ничего, кроме книжного
знака, чтобы сохранить ее место, а я могу пойти поиграть.

Я спустился к реке, изучая эту штуку, и довольно скоро
заметил, что мой негр следует за мной по пятам. Когда мы были уже вне
поля зрения дома, он на секунду оглянулся, а потом
подбегает и говорит:

- Марсова Челюсть, если ты спустишься на болото, я покажу тебе
целую кучу водяных мокасин.

По-моему, это очень любопытно; он сказал это вчера. Ему следовало бы
знать, что никто не любит водонепроницаемые мокасины настолько, чтобы ходить за ними на охоту
. Что он вообще задумал? Поэтому я говорю:

" Хорошо, беги рысью вперед.

Я шел за ним с полмили; затем он перешел болото и
еще с полмили брел по щиколотку. Мы подошли к маленькому плоскому
участку земли, который был сухим и очень густо зарос деревьями, кустарниками и
виноградными лозами, и он сказал:

- Ты продвинулся вперед всего на несколько шагов, Марсианин; да вот что
они такое. У меня проблемы с семенами; я больше не хочу их видеть".

Затем он зашлепал прочь, и довольно скоро деревья
скрыли его. Я заглянул в это место и вышел на небольшой открытый участок,
размером со спальню, весь увитый виноградными лозами, и обнаружил, что там спит мужчина, лежащий
там, - и, клянусь богами, это был мой старый Джим!

Я разбудил его и подумал, что для
него будет большим сюрпризом снова увидеть меня, но этого не произошло. Он чуть не заплакал от радости, но
не был удивлен. Сказал, что в ту ночь он плыл за мной и каждый раз слышал, как
я кричу, но не решался отвечать, потому что не хотел, чтобы кто-нибудь
подобрал ЕГО и снова забрал в рабство. Говорит он:

"Я немного поранился, я не умел плавать раньше, так что у меня был приличный путь
за тобой в де лас"; когда ты приземлился, я подумал, что смогу догнать
тебя на берегу, не крича на тебя, но когда я вижу этот дом,
я начинаю замедляться. Я был слишком далеко, чтобы слышать, что они тебе говорят, — я
боялся собак; но когда снова все стихло, я понял, что ты в
доме, поэтому направился в лес, чтобы дождаться рассвета. Рано утром
пришли какие-то э-э-э ниггеры, поехали в поле, они меня подвезли и
показали мне это место, где собаки не могут меня выследить из-за
воды, они каждый вечер приносят мне поесть и рассказывают, как ты...
живешь.

"Почему ты не сказал моему Джеку, чтобы он привел меня сюда раньше, Джим?"

"Ну, Гек, я не стал тебя беспокоить, сказал, что мы могли бы сделать кое—что ..."
но сейчас у нас все в порядке. Я покупаю кастрюли, сковородки и продукты, поскольку у меня есть
возможность, и ремонтирую королевские BBC по вечерам, когда...

"КАКОЙ плот, Джим?"

"Наш старый раф".

- Ты хочешь сказать, что наш старый плот не разлетелся в щепки?

- Нет, не разлетелся. Ее сильно разорвало — одну часть ее тела;
но большого вреда они не причинили, все наши ловушки были почти потеряны. Если бы
мы не ныряли так глубоко и не плавали так глубоко под водой, и ночь не была бы
такой темной, и мы не были бы такими страшными, и не было бы этих придурковатых голов, как
говорят, у нас было бы семя королевских BBC. Но ”хорошо, что мы этого не сделали ", потому что теперь
она снова вся в порядке, как новенькая, и у нас есть много новых
вещей взамен того, что "мы потеряли".

— Но как тебе удалось снова заполучить плот, Джим - ты поймал
ее?

“ Как я смогу поймать ее в лесу? Нет; какие-то
черномазые нашли ее, зацепившуюся за корягу на берегу реки в Бене, и они спрятали ее
в зарослях ив, и они так много болтали о том,
если, мол, она долго не протянет, что я очень скоро узнаю об этом, так что я
поднял и уладил проблему, сказав, что она не протянет ни к кому,
только к вам и ко мне; и я думаю, если хотят ли они схватить пропати молодого белого
джентльмена и спрятаться за это? Когда я получу по десять центов за штуку, и
они будут очень довольны, и я пожелаю, чтобы подвернулись какие-нибудь мо'рафы и
снова сделали меня богатым. Ниггеры, они очень добры ко мне, но
что бы я ни хотел, чтобы они делали для меня, мне не нужно просить дважды, милая.
Этот Джек хороший ниггер, и потихоньку умный”.

“Да, это так. Он никогда не говорил мне, что ты здесь; сказал мне прийти,
и он покажет мне много мокасин с водой. Если что-нибудь случится, ОН
к этому непричастен. Он может сказать, что никогда не видел нас вместе, и это будет
правда.

Я не хочу много говорить о следующем дне. Думаю, я обрежу это
довольно коротко. Я проснулся на рассвете и уже собирался перевернуться на другой бок и снова
заснуть, когда заметил, как тихо вокруг - кажется,
никто не шевелился. Это было необычно. Затем я заметил, что Бак встал и
ушел. Ну, я встаю, недоумевая, и спускаюсь по лестнице - никого
вокруг; все тихо, как мышь. Снаружи то же самое. Думаю я,
что это значит? Внизу, у кучи дров, я натыкаюсь на своего Джека и
говорит:

“Что все это значит?”

Он говорит:

“Разве ты не знаешь, Марс Джодж?”

“Нет, - говорю я, - не знаю”.

“Ну, ден, мисс София сбежала! ‘ то, что у нее есть. Она сбежала в де как—нибудь ночью - никто не знает, когда именно; сбежать, чтобы выйти замуж за этого молодого Харни Шепердсона, ну, ты знаешь — по крайней мере, так они говорят. Де фамильярно выяснили это около получаса назад — может, чуть больше, — но я ГОВОРЮ вам, что они не теряли времени. Покажи еще одно спешащее оружие на лошадях, которых ТЫ никогда не видел! Народные женщины пошли на то, чтобы разжечь отношения, а старина Марс Сол и его парни взяли в руки оружие и поехали по речной дороге, чтобы попытаться поймать этого молодого человека и убить его, потому что он родственник на другом берегу реки с мисс Софией. Я думаю, у них в Гвинее будут очень тяжелые времена”.

“Бак ушел, не разбудив меня”.

“Ну, я думаю, что так и было! Они предупредили Гвинн, чтобы она не впутывала тебя в это. Марс Бак, он зарядил ружье и сказал, что собирается принести домой Шепердсона или бюста. Что ж, думаю, их будет предостаточно, и ты готов поспорить, что он возьмет одну, если у него появится возможность.

Я изо всех сил рванул по ривер-роуд. Мало-помалу я начинаю слышать выстрелы на приличном расстоянии. Когда я увидел склад бревен и поленницу дров там, где причаливают пароходы, я работал под деревьями и кустарником, пока не добрался до подходящего места, а затем забрался в развилку тополя, до которой было не дотянуться, и наблюдал. Немного впереди дерева была поленница высотой в четыре фута, и сначала я собирался спрятаться за ней; но, может быть, мне повезло, что я этого не сделал.

Четверо или пятеро мужчин скакали на своих лошадях по открытому месту перед бревенчатым складом, ругаясь и вопя, и пытались добраться до пары молодых парней, которые стояли за лесом рядом с пристанью для пароходов; но у них ничего не получалось. Каждый раз, когда один из них показывался на берегу реки за поленницей дров, в него стреляли. Двое мальчиков сидели на корточках спина к спине за кучей, так что могли смотреть в обе стороны.

Мало-помалу мужчины перестали скакать вокруг и кричать. Они поехали верхом к магазину; затем один из мальчиков вскакивает, прицеливается в поленницу дров и выбрасывает одного из них из седла. Все мужчины соскочили со своих лошадей, схватили раненого и начали нести его в магазин; и в ту же минуту двое мальчиков двинулись в путь

бегство. Они прошли половину пути к дереву, на котором я был, прежде чем мужчины заметили.
Потом мужчины увидели их, вскочили на своих лошадей и пустились в погоню за
ними. Они обогнали мальчиков, но это ни к чему хорошему не привело, у мальчиков было слишком
хорошее начало; они добрались до поленницы дров, которая была перед моим деревом, и
проскользнули за нее, и так у них снова было преимущество над мужчинами. Одного из
парней звали Бак, а другой был стройным молодым человеком лет
девятнадцати.

Мужчины немного поругались, а затем ускакали. Как только они
скрылись из виду, я крикнул Баку и рассказал ему. Сначала он не знал, что
делать с моим голосом, доносящимся с дерева. Он был ужасно удивлен.
Он велел мне следить за шарпом и дать ему знать, когда эти люди снова появятся в
поле зрения; сказал, что они замышляют какую—то дьявольщину и недолго
будут отсутствовать. Мне хотелось слезть с этого дерева, но я не решался спуститься. Бак
начал плакать и вырываться и промычал, что они со своим кузеном Джо (это был
другой молодой человек) еще наверстают упущенное за этот день. Он сказал, что его отец
и два его брата были убиты, а также двое или трое врагов. Сказал, что
Шепердсоны устроили им засаду. Бак сказал, что его отцу и братьям
следовало бы подождать своих родственников — Шепердсоны были слишком сильны для
них. Я спросил его, что стало с молодым Харни и мисс Софией.
Он сказал, что они переправились через реку и в безопасности. Я был рад этому; но
то, как Бак вел себя из—за того, что ему не удалось убить Харни в тот
день, когда он в него стрелял, - я никогда ничего подобного не слышал.

Внезапно - бах! бах! бах! стреляют три или четыре орудия — люди
проскользнули лесом и напали сзади без
своих лошадей! Мальчики прыгнули в реку — им обоим было больно, — и пока
они плыли вниз по течению, мужчины бежали вдоль берега, стреляя в
них и выкрикивая: “Убейте их, убейте их!” Мне стало так плохо, что я чуть не
свалился с дерева. Я не собираюсь рассказывать ВСЕ, что произошло - мне бы
снова стало плохо, если бы я это сделал. Я пожалел, что вообще вышел
на берег в ту ночь, чтобы увидеть все это. Я никогда не избавлюсь от
них — много раз они мне снятся.

Я оставался на дереве, пока не начало темнеть, боясь спуститься.
Иногда я слышал выстрелы вдалеке в лесу; и дважды я видел, как мимо склада дров галопом проносились небольшие
группы людей с ружьями; так что я решил, что
неприятности все еще продолжаются. Я был очень подавлен; поэтому я решил, что мой

имейте в виду, я бы никогда больше не подошел к тому дому, потому что я считал, что я
в чем-то виноват. Я рассудил, что этот листок бумаги означал, что мисс
София должна была где-то встретиться с Харни в половине третьего и убежать; и
я рассудил, что мне следует рассказать ее отцу об этом документе и о странном способе, которым
она вела себя, и тогда, может быть, он запер бы ее, и этого ужасного беспорядка
никогда бы не случилось.

Когда я слез с дерева, я немного пополз вниз по берегу реки,
нашел два тела, лежащих у кромки воды, и
тянул их, пока не вытащил на берег; затем я закрыл им лица и
убежал так быстро, как только мог. Я немного поплакала, прикрывая
лицо Бака, потому что он был очень добр ко мне.

Уже совсем стемнело. Я так и не подошел к дому, а пробрался через
лес и направился к болоту. Джима не было на его острове, поэтому я
поспешил к ручью и протиснулся сквозь заросли ив,
горя желанием запрыгнуть на борт и убраться из этой ужасной страны. Плот
исчез! Мои души, но я был напуган! Я не мог отдышаться почти
минуту. Потом я закричал. Голос менее чем в двадцати пяти футах от меня произносит:

“Хорошая лань"! это ты, милая? Не шуми.

Это был голос Джима — ничто еще не звучало так хорошо. Я пробежал
вдоль берега и забрался на борт, а Джим схватил меня и
обнял, он был так рад меня видеть. Он говорит:

“ Благослови тебя господь, чили, я сразу понял, что ты снова мертв. Джек
был здоров; он сказал, что, по его мнению, в тебя стреляли, потому что ты
больше не возвращался домой; так что я сию минуту отправляю BBC в сторону маф-эр-
де-Крик, так что будь готов вытолкнуться и уйти, как только Джек придет
и скажет мне наверняка, что ты мертв. Лоузи, я очень рад, что
ты снова вернулась, милая.

Я говорю:

“Ладно, это очень хорошо; они меня не найдут и подумают
Меня убили, и я поплыл вниз по реке — там, наверху, есть кое—что,
что поможет им так думать, - так что не теряй времени, Джим, а просто отчаливай
к большой воде так быстро, как только сможешь.

Я никогда не чувствовал себя спокойно, пока плот не оказался в двух милях внизу, на
середине Миссисипи. Затем мы повесили наш сигнальный фонарь и
решили, что снова свободны и в безопасности. Я ничего не успел съесть

со вчерашнего дня Джим достал кукурузные котлеты и пахту, а также
свинину, капусту и зелень - в мире нет ничего вкуснее,
если это правильно приготовить, — и пока я ужинал, мы разговаривали и
хорошо провели время. Я был безумно рад убраться подальше от междоусобиц, и
Джим тоже был рад убраться подальше от болота. Мы сказали, что в конце концов, нет дома лучше, чем
плот. Другие места действительно кажутся такими тесными и душными, но
плот - нет. На плоту чувствуешь себя очень свободно, непринужденно и комфортно.

Глава XIX

Прошло ДВА или три дня и ночи; я думаю, я мог бы сказать, что они проплыли
мимо, они скользили так тихо, плавно и прекрасно. Вот как мы
распределяем время. Там, внизу, была чудовищно большая река — иногда шириной в
полторы мили; мы плыли по ночам, а днем устраивали стоянки и прятались; вскоре,
когда почти полностью наступала ночь, мы прекращали плавание и швартовались — почти
всегда в мертвой воде под буксирной насадкой; а затем рубили молодые
тополя и ивы и прятали ими плот. Затем мы намечаем
линии. Затем мы скользнули в реку и искупались, чтобы освежиться и
остыть; затем сели на песчаное дно, где вода была
примерно по колено, и стали наблюдать за наступлением рассвета. Ни звука
нигде — совершенно тихо, как будто весь мир спит, только
иногда, может быть, квакают лягушки-быки. Первое, что бросалось в глаза,
глядя вдаль, на воду, было что—то вроде тусклой линии — это был лес
на другом берегу; больше ничего нельзя было разглядеть; затем бледное пятно в
небе; затем еще больше бледности разливалось вокруг; затем река смягчилась
вдали и была уже не черной, а серой; вы могли видеть маленькие темные
точки, дрейфующие очень далеко — торговые шаланды и тому подобное;
и длинные черные полосы - плоты; иногда вы могли слышать
скрип весла; или беспорядочные голоса, это было так странно. все еще, и звуки доносятся так далеко;
и мало-помалу вы могли разглядеть полоску на воде, по
виду которой вы знаете, что там есть коряга в быстром течении, которая
разбивается о нее и делает эту полоску такой; и вы видите туман, который
клубится над водой, и восток краснеет, и реку, и вы
различаете бревенчатую хижину на опушке леса, далеко на берегу на
другом берегу реки, вероятно, это дровяной склад, и они сложены штабелями.

обманывает так, что вы можете запустить в него собаку куда угодно; потом поднимается приятный ветерок и обдувает вас оттуда, такой прохладный, свежий и
приятно пахнущий из-за леса и цветов; но иногда
не так, потому что вокруг валяется дохлая рыба, гари и тому подобное,
и они действительно становятся довольно противными; а потом у вас впереди целый день, и
все улыбается на солнце, и певчие птички просто наслаждаются этим!

Сейчас легкий дымок был незаметен, поэтому мы снимали с лески немного рыбы
и готовили горячий завтрак. А потом мы
смотрели на одиночество реки и как бы ленились плыть дальше, и мало-помалу
засыпали. Мало-помалу просыпаешься и смотришь, что это сделало,
и, может быть, видишь пароход, покашливающий вверх по течению, так далеко по направлению к
другому берегу, что ты ничего не можешь сказать о нем, кроме того, был ли это
кормовой штурвал или бортовой; тогда примерно в течение часа не будет
ничего слышно и не на что смотреть — только сплошное одиночество. Затем вы
увидите, как мимо проплывает плот, вон там, вдали, и, может быть, галут на нем
рубит, потому что они почти всегда делают это на плоту; вы увидите, как
сверкнет и опустится топор — вы ничего не слышите; вы видите, как этот топор снова поднимается
вверх, и к тому времени, как он оказывается над головой человека, вы слышите
К'ЧАН! — столько времени ушло на то, чтобы подняться над водой. Так мы
проводили день, бездельничая, прислушиваясь к тишине. Однажды
был густой туман, и плоты и все, что проплывало мимо, били по
жестяным сковородкам, чтобы пароходы не наехали на них. Шаланда или плот проплыли
так близко, что мы могли слышать, как они разговаривают, ругаются и смеются — слышали
их ясно; но мы не могли разглядеть никаких их признаков; от этого у вас мурашки бежали по коже;
это было похоже на духов, носящихся в воздухе. Джим сказал, что, по его мнению, это
были духи; но я сказал:

“Нет, духи не сказали бы: “Чертов туман".

Как только наступила ночь, мы оттолкнулись; когда мы вытащили ее примерно к
на середине мы оставили ее в покое и позволили плыть туда, куда ее велит течение
; потом мы закурили трубки, болтали ногами в воде и болтали
о самых разных вещах — мы всегда были голыми, днем и ночью,
когда бы нам ни позволили москиты — новая одежда, которую мне
шили родители Бака, была слишком хороша, чтобы быть удобной, и, кроме того, я не
часто пользовался одеждой.

Иногда вся эта река оставалась в нашем распоряжении на очень долгое время. Вон там, за водой, были берега и острова; и, может быть, искра — это была свеча в окне хижины; а иногда на воде можно было увидеть искру или две — на плоту или барже, вы знаете; и может быть, вы могли услышать скрипку или песню, доносящуюся с одного из этих судов. Прекрасно жить на плоту. Там, наверху, было небо, все усыпанное звездами, и мы обычно лежали на спине, смотрели на них и обсуждали, были ли они созданы или только что произошли. Джим допускал, что они были сделаны, но я допускал, что они случались; я рассудил, что потребовалось бы слишком много времени, чтобы СДЕЛАТЬ их так много. Джим сказал, что луна могла бы УЛОЖИТЬ их; что ж, это выглядело довольно разумно, так что я ничего не сказал против этого, потому что я видел, как лягушка откладывала почти столько же, так что, конечно, это можно было сделать. Мы тоже любили наблюдать за падающими звездами и видели, как они устремляются вниз. Джим допускал, что они испортились и вылетели из гнезда.

Раз или два за ночь мы видели пароход, скользящий в темноте, и время от времени он изрыгал целый сноп искр из своих труб, и они дождем падали в реку и выглядели ужасно красиво; потом он сворачивал за угол, и его огни гасли , и его паровоз замолкал, и река снова становилась спокойной; и мало-помалу его волны добирались до нас, спустя долгое время после того, как он уходил, и немного покачивали плот, и после этого вы уже ничего не слышали. не могу сказать, как долго, за исключением, может быть, лягушек или чего-то в этом роде.

После полуночи люди на берегу отправились спать, а затем в течение двух или трех часов берег был черным — в окнах кают больше не было искр. Эти искры были нашими часами — первые, которые показывались снова, означали, что приближается утро, поэтому мы сразу же искали место, где можно спрятаться и привязаться.

Однажды утром, на рассвете, я нашел каноэ и переправился по желобу на главный берег — до него было всего двести ярдов — и проплыл около мили вверх по ручью среди кипарисовых зарослей, чтобы посмотреть, не удастся ли мне набрать ягод. Как раз в тот момент, когда я проходил мимо места, где что-то вроде коровьей тропинки пересекало ручей, вот идет пара мужчин, разрывающих тропинку так сильно, как только могли. Я думал, что мне конец, потому что всякий раз, когда кто-то охотился за кем-то, я думал, что это Я — или, может быть, Джим. Я собирался в спешке выбираться оттуда, но они были довольно близко от меня, и пели и умоляли меня спасти их жизни — сказали, что они ничего не делали,

и за ним гнались — сказали, что приближаются люди и собаки.

Они хотели сразу же вмешаться, но я сказал:

“Не смей этого делать. Я пока не слышу лая собак и лошадей; у тебя есть время продраться сквозь кусты и немного подняться вверх по ручью; затем ты войдешь в воду, спустишься ко мне вброд и войдешь в воду — это собьет собак со следа.

Они сделали это, и как только они оказались на борту, я бросился к нашему буксиру, и примерно через пять или десять минут мы услышали, как вдали лают собаки и люди, кричащие. Мы слышали, как они приближались к ручью, но не могли видеть их; казалось, они остановились и какое-то время дурачились; затем, по мере того как мы уходили все дальше и дальше, мы их почти не слышали; к тому времени, когда мы оставили позади милю леса и вошли в реку, все было тихо, и мы доплыли до мыса буксира, спрятались в тополях и были в безопасности.

Одному из этих парней было около семидесяти или выше, у него была лысая голова и очень седые бакенбарды. На нем была старая потрепанная шляпа с опущенными полями, и засаленная синяя шерстяная рубашка, и рваные синие джинсовые штаны, заправленные в голенища ботинок, и галуны домашней вязки - нет, у него был только один. На нем было старое длиннополое джинсовое пальто с блестящими медными пуговицами, перекинутое через руку, и у обоих были большие, толстые, потрепанного вида ковровые сумки.

Другому парню было около тридцати, и одет он был примерно так же вызывающе. После завтрака мы все улеглись и разговорились, и первое, что выяснилось, было что эти ребята не знают друг друга.

“Из-за чего ты попал в беду?” - спрашивает лысый у другого парня.

“Ну, я продавал статью о том, как убрать зубной камень с зубов, и это тоже снимает его, и, в основном, эмаль вместе с ним — но я пробыл примерно на одну ночь дольше, чем следовало, и как раз собирался выскользнуть, когда наткнулся на тебя на тропинке в этой части города, и ты сказал мне, что они приближаются, и умолял меня помочь тебе слезть. Итак, я сказал тебе, что сам ожидал неприятностей и хотел бы сбежать С тобой. Вот и вся история — что у тебя?

- Ну, примерно в неделю я устраивал “небольшое пробуждение трезвости" и был любимцем женщин, больших и маленьких, потому что, говорю вам, я готовил там очень жарко для пьяниц и брал пять или шесть долларов за вечер — по десять центов с головы, детям и ниггерам

свобода — и бизнес все время растет, когда вчера вечером так или иначе распространился небольшой отчет о том, что у меня появился способ тайком проводить время с личным кувшином. Сегодня утром меня разбудил какой-то негр и сказал, что люди потихоньку собираются со своими собаками и лошадьми, и они скоро будут здесь и дадут мне примерно полчаса для начала, а потом задавят меня, если смогут; и если они меня поймают, то, конечно, вымазают дегтем и перьями и покатают на рельсах. Я не стал дожидаться завтрака — я не был голоден.

“Старик, - сказал молодой, - я думаю, мы могли бы объединить усилия вместе; что ты об этом думаешь?”

“ Я не совсем предрасположен. Чем вы занимаетесь — в основном?”

“По профессии печатник; немного занимаюсь патентованными лекарствами; актер театра - трагедия, знаете ли; обращаюсь к месмеризму и френологии, когда есть возможность; преподаю в школе вокал-географию для разнообразия; иногда читаю лекции — о, я делаю много всего — почти все, что подвернется под руку, так что это не работает. Какой у тебя любовник?”

“ В свое время я много чего сделал в области врачевания. Лежать на руках — мое лучшее средство от рака, паралича и тому подобного; и я неплохо умею предсказывать судьбу, когда со мной есть кто-нибудь, кто выяснит для меня факты. Проповедовать - это тоже по моей части, и работать на лагерных собраниях, и повсюду быть миссионером ”.

Некоторое время никто ничего не говорил; затем молодой человек вздыхает и говорит:

“Увы!”

“О чем ты беспокоишься?” - спрашивает лысая голова.

“Подумать только, я должен был дожить до такой жизни и быть униженным в такой компании”. И он начал вытирать тряпкой уголок своего глаза.

“Черт бы тебя побрал, неужели эта компания недостаточно хороша для тебя?” - говорит лысый, довольно дерзкий и нахальный.

“Да, для меня этого достаточно; это то, чего я заслуживаю; ибо кто опустил меня так низко, когда я был так высоко? Я сделал это сам. Я не виню ВАС, джентльмены — отнюдь нет; я никого не виню. Я заслужил все это. Пусть холодный мир делает свое худшее; одно я знаю точно — где-то есть могила для меня. Мир может продолжать жить так, как он делал всегда, и принять

у меня есть все — близкие, собственность, все; но этого нельзя отнять
. Когда-нибудь я лягу в нее и забуду обо всем, и мое бедное разбитое
сердце обретет покой. Он продолжал вытираться.

“Брось свое порченое разбитое сердце”, - говорит лысый. “Что ты такое
вываливаешь на НАС свое порченое разбитое сердце? МЫ ничего не сделали”.

“Нет, я знаю, что вы этого не делали. Я не виню вас, джентльмены. Я сам себя подвел
— да, я сам это сделал. Это правильно, что я должен страдать — совершенно
правильно — я не издаю стонов ”.

“Привез тебя с пристани? Откуда вас привезли?”

“Ах, вы бы мне не поверили; мир никогда не верит — оставьте это в покое
— это неважно. Тайна моего рождения—”

“ Тайна твоего рождения! Вы хотите сказать...”

“Джентльмены, — очень серьезно говорит молодой человек, - я открою вам это
вам, потому что я чувствую, что могу вам доверять. По праву я герцог!”

Глаза Джима вылезли из орбит, когда он это услышал; и я думаю, что мои тоже,
. Тогда лысый говорит: “Нет! ты же не всерьез?”

“Да. Мой прадед, старший сын герцога Бриджуотера,
бежал в эту страну примерно в конце прошлого века, чтобы подышать чистым
воздухом свободы; женился здесь и умер, оставив сына, его собственный отец
умер примерно в то же время. Второй сын покойного герцога завладел
титулами и поместьями — младенец, настоящий герцог, был проигнорирован. Я прямой
потомок этого младенца — я законный герцог Бриджуотер; и
я здесь, одинокий, оторванный от своего высокого положения, преследуемый людьми, презираемый
холодным миром, оборванный, измученный, с разбитым сердцем и униженный до
общества преступников на плоту!”

Джим очень жалел его, и я тоже. Мы пытались утешить его,
но он сказал, что от этого мало толку, его трудно утешить; сказал, что если
мы решим признать его, это принесет ему больше пользы, чем
что-либо другое; поэтому мы сказали, что сделаем это, если он скажет нам, как. Он
сказал, что мы должны склонить когда мы говорили с ним, и сказать “Ваша Светлость”, или
“милорд” или “ваша светлость”—и он бы не возражал, если бы мы называли
его просто “Бриджуотер”, который, по его словам, был титул в любом случае, а не
фамилия; и один из нас должен ждать его на ужин, и делать любой мало
что для него он хотел сделать.

Что ж, все это было легко, и мы это сделали. Весь ужин Джим стоял рядом, прислуживал ему и спрашивал: “Не хочет ли ваша светлость чего-нибудь такого или немного того?” и так далее, и было видно, что ему это очень приятно.

Но постепенно старик стал довольно молчаливым — ему было нечего сказать, и он выглядел не очень довольным всеми этими ласками, которые происходили вокруг этого герцога. Казалось, у него что-то было на уме. Итак, ближе к вечеру он говорит:

“Послушай, Билджуотер, - говорит он, - мне по-настоящему жаль тебя, но ты не единственный, у кого были подобные проблемы”.

“Нет?”

“Нет, это не так. Ты не единственный человек, которого Бен опустил неправомерно лишив высокого положения ”.

“Увы!”

“Нет, ты не единственный человек, у которого была тайна его рождения”. И, черт возьми, ОН начинает плакать.

“Стойте! Что вы имеете в виду?”

“Билджуотер, родные, я вам доверяю?” - говорит старик, все еще как бы всхлипывая.

“На горькую смерть!” Он взял старика за руку и сжал ее и сказал: “Эта тайна твоего существа: говори!”

“Билджуотер, я покойный дофин!”

Держу пари, на этот раз ты, Джим и я уставились на него. Тогда герцог говорит:

“Ты кто?”

“Да, мой друг, это чистая правда — твои глаза смотрят на это самое момент, когда исчез дофин, Луи Семнадцатилетний, сын Луи Шестнадцатилетнего, и Женился на Антонетте”.

“ Ты! В твоем возрасте! Нет! Ты хочешь сказать, что ты покойный Карл Великий; тебе , должно быть, по меньшей мере шестьсот или семьсот лет.

- Беда сделала это, Билджуотер, беда сделала это; беда принесла эти седые волосы и это преждевременное облысение. Да, джентльмены, вы видите перед собой в синих джинсах и нищете скитающегося, изгнанного, растоптанного и страдающего законного короля Франции”.

Ну, он расплакался и взял себя в руки, так что мы с Джимом почти не знали, что делать, нам было так жаль — и так радостно и гордо, что он тоже был с нами. Итак, мы приступили, как делали раньше с герцогом, и попытались

,,

утешь ЕГО. Но он сказал, что это бесполезно, ничто, кроме того, что он умер и покончил со всем этим, не могло принести ему никакой пользы; хотя он сказал, что ему часто становилось легче и лучше на некоторое время, если люди относились к нему согласно его правам, и опускались на одно колено, чтобы заговорить с ним, и всегда называли его “Ваше Величество”, и прислуживали ему первыми за едой, и не садились в его присутствии, пока он их не попросит. Итак, мы с Джимом принялись величать его, делая для него то-то и то-то, и стояли до тех пор, пока он не сказал нам, что мы можем садиться. Это принесло ему массу пользы, и поэтому он повеселел и почувствовал себя комфортно. Но герцог немного разозлился на него и не выглядел ни капельки довольным тем, как идут дела; тем не менее, король вел себя по-настоящему дружелюбно по отношению к нему и сказал, что прадед герцога и все остальные герцоги Билджуотерские были высокого мнения о ЕГО отце, и ему разрешали часто бывать во дворце; но герцог оставался раздраженным довольно долго, пока наконец король не сказал:

- Как будто нам чертовски долго пришлось быть вместе на этом твоем плоту, Билджуотер, и какой смысл тебе быть кислым? Это только сделает все oncomfortable. Это не моя вина, что я не родился герцогом, это не твоя вина, что ты не родился королем — так какой смысл беспокоиться? ’Делай все самое лучшее таким, каким ты его находишь", — говорю я. Это мой девиз. То, что мы здесь нашли, не плохо — вдоволь жратвы и легкая жизнь — давай, протяни нам руку, дюк, и будем друзьями.

Герцог сделал это, и мы с Джимом были очень рады это видеть. Это сняло всю неловкость, и мы почувствовали себя очень хорошо, потому что было бы ужасно испытывать какое-либо недружелюбие на плоту; ведь на плоту больше всего на свете хочется, чтобы все были довольны и чувствовали себя правильными и добрыми по отношению к другим.

Мне не потребовалось много времени, чтобы прийти к выводу, что эти лжецы вовсе не короли и герцоги, а просто низкие мошенники. Но я никогда ничего не говорил, никогда не показывал виду; держал это при себе; это лучший способ; тогда у вас не будет никаких ссор и вы не попадете ни в какие неприятности. Если они хотели, чтобы мы называли их королями и герцогами, у меня не было возражений, если это сохранит мир в семье; а Джиму говорить об этом было бесполезно, поэтому я ничего не сказал ему. Если я больше ничему не научился у папы, то понял, что лучший способ ладить с людьми такого типа - это позволить им поступать по-своему.

Глава XX

ОНИ задали нам множество вопросов; хотели знать, для чего мы прикрыли плот таким образом и лежали днем, вместо того чтобы бежать — был ли Джим беглым негром? Я говорю:

“ Ради всего святого! побежал бы беглый ниггер на ЮГ?”

Нет, они допустили, что он этого не сделает. Я должен был как-то объяснить происходящее, поэтому я говорю:

“Мои родители жили в округе Пайк, штат Миссури, где я родился, и все они умерли, кроме меня, папы и моего брата Айка. Па, он мычал, что бросит все и уедет жить к дяде Бену, у которого есть маленький домик с одной лошадью на реке, в сорока четырех милях ниже Орлеана. Папа был довольно беден, и у него были кое-какие долги; так что, когда он рассчитался, у него не осталось ничего, кроме шестнадцати долларов и нашего негра Джима. Этого недостаточно , чтобы пройти тысячу четырьсот миль, ни палубным переходом, ни каким-либо другим способом. Так вот, когда река поднялась, папе однажды улыбнулась удача; он вытащил этот обломок плота, и мы решили, что отправимся на нем в Орлеан. Папе не повезло; однажды ночью пароход налетел на передний угол плота, и мы все полетели за борт и нырнули под руль; мы с Джимом вынырнули хорошо, но папа был пьян, а Айку было всего четыре года, так что они больше никогда не выныривали. Ну, на следующий день или два у нас были серьезные неприятности, потому что люди постоянно приезжали на лодках и пытались отобрать у меня Джима, говоря, что считают его беглым негром. Теперь мы больше не работаем днем; по ночам они нас не беспокоят”.

Герцог говорит:

“Оставьте меня в покое, я придумаю способ, чтобы мы могли бежать днем, если мы хотим. Я все обдумаю - я придумаю план, который все исправит. На сегодня мы оставим это в покое, потому что, конечно, мы не хотим проезжать мимо того городка при дневном свете - это может быть вредно для здоровья.

Ближе к ночи начало темнеть, и стало похоже на дождь; низко в небе сверкали горячие молнии, и листья начали дрожать — это обещало быть довольно уродливым, это было легко заметить . Итак, герцог и король отправились ремонтировать наш вигвам, чтобы посмотреть, на что похожи кровати. Моя постель была на соломенную подстилку лучше, чем у Джима, что

это был клещ из кукурузной шелухи; в шелушащемся клеще всегда есть початки,
и они впиваются в тебя и причиняют боль; а когда ты переворачиваешь сухую шелуху,
звук такой, будто ты переворачиваешься в куче опавших листьев; это производит такой
шорох, что ты просыпаешься. Ну, герцог разрешил ему занять мою постель;
но король разрешил, что он этого не сделает. Он говорит:

“Я бы
посчитал, что разница в звании должна была бы показать тебе, что кровать из кукурузной шелухи мне просто не подходит для сна. Ваша светлость
сами постелите шелуху”.

Мы с Джимом снова на минуту покрылись испариной, опасаясь, что между ними
будут еще какие-нибудь неприятности; поэтому мы были очень рады,
когда герцог сказал:

“Такова моя судьба - всегда быть втоптанным в грязь железной пятой
угнетения. Несчастье сломило мой некогда надменный дух; я уступаю, я
покоряюсь; такова моя судьба. Я один в этом мире — позволь мне страдать; я смогу это вынести”.

Мы ушли, как только стало хорошо и стемнело. Король велел нам
держаться подальше от середины реки и не зажигать света, пока
мы не окажемся далеко за городом. Мало—помалу мы увидели маленькую кучку
огней — это, знаете ли, был город - и проскользнули мимо, примерно в
полумиле от нас, все в порядке. Когда мы были на глубине трех четвертей мили, мы
подняли наш сигнальный фонарь; и около десяти часов пошел дождь,
и дул ветер, и гремел гром, и светало, как везде; поэтому король велел нам
обоим оставаться на страже, пока погода не улучшится; затем он и герцог
забрались в вигвам и улеглись спать. До двенадцати внизу была моя вахта
, но я бы все равно не
лег спать, даже если бы у меня была кровать,
потому что такую бурю человек видит не каждый день на неделе, во всяком случае, не в прицел. Души мои, как же все-таки завывал ветер! И каждую
секунду или две, придет блики, которые озаряют белые шапки на пол
мили вокруг, и вы увидите островов покрывается пылью сквозь дождь,
и деревья мечутся на ветру; потом приходит ч-вжик!—
бум! бездельник! бамбл-умбл-ум-бум-бум-бум-бум—бум — и гром
будет грохотать и ворчать вдали, а потом прекратится - и тогда раздастся РАЗРЫВ,
еще одна вспышка и еще один удар по носку. Иногда волны чаще всего смывали меня с
плота, но на мне не было никакой одежды, и я не возражал. У нас
не было никаких проблем с корягами; сверкала молния и

порхали вокруг так постоянно, что мы могли видеть их достаточно скоро, чтобы повернуть голову в ту или иную сторону и пропустить их.

Вы знаете, у меня была средняя вахта, но к тому времени я уже изрядно заснул, так что Джим сказал, что выдержит за меня первую половину; он всегда был очень хорош в этом отношении, Джим. Я заполз в вигвам, но король и герцог раскинули ноги, так что для меня не было никакого зрелища; поэтому я лег снаружи — я не возражал против дождя, потому что было тепло, и волны уже не были такими высокими. Однако около двух они снова поднялись , и Джим собирался позвать меня; но он передумал, потому что посчитал, что они еще недостаточно высоки, чтобы причинить какой-либо вред; но он ошибся на этот счет, потому что довольно скоро внезапно появился обычный потрошитель и смыл меня за борт. Это больше всего убивало Джима от смеха. Во всяком случае, он был самым веселым ниггером на свете.

Я заступил на вахту, а Джим улегся и захрапел; и мало-помалу шторм утих окончательно; и при первом же свете в каюте, который забрезжил, я разбудил его, и мы отвели плот в укромное место на день.

После завтрака король достал старую потрепанную колоду карт, и они с герцогом какое-то время играли в "севен-ап" по пять центов за партию. Потом им это надоело, и они позволили себе “развернуть кампанию”, как они это назвали . Герцог порылся в своем ковровом саквояже, достал оттуда множество мелких отпечатанных банкнот и прочитал их вслух. В одном билле говорилось, что “Знаменитый доктор Арман де Монтальбан из Парижа” будет “читать лекции о Науке френологии” в таком-то месте, в такой-то пустой день, за вход десять центов, и “предоставит таблицы характеров по двадцать пять центов за штуку”. Герцог сказал, что это был ОН. В другом законопроекте он был “всемирно известным шекспировским трагиком Гарриком Младшим из Друри-Лейн, Лондон”. В других купюрах у него было много других имен, и он делал другие замечательные вещи, такие как поиск воды и золота с помощью “жезла для гадания”, “рассеивание ведьминых чар” и так далее. Мало-помалу он говорит:

“Но театральная муза - это самое дорогое. Вы когда-нибудь ступали по доскам, королевская особа?

“Нет”, - говорит король.

“Значит, так и будет, прежде чем ты станешь на три дня старше, Падшее Величие”, - говорит герцог. “В первом же хорошем городе, в который мы приедем, мы снимем зал и сделаем

бой на мечах в "Ричарде III". и сцена на балконе в "Ромео и
Джульетте". Как тебе это нравится?

- Билджуотер, я по уши увяз во всем, что может окупиться, но,
видите ли, я ничего не смыслю в актерской игре и никогда не видел
многого из этого. Я была слишком маленькой, когда они были у папы во дворце.
Как ты думаешь, ты сможешь меня выучить?

“Полегче!”

“Ладно. В любом случае, я просто замерзаю от желания чего-нибудь свеженького. Давайте
начнем прямо сейчас”.

Итак, герцог рассказал ему все о том, кто такой Ромео и кто такая Джульетта
и сказал, что он привык быть Ромео, поэтому король может быть Джульеттой.

- Но если Джульетта такая юная девушка, Дьюк, то моя ободранная голова и мои белые
бакенбарды, возможно, будут выглядеть на ней как-то странно.

- Нет, не волнуйся, эти деревенские джейки никогда до этого не додумаются.
К тому же, ты знаешь, ты будешь в костюме, и это имеет огромное
значение в мире; Джульетта на балконе, наслаждается лунным светом,
перед тем как лечь спать, на ней ночная рубашка и
ночной колпак с оборками. Вот костюмы для этих ролей”.

Он достал два или три костюма из плотного ситца, которые, по его словам, были
средневековыми доспехами Ричарда III. и еще один парень, и длинная белая
хлопчатобумажная ночная рубашка и ночной колпак с оборками в тон. Король был доволен;
поэтому герцог достал свою книгу и перечитал роли самым великолепным образом,
распластавшись, как орел, прыгая вокруг и одновременно играя, чтобы показать
, как это должно быть сделано; затем он отдал книгу королю и сказал ему,
чтобы он выучил свою роль наизусть.

Примерно в трех милях вниз по излучине был маленький городок для одной лошади,
и после обеда герцог сказал, что изложил свою идею о том, как
бегать при дневном свете, не подвергая Джима опасности; поэтому он разрешил ему
съездить в город и починить эту штуку. Король разрешил ему
тоже пойти и посмотреть, не удастся ли ему что-нибудь ударить. У нас закончился
кофе, и Джим сказал, что мне лучше пойти с ними в каноэ и взять немного.

Когда мы добрались туда, там никто не шевелился; улицы были пусты,
совершенно мертвы и безмолвны, как в воскресенье. Мы нашли больного негра, загорающего
на заднем дворе, и он сказал, что все, кто не был слишком молод,
слишком болен или слишком стар, ушли на лагерное собрание, примерно в двух милях отсюда, в

леса. Король получил указания и разрешил ему пойти и поработать на этом
лагерном собрании изо всех сил, и я, возможно, тоже пойду.

Герцог сказал, что ему нужна была типография. Мы нашли это;
небольшая проблема возникла над столярной мастерской — плотники и печатники
все ушли на собрание, и двери не были заперты. Это было грязное, захламленное
заведение, по всем стенам были развешаны чернильные пометки и рекламные листовки с изображениями лошадей и
сбежавших негров. Герцог снял пальто и
сказал, что теперь с ним все в порядке. Итак, мы с королем отправились на
собрание в лагере.

Мы добрались туда примерно через полчаса, изрядно промокшие, потому что день был
ужасно жаркий. Там было около тысячи человек с
двадцати миль в округе. В лесу было полно упряжек и фургонов, запряженных
повсюду, они кормились из корыт и топали ногами, чтобы отогнать
мух. Там были навесы, сделанные из жердей и покрытые
ветками, где продавали лимонад и пряники, а также груды
арбузов, зеленой кукурузы и тому подобный грузовик.

Проповедь проходила под такими же навесами, только
они были больше и вмещали толпы людей. Скамейки были сделаны из
бревенчатых плит снаружи, с отверстиями, просверленными в круглой стороне для вбивания палок
вместо ножек. У них не было спинок. У проповедников были высокие
платформы, на которых они стояли в одном конце ангаров. На женщинах были солнечные
шляпки, на некоторых - платья из льняной шерсти, на некоторых - из ситца, а на
нескольких молодых - из ситца. Кто-то из молодых людей был
босиком, а на некоторых детях не было никакой одежды, кроме
полотняной рубашки. Кое-кто из старух вязал, а кое-кто из
молодых людей потихоньку ухаживал.

В первом сарае, к которому мы подошли, проповедник сочинял гимн. Он
выстроил две строчки, все их спели, и было приятно это слышать,
их было так много, и они исполнили это так зажигательно; затем
он выстроил еще две строчки, чтобы они спели, — и так далее. Люди просыпались
все больше и больше и пели все громче и громче; и ближе к концу некоторые
начали стонать, а некоторые - кричать. Затем проповедник начал
проповедовать, и начал тоже всерьез; и пошел, покачиваясь, сначала к одной стороне
платформы, потом к другой, а затем перегнулся через ее
переднюю часть, все время двигая руками и всем телом, и выкрикивал свои

произносил слова изо всех сил; и время от времени он поднимал
свою Библию и раскрывал ее, и как бы размахивал ею туда-сюда,
восклицая: “Это медный змей в пустыне! Смотри на это и
живи!” И люди кричали: “Слава!—А-а-ЛЮДИ!” И так он
пошел дальше, а люди стонали, плакали и говорили "аминь":

“О, подойди к скамье скорбящих! подойди, почерневший от греха! (АМИНЬ!)
подойди, больной! (АМИНЬ!) придите, хромые, хромые и слепые! (АМИНЬ!)
придите, изможденные и нуждающиеся, погрязшие в позоре! (А-А-МУЖЧИНЫ!) придите, все, что
изношено, запачкано и страдает! —придите со сломленным духом! придите с
сокрушенным сердцем! приходи в своих лохмотьях, грехе и грязи! воды, которые очищают,
свободны, врата рая открыты — о, входи и будь спокоен!” (А-
А-МУЖЧИНЫ! СЛАВА, АЛЛИЛУЙЯ!)

И так далее. Вы уже не могли разобрать, что говорил проповедник,
из-за криков и плача. Люди вставали со всех сторон в
толпе и пробивались изо всех сил к
скамейке скорбящих, по их лицам текли слезы; и когда все
скорбящие толпой добрались до передних скамеек, они запели,
закричали и бросились на солому, просто безумные и дикие.

Что ж, первым, кого я узнал, был король, и вы могли слышать его
через всех; а затем он взбежал на платформу, и
проповедник умолял его обратиться к народу, и он это сделал. Он
сказал им, что он пират — тридцать лет был пиратом в Индийском
океане — и прошлой весной его команда сильно поредела в драке,
и сейчас он дома, чтобы набрать новых людей, и, благодаря
счастью, прошлой ночью его ограбили и выбросили на берег с парохода
без единого цента, и он был рад этому; это было самое благословенное, что когда-либо
случалось с ним, потому что теперь он изменился и
впервые в жизни был счастлив; и, каким бы бедным он ни был, он собирался умереть. начать прямо сейчас,
и проложить себе путь обратно в Индийский океан, и потратить остаток своей жизни,
пытаясь обратить пиратов на путь истинный; потому что он мог сделать это лучше, чем
кто-либо другой, будучи знакомым со всеми пиратскими командами в этом океане; и
хотя ему потребовалось бы много времени, чтобы добраться туда без денег, он
все равно добирался туда, и каждый раз, когда он убеждал пирата, он
говорил ему: “Не благодари меня, не ставь мне в заслугу; все это
принадлежит этим дорогим людям на лагерном собрании в Поквилле, естественным братьям"

и благодетели расы, и этот милый проповедник, самый верный друг, который когда-либо был у пирата!”

А потом он разрыдался, и все остальные тоже. Затем кто-то поет: “Соберите для него коллекцию, соберите коллекцию!” Что ж, полдюжины человек прыгнули, чтобы сделать это, но кто-то крикнул: “Пусть ОН передаст шляпу по кругу!” Тогда это сказали все, проповедник тоже.

И король прошел сквозь толпу, вытирая шляпой глаза, и благословлял людей, и хвалил их, и благодарил их за то, что они были так добры к бедным пиратам там, вдали; и время от времени самые красивые девушки со слезами на щеках подходили и спрашивали его, позволит ли он им поцеловать его на память ; и он всегда это делал; и некоторых из них он обнимал и целовал целых пять или шесть раз — и его пригласили погостить неделю; и все хотели, чтобы он жил в их домах. , и сказал, что они сочтут это за честь; но он сказал, что, поскольку это был последний день лагерного собрания, он не мог сделать ничего хорошего, и, кроме того, ему не терпелось сразу попасть в Индийский океан и заняться пиратами.

Когда мы вернулись на плот и он подошел подсчитать, то обнаружил, что собрал восемьдесят семь долларов и семьдесят пять центов. А потом он прихватил с собой трехгаллоновый кувшин виски, который нашел под фургоном, когда возвращался домой через лес. Король сказал: разберите это повсюду, это превосходило любой день, который он когда-либо проводил в миссионерской деятельности. Он сказал, что бесполезно разговаривать, язычники не равны ничтожеству рядом с пиратами, с которыми можно работать на лагерном собрании.

Герцог думал, что у него все шло довольно хорошо, пока не появился король , но после этого он уже так не думал. Он организовал и напечатал в этой типографии две небольшие работы для фермеров - лошадиные счета - и взял деньги, четыре доллара. И он получил за газету рекламу на десять долларов стоимостью, которую, по его словам, поместил бы за четыре доллара, если они заплатят вперед, — так они и сделали. Цена газеты составляла два доллара в год, но он оформил три подписки по полдоллара за штуку при условии, что они заплатят ему вперед; они собирались платить дровами и луком, как обычно, но он сказал, что только что купил концерн и сбил цену настолько низко, насколько мог себе это позволить, и собирался выпускать ее за наличные. Он положил маленький кусочек

стихи, которые он сочинил сам, из собственной головы — три строфы — довольно сладкие и грустные — назывались они “Да, сокруши, холодный мир, это разбитое сердце” — и он оставил все это готовым к печати в газете и ничего за это не взял. Что ж, он получил девять с половиной долларов и сказал, что за это потрудился на славу.

Затем он показал нам еще одну небольшую работу, которую он напечатал и за которую не взял плату , потому что она была для нас. На нем была фотография беглого негра с свертком на палке через плечо и надписью “Награда в 200 долларов” под ним. Чтение было полностью посвящено Джиму и просто описывало его с точностью до точки. В нем говорилось, что прошлой зимой он сбежал с плантации Сен-Жак, в сорока милях ниже Нового Орлеана, и, вероятно, направился на север, и тот, кто поймает его и отправит обратно, получит вознаграждение и расходы.

“А теперь, - говорит герцог, - после сегодняшней ночи мы можем бегать днем, если захотим. Всякий раз, когда мы увидим, что кто-то приближается, мы можем связать Джима по рукам и ногам веревкой, уложить его в вигваме, показать эту рекламную листовку и сказать, что мы поймали его выше по реке и были слишком бедны, чтобы плыть на пароходе, поэтому мы взяли этот маленький плот в кредит у наших друзей и идем вниз, чтобы получить награду. Наручники и цепи смотрелись бы на Джиме еще лучше, но это не сочеталось бы с историей о том, что мы такие бедные. Слишком похоже на украшения. Веревки — это правильно, мы должны сохранять единство, как мы говорим на досках ”.

Мы все говорили, что герцог был довольно умен, и не могло быть никаких проблем с дневным расписанием. Мы рассудили, что в ту ночь сможем проехать достаточно миль, чтобы оказаться вне досягаемости того шума, который, по нашим расчетам, должна была произвести в этом маленьком городке работа герцога в типографии; тогда мы могли двинуться дальше, если бы захотели.

Мы затаились на день и не сдвигались с места, и не высовывались почти до десяти часов; затем мы проскользнули довольно далеко от города и не поднимали фонарь, пока он не скрылся из виду.

Когда Джим позвонил мне, чтобы я заступил на вахту в четыре утра, он говорит:

- Гек, как ты думаешь, нам придется столкнуться с кем-нибудь из королей в этом путешествии?

“Нет, - говорю, - думаю, что нет”.

“Что ж, ” говорит он, “ все в порядке, Ден. У меня есть один... два короля, но этого достаточно. Если кто-то сильно пьян, то де дюк намного лучше”.

Я обнаружил, что Джим пытался заставить его говорить по-французски, чтобы он мог услышать, на что это похоже; но он сказал, что пробыл в этой стране так долго и у него было так много проблем, что он забыл это.

Глава XXI

Было уже после восхода солнца, но мы поехали прямо вперед и не стали привязываться. Король и герцог мало-помалу стали выглядеть довольно потрепанными; но после того, как они прыгнули за борт и искупались, это их здорово взбодрило
. После завтрака король присел на краешек плота, и снял сапоги, и закатал штаны, и свесил ноги в воду, чтобы было удобнее, и закурил трубку, и принялся выучивать наизусть своих "Ромео и Джульетту". Когда у него это довольно хорошо получилось, они с герцогом начали практиковаться в этом вместе. Герцогу приходилось учить его снова и снова, как произносить каждую речь; и он заставлял его вздыхать и прикладывать руку к сердцу, а через некоторое время сказал, что у него это неплохо получается; “только, ” говорит он, - ты не должен перекрикивать РОМЕО! таким образом, как бык — вы должны произносить это мягко, болезненно и вяло, так что—Р-о-о-мео! в этом и заключается идея, потому что Джульетта, знаете ли, милое дитя, и она не ревет, как осел.

Что ж, затем они достали пару длинных мечей, которые герцог сделал из дубовых планок, и начали практиковаться в бою на мечах — герцог называл себя Ричардом III.; и то, как они лежали на плоту и гарцевали вокруг него, было великолепно видеть. Но мало-помалу король споткнулся и упал за борт, и после этого они отдохнули и поговорили о всевозможных приключениях, которые у них были в другие времена на реке.

После ужина герцог говорит:

“Что ж, Капет, мы хотим сделать из этого первоклассное шоу, ты знаешь, так что, я думаю, мы добавим к нему еще немного. В любом случае, нам нужно что-нибудь, чем мы могли бы ответить на вызов на бис ”.

“Что такое онкорез, Билджуотер?”

Герцог рассказал ему, а затем говорит:

“Я отвечу, исполнив "Хайленд флинг" или "морскую свирель"; и

Ты ... Ну, дай—ка подумать ... О, я понял... ты можешь спеть монолог Гамлета.

- Какой“Гамлет”?

“Монолог Гамлета, знаете ли; самая знаменитая вещь в

Шекспир. О, это великолепно, великолепно! Всегда привлекает внимание. У меня

нет этого в книге — у меня только один том, — но, думаю, я смогу

воспроизвести это по памяти. Я просто пройдусь туда-сюда минутку и посмотрю,

смогу ли я вызвать его обратно из хранилища воспоминаний”.

Итак, он принялся расхаживать взад-вперед, размышляя и время от времени

ужасно хмурясь; затем он поднимал брови; затем

он прижимал руку ко лбу, отшатывался и как бы

стонал; затем он вздыхал, а затем позволял себе уронить слезу. Было

прекрасно видеть его. Постепенно он понял это. Он сказал нам быть внимательными.

Затем он принимает самую благородную позу, выставив одну ногу вперед, и

его руки вытянуты вверх, а голова запрокинута назад, глядя в

небо; а затем он начинает рваться, бредить и скрежетать зубами; и после этого,

на протяжении всей своей речи, он выл, и распрямлялся, и раздувал свою

грудь, и просто выбивал пятнышки из любой актерской игры, которую я когда-либо видел раньше. Вот

речь — я выучил ее достаточно легко, пока он разучивал ее для

короля:

Быть или не быть - вот из-за чего бедствует столь

долгая жизнь; Ибо кто бы вынес фардели, пока Бирнамский лес не придет в

Дунсинан, Как не то, что страх перед чем-то посмертным Убивает

невинный сон, Второе блюдо Великой природы, И заставляет нас скорее метать

стрелы возмутительной удачи, Чем лететь к другим, о которых мы не знаем.

Вот уважение, которое должно заставить нас остановиться: Разбуди Дункана своим

стуком! Я хотел бы, чтобы ты мог; Ибо кто стал бы терпеть кнуты и

презрение времени, несправедливость угнетателя, упрямство гордеца, промедление

закона и затишье, которое могут принести его муки, В глухой

пустыне и посреди ночи, когда кладбища зияют В обычных

костюмах торжественного черного цвета, Но что неоткрытая страна, из

пределов которой не возвращается ни один путешественник, Распространяет заразу на мир, И

таким образом, врожденный оттенок решимости, как у бедного кота из пословицы, Болен

действуйте осторожно, И все облака, которые опустились над нашими крышами, В

связи с этим их течения поворачивают наперекосяк И теряют название действия. - Это

завершение, которого следует искренне желать. Но ты мягче, прекрасная Офелия: Открывай
не свои тяжелые мраморные челюсти, А отправляйся в монастырь — уходи!

Что ж, старику понравилась эта речь, и он очень скоро усвоил ее настолько,
что смог произнести ее первоклассно. Казалось, он просто рожден для этого; и когда
он держал свою руку в руке и был возбужден, было совершенно чудесно наблюдать, как он
рвал, и рвал, и бушевал сзади, когда снимал ее.

При первой же возможности мы связались с герцогом, и он напечатал несколько афиш; и
после этого, в течение двух или трех дней, пока мы плыли, плот был самым
необычайно оживленным местом, потому что там не было ничего, кроме боев на мечах и
репетиций — как называл это герцог — все время. Однажды утром,
когда мы были довольно далеко от штата Арканзас, мы увидели
маленький городок на одной лошади в большой излучине; поэтому мы привязались примерно в трех
четвертях мили выше него, в устье ручья, который был перекрыт кипарисами, как
туннель, и все мы, кроме Джима, сели в каноэ и
отправились туда посмотреть, нет ли там возможности устроить наше
представление.

Нам очень повезло; в тот
день там должен был быть цирк, и деревенские жители уже начали съезжаться в
всевозможных старых дряхлых повозках и верхом на лошадях. Цирк уезжал
до наступления ночи, так что у нашего представления были неплохие шансы. Герцог
нанял здание суда, и мы обошли его и выставили счета. Они
читаются так:

Возрождение Шекспира ! ! !

Замечательный аттракцион! Только на одну ночь!

Всемирно известные трагики Дэвид Гаррик Младший из лондонского театра "Друри"
Лейн и Эдмунд Кин старший из Королевского
театра Хеймаркет, Уайтчепел, Пуддинг-Лейн, Пиккадилли, Лондон, и
Королевских континентальных театров в их возвышенном спектакле в духе Шекспира,
озаглавленном:

Сцена на балконе в " Ромео и Джульетте " ! ! !

Romeo..................Mr . Гаррик

Juliet..................Mr . Кин

При поддержке всей труппы! Новые костюмы, новые
сцены, новые встречи!

Также: Захватывающий, виртуозный и леденящий кровь бой на широком мече
Конфликт с Ричардом III. ! ! !

Ричард III.............Mr. Гаррик
Richmond................Mr. Кин

Также: (по специальному запросу) Бессмертный монолог Гамлета! ! От
Прославленного Кина! Он провел 300 ночей подряд в Париже! Только на одну
ночь, В связи с неотложными европейскими делами!

Вход 25 центов; дети и прислуга - 10 центов.

Потом мы отправились слоняться без дела по городу. Магазины и жилые дома в большинстве своем были
старыми, хлипкими, высохшими каркасными постройками, которые никогда не красили;
они были установлены на высоте трех-четырех футов над землей на сваях, чтобы быть вне
досягаемости воды, когда река разливалась. Вокруг домов были
маленькие садики, но, похоже, в них почти ничего не росло,
кроме сорняков джимпсона, подсолнухов, куч золы, старых
скрученных ботинок и обутков, осколков бутылок, тряпья и потертой
жестяной посуды. Заборы были сделаны из разных досок, прибитых гвоздями в
разное время; и они наклонялись в разные стороны, и у них были ворота, у которых
обычно была только одна петля — кожаная. Некоторые заборы
когда-то побелили, но герцог сказал, что это было во времена
Кламбуса. В саду было много свиней, и
люди выгоняли их оттуда.

Все магазины располагались на одной улице. Впереди у них были белые домашние
навесы, и деревенские жители привязывали своих лошадей к
столбам навеса. Под навесами стояли пустые коробки из—под сухих продуктов, и
бездельники целыми днями сидели на них, строгая их своими
ножами Барлоу; и жевали табак, и разевали рты, и зевали, и потягивались -

очень злобный народ. Они обычно носили желтые соломенные шляпы, почти такие же широкие,
как зонт, но не носили ни пальто, ни жилетов, они называли друг
друга Биллом, и Баком, и Хэнком, и Джо, и Энди, и разговаривали лениво,
растягивая слова, и употребляли немало бранных словечек. К каждому столбу навеса прислонилось не меньше
одного бездельника, и он почти всегда
держал руки в карманах штанов, за исключением тех случаев, когда доставал их, чтобы
дать пожевать табаку или почесаться. Среди
них все время кто-то слышал следующее:

- Дай-ка мне кусочек табака, Хэнк.

“ Не могу, у меня остался только один кусочек. Спроси Билла.”

Может быть, Билл угостит его; может быть, он лжет и говорит, что у него ничего нет
никакого. У некоторых из этих бездельников никогда в жизни не было ни цента, ни
куска собственного табака. Они добывают себе пропитание, занимая взаймы;
они говорят парню: “Я бы хотел, чтобы ты одолжил мне что—нибудь перекусить, Джек, я сию
минуту отдам Бену Томпсону последнее, что у меня было”, - что почти
почти всегда ложь; это никого не обманет, кроме незнакомца; но Джек не
незнакомец, поэтому он говорит:

“Ты дала ему погрызть, да? Как и коту твоей сестры,
бабушка. Ты вернешь мне деньги, которые уже позаимствовал у
меня, Лейф Бакнер, тогда я одолжу тебе одну-две тонны и не
возьму с тебя никаких долговых обязательств.

“Ну, сначала я вернул тебе часть денег”.

“Да, ты вернул - около шести часов. Ты борри хранил табак и
расплатился головой ниггера.

Магазинный табак представляет собой плоскую черную пробку, но эти ребята в основном жуют
натуральный скрученный лист. Когда они берут взаймы табак, они обычно не отрезают его
ножом, а зажимают вилку между зубами, грызут
зубами и дергают вилку руками, пока не разломят ее надвое; тогда
иногда тот, кому принадлежит табак, мрачно смотрит на него, когда его
возвращают, и саркастически говорит:

“Вот, дай мне ПОЖЕВАТЬ, а ты бери ВИЛКУ”.

Все улицы и переулки были просто грязью; они были ничем иным, КАК
грязь — грязь черная, как деготь, глубиной около фута в некоторых местах,
а во ВСЕХ местах глубиной два-три дюйма. Свиньи слонялись без дела и
хрюкали повсюду. Вы бы увидели перепачканную свинью и выводок свиней

лениво шла по улице и распластывалась прямо на дороге,
где людям приходилось обходить ее стороной, а она вытягивалась, закрывала
глаза и махала ушами, пока свиньи доили ее, и выглядела такой
счастливой, как будто получала зарплату. И довольно скоро вы услышали бы, как бездельник поет
: "Привет! НУ и парень! забери его, Тиге!" - и свинья убегала прочь,
ужасно визжа, с одной-двумя собаками, прижатыми к каждому уху, и
еще три-четыре дюжины приближались; и тогда ты видел, как все
бездельники вставали и смотрели, как тварь скрывается из виду, и смеялись над забавой, и
выглядели благодарными за шум. Потом они снова устраивались поудобнее, пока не начиналась
собачья драка. Ничто так не могло разбудить их и сделать
всех счастливыми, как собачья драка, — разве что облить
бездомную собаку скипидаром и поджечь ее, или привязать к ее
хвосту жестяную кастрюлю и посмотреть, как она загонит себя насмерть.

На берегу реки некоторые дома торчали над берегом,
и они были покосившимися, и вот-вот готовы были рухнуть внутрь, из них выселились люди
. Банка была прогнута под одним углом
некоторых других, и этот угол нависал. В них еще жили люди,
но это было опасно, потому что иногда за один раз обрушивалась полоса земли шириной с
дом. Иногда начинается полоса суши в четверть мили
глубиной, которая все дальше и дальше прогибается, пока за одно лето вся не обрушится в
реку. Такой город, как этот, должен постоянно двигаться назад,
и назад, и назад, потому что река всегда гложет его.

Чем ближе было к полудню в тот день, тем гуще и гуще становилось
повозок и лошадей на улицах, и их становилось все больше. Семьи
привозили свои обеды с собой из деревни и ели их в
фургонах. Продолжалось обильное распитие виски, и я был свидетелем
трех драк. Мало-помалу кто-нибудь выкрикивает:

" А вот и старина Боггс!— приехал из деревни за своего маленького старичка
ежемесячный пьяница; вот он идет, ребята!"

Все бездельники выглядели довольными; я решил, что они привыкли веселиться
за пределами Боггса. Один из них говорит:

" Интересно, кого он из себя представляет на этот раз? Если бы он переубедил
всех мужчин, которых ему удалось переубедить за последние двадцать лет, у него бы сейчас
был значительный разрыв.

Другой говорит: “Хотел бы я, чтобы старина Боггс "пригрозил мне", потому что тогда я бы знал, что не хочу, чтобы Гвин умирал тысячу лет”.

Боггс мчится вперед на своей лошади, улюлюкая и вопя, как
Индеец, и распевает:

“ Следи за дорогой, тар. Я нахожусь на пути к успеху, и цена на ультрафиолетовые гробы скоро вырастет ”.

Он был пьян и покачивался в седле; ему было за пятьдесят
лет, и у него было очень красное лицо. Все кричали на него, смеялись
над ним и подтрунивали над ним, а он подтрунивал в ответ и сказал, что позаботится о них
и разложит их по очереди, но сейчас он не мог ждать, потому что
он приехал в город убить старого полковника Шерберна, и его девизом было:
“Сначала мясо, а потом еда ложкой”.

Он увидел меня, подъехал и говорит:

“Зачем ты приехал, парень? Ты приготовился умереть?”

Затем он поехал дальше. Я испугался, но мужчина говорит:

“Он ничего не имеет в виду; он всегда так ведет себя, когда
он пьян. Он самый добродушный старый дурак в Арканзасе — никогда никому не причинил вреда
, ни пьяный, ни трезвый.

Боггс подъехал к самому большому магазину в городе, наклонил голову
чтобы заглянуть под занавес навеса, и кричит:

“ Выходи сюда, Шерберн! Выходи и познакомься с человеком, которого ты
обманул. Ты - та, кого я ищу, и я тоже хочу заполучить тебя
!”

И вот он пошел дальше, называя Шерберна всем, к чему только мог прикоснуться
язык, и вся улица была забита людьми, которые слушали, смеялись
и шли дальше. Мало-помалу гордого вида мужчина лет пятидесяти пяти - и к тому же он
был самым хорошо одетым мужчиной в этом городе — выходит из магазина,
и толпа расступается по обе стороны, пропуская его. Он говорит
Боггсу, могучему ка'му и медлительному — он говорит:

“Я устал от этого, но я потерплю до часу дня. До часу дня,
больше не обращай внимания. Если ты откроешь рот против меня только один раз после этого
раза, ты не сможешь уехать так далеко, но я найду тебя ”.

Затем он поворачивается и уходит. Толпа выглядела очень трезвой; никто
не пошевелился, и смеха больше не было. Боггс ускакал, преследуя
Шерберна так громко, как только мог, на всю улицу; и довольно скоро

он возвращается и останавливается перед магазином, все еще продолжая в том же духе. Какие-то мужчины столпились вокруг него и пытались заставить его заткнуться, но он не хотел;
они сказали ему, что примерно через пятнадцать минут будет час дня, и поэтому он
ДОЛЖЕН идти домой — он должен идти прямо сейчас. Но это не принесло никакой пользы. Он
выругался изо всех сил, швырнул шляпу в грязь и
проехал по ней верхом, и довольно скоро он снова
мчался по улице, и его седые волосы развевались. Все, кому удавалось добраться до
него, изо всех сил пытались уговорить его слезть с лошади, чтобы они могли запереть его
и дать ему протрезветь; но это было бесполезно — дальше по улице он снова рвался
и снова обругивал Шерберна. Мало-помалу кто-нибудь говорит:

"Иди за его дочерью! — быстро, иди за его дочерью; иногда он
послушает ее. Если кто-то и может убедить его, так это она.

Итак, кто-то пустился в бега. Я прошел немного по улице и
остановился. Минут через пять-десять Боггс возвращается, но не на
своей лошади. Он, пошатываясь, шел через улицу ко мне, с непокрытой головой,
с другом по обе стороны от него, который держал его за руки и торопил
вперед. Он был спокоен и выглядел встревоженным; и он ничуть не отстал
, а сам немного поторапливался. Кто-то поет:

"Боггс!"

Я посмотрел туда, чтобы посмотреть, кто это сказал, и это был тот самый полковник
Шерберн. Он совершенно неподвижно стоял на улице,
подняв в правой руке пистолет — не целясь, а держа его стволом
вверх, к небу. В ту же секунду я вижу, что
бежит молодая девушка, а с ней двое мужчин. Боггс и остальные обернулись, чтобы посмотреть,
кто его окликнул, и когда они увидели пистолет, то отскочили в
сторону, а ствол пистолета медленно и неуклонно опустился до уровня - оба
ствола были взведены. Боггс вскидывает обе руки и восклицает: "О Господи,
не стреляйте!" Бах! раздается первый выстрел, и он отшатывается, хватаясь за
воздух — бах! ударяет второй, и он падает навзничь на
землю, тяжелый и твердый, с раскинутыми руками. Та молодая девушка
закричала и примчалась, и бросилась на своего
отца, плача и приговаривая: "О, он убил его, он убил его!"
Толпа сомкнулась вокруг них, и они толкали друг друга плечами,
вытянув шеи, пытаясь что-нибудь разглядеть, а люди внутри пытались

оттолкнуть их назад и кричать: “Назад, назад! дайте ему воздуха, дайте ему воздуха!”

Полковник Шерберн бросил пистолет на землю, повернулся на каблуках и ушел.

Они отвели Боггса в маленькую аптеку, вокруг все так же напирала толпа, и весь город следовал за ними, и я поспешил занять хорошее место у окна, где я был поближе к нему и мог все видеть. Они положили его на пол и положили одну большую Библию ему под голову, а потом открыли другую и разложили ее у него на груди; но сначала они разорвали на нем рубашку, и я увидел, куда вошла одна из пуль. Он сделал около дюжины долгих вздохов, его грудь приподнимала Библию, когда он делал вдох, и снова опускала ее, когда он выдыхал, — и после этого он лежал неподвижно; он был мертв. Затем они оттащили от него его дочь, которая кричала и плакала, и увели ее. Ей было около шестнадцати, и она была очень мила и нежна на вид, но ужасно бледна и напугана.

Что ж, довольно скоро там собрался весь город, который извивался, протискивался, пихался и пихался, чтобы добраться до окна и посмотреть, но люди, у которых были места, не уступали их, а люди, стоявшие позади них, все время говорили: “Послушайте, вы уже достаточно посмотрели, ребята; с вашей стороны неправильно и нечестно оставаться здесь все время и никогда никому не давать шанса; у других людей есть свои права так же, как и у вас”.

В ответ раздался сильный скрежет челюсти, так что я выскользнул наружу, думая, что, возможно, будут неприятности. Улицы были переполнены, и все были взволнованы. Все, кто видел стрельбу, рассказывали, как это произошло, и вокруг каждого из этих парней собралась большая толпа, вытягивая шеи и слушая. Один длинный, долговязый мужчина с длинными волосами, в большой белой меховой шляпе-трубе, сдвинутой на затылок, и тростью с кривой рукояткой отмечал места на земле, где стоял Боггс и где стоял Шерберн, и люди ходили за ним от одного места к другому и наблюдали за всем, что он делал, и кивали головами, показывая, что понимают, и немного наклонялись и упирали руки в бедра, чтобы посмотреть, как он отмечает места на земле своей тростью; а потом он выпрямился и застыл там, где стоял Боггс. Шерберн встал, нахмурившись и надвинув поля шляпы на глаза, и пропел : “Боггс!”, а затем медленно опустил свою трость на уровень земли и сказал

“Бах!” отшатнулся назад, снова сказал “Бах!” и упал плашмя на
спину. Люди, которые видели это, говорили, что он сделал это идеально; говорили, что
все было в точности так, как все произошло. Затем целых дюжина
человек достали свои бутылки и угостили его.

Ну, мало-помалу кто-то сказал, что Шерберна следует линчевать.
Примерно через минуту это сказали все; и они ушли, обезумев и
вопя и хватая каждую бельевую веревку, которая попадалась им под руку, чтобы
развесить ее.

Глава XXII

ОНИ ринулись к дому Шерберна, вопя и беснуясь,
как индейцы, и всем приходилось расчищать дорогу, иначе их задавят и
растопчут в кашу, и на это было ужасно смотреть. Дети неслись впереди
толпы, крича и пытаясь убраться с дороги; и каждое
окно вдоль дороги было полно женских голов, и на каждом дереве были негритянские
мальчишки, а из-за каждого забора выглядывали самцы и девки; и
как только толпа приближалась к ним, они срывались и
убегали подальше. Многие женщины и девочки плакали и
сдавались, напуганные до смерти.

Они столпились перед частоколом Шерберна так плотно, как только
могли прижаться друг к другу, и из-за шума было не слышно собственных мыслей. Это
был маленький дворик в двадцать футов. Кто-то выкрикнул: “Снесите забор! снесите
забор!” Затем раздался грохот разрывания и
крушения, и она рухнула, и передняя стена толпы начала
накатываться, как волна.

Как раз в этот момент Шерберн выходит на крышу своего маленького крыльца,
с двуствольным ружьем в руке, и занимает свою позицию, совершенно спокойную
и обдуманную, не говоря ни слова. Грохот прекратился, и волна
отступила.

Шерберн не произнес ни слова — просто стоял и смотрел вниз.
Тишина была ужасно жуткой и неуютной. Шерберн медленно пробежал взглядом
по толпе; и везде, где это бросалось в глаза, люди пытались немного перещеголять его
пристальным взглядом, но у них ничего не получалось; они опускали глаза и хитрили.
Затем довольно скоро Шерберн рассмеялся; не самым приятным смехом, но

такой, при котором чувствуешь себя, как при поедании хлеба с песком
внутри.

Затем он говорит медленно и презрительно:

“Сама мысль о том, что ТЫ кого-то линчуешь! Это забавно. Подумать только,
что у тебя хватило смелости линчевать ЧЕЛОВЕКА! Из-за того, что ты
достаточно храбра, чтобы вымазывать дегтем и перьями бедных, лишенных друзей, отверженных женщин, которые приходят
сюда, неужели это заставило тебя думать, что у тебя достаточно выдержки, чтобы поднять
руки на МУЖЧИНУ? Человек в безопасности в руках десяти тысяч таких, как
ты, — пока на улице день и ты не стоишь у народа за спиной.

“Я тебя знаю? Я знаю, что ты насквозь родился и вырос на
Юге, а я жил на Севере; так что я знаю среднестатистических людей со всех сторон.
Среднестатистический человек - трус. На Севере он позволяет любому переступить через себя
, кто хочет, и идет домой, молясь о смиренном духе, чтобы перенести это. На
Юге один человек в полном одиночестве
днем остановил дилижанс, полный людей, и ограбил стоянку. Ваши газеты так
часто называют вас храбрым народом, что вы думаете, что вы храбрее любого другого народа, в то время как
вы такие ЖЕ храбрые и ничуть не храбрее. Почему ваши присяжные не вешают
убийц? Потому что они боятся, что друзья этого человека выстрелят им в
спину, в темноте — и это именно то, что они бы сделали.

- Поэтому они всегда оправдывают; а потом ЧЕЛОВЕК приходит ночью с
сотней трусов в масках за спиной и линчует негодяя. Ваша
ошибка в том, что вы не взяли с собой мужчину; это одна ошибка, а
другая в том, что вы не пришли в темноте и не взяли свои маски. Ты
привлек ЧАСТЬ мужчины — Бака Харкнесса, например, — и если бы
он не подтолкнул тебя к этому, ты бы проиграл в пух и прах.

“Ты не хотел приходить. Обычный человек не любит неприятностей и
опасность. ТЕБЕ не нравятся неприятности и опасность. Но если хотя бы ПОЛОВИНА человека —
вроде Бака Харкнесса — закричит: "Линчуйте его! линчуйте его!" вы
боитесь отступить — боитесь, что вас уличат в том, кто вы есть на самом деле — в
ТРУСОСТИ, — и поэтому вы поднимаете крик, вешаетесь на фалду этого
получеловека и в ярости приходите сюда, клянясь, какие большие
дела вы собираетесь совершить. Самое жалкое — это толпа; вот что такое
армия - толпа; они сражаются не с мужеством, которое в них заложено, а
с мужеством, которое позаимствовано у их массы и у их офицеров.
Но толпа, во главе которой нет ни одного ЧЕЛОВЕКА, недостойна жалости.

Теперь вам остается поджать хвосты, пойти домой и
заползти в нору. Если и будет совершен какой-нибудь настоящий самосуд, то он будет совершен в
мрачной южной манере; и когда они придут, они принесут свои
маски и приведут с собой МУЖЧИНУ. А теперь УХОДИ — и забирай с собой своего пол-
человека”, - с этими словами он перекидывает пистолет через левую руку и взводит курок
.

Толпа внезапно хлынула назад, а затем рассыпалась на части и пошла,
разбегаясь во все стороны, а Бак Харкнесс гнал ее за ними,
выглядя вполне сносно дешево. Я мог бы остаться, если бы захотел, но я не хотел
этого.

Я пошел в цирк и слонялся без дела с задней стороны, пока мимо не прошел сторож
, а потом нырнул под шатер. У меня была моя двадцатидолларовая золотая
монета и еще кое-какие деньги, но я решил, что лучше их поберечь, потому что
никто не знает, как скоро они тебе понадобятся, вдали от дома
и среди незнакомых людей. Нельзя быть слишком осторожным. Я не против
тратить деньги на цирки, когда нет другого выхода, но
нет смысла ТРАТИТЬ их на них.

Это был настоящий цирк хулиганов. Это было самое великолепное зрелище, которое когда—либо было,
когда они все въезжали верхом, по двое, джентльмен и леди, бок о бок,
бок о бок, мужчины были только в панталонах и майках, без башмаков и
стремян, и руки их лежали на бедрах легко и удобно —
их было, должно быть, человек двадцать - и каждая леди с прекрасным
цветом лица, и безупречно красива, и выглядела точь-в-точь как банда настоящих
убежденных королев, и одета в одежду стоимостью в миллионы долларов,
и просто усыпана бриллиантами. Это было потрясающее зрелище; я никогда не видел
ничего более прекрасного. А потом один за другим они встали и пошли,
кружась по рингу, такие нежные, волнистые и грациозные, мужчины
выглядели такими высокими, воздушными и прямыми, их головы покачивались и
скользили далеко наверху, под крышей шатра, и на каждой леди
платье из розовых листьев мягко и шелковисто развевалось вокруг ее бедер, и она выглядела
как самый красивый зонтик.

А потом они поехали все быстрее и быстрее, все они танцевали, сначала одна
нога была поднята в воздух, потом другая, лошади наклонялись все больше и больше,
а директор манежа все кружил и кружил вокруг центрального шеста, щелкая
кнутом и крича “Привет!-привет!”, а клоун отпускал шутки позади него;

и мало-помалу все бросили поводья, и каждая леди уперла
кулаки в бока, и каждый джентльмен скрестил руки на груди, и тогда как
лошади действительно наклонились и встали горбом! И вот один за другим
они все выскочили на ринг и отвесили самый милый поклон, который я когда-либо видел,
а затем выбежали вон, и все захлопали в ладоши и пришли в
неистовство.

Что ж, на протяжении всего цирка они проделывали самые удивительные вещи;
и все это время этот клоун вел себя так, что это больше всего убивало людей.
Директор манежа не мог сказать ему ни слова, но он быстро возвращался к нему,
подмигивая, и рассказывал самые смешные вещи, которые когда-либо говорил кто-либо; и как он вообще
МОГ придумать так много из них, да еще так внезапно и так трогательно, вот чего я
до сих пор не мог понять. Да ведь я и за год не смог бы о них подумать.
И мало—помалу пьяный мужчина попытался выйти на ринг - сказал, что хочет
покататься верхом; сказал, что может ездить верхом не хуже любого другого, кто когда-либо был. Они спорили
и пытались не пустить его, но он не слушал, и все шоу
остановилось. Тогда люди начали кричать на него и
насмехаться над ним, и это вывело его из себя, и он начал рвать на части; так что это
взбудоражило людей, и многие мужчины начали срываться со
скамеек и устремляться к рингу, говоря: “Сбейте его с ног! выбросьте
его вон!” - и одна или две женщины начали кричать. И вот,
инспектор манежа произнес небольшую речь и сказал, что надеется, что не будет
никаких беспорядков, и если человек пообещает, что больше не будет устраивать
неприятностей, он позволит ему прокатиться, если тот решит, что сможет удержаться на лошади. Так что
все рассмеялись и сказали, что все в порядке, и мужчина продолжил. В ту минуту, когда он
был на коне, лошадь начала рваться, скакать и скакать вокруг, а
двое циркачей повисли на его уздечке, пытаясь удержать его, и пьяный
мужчина повис у него на шее, и его пятки взлетали в воздух при каждом прыжке,
и вся толпа людей встала, крича и смеясь, пока
не покатились слезы. И наконец, конечно же, все, что могли сделать циркачи,
лошадь вырвалась и понеслась, как вся нация, круг за кругом
по рингу, а этот сопляк лег на нее и повис у него на шее,
сначала одна нога почти касалась земли с одной стороны, а затем
другая с другой стороны, и люди просто сошли с ума. Однако
мне это не показалось смешным; я весь трепетал, видя, в какой опасности он находится. Но довольно скоро он
вскарабкался в седло и схватил уздечку, раскачиваясь из стороны в сторону;

и в следующую минуту он вскочил, бросил уздечку и встал! и
лошадь тоже мчится, как охваченный огнем дом. Он просто стоял там, плывя
по течению так легко и комфортно, как будто никогда в жизни не был пьян, -
а потом начал стаскивать с себя одежду и швырять ее. Он сбросил их так
густо, что они как бы забивали воздух, а всего он сбросил семнадцать
костюмов. И вот он появился, стройный и красивый, одетый
безвкуснее и красивее всего, что вы когда—либо видели, и он ударил по этой лошади своим
хлыстом и заставил ее замурлыкать - и, наконец, ускакал, и отвесил
поклон, и, пританцовывая, направился в раздевалку, и все просто взвыли
от удовольствия и изумления.

Тогда инспектор манежа увидел, как его одурачили, и, по-моему, он БЫЛ
самым больным инспектором манежа, которого вы когда-либо видели. Да ведь это был один из его собственных
людей! Он придумал эту шутку сам и никогда не рассказывал
никому. Что ж, я чувствовал себя достаточно застенчивым, чтобы меня так приняли, но я бы не
оказался на месте этого инспектора манежа ни за что на свете. Я не знаю;
может быть, есть цирки пострашнее того, что был этот, но я еще ни разу не посещал
их. В любом случае, для МЕНЯ это было достаточно хорошо; и где бы я
ни натыкался на это, у этого могут быть все МОИ привычки каждый раз.

Что ж, в тот вечер у нас было НАШЕ шоу; но там было не только
двенадцать человек — как раз достаточно, чтобы оплатить расходы. И они все время
смеялись, и это выводило герцога из себя; и все равно все ушли
до окончания представления, кроме одного мальчика, который спал. Итак, герцог
сказал, что эти придурки из Арканзаса не могут сравниться с Шекспиром; то, что
они хотели, было низкой комедией — и, возможно, чем-то похуже, чем
низкая комедия, как он полагал. Он сказал, что может оценить их стиль. Итак, на следующее
утро он достал несколько больших листов оберточной бумаги и немного черной краски,
нарисовал несколько рекламных листовок и расклеил их по всей деревне.
На счетах было написано:

В ЗДАНИИ СУДА! ТОЛЬКО НА 3 НОЧИ!

Всемирно известные трагики ДЭВИД ГАРРИК -
МЛАДШИЙ! И ЭДМУНД КИН-СТАРШИЙ! Лондонского и
Континентального театров В их захватывающей трагедии "Королевский"
КАМЕЛЕОПАРД, ИЛИ КОРОЛЕВСКОЕ НИЧТОЖЕСТВО! ! !

,,

Вход 50 центов.

Затем внизу была самая большая строка из всех, которая гласила:

ЖЕНЩИНАМ И ДЕТЯМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН.

“Ну вот, - говорит он, - если эта линия их не приведет, я не знаю, Арканзас!”

Глава XXIII

Так вот, весь день они с королем усердствовали, устанавливая сцену, занавес и ряд свечей для рампы; и в тот вечер зал в мгновение ока был битком набит мужчинами. Когда зал больше не мог вмещать зрителей, герцог перестал присматривать за дверью, обошел ее с черного хода и вышел на сцену, встал перед занавесом и произнес небольшую речь, и похвалил эту трагедию, и сказал, что это самая захватывающая трагедия, которая когда-либо была; и так он продолжал хвастаться трагедией и Эдмундом Кином-старшим, который должен был сыграть в ней главную роль; и в конце концов, когда он оправдал всеобщие ожидания, он поднял занавес, и в следующую минуту зрители увидели, что это самая захватывающая трагедия, которая когда-либо была. король вышел, гарцуя на всех четвереньках, обнаженный; и он был весь раскрашен, с прожилками и полосами, всех видов цветов, великолепный, как радуга. И ...но не обращайте внимания на остальную часть его наряда; это было просто дико, но ужасно забавно. Большинство людей убивались со смеху; и когда король закончил скакать и скрылся за кулисами, они ревели, хлопали, бушевали и орали, пока он не вернулся и не повторил это снова, и после этого они заставили его сделать это в другой раз. Что ж, корова бы рассмеялась, увидев, как блестит стрижка этого старого идиота.

Затем герцог опускает занавес, кланяется зрителям и говорит, что "великая трагедия" будет показана еще только два вечера, по причине неотложных лондонских мероприятий, где на Друри-Лейн для нее уже все места проданы

; затем он отвешивает им еще один поклон и говорит, что если ему удалось понравиться им и проинструктировать их, то он будет глубоко признателен, если они расскажут об этом своим друзьям и пригласят ихприйти и посмотреть это.

Двадцать человек поют:

“Что, все кончено? И это ВСЕ?”

Герцог говорит "да". Тогда было прекрасное время. Все поют,
“Продано!” и взбесились, и рвались на сцену и к тем
трагикам. Но крупный, хорошо выглядящий мужчина вскакивает на скамейку и кричит:

“ Подождите! На пару слов, джентльмены. Они остановились послушать. “Мы
проданы — очень плохо проданы. Но я думаю, мы не хотим быть посмешищем для
всего этого города и никогда в жизни не услышим об этом в последний раз.
Мы живы. НЕТ. Чего мы хотим, так это тихо уехать отсюда и рассказать об этом шоу
всему городу! Тогда мы все будем в одной лодке.
Разве это не разумно?” (“Держу пари, что так и есть!— джедж прав!” - подхватывают все
.) “Тогда ладно — ни слова ни о какой продаже. Идите домой,
и посоветуйте всем прийти и посмотреть на трагедию”.

На следующий день в городе не было слышно ничего, кроме того, каким
великолепным было это шоу. В тот вечер в зале снова было полно народу, и мы точно так же разогнали
эту толпу. Когда мы с королем и герцогом вернулись домой,
мы все сели на плот и поужинали; и вскоре, около полуночи, они заставили
Джима и меня вытащить лодку на середину реки,
вытащить ее и спрятать примерно в двух милях от города.

На третий вечер зал снова был битком набит — и на этот раз они пригласили не новеньких
, а людей, которые были на шоу в предыдущие два вечера. Я
стоял рядом с герцогом в дверях и видел, что у каждого вошедшего мужчины были
оттопыренные карманы или что—то закутанное под пальто - и я вижу, что это
тоже не было парфюмерией, по крайней мере, при ближайшем рассмотрении. Я почувствовал тошнотворный запах яиц
у
бочки, гнилой капусты и тому подобного; и если я знаю признаки того, что
поблизости есть дохлая кошка, а я держу пари, что знаю, то их было шестьдесят четыре
. Я сунулся туда на минуту, но для меня это было слишком разнообразно; я
не смог этого вынести. Ну, когда в заведении больше не было народу,
герцог дал парню четвертак и велел ему приоткрыть для него дверь на
минутку, а потом он направился к служебному выходу, я за ним; но как только
мы завернули за угол и оказались в темноте, он сказал:

“Теперь иди быстро, пока не отойдешь подальше от домов, а потом беги к
плоту, как будто за тобой гнались черти!”

Я сделал это, и он сделал то же самое. Мы налетели на плот одновременно,
и меньше чем через две секунды мы скользили вниз по течению, все в темноте и

тихо, продвигаемся к середине реки, никто не произносит ни слова. Я
подумал, что бедному королю предстоит веселое времяпрепровождение со зрителями,
но ничего подобного; довольно скоро он выползает из-под
вигвама и говорит:

“ Ну, и как на этот раз сработала старая затея, дьюк? Его вообще не было
на окраине города.

Мы так и не увидели ни огонька, пока не оказались примерно в десяти милях ниже
деревни. Потом мы закурили и поужинали, и король с герцогом от души
хохотали над тем, как они обслужили своих людей.
Герцог говорит:

“ Новички, плоскоголовые! Я знал, что первый дом будет молчать и
позволит остальным жителям города втянуться в это дело; и я знал, что они будут ждать нас на третью
ночь и подумают, что теперь ИХ очередь. Что ж, настала их очередь, и я бы
многое отдал, чтобы узнать, сколько они за это возьмут. Я просто хотел бы
знать, как они используют свою возможность. Они могут превратить это в
пикник, если захотят — они привезли много провизии.

Эти мошенники заработали четыреста шестьдесят пять долларов за те
три ночи. Я никогда раньше не видел, чтобы деньги доставляли такими фургонами
. Мало-помалу, когда они заснули и захрапели, Джим сказал:

“Тебя не удивляет, как ведут себя эти короли, Гек?”

“Нет, - говорю, - это не так”.

“Почему бы и нет, Гек?”

“Ну, это не так, потому что это в породе. Я думаю, они все одинаковы”,

“Но, Гек, наши короли - обычные мошенники; вот в чем дело
так оно и есть; они обычные мошенники”.

“Ну, это я и хочу сказать; все короли в основном мошенники, насколько я могу судить,
мех.”

“Это так?”

“Прочитай о них один раз — поймешь. Посмотрите на Генриха Восьмого;
для НЕГО ЭТО директор воскресной школы. И посмотрите на Карла
Второго, и Людовика Четырнадцатого, и Людовика Пятнадцатого, и Джеймса Второго, и
Эдуарда Второго, и Ричарда Третьего, и еще на сорок; не считая всех этих
саксонских гептархий, которые в старые времена так свирепствовали и воспитывали Каина.
Боже, видели бы вы старого Генриха Восьмого, когда он был в расцвете сил. Он
БЫЛ цветком. Раньше он каждый день женился на новой жене и отрубал ее

ее голова на следующее утро. И он делал это так же равнодушно, как если бы
заказывал яйца. ‘Приведите Нелл Гвинн", - говорит он. Они приводят ее.
На следующее утро: ‘Отрубите ей голову!’ И они ее отрубают. "Приведите Джейн
Шор", — говорит он; и на следующее утро она приходит, "Отрубают ей голову" -
и они ее отрубают. ‘Позвони прекрасной Розамун’. Прекрасная Розамун отвечает на
звонок. На следующее утро: "Отруби ей голову’. И он заставлял каждого из них
рассказывать ему сказку каждый вечер; и так продолжалось до тех пор, пока он не собрал таким образом
тысячу и одну сказку, а потом он записал их все в книгу и
назвал ее "Книга страшного суда" — хорошее название, которое соответствовало сути дела.
Ты не знаешь королей, Джим, но я их знаю; и этот наш старый рип -
один из самых чистых, которые я видел в истории. Ну, Генри, у него возникла идея,
он хочет устроить кое-какие неприятности с этой страной. Как он это делает
— уведомляет?— устраивает стране шоу? Нет. Внезапно он выбрасывает
весь чай в Бостонской гавани за борт, размахивает декларацией
независимости и бросает им вызов. Это был ЕГО стиль — он никогда не
давал никому шанса. У него были подозрения в отношении своего отца, герцога
Веллингтона. Ну, и что он сделал? Попросить его появиться? Нет — утопила
его в заднице мамси, как кота. Предположим, люди оставили деньги валяться
там, где он был — что он сделал? Он их забрал. Предположим, он
заключил контракт на выполнение какой-то работы, и вы заплатили ему, но не сели там и не
увидели, что он это сделал — что он сделал? Он всегда поступал по-другому.
Допустим, он открыл рот — что тогда? Если бы он не затыкал его мощно,
быстро, он бы каждый раз проигрывал во лжи. Вот таким жуком был Генри; и
если бы мы взяли его с собой вместо наших королей, он бы одурачил этот город
в разы хуже, чем это сделали мы. Я не говорю, что мы ягнята, потому что они
таковыми не являются, если смотреть прямо на холодные факты; но в любом случае они ничего не значат
по сравнению с ЭТИМ старым бараном. Все, что я говорю, короли есть короли, и вы должны
делать скидку. Обойдите их всех, они очень злобный народ. Это
то, как они воспитаны”.

“Но ни один из них не ПАХНЕТ так похоже на нацию, Гек”.

“Ну, они все пахнут так, Джим. Мы ничего не можем поделать с тем, как пахнет король; история
ни о чем не говорит”.

- Что касается де дюка, то в некоторых отношениях он вполне сносный человек.

“ Да, герцог - это другое дело. Но не очень отличается. Этот - средненький жребий для герцога. Когда он пьян, ни один близорукий человек не отличит его от короля”.

“Ну, в любом случае, я больше ни о чем не мечтаю, Гек. Вот и все Я родственник Стэна”.

“ Я тоже так чувствую, Джим. Но они у нас на руках, и мы должны помнить, что это такое, и делать скидку. Иногда я жалею, что мы не можем услышать о стране, в которой нет королей ”.

Какой смысл было говорить Джиму, что это не настоящие короли и герцоги? Это не привело бы ни к чему хорошему; и, кроме того, все было именно так, как я сказал: вы не могли отличить их от настоящих.

Я пошел спать, и Джим не позвал меня, когда была моя очередь. Он часто делал это. Когда я проснулся на рассвете, он сидел там, опустив голову между колен, тихонько постанывая и оплакивая себя. Я не обратил внимания и не подал виду. Я знал, о чем это было. Он думал о своей жене и детях, там, далеко, наверху, и ему было грустно и он тосковал по дому; потому что он еще никогда в своей жизни не уезжал из дома; и я действительно верю, что он заботился о своем народе так же сильно, как белые люди о своих детях. Это кажется неестественным, но я думаю, что это так. Он часто стонал и оплакивал меня таким образом по ночам, когда думал, что я сплю, и говорил: “По "маленькой "Лизабет! по "Маленькому" Джонни! это очень тяжело; я говорю: "Я больше никогда тебя не увижу”, "Больше никогда"! Он был очень хорошим ниггером, Джим.

Но на этот раз я как-то разговорился с ним о его жене и детях; и мало-помалу он сказал:

“Что заставляет меня чувствовать себя так плохо в тот раз, когда я слышу звук, похожий на удар, вон там, на берегу, некоторое время назад, и это был мой последний раз, когда я так жестоко обращался с моей маленькой Лизабет. Ее не было около года назад, когда она заболела язвой, и у нее был сильный приступ; но она выздоровела, и однажды она бродила поблизости, и я сказал ей, я сказал:

“Шет де до".

“Она никогда этого не делала; просто стояла и добродушно улыбалась мне. Это сводит меня с ума когда я снова говорю, очень громко, я говорю:

“Ты меня слышишь? Она это сделала!"

“Она стояла так же, добрее улыбаясь. Я был в восторге! Я говорю:

“Клянусь, я СДЕЛАЮ тебя своей!“

"После этого я отвешу ей подзатыльник, чтобы она растянулась.
Потом я зашел в другую комнату, и тебя не было минут десять; а когда
я вернулся, она уже открывалась, а прямо в ней стоял чили, и он смотрел вниз,
мос, и слезы текли ручьем.
Боже, но я сошел с ума! Я болел за Чили, но это логово - это было
такое открытое нутро — это логово, "долго дул ветер и захлопнул его позади
чили, кер-БАМ! — по-моему, "чили никогда не двигается’! Мой брефф мос
прыгает вокруг меня; но я чувствую себя так—так — я не знаю, ЧТО я чувствую. Я выхожу,
весь дрожа, обхожу вокруг и открываюсь, делаю это легко и медленно, и сую
голову сзади чили, тихо и неподвижно, и вдруг я кричу: БАХ! это
так громко, как я только мог кричать. ОНА НЕ СДВИНУЛАСЬ С МЕСТА! О, Гек, я разражаюсь
рыданиями, хватаю ее на руки и говорю: ‘О, милая моя малышка!’
Господь Бог, всемогущий, помилуй старого Джима, пусть он никогда не забудет
себя, пока жив!’ О, она была чертовски тупой, Гек, совершенно
тупой — и я бы с ней так обошелся!”

Глава XXIV

На следующий день, ближе к ночи, мы устроили привал под маленькой ивой
посередине, где по обе стороны реки было по деревне, и
герцог и король начали разрабатывать план освоения этих городов. Джим
поговорил с герцогом и сказал, что надеется, что это займет всего несколько часов,
потому что ему стало очень тяжело и утомительно лежать весь
день в вигваме, привязанному веревкой. Видите ли, когда мы оставили его совсем
одного, нам пришлось связать его, потому что, знаете, если бы кто-нибудь случайно наткнулся на него
одного и не был связан, это не было бы похоже на беглого ниггера.
Итак, герцог сказал, что довольно тяжело лежать привязанным весь
день, и он придумает какой-нибудь способ обойти это.

Герцог был необычайно умен, и вскоре ему это удалось. Он
нарядил Джима в костюм короля Лира — это был длинный ситцевый халат для занавесок,
а также белый парик из конского волоса и бакенбарды; а потом он взял свои театральные
краски и раскрасил лицо, руки, уши и шею Джима мертвенным,
тусклым, сплошным синим цветом, как у человека, который девять дней тонул. Обвиняют ли его, если он

это не самое ужасное возмутительное зрелище, которое я когда-либо видел. Тогда герцог взял и
написал на гальке знак так:

Больной араб — но безвредный, когда не выжил из ума.

И он прибил эту дранку к планке и поставил планку на четыре или пять
футов перед вигвамом. Джим был доволен. Он сказал, что это было намного
лучше, чем лежать связанным пару лет каждый день и дрожать всем телом
при каждом звуке. Герцог сказал ему, чтобы он вел себя свободно
и не высовывался, и если кто-нибудь когда-нибудь сунется сюда, он должен выскочить из
вигвама, немного повозмущаться и пару раз взвыть, как дикий
зверь, и он рассчитывал, что они уберутся восвояси и оставят его в покое. Это
было достаточно здравым суждением; но вы возьмете обычного человека, и он
не стал бы ждать, пока тот начнет выть. Да ведь он не только выглядел так, как будто был
мертв, он выглядел гораздо лучше.

Эти мошенники хотели попробовать еще раз, потому что в этом
было столько денег, но они рассудили, что это будет небезопасно, потому что
возможно, к этому времени новости уже подействуют. Они не смогли
найти ни одного подходящего проекта; так что, наконец, герцог сказал, что, по его расчетам,
он сделает перерыв и поработает мозгами часок—другой и посмотрит, не удастся ли ему
что-нибудь сделать с деревней Арканзас; и королю он разрешил, что он
отправится в другую деревню без всякого плана, а просто доверится Провидению,
которое укажет ему выгодный путь - имея в виду дьявола, я полагаю. Мы все
купили одежду в магазине, где остановились в последний раз; и теперь король надел свою
одежду, и он сказал мне надеть мою. Я, конечно, это сделала. Королевский костюм
был полностью черным, и он действительно выглядел роскошным и накрахмаленным. Я никогда раньше не знала,
как одежда может изменить тело. Ведь раньше он выглядел как
самый мрачный старый хрыч, который когда-либо был; но теперь, когда он снимал свой новый
белый бобрик, кланялся и улыбался, он выглядел таким величественным,
добрым и благочестивым, что можно было сказать, что он вышел прямо из ковчега и,
может быть, был самим старым Левитом. Джим почистил каноэ, а я приготовил свое
весло. Далеко у берега,
под мысом, примерно в трех милях над городом, стоял большой пароход — пробыл там пару
часов, принимая груз. Говорит король:

- Судя по тому, как я одета, думаю, может быть, мне лучше приехать с
улицы Св. Луис, или Цинциннати, или еще какое-нибудь большое место. Садись на пароход,
Гекльберри; мы приедем на нем в деревню.

Мне не нужно было дважды приказывать отправиться на прогулку на пароходе. Я выбрался на берег в полумиле выше деревни, а затем отправился кататься на велосипеде вдоль обрывистого берега по легкой воде. Довольно скоро мы добираемся до милого невинно выглядящего молодого деревенского жителя Джейка, который сидит на бревне и вытирает пот с лица, потому что погода стояла очень теплая; и при нем была пара больших ковровых сумок.

“Ткнись носом в берег”, - говорит король. Я сделал это. - Куда вы направляетесь , молодой человек?

“На пароход, идущий в Орлеан”.

“Садитесь на борт”, - говорит король. “Подожди минутку, мой слуга подаст тебе эти сумки. Выпрыгивай, и он станет джентльменом, Адольфус” — я понимаю, имея в виду меня.

Я так и сделал, и затем мы все трое снова двинулись в путь. Молодой человек был очень благодарен; сказал, что это была тяжелая работа - таскать его багаж в такую погоду. Он спросил короля, куда тот направляется, и король сказал ему, что он спустился по реке и сегодня утром высадился в другой деревне, а теперь он собирается подняться на несколько миль, чтобы навестить старого друга на ферме там, наверху. Молодой человек говорит:

“Когда я впервые вижу вас, я говорю себе: "Конечно, это мистер Уилкс, и он был очень близок к тому, чтобы прибыть сюда вовремя’. Но потом я снова говорю: "Нет, я думаю, это не он, иначе он не плыл бы вверх по реке’. Ты НЕ он, не так ли?”

“Нет, меня зовут Блоджетт — Элександер Блоджетт — ПРЕПОДОБНЫЙ Элександер Блоджетт, полагаю, я должен сказать, поскольку я один из бедных слуг Господа. И все же я все равно могу посочувствовать мистеру Уилксу за то, что он не прибыл вовремя, если он что—то упустил из виду - на что я надеюсь, что нет.

— Ну, он не упустит из—за этого никакой собственности, потому что у него все будет в порядке; но он скучал по смерти своего брата Питера — может, он и не возражает, никто не может сказать на этот счет, — но его брат отдал бы все на свете, чтобы увидеть ЕГО перед смертью; ни о чем другом не говорил все эти три недели; не видел его с тех пор, как они были мальчишками вместе - и вообще никогда не видел своего брата Уильяма - это глухой и тупой человек — Уильяму не больше тридцати или тридцатипятилетнего. Питер и Джордж были единственными, кто приезжал сюда; Джордж был женатым братом;

он и его жена оба умерли в прошлом году. Харви и Уильям - единственные,
кто сейчас остался; и, как я уже говорил, они не добрались сюда вовремя.

- Кто-нибудь послал им весточку?

“О, да; месяц или два назад, когда Питера впервые похитили; потому что
Питер сказал тогда, что у него было такое чувство, что на этот
раз ему не выздороветь. Видите ли, он был довольно стар, а подружки Джорджа были слишком молоды, чтобы
составить ему компанию, за исключением Мэри Джейн, рыжеволосой; и поэтому
после смерти Джорджа и его жены ему стало немного одиноко, и, похоже,
ему не очень хотелось жить. Он отчаянно хотел увидеть Харви — и
Уильяма тоже, если уж на то пошло, — потому что он был из тех, кто
не может вынести составления завещания. Он оставил Харви письмо, в котором сказал, что
сообщил в нем, где спрятаны его деньги, и как он хочет разделить остальную
собственность, чтобы с девочками Джорджа все было в порядке — потому что
Джордж ничего не оставил. И это письмо было всем, что они смогли заставить его
приложить ручку ”.

“Как ты думаешь, почему Харви не приезжает? Где он живет?”

“О, он живет в Англии, в Шеффилде — проповедует там — никогда не
был в этой стране. У него было не так уж много времени — и, кроме того, он
мог вообще не получить письмо, ты же знаешь.

- Жаль, очень жаль, что он не смог дожить до встречи со своими братьями, бедняга.
Ты говоришь, ты едешь в Орлеан?

“ Да, но это не только часть дела. Я отправляюсь на корабле, следующий
В среду поеду в Рио Джаниро, где живет мой дядя.

“Это довольно долгое путешествие. Но это будет чудесно; жаль, что я не уезжаю.
Мэри Джейн старшая? Сколько лет остальным?”

- Мэри Джейн девятнадцать, Сьюзен пятнадцать, а Джоанне около четырнадцати
— это та, которая посвящает себя добрым делам и у которой заячья губа.

“ Бедняжки! остаться таким одиноким в этом холодном мире.

“ Ну, могло быть и хуже. У старого Питера были друзья, и они не
не допустят, чтобы им причинили вред. Есть Хобсон,
проповедник Бэбти; и дьякон Лот Хови, и Бен Ракер, и Эбнер
Шеклфорд, и Леви Белл, юрист; и доктор Робинсон, и их
жены, и вдова Бартли, и ... ну, их много; но это
те, с кем Питер был наиболее близок и о ком обычно писал

Я

иногда, когда он писал домой; так что Харви будет знать, где искать
друзей, когда приедет сюда”.

Что ж, старик продолжал задавать вопросы, пока не изрядно не опустошил
этого молодого парня. Обвиняли, если он не расспрашивал обо всех и
обо всем в этом благословенном городке, и обо всех Уилксах; и о бизнесе
Питера, который был кожевником; и о бизнесе Джорджа, который был
плотником; и о бизнесе Харви, который был несогласным священником; и
так далее, и тому подобное. Затем он говорит:

“Зачем тебе понадобилось идти пешком до самого парохода?”

“Потому что это большой пароход "Орлеан", и я боялся, что он может не
остановиться там. Когда им будет глубоко, они не остановятся даже на оклик. Лодка из Цинциннати
остановится, но это лодка из Сент-Луиса ”.

- Питер Уилкс был состоятельным человеком?

“ О да, довольно состоятельным. У него были дома и земля, и считается, что
он оставил где-то три или четыре тысячи наличными.

- Когда, вы сказали, он умер?

“Я не говорил, но это было прошлой ночью”.

“Похороны, вероятно, завтра?”

“Да, где-то в середине дня”.

“Ну, все это ужасно грустно; но мы все должны пойти, когда-нибудь
ещеодин. Поэтому все, что мы хотим сделать, - это быть готовыми; тогда с нами все в порядке”.

“Да, сэр, это лучший способ. Мама всегда так говорила.”

Когда мы наткнулись на лодку, она почти закончила погрузку и довольно быстро
сошла. Король никогда ничего не говорил о том, чтобы подняться на борт, так что я
в конце концов лишился своей попутки. Когда лодка отчалила, король заставил меня проплыть
еще милю до уединенного места, а потом выбрался на берег и говорит:

- А теперь беги обратно, прямо сейчас, и приведи сюда герцога и новые
ковровые сумки. И если он перешел на другую сторону, иди туда и убей
его. И скажи ему, чтобы он взял себя в руки, несмотря ни на что. А теперь проваливай.

Я понимаю, что ОН задумал, но, конечно, я никогда ничего не говорил. Когда я
вернулся с герцогом, мы спрятали каноэ, а потом они сели на
бревно, и король рассказал ему все, точно так, как рассказал молодой человек,
все до последнего слова. И все время, пока он это делал, он старался
говорить как англичанин; и у него это тоже получалось довольно хорошо для сутулого человека.

не могу ему подражать, и поэтому я не собираюсь пытаться; но он действительно сделал это довольно хорошо. Затем он говорит:

- Как дела на “глухонемом”, Билджуотер?

Герцог сказал, оставьте его в покое за это; сказал, что он сыграл глухаря и немого человека на исторических досках. И вот они дождались парохода.

Примерно в середине дня мимо проплыла пара маленьких лодок, но они приплыли недостаточно высоко по реке; но наконец появилась одна большая, и они окликнули ее. Она послала свой ялик, и мы поднялись на борт, а она была из Цинциннати; и когда они обнаружили, что мы только хотели пройти четыре или пять миль, они пришли в бешенство, обругали нас и сказали, что не высадят. Но король был ca'm. Он говорит:

- Если джентльмены могут позволить себе платить по доллару за милю за то , чтобы их взяли на работу и отплыть на ялике, пароход не сможет их перевезти, не так ли?

Поэтому они смягчились и сказали, что все в порядке; и когда мы добрались до деревни, они вытащили нас на берег. Около двух дюжин человек сбежались вниз, когда они увидели приближающийся ялик и когда король сказал:

- Кто-нибудь из вас, джентльмены, может сказать мне, где живет мистер Питер Уилкс? они переглянулись и кивнули головами, как бы говоря: “Что я тебе говорил?” Потом один из них говорит как-то мягко и нежничает:

“Извините, сэр, но лучшее, что мы можем сделать, это сообщить вам, где он жил вчера вечером”.

Внезапно, словно подмигнув, злобный старый кретин бросился врассыпную, и упал на мужчину, и уткнулся подбородком ему в плечо, и поплакал ему в спину, и сказал:

“Увы, увы, наш бедный брат ушел, и мы так и не смогли его увидеть; о, это слишком, слишком тяжело!”

Потом он оборачивается, всхлипывая, и делает множество идиотских знаков герцогу на руках, и его обвиняют, если он не уронил саквояж и не убежал в слезах. Если они и не самые жалкие, то эти два мошенника, с которыми я когда-либо сталкивался.

Что ж, мужчины собрались вокруг и посочувствовали им, и наговорили им всяких добрых вещей, и отнесли их ковровые сумки на холм для них, и позволили им опереться на них и поплакать, и рассказали королю все о последних минутах его брата, и король повторил все это снова на своем

протянув руки герцогу, они оба принялись за того мертвого кожевника, как
они потеряли двенадцать учеников. Что ж, если я когда-нибудь сталкивался с чем-то подобным, то я
ниггер. Этого было достаточно, чтобы заставить кого-то устыдиться человеческой расы.

Глава XXV

Новость облетела весь город за две минуты, и было видно, как
люди срываются с места на бегу со всех сторон, некоторые из них
на ходу надевают пальто. Довольно скоро мы оказались в середине
толпы, и шум от топота был похож на солдатский марш. В
окнах и на дворах было полно народу, и каждую минуту кто-нибудь говорил
из-за забора:

“Это ОНИ?”

И кто-нибудь, идущий рядом с бандой, отвечал в ответ и
говорил:

“Еще бы”.

Когда мы добрались до дома, улица перед ним была забита людьми, и
в дверях стояли три девушки. Мэри Джейн БЫЛА рыжеволосой, но это
не имело никакого значения, она была ужасно красива, и ее лицо и
ее глаза сияли, как слава, она была так рада, что приехали ее дяди.
Король раскинул руки, и Мэри Джейн прыгнула к ним, а
заячья губа прыгнул к герцогу, и вот у них все ПОЛУЧИЛОСЬ! Все,
большинство, по крайней мере женщины, плакали от радости, что они наконец встретились снова и
так хорошо провели время.

Затем король отвел герцога в сторонку — я видел, как он это делал, — и
затем он огляделся и увидел гроб в углу на двух
стульях; и тогда они с герцогом, положив руку друг другу на
плечо, а другой рукой прикрыв глаза, медленно и торжественно подошли
туда, все расступились, чтобы дать им место, и все разговоры и
шум прекратились, люди сказали “Ш-ш!”, и все мужчины сняли шляпы
и опустили головы, так что можно было абыло услышать, как упала булавка. И когда они
добрались туда, они наклонились и заглянули в гроб, и сделали один снимок, и
затем они разразились такими рыданиями, что их было слышно почти до Орлеана;
а потом они обняли друг друга за шеи и опустили
подбородки друг другу на плечи; и потом минуты на три, а может быть, и

в-четвертых, я никогда не видел, чтобы двое мужчин так утекали, как они это сделали. И, заметьте,
все делали то же самое; и в помещении было так сыро, что я никогда не видел
ничего подобного. Затем один из них встал с одной стороны гроба, а
другой - с другой, и они опустились на колени, уперлись лбами
в гроб и принялись молиться про себя. Ну, когда дело дошло до
того, что это подействовало на толпу так, как вы никогда не видели ничего подобного, и
все не выдержали и разрыдались прямо вслух — бедные
девочки тоже; и почти каждая женщина подошла к девочкам, не сказав
ни слова, и торжественно поцеловала их в лоб, а затем положила
руку им на голову и посмотрела в небо, а слезы
текли
вниз, а затем выскочила и ушла, рыдая и вытирая тряпки, и устроила шоу для следующей женщины. Я никогда не видел
ничего более отвратительного.

Ну, мало-помалу король встает и выходит немного вперед,
набирается сил и произносит речь, полную слез и
лепешек о том, что для него и его бедного брата это тяжелое испытание - терять
больных и не видеть больных живыми после долгого путешествия в
четыре тысячи миль, но это испытание подслащено и освящено для нас
этим дорогим сочувствием и этими святыми слезами, и поэтому он благодарит их от всего
своего сердца и от всего сердца своего брата, потому что из их уст они
не могут вырваться. Слова были слишком слабыми и холодными, и вся такая гниль и слякоть,
пока это не стало просто тошнотворным; и тогда он разрыдался благочестивым "паинька-паинька"
"Аминь", высвободился и разразился рыданиями, готовыми разорваться.

И в ту минуту, когда эти слова слетели с его губ, кто-то в
толпе затянул "доксолоджер", и все присоединились к нему изо всех
сил, и это просто согрело вас и заставило почувствовать себя так же хорошо, как в церкви, когда
выпускают. Музыка - хорошая вещь; и после всего этого соул-масла и
фигни я никогда не видел, чтобы она так освежала вещи и звучала так честно и
задиристо.

Затем король снова начинает двигать челюстью и говорит, что он и
его племянницы были бы рады, если бы несколько главных друзей
семьи поужинали здесь с ними этим вечером и помогли прибраться
с прахом усопших; и говорит, что если бы его бедный брат, лежащий вон там,
мог говорить, он знает, кого бы назвал, потому что это были имена, которые
были ему очень дороги и часто упоминались в его письмах; и поэтому он назовет
то же самое, а именно: преподобный мистер Хобсон и дьякон Лот

Хови, и мистер Бен Ракер, и Эбнер Шеклфорд, и Леви Белл, и доктор Робинсон, и их жены, и вдова Бартли.

Преподобный Хобсон и доктор Робинсон были на краю города и охотились вместе - то есть я имею в виду, что доктор отправлял больного человека в мир иной, а проповедник правильно его подмечал. Адвокат Белл уехал по делам в Луисвилл. Но остальные были под рукой, и поэтому они все подошли и пожали руку королю, поблагодарили его и поговорили с ним; а потом они пожали руку герцогу и ничего не сказали, но просто продолжали улыбаться и кивать головами, как стадо придурков, пока он делал всевозможные знаки руками и все время повторял “Гу-гу-гу—гу-гу”, как ребенок, который не умеет говорить.

Итак, король болтал без умолку и умудрялся расспрашивать почти о почти всех людях и собаках в городе, называя их по имени, и упоминал всевозможные мелочи, которые время от времени случались в городе, или с семьей Джорджа, или с Питером. И он всегда делал вид, что Питер написал ему все это; но это была ложь: он вытянул все до единой из того молодого плоскоголового, которого мы подплыли на каноэ к пароходу.

Тогда Мэри Джейн принесла письмо, оставленное ее отцом, и король прочитал его вслух и заплакал над ним. Он отдал жилой дом и три тысячи долларов золотом девушкам; и он отдал кожевенный завод (который вел хороший бизнес) вместе с некоторыми другими домами и землей (стоимостью около семи тысяч) и три тысячи долларов золотом Харви и Уильяму, и сообщил, где в подвале были спрятаны шесть тысяч наличными. Итак, эти два мошенника сказали, что пойдут и принесут это наверх, и у них будет все в порядке и безукоризненно; и велели мне прийти со свечой. Мы закрыли за собой дверь в подвал, и когда они нашли пакет, они высыпали его на пол, и это было прелестное зрелище, все эти мальчишки. Боже, как сияли глаза короля! Он хлопает герцога по плечу и говорит:

“О, это не хулиганство и ничего подобного! О, нет, я думаю, что нет! Почему, Билли, это превосходит все остальное, НЕ так ли?

Герцог позволил этому случиться. Они лапали желторотых, и просеивали их сквозь пальцы, и пускали звенеть по полу; и король говорит:

- Бесполезно разговаривать; быть братьями богатого покойника и
представителями оставшихся в живых наследников - это удел для нас с тобой,
Билдж. Ты доверяешь Провидению. В
долгосрочной перспективе это лучший способ. Я перепробовал их все, и лучшего способа нет.

Почти каждый
остался бы доволен этой кучей и принял бы ее на, ,,доверие; но нет, они должны пересчитать ее. Итак, они пересчитали их, и оказалось, что не хватает четырех
сотен пятнадцати долларов. Говорит король:

“Черт бы его побрал, интересно, что он сделал с этими четырьмя сотнями пятнадцатью долларами?”

Некоторое время они беспокоились по этому поводу и обшаривали все вокруг в поисках этого. Затем герцог говорит:

“Ну, он был довольно больным человеком и, вероятно, совершил ошибку — я думаю, так оно и есть. Лучший способ - это отпустить это и сохранять спокойствие по этому поводу. Мы можем обойтись без этого”.

“О, черт возьми, да, мы можем ОБОЙТИСЬ без этого. Я ничего не знаю об этом — я думаю о ГРАФЕ. Вы знаете, мы хотим быть здесь ужасно честными, открытыми и непринужденными. Мы хотим отнести эти чертовы ваши деньги наверх и пересчитать их перед всеми - тогда в этом не будет ничего подозрительного. Но когда покойник говорит, что это шесть тысяч долларов, вы знаете, мы не хотим...

“Подожди”, - говорит герцог. “Давайте восполним недостаток”, - и он начал доставать из кармана yaller-boys.

“Это самая потрясающая и хорошая идея, герцог — у тебя чертовски умная голова”, - говорит король. - Будь я благословен, если старина Нонесуч снова не выставит нас вон, - и ОН начал вытаскивать желтые куртки и складывать их в стопку.

Это их больше всего разорило, но они составили шесть тысяч чистыми и незапятнанными.

“Послушайте, ” говорит герцог, “ у меня есть еще одна идея. Давайте поднимемся наверх и пересчитаем эти деньги, а потом возьмем и ОТДАДИМ ДЕВОЧКАМ”.

“ Земля тебе пухом, дюк, дай я тебя обниму! Это самая ослепительная идея, которая когда-либо приходила в голову человеку. У тебя определенно самая потрясающая голова, которую я когда-либо видел. О, это босс додж, тут нет никакой ошибки. Пусть они сейчас, если хотят, высказывают свои подозрения — это их прояснит”.

Когда мы поднялись наверх, все собрались вокруг стола, и
король пересчитал деньги и сложил их стопкой по триста долларов -
двадцать изящных маленьких стопочек. Все смотрели на это с голодным видом и облизывали
свои отбивные. Затем они снова сгребли мясо в мешок, и я вижу, как король
начинает раздуваться для новой речи. Он говорит:

“Друзья все, мой бедный брат, который лежит там, проявил великодушие по отношению к
тем, кто остался в долине скорбящих. Он проявил великодушие по отношению к
этим вашим бедным маленьким ягнятам, которых он любил и приютил, и которые остались
без отца и матери. Да, и мы, кто знал его, знаем, что он
поступил бы с ними БОЛЕЕ великодушно, если бы не боялся
ранить своего дорогого Уильяма и меня. Теперь, НЕ ТАК ли? У меня на этот счет нет
никаких сомнений. Ну, тогда что же это были бы за братья
, которые в такой момент встали бы у него на пути? И что бы это были за
дяди, которые ограбили бы — да, ОГРАБИЛИ — таких бедных милых ягнят, как
эти‘, которых он так любил в свое время? Если я знаю Уильяма — а я ДУМАЮ, что я
знаю — он... что ж, я в шутку спрошу его. ” Он поворачивается и начинает делать
герцогу множество знаков руками, а герцог некоторое время смотрит на него
глупо и косолапо; затем внезапно он, кажется, понимает,
что он имеет в виду, и прыгает к королю, гогоча изо всех сил от
радости, и обнимает его раз пятнадцать, прежде чем тот отпускает. Тогда король
говорит: “Я знал это; я думаю, ЭТО убедит любого в том, что ОН
думает по этому поводу. Вот, Мэри Джейн, Сьюзен, Джоаннер, возьмите деньги — возьмите их
ВСЕ. Это его дар, который лежит там, холодный, но радостный ”.

Мэри Джейн набросилась на него, Сьюзен и заячья губа набросились на
герцога, а потом я еще никогда не видел таких объятий и поцелуев. И
все столпились со слезами на глазах, и большинство пожимало
руки этим мошенникам, все время повторяя:

“Вы, ДОРОГИЕ добрые души!—как МИЛО! — как ты МОГ!”

Ну, а потом довольно скоро все заговорили о больных
опять же, и какой он был хороший, и какая это была потеря, и все такое; и
вскоре туда снаружи влез крупный мужчина с железной челюстью,
и стоял, слушая и глядя, и ничего не говорил; и никто
ему тоже ничего не говорил, потому что говорил король, а они
все были заняты слушанием. Король говорил — в разгар чего—то, что он
начал...

“— они самые близкие друзья больных. Вот почему они
приглашены сюда сегодня вечером; но завтра мы хотим, чтобы пришли ВСЕ —
все; потому что он уважал всех, все ему нравились, и поэтому
так уж получилось, что его похоронные оргии будут публичными ”.

И так он все болтал без умолку, ему нравилось слушать, как он говорит, и
время от времени он снова устраивал свои похоронные оргии, пока герцог
больше не смог этого выносить; поэтому он написал на маленьком клочке бумаги:
“ПРИНОШУ свои соболезнования, старый дурак”, - и сложил его, и пошел гугукать
, и протянул его ему через головы людей. Король читает его, кладет
в карман и говорит:

“Бедный Уильям, как бы он ни страдал, с его СЕРДЦЕМ все в порядке. Просит меня
пригласить всех прийти на похороны — хочет, чтобы я всем им
был рад. Но ему не о чем беспокоиться — я просто пошутил”.

Затем он снова плетется вперед, совершенно уверенный в себе, и снова время от времени устраивает
свои похоронные оргии, точно так же, как делал это раньше.
И когда он сделал это в третий раз, он сказал:

— Я говорю “оргии" не потому, что это общепринятый термин, потому что это не так —
"подобострастие" - общепринятый термин, - а потому, что "оргии" - правильный термин.
Похороны в Англии больше не используются — они вышли из употребления. Мы говорим, что в Англии теперь
оргии. Оргии лучше, потому что они более точно означают то, что
вам нужно. Это слово образовано от греческого
ORGO - снаружи, открыто, за границей; и еврейского JEESUM - сажать, укрывать
; отсюда inTER. Так что, как видите, ”похоронные оргии" - это открытые, публичные
похороны ".

Он был ХУДШИМ из всех, кого я когда-либо поражал. Ну, человек с железной челюстью, он
рассмеялся ему прямо в лицо. Все были шокированы. Все говорят:
“Ну что вы, доктор!” - а Эбнер Шеклфорд отвечает:

“ Робинсон, ты что, новости не слышал? Это Харви Уилкс.

Король нетерпеливо улыбнулся, выставил вперед свой флэппер и сказал:

“Это дорогой друг и врач моего бедного брата? Я...”

“Уберите от меня свои руки!” - говорит доктор. “ТЫ говоришь как
Англичанин, НЕ так ли? Это худшая имитация, которую я когда-либо слышал. ТЫ
брат Питера Уилкса! Ты мошенник, вот кто ты!”

Ну и как же они все взялись за дело! Они столпились вокруг доктора и
пытались успокоить его, пытались объяснить ему, как это сделать

Харви сорока способами доказывал, что он Харви, и знал
всех по имени, и клички даже собак, и умолял, и
УМОЛЯЛ его не задевать чувств Харви и бедной девушки,
и все такое. Но это было бесполезно; он тут же разразился гневом и сказал, что любой
человек, который притворяется англичанином и не может имитировать жаргон не
лучше, чем то, что он делает, - мошенник и лжец. Бедные девочки цеплялись
за короля и плакали; и вдруг доктор встает и поворачивается к
НИМ. Он говорит:

"Я был другом твоего отца, и я твой друг; и я предупреждаю тебя как
друг и честный человек, который хочет защитить тебя и уберечь от
вреда и неприятностей, повернись спиной к этому негодяю и не имей ничего
общего с ним, невежественным бродягой, с его идиотскими греческим и ивритом, как
он это называет. Он самый отъявленный самозванец — пришел сюда с
кучей пустых имен и фактов, которые он где-то раздобыл, а вы
принимаете их за ДОКАЗАТЕЛЬСТВА, и вам помогают дурачить самих себя эти
глупые друзья, которым следовало бы знать лучше. Мэри Джейн Уилкс, ты
знаешь меня как своего друга, и как своего бескорыстного друга тоже. А теперь послушай
меня; выгони этого жалкого негодяя — я умоляю тебя сделать это. Ты сможешь?

Мэри Джейн выпрямилась, и боже мой, до чего же она была красива!
Она говорит:

"ВОТ мой ответ". Она подняла мешок с деньгами, вложила его в
руки короля и сказала: "Возьми эти шесть тысяч долларов и инвестируй для
меня и моих сестер, как тебе заблагорассудится, и не давай нам никакой расписки за
это".

Затем она обняла короля с одной стороны, а Сьюзен и
заячья губа сделали то же самое с другой. Все захлопали в ладоши и
затопали по полу, как настоящий ураган, в то время как король поднял
голову и гордо улыбнулся. Врач говорит:

" Хорошо, я умываю руки в этом вопросе. Но я предупреждаю вас всех, что придет
время, когда вам будет плохо при одной мысли об этом
дне ". И он ушел.

"Хорошо, доктор", - говорит кинг, добродушно передразнивая его. "Мы попытаемся
заставить их послать за вами", что заставило их всех рассмеяться, и они сказали, что это
был отличный удар.

Глава XXVI

Ну, когда они все ушли, король спросил Мэри Джейн, как у них
дела с поиском свободных комнат, и она сказала, что у нее есть одна свободная комната, которая
подошла бы для дяди Уильяма, и она отдаст свою комнату дяде
Харви, которая немного больше, а она перейдет в комнату к
своим сестрам и будет спать на раскладушке; а на чердаке была маленькая каморка с
тюфяком. Король сказал, что эта каморка подойдет для его долины, имея в виду
меня.

Итак, Мэри Джейн отвела нас наверх и показала им их комнаты, которые
были простыми, но милыми. Она сказала, что велела бы убрать из своей комнаты свои платья и множество других ловушек,
если бы они мешали дяде Харви, но он сказал, что это
не так. Платья были развешаны вдоль стены, а перед ними была
занавеска из ситца, которая свисала до пола. В одном углу стоял старый
сундук для волос, в другом - гитарный футляр, а вокруг валялись всевозможные
безделушки, какими девушки украшают комнату.
Король сказал, что от этих
приготовлений здесь стало еще уютнее и приятнее, и поэтому не стоит их беспокоить. Комната герцога была довольно маленькой, но
достаточно хорошей, как и моя каморка.

В тот вечер у них был обильный ужин, и все эти мужчины и женщины были
там, и я стоял за креслами короля и герцога и прислуживал
им, а негры прислуживали остальным. Мэри Джейн она посадила во главе
стола, а Сьюзен — рядом с ней, и рассказала, какое невкусное печенье,
и какое отвратительное варенье, и какими острыми и жесткими были жареные
цыплята — и все такое прочее, как всегда делают женщины, чтобы
выдавить комплименты; и все люди знали, что все было на высшем уровне,
и так и сказали - сказали: “Как вам удается, чтобы печенье так вкусно подрумянилось?” и
“Где, ради всего святого, вы достали эти потрясающие маринованные огурцы?” и все
такого рода вздорные разговоры, как это всегда бывает у людей за
ужином, вы знаете.

И когда все было готово, мы с заячьей губой поужинали на
кухне остатками, пока остальные помогали ниггерам
убирать со стола. С заячьей губой она принялась расспрашивать меня об Англии,
и будь я благословен, если бы я не думал, что лед иногда становится очень тонким. Она
говорит:

костью.

- Вы когда-нибудь видели короля?

“ Кого? Вильгельма Четвертого? Что ж, держу пари, что так и есть — он ходит в нашу церковь”. Я знал, что он умер много лет назад, но никогда не подавал виду. Поэтому, когда я говорю, что он ходит в нашу церковь, она отвечает:

“Что — регулярно?”

“Да, регулярно. Его скамья прямо напротив нас — с другой стороны
кафедры”.

- Я думала, он живет в Лондоне?

“ Ну, так и есть. Где бы он жил?

“Но я думал, ТЫ живешь в Шеффилде?”

Я вижу, что оказался в тупике. Мне пришлось притвориться, что я подавился куриной
чтобы было время подумать, как снова спуститься вниз. Тогда я говорю:

“Я имею в виду, что он регулярно ходит в нашу церковь, когда бывает в Шеффилде. Это только летом, когда он приезжает туда принимать морские ванны”.

“Ну, как ты говоришь — Шеффилд не на море”.

“Ну, а кто сказал, что это было?”

“Ну, ты сказал”.

“Я НИЧЕГО такого НЕ ДЕЛАЛ”.

“Ты сделал!”

“Я не делал”.

“Ты сделал”.

“Я никогда ничего подобного не говорил”.

“Ну, тогда что ты сказал?”

“Сказал, что приехал принять морские ВАННЫ — вот что я сказал”.

“Ну, тогда как же он собирается принимать морские ванны, если это не на
море?”

“Послушайте, - говорю я, - вы когда-нибудь видели какую-нибудь ”Конгресс-уотер“?”

“Да”.

“Ну и что, вам обязательно было обращаться за ней в Конгресс?”

“Почему, нет”.

“Ну, и Вильгельму Четвертому не обязательно ехать к морю, чтобы принять морскую ванну”.

“Тогда как же он этого добивается?”

“Добивается так же, как люди здесь добывают Конгресс-воду—в бочках.
Там, во дворце в Шеффилде, у них есть печи, и он хочет получить свою

вода горячая. Они не могут откачать желчью такое количество воды там, в море.
У них нет для этого никаких удобств".

"О, теперь я понимаю. Ты мог бы сказать это с самого начала и сэкономить
время ".

Когда она сказала это, я понял, что снова вышел из затруднительного положения, и поэтому мне было комфортно и радостно. Затем она говорит:

"Ты тоже ходишь в церковь?"

"Да, регулярно".

"Где ты сидишь?"

"Почему, на нашей скамье?"

"НА ЧЬЕЙ скамье?"

"Ну, на НАШЕЙ — у твоего дяди Харви."

"Его? Зачем ЕМУ скамья?"

"Хочет, чтобы ее установили. Как ты ДУМАЕШЬ, чего он от нее хотел?"

"Ну, я думал, он будет за кафедрой".

Черт бы его побрал, я и забыл, что он проповедник. Я вижу, что снова зашел в тупик, так что
Я поиграл еще одной куриной косточкой и еще раз задумался. Тогда я говорю:

- Черт возьми, неужели ты думаешь, что в церкви есть только один проповедник?

"Почему, чего они хотят еще?"

"Что? — проповедовать перед королем? Я никогда не видел такой девушки, как ты.
У них не меньше семнадцати.

" Семнадцать! Моя земля! Что ж, я бы не стал затевать такую авантюру,
нет, если бы я НИКОГДА не добрался до славы. Это, должно быть, займет у них неделю.

"Черт возьми, не ВСЕ они проповедуют в один и тот же день — только ОДИН из
них".

"Ну, тогда чем занимаются остальные?"

"О, ничего особенного. Валяйтесь, передавайте тарелку — и то или
другое. Но в основном они ничего не делают".

"Ну, тогда для чего они нужны?"

"Ну, они же для СТИЛЯ. Разве ты ничего не знаешь?"

"Ну, я не ХОЧУ знать такой глупости, как эта. Как
обращаются со слугами в Англии? Они обращаются с ними лучше, чем мы с нашими
ниггерами?"

"НЕТ! Слуга там не никто. Они обращаются с ними хуже, чем
с собаками".

“Разве они не устраивают им каникулы, как это делаем мы, Рождество и Новый Год
Неделя в году и четвертое июля?

“О, просто послушай! По этому трупу можно было бы сказать, что ВЫ никогда не были в Англии
. Почему, заяц, почему, Джоанна, они никогда не видят праздников из года в год, из
конца в год; никогда не ходят ни в цирк, ни в театр, ни на шоу негров,
нигде.

- И не в церкви?

- И не в церкви.

“Но ТЫ всегда ходил в церковь”.

Ну, я снова поднялся наверх. Я забыл, что я слуга старика. Но
в следующую минуту я пустился в своего рода объяснение, что житель долины
отличается от обычного слуги и ДОЛЖЕН ходить в церковь, хочет он
того или нет, и сидеть с семьей, поскольку таков закон.
Но у меня получилось не очень хорошо, и когда я закончил, то увидел, что она не
довольна. Она говорит:

- Честный индеец, не слишком ли много ты мне наврал?

“Честный индеец”, - говорю я.

“Совсем ничего из этого?”

“Совсем ничего. В этом нет лжи, - говорю я.

”Положи руку на эту книгу и скажи это“.

Я вижу, что это не что иное, как словарь, поэтому я положил на него руку и
сказал это. Тогда она выглядела немного более удовлетворенной и сказала:

“Что ж, тогда я поверю кое-чему из этого; но, надеюсь, ты будешь добр, если я
поверю остальному”.

- Во что это ты не хочешь верить, Джо? - спрашивает Мэри Джейн, входя
со Сьюзен за спиной. “Это нехорошо и нехорошо с твоей стороны так разговаривать с ним,
а он чужой и так далеко от своего народа. Как бы тебе понравилось, если бы с тобой так
обращались?”

— Ты всегда так поступаешь, Мейм, - всегда спешишь на помощь
кому-нибудь, пока ему не причинили боль. Я ничего ему не сделал. Я думаю, он рассказал
о каких-то растяжках, и я сказал, что не проглочу все это; и это
все, что я сказал. Я думаю, он выдержит такую мелочь, как
это, не так ли?

“Мне все равно, маленький он был или большой; он здесь, в
в нашем доме, чужой, и с твоей стороны было нехорошо говорить это. Если бы ты был

на его месте тебе было бы стыдно; и поэтому тебе не следует говорить
другому человеку ничего такого, что заставит ЕГО устыдиться”.

“Ну, Мэм, он сказал...”

“Неважно, что он СКАЗАЛ, дело не в этом.
Главное, чтобы ты относился к нему ПО-ДОБРОМУ и не говорил ничего такого, что заставило бы его вспомнить, что он не в своей стране и не среди своих соплеменников ”.

Я говорю себе, что это девушка, что я позволяю этому старому гаденышу отнять у нее ее деньги!

Затем вошла Сьюзен, ОНА вальсировала; и, если вы мне поверите, она действительно дала Заячья губа, послушай из могилы!

Говорю я себе, и это ЕЩЕ ОДИН случай, когда я позволяю ему украсть у нее ее деньги!

Затем Мэри Джейн сделала еще один иннинг и снова подала мило и прелестно — это было в ее духе; но когда она закончила, от бедной Заячьей губы почти ничего не осталось. Поэтому она закричала.

“Тогда ладно, - говорят другие девушки. - ты просто попроси у него прощения”.

Она тоже это сделала, и сделала прекрасно. Она сделала это так красиво, что это было приятно слышать; и я пожалел, что не могу солгать ей тысячу раз, чтобы она смогла сделать это снова.

Я говорю себе, что это ЕЩЕ ОДНА ошибка, из-за которой я позволяю ему отнять у нее ее деньги. И когда она закончила, все они в шутку выложились, чтобы я чувствовал себя как дома и знал, что я среди друзей. Я чувствовал себя таким злобным, униженным и подлым, что сказал себе: "я принял решение"
; я отдам им эти деньги или разорюсь.

И тогда я ушел — спать, как я сказал, имея в виду то или иное время.
Оставшись один, я принялся обдумывать это дело. Я говорю себе, может, мне пойти к этому врачу, рядовой, и расколоться на этих мошенниках? Нет, так не пойдет. Он мог бы рассказать, кто ему рассказал; тогда король и герцог разогрели бы его для меня. Должен ли я пойти, рядовой, и рассказать Мэри Джейн? Нет, я не посмею этого сделать. Ее лицо, конечно, дало бы им намек; у них есть деньги, и они бы сразу улизнули, и все сошло бы им с рук. Если бы она позвала на помощь, я бы вмешался в это дело до того, как с ним покончат, я полагаю. Нет; нет хорошего способа, кроме одного. Я должен как-то украсть эти деньги; и я должен украсть их каким-то образом, чтобы они не заподозрили, что я это сделал. У них здесь все хорошо, и они не собираются уходить, пока

они показали этой семье и этому городу все, чего они стоят, так что я найду
достаточно свободного времени. Я украду его и спрячу; и мало-помалу, когда я буду
далеко вниз по реке, я напишу письмо и расскажу Мэри Джейн, где оно спрятано.
Но я лучше перенесу это сегодня вечером, если смогу, потому что доктор, возможно, не пропустил
столько, сколько он показывает; возможно, он еще напугает их отсюда.

"Итак, - думаю я, - я пойду и обыщу эти комнаты". Наверху в холле было
темно, но я нашел комнату герцога и начал шарить по ней
руками; но я вспомнил, что это было бы не очень похоже на короля - позволить кому-то
другому позаботиться об этих деньгах, кроме самого себя; так что тогда я пошел в его комнату
и начал шарить там. Но я вижу, что ничего не смог бы сделать без
свечи, и я, конечно, не смею ее зажигать. Поэтому я решил, что должен сделать
другую вещь — подстеречь их и подслушать. Примерно в это время я услышала их
приближающиеся шаги и собиралась нырнуть под кровать; я потянулась за ней,
но она была не там, где я думала; но я дотронулась до занавески, которая
скрывала платья Мэри Джейн, поэтому я запрыгнула за нее и уютно устроилась
среди платьев и стояла там совершенно неподвижно.

Они вошли и закрыли дверь, и первое, что сделал герцог,
это спустился вниз и заглянул под кровать. Потом я обрадовался, что не нашел
кровать, когда хотел. И все же, знаете, вполне естественно прятаться
под кроватью, когда у тебя на уме что-то личное. Затем они сели,
и король сказал:

“Ну, так в чем же дело? И давай покороче, потому что для нас лучше
быть там, внизу, и громко кричать, чем здесь, наверху, давать им
шанс обсудить нас ”.

“Ну, вот и все, Капет. Со мной нелегко, мне неуютно. Этот доктор
не дает мне покоя. Я хотел узнать ваши планы. У меня есть идея, и я
думаю, что она здравая.

- В чем дело, герцог?

- Что нам лучше смыться отсюда до трех часов ночи и двинуть
вниз по реке с тем, что у нас есть. Особенно, учитывая, что мы получили это так
легко — ВЕРНУЛИ нам, швырнули на голову, как вы можете выразиться, когда,
конечно, мы позволили украсть это обратно. Я за то, чтобы отключиться и
прикурить”.

Это заставило меня почувствовать себя довольно скверно. Час или два назад все было бы немного по-другому, но теперь это заставило меня почувствовать себя плохо и разочарованным, король вырывается и говорит:

“ Что? И не продавать остальную собственность? Маршируй прочь, как шайка дураков, и оставляй имущество стоимостью в восемь или девять тысяч долларов, валяющееся повсюду и страдающее от того, что его загребут? — и все хорошее, пригодное для продажи добро тоже ”.

Герцог поворчал; сказал, что мешка с золотом достаточно, и он не хотел копать глубже — не хотел отнимать у множества сирот ВСЕ, что у них было.

“Как ты говоришь!” - говорит король. “Мы вообще ничего у них не отнимем , только пошутим над этими деньгами. Люди, которые ПОКУПАЮТ недвижимость, являются пострадавшими; потому что, как только выяснится, что она нам не принадлежала — что произойдет вскоре после того, как мы уйдем, — продажа будет недействительной, и все это вернется в собственность. Эти ваши сироты скоро вернут свой дом, и для НИХ этого достаточно; они молоды и резвы, и им легко заработать на жизнь. ОНИ не собираются страдать. Ну, шутка ли, подумать только — есть тысячи и тысячи тех, кому далеко не так хорошо живется. Благослови тебя Господь, ИМ не на что жаловаться”.

Ну, король уговорил его ослепнуть; так что в конце концов он сдался и сказал, что все правильно, но сказал, что, по его мнению, оставаться было проклятой глупостью, и что доктор нависал над ними. Но король говорит:

“Обругай доктора! Что мы можем предложить ЕМУ? Разве все дураки в городе не на нашей стороне? И разве это не достаточно большое большинство в любом городе?”

Итак, они снова приготовились спускаться по лестнице. Герцог говорит:

“Я не думаю, что мы вложили эти деньги в хорошее место”.

Это меня приободрило. Я уже начал думать, что не получу ни малейшего намека на никто мне не поможет. Король говорит:

“Почему?”

- Потому что Мэри Джейн из-за этого будет в трауре, и сначала ты знаю, что негр, который убирает комнаты, получит приказ упаковать эти тряпки и убрать их; и ты думаешь, негр может найти деньги и не занять часть из них?”

“Ваша голова снова на одном уровне, герцог”, - говорит король; и он подходит, шарит под занавеской в двух или трех футах от того места, где я стоял. Я крепко прижался к стене и не двигался, хотя и дрожал; и мне стало интересно, что сказали бы мне эти ребята, если бы поймали меня; и я попытался придумать, что мне лучше сделать, если бы они все-таки поймали меня. Но король получил сумку прежде, чем я успел подумать больше половины, и он никогда не подозревал, что я рядом. Они взяли и засунули пакет в дыру в соломенной подстилке, которая была под периной, и втиснули его на фут или два в солому, сказав, что теперь все в порядке, потому что негры заправляют перину, а соломенную подстилку переворачивают только примерно два раза в год, так что теперь ей не грозит опасность, что ее украдут.

Но я знал лучше. Я вытащил его оттуда прежде, чем они были на полпути вниз по лестнице. Я ощупью добрался до своего закутка и спрятал его там до тех пор, пока у меня не появится шанс сделать что-нибудь получше. Я решил, что мне лучше спрятать это где-нибудь за пределами дома, потому что, если они это обнаружат, то устроят в доме хороший обыск: Я это очень хорошо знал. Потом я лег спать, полностью одетый; но я не смог бы заснуть, даже если бы я этого не захотел, я так взмок, что не смог покончить с этим делом. Мало-помалу я услышал, как поднимаются король и герцог; поэтому я скатился со своего тюфяка и лег, положив подбородок на верх лестницы, и стал ждать, не произойдет ли чего-нибудь. Но ничего не произошло.

Так что я держался, пока не стихли все поздние звуки, а первые еще не зазвучали и тогда я соскользнул с лестницы.

Глава XXVII

Я ПОДКРАЛСЯ к их дверям и прислушался; они храпели. Поэтому я прокрался на цыпочках и благополучно спустился по лестнице. Нигде не было слышно ни звука. Я заглянул в щелку двери столовой и увидел, что мужчины, которые наблюдали за трупом, крепко спали на своих стульях. Дверь в гостиную, где лежал труп, была открыта, и в обеих комнатах горели свечи

. Я прошел мимо, и дверь в гостиную была открыта; но я вижу, что там никого не было, кроме останков Питера; поэтому я протолкался мимо; но входная дверь была заперта, а ключа там не было. Как раз в этот момент я услышал, как кто-то спускается по лестнице у меня за спиной. Я бегу в

войдя в гостиную, я быстро осмотрелся, и единственное место, куда я мог спрятать
сумку, было в гробу. Крышка была сдвинута примерно на фут, открывая
лежащее там лицо мертвеца, прикрытое мокрой тканью, и его
саван. Я засунула мешочек с деньгами под крышку, как раз за
тем местом, где были скрещены его руки, отчего у меня по спине поползли мурашки, они были такими холодными,
а потом я бегу обратно через комнату и скрываюсь за дверью.

Вошедшим человеком была Мэри Джейн. Она подошла к гробу, очень тихо,
опустилась на колени и заглянула внутрь; потом она подняла свой носовой платок, и я
вижу, что она заплакала, хотя я не мог ее слышать, и она стояла ко мне спиной.
Я выскользнул наружу и, проходя мимо столовой, решил убедиться, что эти
наблюдатели меня не заметили; поэтому я выглянул в щелку, и все
было в порядке. Они не пошевелились.

Я проскользнул в постель, чувствуя себя ужасно подавленным из-за того, что дело
разыгралось таким образом после того, как я взял на себя столько хлопот и столько бегал
по этому поводу. Я говорю, что если бы это могло остаться там, где оно есть, все было бы в порядке; потому что, когда
мы спустимся вниз по реке на сотню-другую миль, я мог бы написать Мэри
Джейн, и она смогла бы снова выкопать его и забрать это; но дело не в этом,
что произойдет; дело в том, что деньги
будут найдены, когда придут завинчивать крышку. Тогда король получит это
снова, и пройдет немало времени, прежде чем он даст кому-нибудь еще один шанс
вырвать это у него. Конечно, мне ХОТЕЛОСЬ соскользнуть вниз и вытащить его
оттуда, но я не решился попробовать. С каждой минутой становилось все раньше, и
довольно скоро кто—нибудь из этих наблюдателей начнет шевелиться, и я могу быть
пойман - пойман с шестью тысячами долларов в руках, заботиться о которых никто
меня не нанимал. "Я не хочу быть замешанным ни в какие подобные
дела", - говорю я себе.

Когда утром я спустился вниз, гостиная была заперта, а
наблюдатели ушли. Вокруг не было никого, кроме семьи,
вдовы Бартли и нашего племени. Я наблюдал за их лицами, чтобы понять, не произошло ли чего-нибудь
, но не мог сказать наверняка.

Ближе к середине дня пришел гробовщик со своим слугой,
и они установили гроб посреди комнаты на пару стульев,
а затем расставили все наши стулья рядами и позаимствовали еще у
соседей, пока холл, гостиная и столовая не заполнились. Я понимаю

крышка гроба была такой же, как и раньше, но я не побоялся заглянуть под
нее, когда вокруг люди.

Затем люди начали стекаться внутрь, и the beats и девушки заняли
места в первом ряду у изголовья гроба, и в течение получаса
люди медленно ходили вокруг, в одну шеренгу, и с минуту смотрели на лицо мертвого
мужчины, и некоторые роняли слезы, и все было очень тихо
и торжественно, только девушки и the beats прижимали носовые платки к
глазам, склонили головы и немного всхлипывали. Не было никаких
других звуков, кроме шарканья ног по полу и сморкания —
потому что на похоронах люди всегда сморкаются сильнее, чем в
других местах, кроме церкви.

Когда заведение было битком набито, гробовщик скользил в своих
черных перчатках со своей мягкой успокаивающей манерой, нанося последние штрихи,
и приводя людей и вещи в порядок, придавая им удобную форму, и
издавал не больше звуков, чем кошка. Он никогда не разговаривал; он передвигал людей
по кругу, он протискивался к опоздавшим, он открывал проходы и делал это
кивками и знаками руками. Затем он занял свое место у
стены. Он был самым мягким, скользящим, вороватым человеком, которого я когда-либо видел; и
улыбки в нем было не больше, чем в окороке.

Они позаимствовали мелодию — больную мелодию; и когда все
было готово, молодая женщина села и сыграла ее, и получилось довольно
хрипло и с коликами, и все присоединились и запели, и Питер был
единственным, у кого, по моему мнению, была хорошая вещь. Затем
преподобный Хобсон открыл рот, медленно и торжественно, и начал говорить; и
сразу же в подвале разразился самый возмутительный скандал, который когда-либо
слышал; это была всего лишь одна собака, но она подняла самый мощный шум, и он
продолжал это делать; пастору пришлось стоять там, над гробом,
и ждать — собственных мыслей не было слышно. Это было очень неловко,
и, казалось, никто не знал, что делать. Но довольно скоро они видят, как
длинноногий гробовщик делает проповеднику знак, как бы
говоря: “Не волнуйся, просто положись на меня”. Затем он наклонился и
начал скользить вдоль стены, так что над
головами людей виднелись только его плечи. Итак, он заскользил дальше, и гам становился
все более и более возмутительным; и наконец, обойдя
два конца комнаты, он исчезает в подвале. Затем примерно через

через две секунды мы услышали хлопок, и собака закончила одним-двумя
удивительными завываниями, а затем все стихло, и пастор
начал свою торжественную речь с того места, на котором остановился. Через минуту или две спина и плечи
этого гробовщика снова скользят вдоль стены; и вот
он скользил и скользил по трем концам комнаты, а затем встал,
и прикрыл рот руками, и вытянул шею к
проповеднику, поверх голов людей, и говорит каким-то грубым
шепотом: "У НЕГО БЫЛА КРЫСА!" Затем он наклонился и снова заскользил вдоль
стены на свое место. Было видно, что это доставило большое удовлетворение
людям, потому что, естественно, они хотели знать. Такие мелочи, как эта,
ничего не стоят, и именно такие мелочи заставляют мужчину
равняться на себя и нравиться. В городе не было более популярного человека, чем
тот гробовщик.

Что ж, заупокойная проповедь была очень хорошей, но слишком длинной и
утомительной; а потом король вмешался и стряхнул с себя немного своего обычного
мусора, и, наконец, работа была закончена, и гробовщик начал
подкрадываться к гробу со своей отверткой. Я тогда весь вспотел и
очень внимательно наблюдал за ним. Но он вообще не вмешивался; просто сдвинул крышку,
мягкую, как кашица, и плотно и быстро завинтил ее. И вот я там!
Я не знал, были там деньги или нет. Итак, говорю я, предположим,
что кто—то тайком стащил этот мешок? - Откуда мне теперь знать,
писать Мэри Джейн или нет? Предположим, она откопала его и
ничего не нашла, что бы она подумала обо мне? Виноват, говорю я, меня могут
выследить и посадить в тюрьму; Мне лучше залечь на дно, не светиться и
вообще ничего не писать; сейчас все ужасно запутано; пытаясь улучшить ситуацию, я ухудшил ее в
сто раз, и я бы хотел, ради всего святого, просто оставить все это в покое, чтобы папа забрал
все это дело!

Они похоронили его, и мы вернулись домой, и я снова принялся наблюдать за
лицами — я ничего не мог с этим поделать, и я не мог успокоиться. Но из этого ничего
не вышло; лица мне ничего не сказали.

Король побывал в вечернее время, и подсластить все
, и сам когда-нибудь таким дружелюбным; и он дал идею о том, что его
паства в Англии будет потом о нем, поэтому он должен
поторопиться и рассчитаться имения и уйти домой. Он был очень
сожалеет, что на него так надавили, и все остальные тоже; они хотели, чтобы он смог

B

останься подольше, но они сказали, что видят, что этого сделать невозможно. И он сказал, что конечно, они с Уильямом возьмут девочек к себе домой; и это тоже всем понравилось, потому что тогда девочки будут хорошо устроены и среди своих родственников; и это тоже понравилось девочкам — их пощекотало, так что они начисто забыли, что у них когда-либо были проблемы в мире; и сказал ему, чтобы он продавал квартиру так быстро, как он захочет, они будут готовы. Эти бедняжки были так рады, что у меня защемило сердце, когда я увидел, как их так дурачат и лгут, но я не видел для себя безопасного способа вмешаться и изменить общий настрой.

Что ж, виноват, если король не выставил счет за дом, негров и все имущество на аукцион сразу после продажи через два дня после похорон; но любой мог купить private заранее, если хотел.

Итак, на следующий день после похорон, около полудня, радость девочек получила первый толчок. Пришли двое негритянских торговцев, и король продал им негров по разумной цене, за трехдневный запас, как они это называли, и они отправились, двое сыновей вверх по реке в Мемфис, а их мать вниз по реке в Орлеан. Я думал, что у этих бедных девушек и у тех ниггеров разорвутся сердца от горя; они плакали друг возле друга, и брали себя в руки, так что мне было тошно смотреть на это. Девочки сказали, что они никогда не мечтали увидеть, как их семью разлучат или продадут из города. Я никогда не смогу изгнать это из своей памяти, вид этих бедных несчастных девушек и ниггеров, висящих друг у друга на шее и плачущих; и я думаю, что не смог бы всего этого вынести, но был бы вынужден сорваться с места и донести на нашу банду, если бы не знал, что распродажа прошла безрезультатно и ниггеры вернутся домой через неделю или две.

Это происшествие тоже вызвало большой переполох в городе, и многие пришли в недоумении и сказали, что это возмутительно - таким образом разлучать мать и детей. Это несколько задело мошенников; но старый дурак продолжал запугивать , несмотря на все, что герцог мог сказать или сделать, и я говорю вам, что герцог был очень встревожен.

На следующий день был аукцион. Среди бела дня король и герцог поднимаются на чердак и будят меня, и по их виду я вижу, что произошла неприятность. Король говорит:

- Ты был в моей комнате позавчера ночью?

“Нет, ваше величество” — так я всегда называл его, когда
никого, кроме нашей банды, поблизости не было.

“Ты был там вчера вечером?”

“Нет, ваше величество”.

“Онор Брайт, сейчас же — никакой лжи”.

“Онор Брайт, ваше величество, я говорю вам правду. Я не был
поблизости от вашей комнаты с тех пор, как мисс Мэри Джейн привела вас с герцогом и
показала вам ее.

Герцог спрашивает:

“Вы видели, чтобы кто-нибудь еще входил туда?”

“Нет, ваша светлость, насколько я помню, по-моему, нет”.

“Остановитесь и подумайте”.

Я немного понаблюдал и увидел свой шанс; потом я сказал:

“Ну, я видел, как ниггеры заходили туда несколько раз”.

Они оба слегка подпрыгнули и выглядели так, словно никогда не
ожидали этого, а потом, как будто так и БЫЛО. Тогда герцог говорит:

“Что, все сразу?”

“Нет, по крайней мере, не все сразу — то есть я не думаю, что когда—нибудь увижу
они все появляются одновременно, но только один раз”.

“Здравствуйте! Когда это было?”

“Это было в день наших похорон. Утром. Еще не было рано,
потому что я проспал. Я как раз начал спускаться по лестнице и увидел их”.

“Ну, продолжайте, ПРОДОЛЖАЙТЕ! Что они сделали? Как они себя вели?”

“Они ничего не делали. Да и вообще почти ничего не делали, насколько это возможно
Я понимаю. Они удалились на цыпочках; так что я довольно легко понял, что они пробрались
туда, чтобы прибраться в комнате вашего величества или что-то в этом роде, полагая, что вы уже встали;
и обнаружили, что вы ЕЩЕ НЕ встали, и поэтому они надеялись ускользнуть с
пути неприятностей, не разбудив вас, если они вас уже не разбудили

.

“Отличные пушки, начинаем!” - сказал король; и оба они выглядели
довольно больными и терпимо глупыми. Они постояли там, размышляя и почесывая
в затылках с минуту, и герцог разразился каким-то хрипловатым
смешком и сказал:

“Это действительно превосходит все то, как ловко ниггеры разыграли свою партию. Они сделали вид, что
что сожалеют о том, что уезжают из этого региона! И я им поверил

Я сожалел, и ты тоже, и все остальные тоже. Никогда больше не говори МНЕ,
что у негра нет никакого актерского таланта. Да ведь то, как они
сыграли эту штуку, могло обмануть КОГО УГОДНО. По-моему, в них заключено
целое состояние. Если бы у меня был капитал и театр, я бы не хотел лучшей планировки,
чем эта, — и вот мы взяли и продали их за бесценок. Да, и
я еще не удостоен чести спеть эту песню. Скажи, где эта песня — этот
черновик?”

“В банке для получения денег. Где бы это могло быть?”

“Ну, тогда, слава богу, все в порядке”.

Говорю я как-то робко:

“Что-то пошло не так?”

Король поворачивается ко мне и рявкает:

“Не твое дело! Береги голову, шит, и занимайся своими делами
делами— если они у тебя есть. Пока ты живешь в этом городе, не забывай
ОБ ЭТОМ, слышишь? Потом он говорит герцогу: “Мы должны в шутку проглотить это
и ничего не говорить: для НАС лучше ВСЕГО подходит слово ”мама"".

Когда они спускались по лестнице, герцог снова усмехнулся и
говорит:

“Быстрые продажи И небольшая прибыль! Это хороший бизнес — да”.

Король огрызается на него и говорит:

“Я старался сделать как можно лучше, распродавая их так быстро. Если
прибыль оказалась нулевой, незначительной и некому ее нести,
виноват ли я в этом больше, чем ты?”

“Ну, ОНИ бы все еще были в этом доме, а мы - НЕТ, если бы я мог
к моему совету прислушались”.

Король отступил настолько, насколько это было для него безопасно, а затем поменялся
местами и снова набросился на МЕНЯ. Он устроил мне разнос за то, что я не пришел
и НЕ СКАЗАЛ ему, что я видел, как ниггеры выходили из его комнаты и вели себя подобным образом
— сказал, что любой дурак бы а ПОНЯЛ, что что-то не так. А потом
ввалился и некоторое время ругал СЕБЯ, и сказал, что все это из-за того, что он не
лег допоздна и не воспользовался своим естественным отдыхом в то утро, и его будут винить, если
он когда-нибудь сделает это снова. Так что они разошлись в пух и прах, а я был ужасно рад, что
свалил все это на ниггеров и при этом не причинил ниггерам никакого
вреда.

Глава XXVIII

МАЛО-помалу настало время вставать. Итак, я спустилась по стремянке и направилась
вниз; но когда я подошла к комнате девочек, дверь была открыта, и я
увидела Мэри Джейн, сидящую у своего старого сундука для волос, который был открыт, и она
укладывала в него вещи — готовилась к отъезду в Англию. Но теперь она
остановилась со сложенным платьем на коленях и, закрыв лицо
руками, плакала. Мне было ужасно неприятно это видеть; конечно, любой бы так сделал. Я зашел
туда и говорю:

- Мисс Мэри Джейн, вам невыносимо видеть людей в беде, а я
не могу — почти всегда. Расскажи мне об этом".

Итак, она это сделала. И это были ниггеры — я просто ожидал этого. Она сказала, что
чудесная поездка в Англию была для нее почти испорчена; она не
представляла, как она вообще сможет быть там счастлива, зная, что мать
и дети больше никогда не увидят друг друга, — а потом
вспыхнула еще горше, чем когда-либо, всплеснула руками и сказала:

"О, боже, боже, подумать только, что они больше никогда не увидятся
!"

"Но они ЭТО СДЕЛАЮТ — и в течение двух недель — и я это ЗНАЮ!" - говорит
I.

Законы, это вышло раньше, чем я успел подумать! И прежде чем я успел сдвинуться с места, она
обвила руками мою шею и попросила меня сказать это СНОВА, сказать это
СНОВА, сказать это СНОВА!

Я вижу, что заговорил слишком внезапно, наговорил слишком много и оказался в стесненном
положении. Я попросил ее дать мне минутку подумать; и она сидела там, очень
нетерпеливая, взволнованная и красивая, но выглядевшая какой-то счастливой и
расслабленной, как человек, которому вырвали зуб. Поэтому я приступил к
изучению этого вопроса. Я говорю себе, что, по-моему, человеку, который поднимается и говорит
правду, когда он в затруднительном положении, требуется немало усилий,
хотя у меня нет никакого опыта, и я не могу сказать наверняка; но, во всяком случае, мне так кажется
; и все же вот случай, когда я буду счастлив, если
мне не покажется, что правда лучше и на самом деле БЕЗОПАСНЕЕ лжи. Я должен отложить это в
голове и поразмыслить над этим некоторое время, это так странно и
необычно. Я никогда не видел ничего подобного. Что ж, говорю я себе наконец, я
рискну; на этот раз я скажу правду, хотя это и кажется

больше всего нравится садиться на пакетик с пудрой и прикасаться к нему, просто чтобы посмотреть, куда вы попадете. Тогда я говорю:

“Мисс Мэри Джейн, есть ли какое-нибудь местечко подальше от города, куда Вы могли бы поехать и пожить три-четыре дня?”

“Да, мистера Лотропа. Почему?”

“Пока неважно, почему. Если я скажу тебе, откуда я знаю, что ниггеры увидят встретитесь снова в течение двух недель — здесь, в этом доме — и ДОКАЖИТЕ, насколько я это знаю — поедете ли вы к мистеру Лотропу и останетесь ли у него на четыре дня?

“Четыре дня!” - говорит она. “Я останусь на год!”

“Хорошо, - говорю, - мне от ТЕБЯ ничего больше не нужно, кроме как твое слово — у меня его больше, чем у другого мужчины ”поцелуй Библию". Она очень мило улыбнулась и покраснела, и я сказал: “Если ты не возражаешь, я закрою дверь и запру ее на засов”.

Потом я возвращаюсь, снова сажусь и говорю:

“Не ори. Просто сиди спокойно и прими это как мужчина. Я должен сказать правду, и вам стоит собраться с духом, мисс Мэри, потому что это плохая новость, и будет трудно это принять, но ничего не поделаешь. Эти дяди из yourn вовсе никакие не дяди; они пара мошенников — обычные бездельники. Ну вот, теперь, когда самое худшее позади, ты можешь переносить остальное довольно легко”.

Это, конечно, встряхнуло ее, как и все остальное; но я уже был над мелководьем , так что я пошел дальше, а ее глаза все время сверкали все выше и выше, и я высказал ей все обвинения, начиная с того места, где мы впервые ударили того молодого дурака, когда он шел к пароходу, и заканчивая тем, где она бросилась на грудь королю у парадной двери, и он поцеловал ее шестнадцать или семнадцать раз, - а потом она вскакивает, и ее лицо пылает, как закат, и говорит:

“ Вот скотина! Давай, не теряй ни минуты — ни СЕКУНДЫ! — Мы вымоем их дегтем, обмазаем перьями и бросим в реку!

Говорю я:

“Несомненно. Но ты имеешь в виду ПЕРЕД тем, как пойти к мистеру Лотропу, или...
”

“О, - говорит она, - о чем я ТОЛЬКО ДУМАЮ!” - говорит она и снова садится на место. — Не обращай внимания на то, что я сказал ... Пожалуйста, не обращай... Ты ВЕДЬ НЕ БУДЕШЬ, сейчас, ПРАВДА? Вот так кладет свою шелковистую руку на мою

что я сказал, что умру первым. “Я никогда не думала, что буду так взволнована”, - говорит она. - “А теперь продолжай, и я больше так не буду. Ты говоришь мне, что делать, и что бы ты ни сказал, я это сделаю”.

“Ну, — говорю я, - это грубая банда, эти два мошенника, и я влип, так что мне придется попутешествовать с ними еще некоторое время, хочу я того или нет - я не хочу говорить вам почему; и если бы вы напали на них, этот город вызволил бы меня из их когтей, и со мной все было бы в порядке; но был бы еще один человек, о котором вы не знаете, и у которого были бы большие неприятности. Что ж, мы должны спасти ЕГО, не так ли? Конечно. Что ж, тогда мы не будем дуться на них.

Произнесение этих слов навело меня на хорошую мысль. Я вижу, как, возможно, я мог бы избавить нас с Джимом от мошенников; посадить их здесь в тюрьму, а потом уехать. Но я не хотел управлять плотом днем, когда на борту не было никого, кто мог бы отвечать на вопросы, кроме меня; поэтому я не хотел, чтобы план начал работать сегодня довольно поздно вечером. Я говорю:

- Мисс Мэри Джейн, я скажу вам, что мы сделаем, и вам больше не придется так долго оставаться у мистера Лотропа. Какой у него мех?”

“Чуть меньше четырех миль — прямо за городом, вот здесь”.

“Что ж, это ответ. Теперь иди туда и затаись до девяти или половины шестого вечера, а потом попроси их отвезти тебя домой - скажи им, что ты кое-что придумал. Если ты придешь сюда до одиннадцати, поставь свечу в это окно, а если я не появлюсь, подожди ДО одиннадцати, и ТОГДА, если я не появлюсь, это будет означать, что я ушел, убрался с дороги и в безопасности. А потом ты выходишь и распространяешь эту новость повсюду, и этих битников сажают в тюрьму”.

“Хорошо, - говорит она, - я сделаю это”.

“И если это просто случится так, что я не уйду, а меня возьмут с собой” перед ними ты должен встать и сказать, что я все рассказал тебе заранее, и ты должен поддерживать меня изо всех сил ”.

“Я буду рядом с тобой! воистину, я буду. Они не тронут и волоска на твоей голове!” - говорит она, и я вижу, как ее ноздри раздуваются, а глаза вспыхивают, когда она говорит это тоже.

“Если я уйду, меня здесь не будет, - говорю я, - чтобы доказать, что эти негодяи не твои дяди, и я не смог бы этого сделать, если бы БЫЛ здесь. Я мог бы поклясться, что они были битами и обломами, вот и все, хотя это кое-чего стоит. Что ж,

есть другие, которые могут сделать это лучше, чем я, и это люди, в которых
не будут сомневаться так быстро, как в моем случае. Я расскажу тебе, как их найти
. Дай мне карандаш и лист бумаги. Вот: "Royal Nonesuch,
Бриксвилл’. Убери это подальше и не потеряй. Когда суд захочет
выяснить что—нибудь об этих двоих, пусть они пошлют в Бриксвилл и скажут, что
у них есть люди, игравшие Королевскую роль, и запросят несколько
свидетелей - да ведь вы соберете здесь весь город, не успеете
и глазом моргнуть, мисс Мэри. И они тоже придут на помощь.

Я решил, что прямо сейчас у нас все улажено. Поэтому я сказал:

“Просто позволь аукциону идти своим чередом и не волнуйся. Никто этого не делает
им приходится платить за вещи, которые они покупают, в течение целого дня после аукциона по
счетам за короткое уведомление, и они не уйдут отсюда, пока не получат
эти деньги; а при том, как мы все устроили, продажа не засчитывается, и
они не получат никаких денег. Это точно так же, как было с
ниггерами — это не продается, и ниггеры скоро вернутся.
Они пока не могут собрать деньги для негров — они в
худшем положении, мисс Мэри.

“Ну, - говорит она, - я сейчас спущусь позавтракать, а потом отправлюсь
прямиком к мистеру Лотропу”.

“Дело не в этом, мисс Мэри Джейн, - говорю я, - ни в коем случае”
ни в коем случае; сходите ДО завтрака”.

“Почему?”

“А для чего, по—вашему, я вообще хотел, чтобы вы поехали, мисс Мэри?”

“Ну, я никогда не думал ... и, если подумать, я не знаю. Что это было
это?

“Ну, это потому, что ты не один из этих людей с кожаным лицом. Мне не
нужна лучшая книга, чем "Какое у тебя лицо". Тело может сесть и
прочитать это, как крупный шрифт. Как ты думаешь, сможешь ли ты пойти и встретиться лицом к лицу со своими
дядями, когда они придут поцеловать тебя с добрым утром, и никогда...

“ Ну, ну, не надо! Да, я уйду до завтрака — с удовольствием.
И оставить с ними моих сестер?

“ Да, не обращай на них внимания. Им придется потерпеть еще какое-то время.
Они могут что-то заподозрить, если вы все уйдете. Я не хочу, чтобы ты
видел их, ни своих сестер, вообще никого в этом городе; если бы сосед
спросил, как поживают твои дяди сегодня утром, по твоему лицу было бы что сказать.

Нет, идите прямо сейчас, мисс Мэри Джейн, и я все улажу со всеми ними.
Я скажу мисс Сьюзен, чтобы она передавала привет своим дядям и сказала, что ты отлучилась
на несколько часов, чтобы немного отдохнуть и переодеться или повидаться с подругой,
и вернешься сегодня вечером или рано утром.

“Пойти навестить друга - это хорошо, но я не хочу, чтобы моя любовь была отдана
им”.

“Ну, тогда этого не будет”. Было достаточно хорошо сказать ЕЙ об этом — в этом не было
вреда. Это была всего лишь мелочь, и никаких хлопот; и именно
мелочи больше всего облегчают жизнь людей здесь, внизу; это
сделало бы Мэри Джейн комфортной, и это ничего бы не стоило. Тогда я
сказал: “Есть еще кое—что - этот мешок с деньгами”.

“Что ж, у них это есть; и я чувствую себя довольно глупо, думая об этом
КАК они это получили”.

“Нет, ты на свободе. У них этого нет”.

“Почему, у кого это есть?”

“Хотел бы я знать, но не знаю. У меня это БЫЛО, потому что я украл это у них;
и я украл его, чтобы подарить тебе; и я знаю, где я его спрятал, но боюсь, что его
там больше нет. Мне ужасно жаль, мисс Мэри Джейн, мне просто так жаль, как
я могу; но я сделал все, что мог; я поступил честно. Меня чуть не
поймали, и мне пришлось засунуть его в первое попавшееся место и бежать — а
это было не самое лучшее место ”.

“О, перестань винить себя — слишком плохо это делать, и я не позволю
ты ничего не мог поделать; это была не твоя вина. Где ты его спрятал?

Я не хотел снова заставлять ее думать о своих проблемах; и я
, казалось, не мог заставить себя произнести ни слова, чтобы сказать ей, что заставило ее увидеть этот
труп, лежащий в гробу с мешком денег на животе. Поэтому в течение
минуты я ничего не говорил; потом я сказал:

- Я бы предпочел не ГОВОРИТЬ вам, куда я это положил, мисс Мэри Джейн, если вы
не возражаете, позвольте мне уйти; но я напишу это для вас на листке бумаги,
и вы сможете прочитать это по дороге к мистеру Лотропу, если захотите.
Ты думаешь, этого хватит?

“О, да”.

Поэтому я написал: “Я положил это в гроб. Это было там, когда ты
плакала там, далеко по ночам. Я стоял за дверью, и мне было очень
жаль вас, мисс Мэри Джейн.

У меня немного заслезились глаза, когда я вспомнил, как она плакала там совсем одна ночью, а эти дьяволы лежали там прямо под ее собственной крышей, позорили ее и грабили; и когда я сложил письмо и отдал его ей, я увидел, что у нее тоже на глаза навернулись слезы; и она сильно потрясла меня за руку и сказала:

“До свидания. Я собираюсь сделать все так, как ты мне сказал; и если я тебя больше никогда не увижу, я никогда тебя не забуду, и я буду думать о тебе много—много раз, и я тоже буду МОЛИТЬСЯ за тебя!” - и она ушла.

Помолись за меня! Я подумал, что если бы она знала меня, то нашла бы работу, которая была бы ближе к ее размеру. Но я уверен, что она все равно это сделала — просто она была такой доброй. У нее хватило мужества помолиться за Джудуса, если бы она приняла это решение — насколько я понимаю,
отступать было некуда. Вы можете говорить что хотите, но по-моему, в ней было больше песка, чем в любой другой девушке, которую я когда-либо видел; по моему мнению, она была просто полна песка. Звучит как лесть, но это не лесть. И когда дело доходит до красоты — и доброты тоже, — она превзошла их всех. Я никогда не видел ее с того момента, как увидел, как она выходит за ту дверь; нет, с тех пор я ее никогда не видел, но, думаю, я думал о ней много-много миллионов раз, и о том, как она говорила, что будет молиться за меня; и если когда-нибудь мне придет в голову, что мне было бы полезно помолиться за НЕЕ, будь я проклят, если бы я этого не сделал или потерпел неудачу.

Ну, Мэри Джейн, я думаю, она вышла через черный ход, потому что никто не видел, как она уходила. Когда я ударил Сьюзен и заячью губу, я сказал:

- Как зовут тех людей на другом берегу реки
, к которым вы все иногда ходите?

Они говорят:

“Их несколько, но в основном это Прокторы”.

“Это название, - говорю я. - Я почти забыл его. Что ж, мисс Мэри Джейн она просила передать вам, что поехала туда в ужасной спешке — один из них заболел.

“Который из них?”

“Я не знаю; по крайней мере, я предпочел бы забыть; но я думаю, что это...”

“Черт возьми, я надеюсь, что это не ХАННЕР?”

“Мне жаль это говорить, — говорю я, - но Ханнер - тот самый”.

“Боже мой, и она так поправилась только на прошлой неделе! Она сильно заболела?”

“ Для этого нет названия. Они просидели с ней всю ночь, мисс Мэри
- Сказала Джейн, - и они не думают, что она протянет много часов.

“ Только подумай об этом сейчас! Что с ней такое?”

Я не мог придумать ничего разумного, вот так сразу, поэтому сказал:

“Свинка”.

“Свинка твоя бабушка! Они не водятся с людьми, у которых есть
свинка ”.

“Они этого не делают, не так ли? Держу пари, что они делают с ЭТИМИ
свинками. Эти свинки другие. Это новый сорт,
сказала мисс Мэри Джейн.

“Как это новый сорт?”

“Потому что это смешано с другими заболеваниями”.

“С какими другими заболеваниями?”

“Ну, с корью, и коклюшем, и рожей, и
чахотка, и желчные пузыри, и мозговая лихорадка, и я не знаю, что
все”.

“Моя земля! И они называют это СВИНКОЙ?”

“Так сказала мисс Мэри Джейн”.

“Ну, а за что в стране это называют СВИНКОЙ?”

“Почему, потому что это свинка. Вот с чего все начинается”.

“Ну, в этом нет никакого смысла. Чье-то тело может ударить его по пальцу ноги, и
взять пизона, упасть в колодец, сломать ему шею и вышибить
мозги, и кто-нибудь подойдет и спросит, отчего он умер, а какой-нибудь
болван подойдет и скажет: "Да ведь он ушиб ПАЛЕЦ на НОГЕ". Будет ли в этом какой-нибудь
смысл? нет. И в ЭТОМ нет никакого смысла, нифига. Это
кетчинг?”

“Это КЕТЧИНГ? Почему, как ты говоришь. БОРОНА загорается в
темноте? Если ты не цепляешься за один зуб, то обязательно за другой,
не так ли? И ты не можешь избавиться от этого зуба, не прихватив с собой
всю борону, не так ли? Что ж, этот вид свинки — что-то вроде
бороны, если можно так выразиться, и это вовсе не косолапая борона, нутер, ты
пришел, чтобы хорошенько ее запрячь.

“По-моему, это ужасно”, - говорит заячья губа. - Я пойду к дяде Харви
и...

“О, да, - говорю я, - я бы так и сделал. Конечно, я бы так и сделал. Я бы не стал терять времени нет”.

“А почему бы и нет?”

“Просто посмотри на это минутку, и, может быть, ты поймешь. Разве твои дяди не надеются как можно быстрее вернуться домой, в Англию? И ты думаешь, они будут настолько подлыми, что уйдут и оставят тебя проделывать все это путешествие в одиночестве? ТЫ знаешь, что они будут ждать тебя. Такой пушистый, такой хороший. Твой дядя Харви проповедник, не так ли? Ну что ж, тогда проповедник собирается обмануть пароходного клерка? собирается ли он обмануть судового клерка? — чтобы заставить их пропустить мисс Мэри Джейн на борт? Теперь ВЫ знаете, что это не так. Что же тогда он будет делать? Что ж, он скажет: ”Это очень жаль, но мои церковные дела должны продвигаться наилучшим образом, как они могут; потому что моя племянница заразилась ужасной множественной свинкой, и поэтому мой прямой долг - сидеть здесь и ждать три месяца, пока у нее не проявится болезнь". Но ничего страшного, если ты считаешь, что лучше всего сказать своему дяде Харви ...

“Черт возьми, и продолжать валять дурака здесь, когда мы все могли бы хорошо проводить время в Англии, пока мы ждали, чтобы узнать, есть ли у Мэри Джейн это или нет? Да ты рассуждаешь, как маггинс.

“Ну, в любом случае, может быть, тебе лучше рассказать кому-нибудь из соседей”.

“Послушай-ка это сейчас. Ты превзошла всех по природной глупости. Не могу ты ПОНИМАЕШЬ, что ОНИ пойдут и расскажут? Нет другого выхода, кроме как вообще никому не говорить ”.

“Ну, может быть, ты и прав — да, я полагаю, ты прав”.

“Но я думаю, мы должны сказать дяде Харви, что она ненадолго ушла, в любом случае, чтобы он не беспокоился из-за нее?

“ Да, мисс Мэри Джейн, она хотела, чтобы вы это сделали. Она говорит: "Передай им, чтобы передавали привет дяде Харви и Уильяму от меня и поцелуй, и скажи, что я сбегала за реку повидать мистера... мистера... как называется та богатая семья, о которой так много думал твой дядя Питер?"— Я имею в виду ту, которая...

“А что, ты, должно быть, имеешь в виду Энторпов, не так ли?”

“Конечно; черт бы побрал эти имена, тело, похоже, никогда не может почему-то половину времени их помнить. Да, сказала она, скажи, что она забежала спросить Энторпов, чтобы они наверняка пришли на аукцион и купили

этот дом, потому что она разрешила своему дяде Питеру оставить его им
больше, чем кому-либо другому; и она будет держаться за них, пока они не скажут, что
придут, а потом, если она не слишком устанет, она вернется домой; а если и устанет,
она все равно будет дома утром. Она сказала: ”Ничего не говори о
Прокторах, а только об Эпторпах" — и это будет абсолютной правдой,
потому что она собирается туда поговорить об их покупке дома; я знаю
это, потому что она сама мне об этом сказала".

“Хорошо”, - сказали они и убрались восвояси, чтобы накрыть стол для своих дядюшек и передать им любовь и поцелуи и передать им послание.

Теперь все было в порядке. Девочки ничего не сказали,
потому что хотели поехать в Англию; а король и герцог
предпочли бы, чтобы Мэри Джейн работала на аукционе, чем была поблизости от
доктора Робинсона. Я чувствовал себя очень хорошо; я решил, что сделал это довольно аккуратно — я
считал, что Том Сойер сам не смог бы сделать это аккуратнее. Конечно, он
придал бы этому больше стиля, но я не могу сделать это очень удобно, не
будучи приученным к этому.

Ну, они устроили аукцион на городской площади ближе к
концу дня, и он тянулся, и тянулся, и старик
был под рукой и выглядел самым невозмутимым, там, по другую сторону от
аукциониста, и время от времени вставлял отрывок из Священного Писания или какую-нибудь
добрую-добрую поговорку, и герцог, он был рядом, гугукал
, добиваясь сочувствия всем, что умел, и просто
щедро распространялся.

Но мало—помалу дело сдвинулось с мертвой точки, и все было продано -
все, кроме маленького пустячка на кладбище. Так что им пришлось
с этим смириться — я никогда не видел такого жирафа, каким был король, который хотел
проглотить ВСЕ. Ну, пока они этим занимались, причалил пароход,
и примерно через две минуты появилась толпа - улюлюкающая, вопящая,
смеющаяся и продолжающая скандировать:

“ВОТ ваша линия противостояния! вот ваши две пары наследников старого
Питер Уилкс — и ты платишь свои деньги и делаешь свой выбор!”

Глава XXIX

Они везли с собой очень симпатичного пожилого джентльмена и еще одного, симпатичного помоложе, с правой рукой на перевязи. И, души мои, как люди кричали и смеялись, и продолжали в том же духе. Но я не видел в этом ничего смешного и решил, что герцогу и королю будет неприятно это видеть
. Я предполагал, что они побледнеют. Но нет, ОНИ ни на йоту не побледнели. На князя он никогда на подозревала, что произошло, а просто уехал в гу-
гу-гу вокруг, счастливый и довольный, как кувшин, который погуглить из Простоквашино; а что касается царя, он просто смотрел и смотрел вниз печалью на них новичков, как и он даст ему в живот-боль в сердце думать не может быть такого мошенников и негодяев в мире. О, он сделал это восхитительно. Многие высокопоставленные люди столпились вокруг короля, чтобы дать ему понять, что они на его стороне. Тот пожилой джентльмен, который только что пришел, выглядел до смерти озадаченным. Довольно скоро он начал говорить, и я сразу увидел, что он произносил КАК англичанин — не по-королевски, хотя королевский был довольно хорош для имитации. Я не могу передать слова старого джентльмена, равно как и не могу ему подражать; но он повернулся к толпе и говорит примерно так:

“Это сюрприз для меня, которого я не ожидал; и я признаю, откровенно и откровенно, я не очень хорошо подготовлен к встрече с ним и отвечу на него; потому что у нас с братом были несчастья; он сломал руку, и наш багаж был выгружен в городе выше отсюда прошлой ночью по ошибке. Я брат Питера Уилкса Харви, а это его брат Уильям, который не слышит и не говорит — и даже не может подавать знаки, чтобы что-то значить, теперь, когда у него только одна рука, чтобы ими управлять. Мы те, за кого себя выдаем; и через день или два, когда я получу багаж, я смогу это доказать. Но до тех пор я больше ничего не скажу, а просто пойду в отель и буду ждать.

Итак, они с новым манекеном отправились в путь; король рассмеялся и выпалил:

— Сломал руку — ВЕСЬМА вероятно, НЕ так ли? - и очень удобно, к тому же для мошенника, который должен делать знаки, но не научился этому. Потеряли своих

багаж! Это очень хорошо!— и чрезвычайно изобретательный — в данных
ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ!”

Поэтому он снова рассмеялся, и то же самое сделали все остальные, за исключением троих или четверых,
или, может быть, полудюжины. Одним из них был тот доктор; другой был
подтянутый джентльмен с ковровой сумкой старомодного вида,
сделанной из ковровой ткани, которые только что сошли с парохода и
разговаривали с ним вполголоса, время от времени
поглядывая на короля и кивая головами - это был Леви Белл, юрист, который уехал
в Луисвилл; и еще один был большой грубый хаски, который проходил мимо
и слушал все, что говорил старый джентльмен, и слушал короля
сейчас. И когда король закончил, хриплый встал и сказал:

“Послушайте, если вы Харви Уилкс, то когда вы приехали в этот
город?”

“За день до похорон, друг”, - говорит король.

“Но в какое время дня?”

“Вечером... где—то за час... за два до захода солнца”.

“КАК ты добрался?”

“Я прилетел на ”Сьюзен Пауэлл“ из Цинциннати."

"Ну, тогда как получилось, что ты поднялся в "Пинту" УТРОМ..."
в каноэ?

“Я не встаю утром за пинтой пива”.

“Это ложь”.

Несколько из них подскочили к нему и умоляли не говорить так
старику и проповеднику.

“Да будет повешен проповедник, он мошенник и лгун. В то утро он был в пивной
. Я живу там, наверху, не так ли? Ну, я был там, и он был там
. Я вижу его там. Он приплыл на каноэ вместе с Тимом Коллинзом и
мальчиком.

Доктор подходит и говорит:

“Узнали бы вы мальчика, если бы увидели его, Хайнс?”

“Думаю, узнал бы, но я не знаю. Да ведь вот он, сейчас там. Я знаю
с ним все в порядке.

Он указал на меня. Врач говорит:

“Соседи, я не знаю, мошенники эта новая пара или нет;
но если эти двое не мошенники, то я идиот, вот и все. Я думаю, это наш

долг проследить, чтобы они не ушли отсюда, пока мы не разберемся с этим
делом. Пойдемте, Хайнс; пойдемте и все остальные. Мы отведем этих
парней в таверну и оскорбим их другой парой, и я думаю,
мы ЧТО-нибудь выясним, прежде чем закончим.

Это было безумие для толпы, хотя, возможно, не для друзей короля; так что
мы все начали. Дело было на закате. Доктор вел меня за
руку и был достаточно добр, но так и не выпустил мою руку.

Мы все собрались в большой комнате отеля, зажгли несколько свечей и
пригласили новую пару. Сначала врач говорит:

“Я не хочу быть слишком суровым к этим двум мужчинам, но я думаю, что они
мошенники, и у них могут быть козни, о которых мы ничего не знаем.
Если да, то не сойдут ли комплайсы с рук с тем мешком золота, который оставил Питер
Уилкс? Это не маловероятно. Если эти люди не мошенники, они не будут возражать,
чтобы послать за этими деньгами и оставить их у нас, пока они не докажут, что с ними все в порядке
, не так ли?”

Все согласились с этим. Итак, я решил, что они с самого начала поставили нашу банду в довольно
затруднительное положение. Но король только посмотрел на него печально,
и говорит:

“Джентльмены, я хотел бы, чтобы у меня были деньги, потому что у меня нет
склонности мешать честному, открытому, всестороннему
расследованию этого несчастного дела; но, увы, денег там нет;
вы можете послать и посмотреть, если хотите”.

- Тогда где же оно?

- Ну, когда моя племянница отдала его мне на хранение, я взял и спрятал его
в соломенной подстилке моей кровати, не желая откладывать ее на те несколько дней,
что мы пробудем здесь, и считая кровать безопасным местом, мы не привыкли к
ниггерам и предполагаем, что они честны, как слуги в Англии. Ниггеры
украли их на следующее же утро после того, как я спустился по лестнице; и когда я
продал их, я еще не хватился денег, так что они ушли с ними безнаказанными.
Мой слуга может рассказать вам об этом, джентльмены.

Доктор и еще несколько человек сказали “Чушь!”, и я вижу, что никто ему не
полностью не поверил. Один мужчина спросил меня, видел ли я, как ниггеры крадут это. Я
сказал "нет", но я вижу, как они выскальзывают из комнаты и спешат прочь, и я
ни о чем не подумал, только подумал, что они испугались, что разбудили
моего хозяина, и пытались сбежать, пока он не устроил неприятностей с

они. Это было все, о чем они меня спросили. Потом доктор поворачивается ко мне и говорит:

“ Вы тоже англичанин?”

Я сказал “да”; и он и еще несколько человек рассмеялись и сказали: "Ерунда!"

Ну, а потом они приступили к общему расследованию, и там мы повторяли это снова и снова, час за часом, и никто ни разу не сказал ни слова об ужине и, казалось, даже не подумал об этом — и так они продолжали, и продолжали; и это БЫЛА худшая путаница, которую вы когда-либо видели. Они заставили короля рассказать свою историю, и они заставили старого джентльмена рассказать свою; и любой, кроме множества предубежденных болтунов, увидел БЫ, что старый джентльмен рассказывает правду, а другой лжет. И мало-помалу они заставили меня рассказать все, что я знал. Король искоса взглянул на меня левой рукой , и так я знал достаточно, чтобы говорить с правой стороны. Я начал рассказывать о Шеффилде, и как мы там жили, и все про английских Уилксов, и так далее; но у меня ничего не получалось, пока доктор не начал смеяться, а Леви Белл, юрист, не сказал:

“ Сядь, мой мальчик; на твоем месте я бы не напрягался. Я думаю, ты не привык лгать, это, кажется, не очень удобно; что тебе нужно, так это практика. Ты делаешь это довольно неуклюже ”.

Мне было наплевать на комплимент, но я был рад, что меня отпустили, в любом случае.

Доктор... Он начал что—то говорить, потом поворачивается и говорит:

“Если бы ты сначала был в городе, Леви Белл...” - Вмешался кинг и протянул руку и сказал:

“А что, это старый друг моего бедного покойного брата, о котором он так часто писал?”

Они с адвокатом пожали друг другу руки, и адвокат улыбнулся и выглядел довольным, и они немного поговорили, а потом отошли в сторону и говорили вполголоса; и наконец адвокат заговорил и сказал:

“Это все исправит. Я приму заказ и отправлю его вместе с заказом вашего брата, и тогда они будут знать, что все в порядке ”.

Итак, они достали бумагу и ручку, и король сел, склонил голову набок, пожевал языком и что—то нацарапал ; а потом они отдали ручку герцогу - и тогда впервые

раз герцог выглядел больным. Но он взял ручку и написал. И тогда
адвокат поворачивается к новому старому джентльмену и говорит:

“Вы и ваш брат, пожалуйста, напишите пару строк и подпишите свои
имена”.

Старый джентльмен написал, но никто не смог его прочесть. Адвокат
выглядел сильно удивленным и сказал:

“Ну, это меня поражает” — и вытащил из
кармана кучу старых писем и изучил их, а затем изучил почерк старика,
а потом еще раз ИХ; а потом говорит: “Эти старые письма от Харви
Уилкса; а вот ЭТИ два почерка, и любой может видеть, что они их не
писали” (король и герцог выглядели проданными и глупыми, говорю
вам, когда увидели, как юрист воспринял их), “а вот почерк ЭТОГО старого
джентльмена, и любой может с легкостью сказать, что ОН их не писал". не
пиши их — дело в том, что царапины, которые он делает, вообще не являются правильным ПОЧЕРКОМ
. Итак, вот несколько писем от...

Новый старый джентльмен говорит:

“Если вы не возражаете, позвольте мне объяснить. Никто не может прочитать мой почерк, кроме моего
там брат — поэтому он копирует для меня. У тебя там ЕГО рука, а не
моя.

“Что ж! ” говорит юрист. - таково положение вещей. У меня тоже есть несколько
писем Уильяма, так что, если ты попросишь его написать пару строк, мы сможем
связаться...

“Он НЕ МОЖЕТ писать левой рукой”, - говорит старый джентльмен. “Если бы он
мог пользоваться правой рукой, вы бы увидели, что он писал свои собственные письма и
мои тоже. Посмотрите на оба, пожалуйста, — они написаны одной рукой.

Юрист сделал это и говорит:

“Я верю, что это так, а если это и не так, то есть гораздо более сильное
сходство, чем я замечал раньше, в любом случае. Так, так, так! Я думал,
мы были прямо на пути к решению, но оно частично пошло прахом. Но
в любом случае, доказано одно — ЭТИ двое ни один из них не
Уилксы. — И он мотнул головой в сторону короля и герцога.

Ну, а ты как думаешь? Этот упрямый старый дурак не сдался бы
ТОГДА! Действительно, не сдался бы. Сказал, что это нечестный тест. Сказал, что его брат
Уильям был самым сквернословящим шутником в мире и даже не пытался писать —
ОН понял, что Уильям собирается сыграть одну из своих шуток, как только вставит

прижать ручку к бумаге. И вот он разогрелся и продолжал напевать до тех пор, пока сам не начал по-настоящему верить в то, что говорил; но
довольно скоро вмешался новый джентльмен и сказал:

“Я кое-что придумал. Есть ли здесь кто-нибудь, кто помогал хоронить моего бр—помогал хоронить покойного Питера Уилкса?”

“Да, ” говорит кто-то, “ мы с Эбом Тернером сделали это. Мы оба здесь.

Затем старик поворачивается к королю и говорит:

“Возможно, этот джентльмен может сказать мне, что было вытатуировано на его груди?”

Обвиняли в том, что королю не пришлось очень быстро собираться с силами, или он рухнул вниз, как обрывистый берег, под которым река прорезалась, это произошло с ним так внезапно; и, заметьте, это было рассчитано на то, чтобы заставить
большинство ЛЮДЕЙ испугаться, что им принесут такую прочную татуировку без какого-либо уведомления, потому что откуда ЕМУ было знать, что было вытатуировано на человеке? Он немного побледнел; он ничего не мог с собой поделать; и внутри
там было очень тихо, и все немного наклонились вперед и смотрели на него. Говорю я себе, СЕЙЧАС он выбросит губку — от нее больше нет проку.
Ну что, правда? Трудно поверить, но он этого не сделал. Я думаю, он
думал, что будет продолжать в том же духе, пока не утомит этих людей, чтобы они поредели, и они с герцогом смогли бы вырваться на свободу и уехать. В общем,
он сидел там и довольно скоро начал улыбаться и сказал:

“Мф! Это ОЧЕНЬ сложный вопрос, НЕ так ли? ДА, сэр, я могу сказать вам, что вытатуировано у него на груди. Это всего лишь маленькая, тонкая синяя стрелка — вот что это такое; и если вы не будете смотреть внимательно, вы ее не увидите. А теперь, что ты скажешь — эй?”

Что ж, я никогда не видел ничего похожего на этот застарелый волдырь для начистоты на щеке.

Новый старый джентльмен быстро поворачивается к Эбу Тернеру и его приятелю, и его глаза загораются, как будто он решил, что на ЭТОТ раз заполучил короля, и говорит:

“ Вот— вы слышали, что он сказал! Была ли такая отметина на
Грудь Питера Уилкса?”

Они оба заговорили и сказали:

“Мы не видели никакой такой метки”.

“Хорошо!” - говорит старый джентльмен. “Итак, то, что вы видели у него на груди, было маленькой тусклой буквой ”П", и буквой "Б" (это инициал, который он написал, когда был маленьким), и буквой "Ш" с черточками между ними, вот так: П—Б—Ш", — и он пометил их таким образом на листе бумаги. “Ну же, разве не это ты видел?”

Они оба снова заговорили и сказали:

“Нет, мы ЭТОГО НЕ ДЕЛАЛИ. Мы вообще никогда не видели никаких следов”.

Ну, теперь все БЫЛИ в таком настроении, что запели:

“Вся эта КОМПАНИЯ "m's frauds"! Давайте пригнемся к ним! давайте их утопим! давайте прокатим их на рельсах!” - и все разом заулюлюкали, и раздался грохочущий гул. Но адвокат сам прыгает на стол и орет, и говорит:

“ Джентльмены— джентльмены! Услышь от меня хоть одно слово — всего ОДНО слово, — пожалуйста! Есть еще один способ — давайте откопаем труп и посмотрим.

На это они и пошли.

“Ура!” - закричали они все и тут же тронулись в путь, но адвокат и доктор закричали:

“ Держитесь, держитесь! Схватите всех этих четверых мужчин и мальчика и приведите И ОНИ тоже с нами!”

“Мы сделаем это!” - закричали они все. “и если мы не найдем эти следы мы линчуем всю банду!”

Я был напуган, говорю тебе. Но никуда не денешься, ты знаешь. Они схватили нас всех и повели прямо к кладбищу, которое находилось в полутора милях вниз по реке, и весь город гнался за нами по пятам, потому что мы достаточно шумели, а было только девять часов вечера.

Когда мы проезжали мимо нашего дома, я пожалел, что отослал Мэри Джейн из города; потому что теперь, если бы я мог подмигнуть ей, она бы выскочила и спасла меня, и подула бы на наши мертвые ритмы.

Ну, мы двинулись по дороге вдоль реки, просто не останавливаясь, как дикие кошки; и чтобы сделать это еще более пугающим, небо потемнело, и молнии начали подмигивать и трепетать, а ветер трепетал в листьях. Это была самая ужасная неприятность и самая опасная из всех, в которые я когда-либо попадал; и я был ошеломлен еще больше; все шло совсем не так, как

то, что я допустил; вместо того, чтобы быть зафиксированным, чтобы я мог не торопиться,
если захочу, и видеть все самое интересное, и чтобы Мэри Джейн была у меня за спиной, чтобы спасти
меня и освободить, когда наступит трудный момент, в
мире не было ничего между мной и внезапной смертью, кроме этих татуировок. Если они
их не найдут...

Мне было невыносимо думать об этом; и все же, почему-то, я не мог думать
ни о чем другом. Становилось все темнее и темнее, и это было прекрасное время, чтобы
ускользнуть от толпы; но этот большой хаски держал меня за запястье —
Хайнс — и с таким же успехом кто-то мог попытаться ускользнуть от Голиара. Он тащил
меня за собой, он был так взволнован, и мне пришлось бежать, чтобы не отстать.

Добравшись туда, они ворвались на кладбище и захлестнули
его, как поток воды. И когда они добрались до могилы, то обнаружили, что у них
было примерно в сто раз больше лопат, чем они хотели, но никому
не пришло в голову захватить фонарь. Но они отплыли на покопавшись в любом случае при
вспышках молнии, а за фонарем послали в ближайший дом, половина
мили, чтобы одолжить.

Итак, они копали и копали, как и все; и стало ужасно темно, и
начался дождь, и ветер свистел и налетал, и молнии
сверкали все быстрее и быстрее, и гремел гром; но те люди
никогда не обращали на это внимания, они были так поглощены этим делом; и в одну
минуту вы могли видеть все и каждое лицо в этой большой толпе, и
полные лопаты земли взлетали из могилы, а в следующую секунду
темнота все это скрыла, и вы вообще ничего не могли разглядеть.

Наконец они вытащили гроб и начали отвинчивать крышку, и тут
снова началась такая давка, толкание плечами и пихание, что
протиснуться внутрь и увидеть то, чего вы никогда не увидите; и в темноте, таким образом, это
было ужасно. Хайнс, он ужасно повредил мне запястье, так сильно дергая, и я
думаю, он начисто забыл, что я существую на свете, он был так взволнован и тяжело дышал.

Внезапно молния выпустила идеальный поток белого сияния,
и кто-то поет:

“Клянусь живым джинго, вот мешок с золотом у него на груди!”

Хайнс издал вопль, как и все остальные, и отпустил мое запястье
и сделал большой рывок, чтобы ворваться внутрь и посмотреть, а то, как я закурил
и засиял на дороге в темноте, никто не может сказать.

Дорога была полностью в моем распоряжении, и я буквально летел — по крайней мере, она была у меня полностью
в моем распоряжении, кроме сплошной темноты, и время от времени вспыхивающих бликов, и
жужжания дождя, и порывов ветра, и раскатов
грома; и удерет, как рожденный, что я справлялся с этим!

Когда я добрался до города, то увидел, что во время грозы на улице никого не было, поэтому
я не искал никаких закоулков, а горбатился прямо по
главной; и когда я начал приближаться к нашему дому, я прицелился
и зафиксировал его. Там не было света; в доме было совсем темно — что заставило меня почувствовать жалость
и разочарование, я не знал почему. Но наконец, как раз в тот момент, когда я проплывал мимо,
в окне Мэри Джейн вспыхивает свет! и мое сердце
внезапно переполнилось, словно готово было разорваться; и в ту же секунду дом и все остальное было
позади меня в темноте, и никогда больше не предстанет передо мной в
этом мире. Она БЫЛА лучшей девушкой, которую я когда-либо видел, и в ней было больше всего песка.

Как только я поднялся достаточно высоко над городом, чтобы увидеть, что могу добраться до
буксира, я начал внимательно присматриваться к лодке, которую можно было бы одолжить, и в первый раз, когда
молния показала мне лодку, которая не была прикована цепью, я схватил ее и оттолкнул. Это
было каноэ, и оно не было привязано ни к чему, кроме веревки. Буксир
грохотал на большом расстоянии, там, на середине реки,
но я не терял времени; и когда я наконец добрался до плота, я был так
измотан, что просто лег бы отдуваться, если бы мог себе это позволить.
Но я этого не сделал. Запрыгивая на борт, я крикнул:

“ Убирайся отсюда, Джим, и отпусти ее! Слава богу, мы
избавились от них!”

Джим выскочил и кинулся ко мне, раскинув руки, он был
так полон радости; но когда я увидел его при свете молнии, мое сердце подпрыгнуло
у меня во рту, и я полетел за борт задом наперед; потому что я забыл, что он старый
король Лир и утонувший араб в одном лице, и это больше всего напугало меня до смерти
. Но Джим выудил меня и собирался обнять
и благословить, и так далее, он был так рад, что я вернулась и мы были закрыты от
короля и герцога, но я сказала:

“ Не сейчас; съешь это на завтрак, съешь это на завтрак! Освободись и
отпусти ее!”

Итак, через две секунды мы покатились вниз по реке, и
казалось так здорово снова быть свободными и совсем одними на большой реке,
и никто нас не беспокоил. Мне пришлось немного попрыгать, подпрыгнуть и

щелкнул каблуками несколько раз — я ничего не мог с собой поделать; но примерно после третьего щелчка я услышал звук, который был мне очень хорошо знаком, и, затаив дыхание, прислушался и стал ждать; и действительно, когда над водой сверкнула следующая вспышка, они появились!— и просто налегли на весла, и их ялик загудел! Это были король и герцог.

И тогда я опустился прямо на доски и сдался; и это было все, что я мог сделать, чтобы не расплакаться.

Глава XXX

КОГДА они поднялись на борт, король подошел ко мне, встряхнул за воротник и сказал:

“ Ты пытался ускользнуть от нас, щенок! Устал от нашей компании, эй?”

Я говорю:

“Нет, ваше величество, мы не предупреждали... Пожалуйста, не делайте этого, ваше величество!”

“Тогда быстрее и расскажите нам, в чем заключалась ваша идея, или я встряхну из тебя вывернутся внутренности!”

- Честно говоря, я расскажу вам все так, как это произошло, ваше величество. Человек, который ухаживал за мной, был очень добр ко мне и все время говорил, что у него был мальчик примерно такого же роста, как я, который умер в прошлом году, и ему жаль видеть мальчика в таком опасном положении; и когда они все были застигнуты врасплох, найдя золото, и бросились к гробу, он отпускает меня и шепчет: ‘Держи себя в руках, или они тебя, конечно, повесят!’ и я выбежал. Мне не казалось, что оставаться здесь бесполезно — я ничего не мог поделать и не хотел, чтобы меня повесили, если бы я смог сбежать. Так что я бежал не переставая, пока не нашел каноэ; а когда я добрался сюда, я сказал Джиму, чтобы он поторапливался, иначе меня поймают и повесят, и сказал, что боюсь, что тебя и герцога уже нет в живых, и мне было ужасно жаль, и Джиму тоже, и он был ужасно рад, когда мы увидели, что ты идешь; можешь спросить Джима, не видел ли я тебя.

Джим сказал, что это так; и король велел ему заткнуться и сказал: “О, да, это ОЧЕНЬ вероятно!” и снова встряхнул меня, сказав, что, по его мнению, он меня утопит. Но герцог говорит:

“Отпусти мальчишку, старый идиот! А ТЫ бы поступил по-другому? Ты справлялся о НЕМ, когда освободился? Я не помню этого.

Итак, король отпустил меня и начал проклинать этот город и всех в нем. Но герцог говорит:

- Тебе лучше с виноватым видом хорошенько выругаться, потому что ты больше всех имеешь на это право. С самого начала ты не сделал ничего, в чем был бы хоть какой-то смысл, кроме того, что вышел таким крутым и дерзким с этой воображаемой отметиной в виде синей стрелки. Это БЫЛО ярко — это было прямо по задире; и это было то, что спасло нас. Потому что, если бы не это, они бы посадили нас в тюрьму до тех пор, пока не прибудет багаж этих англичан, а потом — в тюрьму, можете не сомневаться! Но этот трюк привел их на кладбище, и золото оказало нам еще большую услугу; потому что, если бы возбужденные дураки не выпустили все холты и не помчались посмотреть, мы бы сегодня ночью проспали в галстуках - галстуках, которые тоже можно НОСИТЬ, — дольше, чем они нам понадобятся.

Они еще с минуту думали; потом король говорит, как бы рассеянно, как бы:

“Мф! И мы решили, что это ниггеры украли!”

Это заставило меня поежиться!

“Да, - говорит герцог, медленно, обдуманно и саркастично, - МЫ сделали”.

Примерно через полминуты король протяжно произносит:

“По крайней мере, я это сделал”.

Герцог отвечает точно так же:

“Напротив, я это сделал”.

Король немного раздражается и говорит:

“Послушай-ка, Билджуотер, на что ты намекаешь?”

Герцог говорит довольно резко:

“Раз уж на то пошло, может быть, вы позволите мне спросить, что ВЫ имели в виду ?”

“Чушь!” — саркастически говорит кинг. “Но я не знаю ... Может быть, ты спал и не понимал, что делаешь”.

Герцог ощетинился и сказал:

“О, перестаньте нести эту проклятую чушь; вы принимаете меня за виноватого" дурака? Ты думаешь, я не знаю, кто спрятал деньги в гроб?

“ ДА, сэр! Я знаю, что ты знаешь, потому что ты сделал это сам!”

"Это ложь!” — и герцог бросился на него. Король поет:

“Убери свои руки! — перережь мне горло!— Я беру все свои слова обратно!”

Герцог говорит:

“Ну, сначала ты просто признайся, что действительно спрятал там эти деньги,
намереваясь на днях ускользнуть от меня, вернуться,
откопать это и забрать все себе.

— Подожди минутку, дьюк, ответь мне на один вопрос, честно и
беспристрастно; если ты не клал туда деньги, скажи это, и я поверю тебе и
заберу все, что сказал, обратно.

“ Ах ты, старый негодяй, я этого не делал, и ты знаешь, что я этого не делал. Ну вот, сейчас же!”

“Ну, тогда я тебе верю. Но ответь мне, только пошути еще разок —
теперь НЕ злись; разве у тебя не было в мыслях украсть деньги
и спрятать их?”

Герцог некоторое время молчал, а потом сказал:

“Ну, мне все равно, даже если и ТАК, я все равно этого не ДЕЛАЛ. Но ты не только
собирался это сделать, но и сделал это ”.

“Я бы хотел никогда не умирать, если бы сделал это, дюк, и это честно. Я не скажу, что я
не собирался этого делать, потому что собирался; но ты — я имею в виду кого—то -
меня опередил ”.

“Это ложь! Ты сделал это, и ты должен СКАЗАТЬ, что ты это сделал, или...”

Король начал булькать, а затем выдохнул:

“Не-а!— Я ПРИЗНАЮСЬ!”

Я был очень рад услышать это от него; это заставило меня почувствовать себя намного лучше
легче, чем то, что я чувствовал раньше. Тогда герцог убрал руки и
сказал:

“ Если ты еще когда-нибудь будешь это отрицать, я тебя утоплю. Тебе лучше сидеть
там и рыдать, как младенец — это тебе к лицу, после того, как ты
себя вел. Я никогда не видел такого старого страуса, который хотел бы сожрать все —
а я все время доверял тебе, как будто ты был моим собственным отцом. Тебе должно
быть стыдно за себя стоять в стороне и слушать, как это навязывают куче
бедных ниггеров, а ты никогда не говоришь за них ни слова. Это заставляет меня чувствовать себя
нелепо - думать, что я был достаточно мягок, чтобы ПОВЕРИТЬ в эту чушь. Проклинаю
тебя, теперь я понимаю, почему ты так стремился восполнить недостаток — ты

хотел забрать те деньги, которые я получил от Nonesoch и того или
другого, и забрать ВСЕ это!”

Король говорит робко и все еще шмыгая носом:

“Ну, герцог, это вы сказали устранить недостаток, это не я сказал”.

“Заткнись! Я не хочу больше ничего от тебя слышать!” - заявляет герцог.
“ И теперь ты видишь, чего ты этим ДОБИЛСЯ. Они получили обратно все свои
деньги и все НАШИ, кроме пары шекелей. Отправляйся в
постель, и не смей больше отнекиваться от МЕНЯ, долго ты живешь!”

Итак, король прокрался в вигвам и приложился к бутылке для
утешения, и вскоре герцог взялся за СВОЮ бутылку; и так примерно через
полчаса они снова были дружны, как воры, и чем крепче они становились,
тем сильнее становилась их любовь, и они захрапели в объятиях друг друга. Они
оба сильно развеселились, но я заметил, что король не развеселился
настолько, чтобы снова забыть не отрицать, что спрятал мешок с деньгами
. Это заставило меня почувствовать себя легко и удовлетворенно. Конечно, когда они перешли к
храпу, мы долго болтали, и я все рассказал Джиму.

Глава XXXI

МЫ не решались останавливаться ни в одном городе несколько дней подряд; держались прямо
вниз по реке. Теперь мы были на юге, в теплой погоде, и
очень далеко от дома. Мы начали подходить к деревьям, покрытым испанским
мхом, который свисал с ветвей, как длинные седые бороды. Это
был первый раз, когда я увидел, как он растет, и это придавало лесу торжественный
и унылый вид. Итак, теперь мошенники посчитали, что они вне опасности, и
снова начали работать в деревнях.

Сначала они прочитали лекцию о воздержании, но заработали недостаточно,
чтобы они оба могли напиться. Затем в другой деревне они открыли
школу танцев; но они умели танцевать не больше, чем
кенгуру; поэтому при первом же их появлении широкая публика вскочила
и вывела их из города. В другой раз они попытались перейти на
крикливость, но орали они недолго, пока публика не встала и
не обругала их хорошенько, заставив убраться восвояси. Они занимались
миссионерством, и гипнозом, и врачеванием, и предсказаниями судьбы, и
всего понемногу; но, похоже, им не везло. Итак, наконец

они были почти на мели и лежали вокруг плота, пока она плыла
вперед, думая и ничего не говоря, по полдня
кряду, ужасно посиневшие и отчаявшиеся.

И наконец они переоделись и начали склонять головы друг к другу
в вигваме и тихо и доверительно беседовать по два-три часа кряду.
Нам с Джимом стало не по себе. Нам не понравилось, как это выглядело. Мы решили, что они
изучают какую-то худшую дьявольщину, чем когда-либо. Мы прокручивали это снова
и снова, и наконец пришли к выводу, что они собирались вломиться в
чей-то дом или магазин, или занимались торговлей фальшивыми деньгами
, или что-то в этом роде. И тогда мы были изрядно напуганы и заключили
соглашение, что мы ни за что на свете не будем иметь отношения к таким
действиям, и если мы когда-нибудь добьемся хотя бы малейшего представления, мы их хорошенько
встряхнем, уберемся и оставим их позади. Итак, однажды рано утром мы
спрятали плот в хорошем, безопасном месте примерно в двух милях ниже маленькой
захудалой деревушки под названием Пайксвилл, и король сошел на берег и велел нам
всем прятаться, пока он не отправится в город и не обнюхает окрестности, чтобы узнать, не пронюхал ли
кто-нибудь еще о Королевском судне под названием Пайксвилл. ("Дом, который нужно
ограбить, ты имеешь в виду, — говорю я себе, - и когда ты закончишь его грабить,
ты вернешься сюда и будешь гадать, что стало со мной, Джимом и
плотом - и тебе придется разобраться с этим в недоумении".) И он сказал, что если он
не вернется к полудню, мы с герцогом узнаем, что все в порядке, и
мы пойдем с ним.

Так что мы остались там, где были. Герцог нервничал и потел
повсюду и был в очень кислом настроении. Он ругал нас за все, и
казалось, мы ничего не могли сделать правильно; он находил недостатки в каждой мелочи
. Что-то назревало, конечно. Мне было хорошо, и я обрадовался, когда
наступил полдень, а короля не было; в любом случае, у нас могли быть перемены — и, возможно,
шанс на шанс в придачу. Итак, мы с герцогом отправились в
деревню и поохотились там в поисках короля, и мало-помалу мы нашли
его в задней комнате маленькой низенькой собачьей лавки, очень тесного, и куча
бездельников задирала его ради забавы, а он ругался и угрожал
изо всех сил, и так крепко, что не мог ходить и ничего не мог им сделать
. Герцог начал ругать его, называя старым дураком, а король
начал дерзить в ответ, и в ту минуту, когда они по-настоящему занялись этим, я вскочил с места, стряхнул
камни с задних ног и помчался по речной дороге, как олень,

потому что я вижу наш шанс; и я решил, что это будет долгий день,
прежде чем они снова увидят меня и Джима. Я спустился туда совсем запыхавшийся,
но переполненный радостью, и пропел:

“ Отпусти ее, Джим! теперь с нами все в порядке!”

Но никто не отвечает, и из вигвама никто не выходит.
Джим исчез! Я поднял крик, потом другой, потом еще один;
и забегал туда—сюда по лесу, улюлюкая и визжа; но это
было бесполезно — старый Джим исчез. Потом я сел и заплакал; я ничего не мог
с собой поделать. Но я не мог долго сидеть неподвижно. Довольно скоро я вышел на дорогу,
пытаясь придумать, что мне лучше сделать, и наткнулся на гуляющего мальчика, и
спросил его, не видел ли он странного негра, одетого так-то и так-то, и он ответил:

- Да.

“ Где вы находитесь? - Спрашиваю я.

“ К Сайласу Фелпсу, это в двух милях отсюда. Он сбежавший
ниггер, и они его поймали. Ты его искал?”

“ Держу пари, что нет! Я наткнулся на него в лесу примерно час или два
назад, и он сказал, что, если я закричу, он вырвет мне печень — и велел мне лечь
и оставаться на месте; и я это сделал. С тех пор я там и был; боюсь
выйти”.

“Ну, - говорит он, - тебе больше нечего бояться, потому что они схватили
его. Он сбежал, черт возьми, куда-то на Юг.

“Хорошо, что они его заполучили”.

“Ну, я СЧИТАЮ! За него назначена награда в две сотни долларов. Это
все равно что собирать деньги на дороге ”.

“Да, это так — и у меня могло бы быть это, если бы я был достаточно взрослым; Я вижу его
Первый. Кто его прибил?”

“Это был старый парень — незнакомец — и он продал свой шанс
за сорок долларов, потому что ему нужно плыть вверх по реке и он не может ждать. Подумай
об этом сейчас! Держу пари, я бы подождал, даже если бы это было семь лет назад ”.

“Это я каждый раз, - говорю я. - Но, может быть, его шанс стоит не
больше, чем это, если он продаст его так дешево. Может быть, в этом что-то не
прямолинейно”.

“ Но, тем не менее, это так — прямолинейно, как струна. Я сам видел рекламный проспект. В нем
рассказывается о нем все, до мелочей — изображает его как картинку и сообщает, что он с
плантации, расположенной ниже Нью-Йорка. Нет, сэр Боб, они не никакие

выучили"..........

бьюсь об заклад, что с ЭТИМИ спекуляциями у вас проблемы. Слушай, угости меня табачком, ладно?

У меня их не было, и он ушел. Я пошел к плоту и сел в вигваме, чтобы подумать. Но я ни к чему не мог прийти. Я думал до тех пор, пока у меня не заболела голова, но я не видел никакого выхода из этой беды. После всего этого долгого путешествия, и после всего, что мы сделали для этих негодяев, все это пошло прахом, все было разорено и разрушено, потому что у них могло хватить духу устроить Джиму такой фокус, как этот, и снова сделать его рабом на всю его жизнь, да еще среди незнакомцев, за сорок грязных долларов.

Однажды я сказал себе, что для Джима было бы в тысячу раз лучше быть рабом дома, где была его семья, раз уж он вынужден быть рабом, и поэтому мне лучше написать письмо Тому Сойеру и попросить его сообщить мисс Уотсон, где он находится. Но вскоре я отказываюсь от этой мысли по двум причинам: она разозлится и почувствует отвращение к его негодяйству и неблагодарности за то, что он бросил ее, и поэтому снова продаст его вниз по реке; а если она этого не сделает, все, естественно, презирают неблагодарного негра, и они заставят Джима постоянно чувствовать это, и он почувствует себя злобным и опозоренным. И тогда подумай обо МНЕ! Все узнают, что Гек Финн помог негру получить свободу; и если я когда-нибудь снова увижу кого-нибудь из этого города, я буду готов лечь и лизать ему сапоги от стыда. Это просто способ: человек совершает низменный поступок, а потом не хочет принимать никаких последствий от этого. Думает, что пока он может прятаться, в этом нет ничего постыдного. Именно так я и поступил. Чем больше я изучал это, тем больше моя совесть терзала меня, и тем более злым, подлым и злобным я себя чувствовал. И, наконец, когда до меня внезапно дошло, что это была простая рука Провидения, ударившая меня по лицу и давшая мне понять, что за моими злодеяниями все время наблюдали оттуда, с небес, в то время как я крал у бедной старухи негритенка, который никогда не делал мне ничего плохого, а теперь показывал мне, что есть Тот, кто всегда начеку и не собирается допускать, чтобы подобные мерзкие поступки продолжались всего лишь немного и не дальше, я совсем растерялся, я был так напуган. Что ж, я изо всех сил старался как-то смягчить это для себя, говоря, что меня воспитали злым, и поэтому я не так уж сильно виноват; но что-то внутри меня продолжало говорить: “Там была воскресная школа, ты мог бы пойти в нее; и если бы ты это сделал, они бы тебя

там те люди, которые ведут себя так, как я вел себя с тем ниггером, отправляются в вечный огонь”.

Это заставило меня вздрогнуть. И я почти решил помолиться и посмотреть, не смогу ли я попытаться перестать быть таким парнем, каким был, и стать лучше. Поэтому я опустилась на колени. Но слова не шли с языка. Почему бы и нет?
Было бесполезно пытаться скрыть это от Него. И от МЕНЯ тоже. Я очень хорошо знал, почему они не придут. Это было потому, что мое сердце было не в порядке; это было потому, что я был не честен; это было потому, что я вел двойную игру. Я позволял себе отказаться от греха, но где-то глубоко внутри я цеплялся за самый большой из всех грехов. Я пытался заставить свой рот СКАЗАТЬ, что я поступлю правильно и чисто, пойду и напишу владельцу этого негра и скажу, где он находится; но в глубине души я знал, что это ложь, и Он это знал. Ты не можешь молиться во лжи — я это выяснил.

Так что я был полон проблем, полон настолько, насколько это было возможно, и не знал, что делать. Наконец мне пришла в голову идея, и я сказал, что пойду и напишу письмо, а потом посмотрю, смогу ли я помолиться. Да ведь это было удивительно, то, как я сразу почувствовал себя легким, как перышко, и все мои проблемы исчезли. Итак, я взял лист бумаги и карандаш, весь радостный и взволнованный, сел и написал:

Мисс Уотсон, ваш беглый негр Джим находится здесь, в двух милях ниже Пайксвилля, и мистер Фелпс поймал его и отдаст за вознаграждение, если вы пришлете.

ГЕК ФИНН.

Я чувствовал себя хорошо и полностью очистился от грехов, впервые в жизни я чувствовал себя так, и я знал, что теперь могу молиться. Но я не сделал этого сразу, а отложил газету и сидел там, думая—думая о том, как хорошо, что все это произошло именно так, и как близко я подошел к тому, чтобы потеряться и отправиться в ад. И продолжал размышлять. И стал думать о нашем путешествии вниз по реке; и я все время вижу Джима перед собой: днем и ночью, иногда при лунном свете, иногда в шторм, и мы плывем по течению, разговаривая, напевая и смеясь. Но почему-то я не могла найти ничего, что могло бы ожесточить меня против него, а только другое . Я бы увидел, как он стоит на моем дежурстве, вместо того чтобы позвонить мне,

так что я мог продолжать спать; и видеть его, как он радовался, когда я
возвращался из тумана; и когда я снова приходил к нему на болота,
туда, где была вражда; и в такие-то времена; и всегда называл меня
милой, и ласкал меня, и делал для меня все, что мог придумать, и каким
добрым он всегда был; и наконец настал тот момент, когда я спас его, сказав
матросам, что у нас на борту была оспа, и он был так благодарен, и сказал, что я
лучший друг, который когда-либо был у старого Джима в мире, и это единственное, что у него есть
сейчас; а потом я случайно огляделся и увидел ту бумагу.

Это было близкое место. Я поднял его и подержал в руке. Я был
трепещущ, потому что мне предстояло навсегда сделать выбор между двумя вещами, и я
знал это. Я с минуту изучал его, как бы затаив дыхание, а потом сказал
себе:

“Ладно, тогда я ПОЙДУ к черту” — и порвал письмо.

Это были ужасные мысли и ужасные слова, но они были сказаны. И я позволил
им остаться сказанными; и никогда больше не думал о реформировании. Я выбросил
всю эту затею из головы и сказал, что снова займусь беззаконием,
что было по моей части, поскольку меня довели до этого, а другого - нет. И для
начала я бы пошел на работу и снова выкрал Джима из рабства; и если бы я
мог придумать что-нибудь похуже, я бы сделал и это; потому что, пока я
в деле, и в деле навсегда, я мог бы идти до конца.

Затем я принялся обдумывать, как этого добиться, и перебрал в уме несколько
весьма многих способов; и, наконец, составил план, который
меня устраивал. Итак, затем я сориентировался на лесистый остров, который находился немного ниже по течению
реки, и, как только совсем стемнело, я выполз на своем плоту
и направился к нему, и спрятал его там, а затем вернулся. Я проспал всю ночь
и встал еще до рассвета, и позавтракал, и надел
свою припасенную одежду, и связал кое-какие другие вещи в
узел, и сел в каноэ, и поплыл к берегу. Я пристал к берегу ниже того места, где, по моим
предположениям, находилось жилище Фелпса, и спрятал свой узел в лесу, а затем
наполнил каноэ водой, набрал в него камней и затопил
там, где я мог найти его снова, когда захочу, примерно в четверти мили
ниже маленькой паровой лесопилки, стоявшей на берегу.

Потом я свернул на дорогу и, проезжая мимо мельницы, увидел на
ней вывеску: “Лесопилка Фелпса”, а когда я подъехал к фермерским домам, в двух или трех
сотнях ярдов дальше, я внимательно посмотрел, но ничего не увидел

вокруг никого, хотя уже хорошо рассвело. Но я не возражал,
потому что пока не хотел никого видеть — я только хотел получить представление о
местности. Согласно моему плану, я собирался подняться туда из
деревни, а не снизу. Так что я просто посмотрел и двинулся вперед,
прямиком в город. Ну, самый первый мужчина, которого я увидела, когда попала туда, был
герцог. Он выставлял счет за королевское Не такое уж и трехдневное
представление — как в тот раз. У них хватило наглости, у этих мошенников! Я
оказался прямо перед ним, прежде чем успел уклониться. Он выглядел удивленным и сказал:

“ Привет-ЛО! Откуда ТЫ взялся? Затем он говорит, отчасти обрадованный
и нетерпеливый: “Где плот? — он в хорошем месте?”

Я говорю:

“Ну, это как раз то, о чем я собирался спросить вашу светлость”.

Тогда он уже не выглядел таким радостным и говорит:

“А что это была за идея спросить МЕНЯ?” - спрашивает он.

“Ну, - говорю, - когда я вчера увидел короля в этой собачьей лавке, я сказал
про себя я подумал, что мы не сможем отвезти его домой еще несколько часов, пока он не протрезвеет; поэтому я пошел
слоняться по городу, чтобы выкроить время и подождать. Подошел мужчина и предложил
мне десять центов, чтобы я помог ему перетащить лодку через реку и вернуться за
овцой, и я пошел с ним; но когда мы тащили его к лодке,
и мужчина оставил мне обрывок веревки и подошел сзади, чтобы подтолкнуть его
вперед, он был слишком силен для меня, вырвался и побежал, а мы за
ним. У нас не было собаки, и поэтому нам пришлось гоняться за ней по всей
стране, пока мы ее не утомили. Мы так и не нашли его до темноты; потом мы вытащили
его, и я направился к плоту. Когда я добрался туда и увидел, что все
пропало, я сказал себе: "Они попали в беду и были вынуждены уехать; и
они забрали моего негра, который у меня единственный негр в мире,
и теперь я в чужой стране, и у меня больше нет ни собственности, ни
ничего, и нет способа заработать себе на жизнь’; поэтому я сел и заплакал. Я проспал
в лесу всю ночь. Но что же тогда стало с плотом? — и с
Джимом, бедным Джимом!

“ Виноват, если я знаю... То есть в том, что стало с плотом. Этот старый дурак
поторговался и получил сорок долларов, а когда мы нашли его в
собачьей лавке, бездельники сравнялись с ним на полдоллара и забрали все до цента
, кроме того, что он потратил на виски; и когда я вчера поздно вечером привез его домой

и, обнаружив, что плот пропал, мы сказали: “Этот маленький негодяй украл наш плот, встряхнул нас и убежал вниз по реке".

“Я бы не стал трясти своим НИГГЕРОМ, не так ли? — единственным ниггером, который у меня был в мире, и единственной собственностью”.

“Мы никогда не думали об этом. Дело в том, что, я думаю, мы привыкли считать его СВОИМ ниггером; да, мы действительно считали его таковым — видит бог, у нас было достаточно хлопот из-за него. Поэтому, когда мы видим, что плот пропал и мы плашмя разорились, нам ничего не остается, как попробовать "Роял Нонес", такой еще один коктейль. И с тех пор я живу без гроша в кармане. Где эти десять центов? Давай их сюда.

У меня было много денег, поэтому я дал ему десять центов, но умолял его потратить их на что-нибудь поесть и дать немного мне, потому что это были все деньги, которые у меня были, а я ничего не ел со вчерашнего дня. Он никогда ничего не говорил. В следующую минуту он поворачивается ко мне и говорит:

“Как ты думаешь, этот ниггер дунет на нас? Мы с него шкуру спустим, если он сделает это!”

“Как он может дуть? Разве он не убежал?”

“Нет! Этот старый дурак продал его и не поделился со мной, и деньги пропали.

- ПРОДАЛ его? - спросил я. Я сказал и заплакал: “Да ведь он был МОИМ ниггером, и это были мои деньги. Где он?—Я хочу своего ниггера”.

“Ну, ты не можешь заполучить своего ниггера, вот и все — так что прекрати свои рыдания. Послушай—ка, ты не рискнешь подуть на нас?
Будь я проклят, если подумаю, что доверяю тебе. Ну, если ты надуешь нас...

Он остановился, но я никогда раньше не видел, чтобы герцог выглядел таким уродливым из-за его глаз . Я продолжал хныкать и сказал:

“Я не хочу ни на кого дуться; и у меня нет на это времени, ни в коем случае. Я должен развернуться и найти своего ниггера”.

Он выглядел более обеспокоенным и стоял там с трепещущими купюрами на руке, размышляя и наморщив лоб. Наконец он говорит:

“ Я тебе кое-что скажу. Мы должны пробыть здесь три дня. Если ты пообещаешь, что не взорвешься и не позволишь ниггеру взорваться, я скажу тебе, где его найти”.

Я пообещал, и он говорит:

“ Фермер по имени Сайлас Пи— - и тут он замолчал. Видите ли, он начал говорить мне правду; но когда он остановился на этом и начал учиться и думать снова, я решил, что он передумал. Таким он и был. Он не доверял мне; он хотел быть уверенным, что я не буду мешать ему целых три дня. Так что довольно скоро он говорит:

— Человека, который купил его, зовут Абрам Фостер — Абрам Г. Фостер - и он живет в сорока милях отсюда, за городом, по дороге в Лафайет.

“Хорошо, ” говорю я, “ я смогу пройти это за три дня. И я начну сегодня же после полудня”.

- Нет, не будешь, ты начнешь ПРЯМО СЕЙЧАС; и ты тоже не теряй времени на это, и, кстати, не болтай лишнего. Просто держи язык за зубами и двигайся дальше, и тогда у тебя не будет неприятностей с НАМИ, слышишь?”

Это был тот порядок, которого я хотел, и это был тот, за который я играл. Я хотел, чтобы меня оставили в покое для осуществления моих планов.

“Так что убирайтесь, - говорит он, - и можете говорить мистеру Фостеру все, что захотите. Может быть, тебе удастся заставить его поверить, что Джим твой ниггер — некоторым идиотам не нужны документы — по крайней мере, я слышал, что здесь, на Юге, есть такие . И когда вы скажете ему, что рекламный лист и награда фальшивые, возможно, он поверит вам, когда вы объясните ему, в чем заключалась идея их обнародования. А теперь иди подольше и говори ему все, что хочешь , но смотри, не шевели челюстью В промежутке между ”здесь" и "там".

Так что я ушел и направился в глубинку. Я не оглядывался, но киндеру казалось, что он наблюдает за мной. Но я знал, что могу утомить его этим . Я проехал прямо по сельской местности целую милю, прежде чем остановился; затем я повернул обратно через лес к дому Фелпса. Я решил, что мне лучше сразу приступить к осуществлению своего плана, не валяя дурака, потому что я хотел заткнуть Джиму рот, пока эти ребята не уберутся восвояси. Я не хотел неприятностей с такими, как они. Я видел от них все, что хотел, и хотел полностью избавиться от них.

Глава XXXII

КОГДА я добрался туда, все было тихо, как в воскресенье, жарко и солнечно;
стрелки ушли в поля; и в воздухе слышалось какое-то слабое
жужжание жуков и мух, отчего кажется таким одиноким, и
как будто все умерли и ушли; и если веет ветерок и колышет
листья, становится грустно, потому что тебе кажется, что это духи
шепчутся — духи, которые умерли так много лет назад, — и ты
всегда думаешь, что они говорят о ТЕБЕ. Как правило, это заставляет
тело желать, чтобы ОН тоже умер и покончил со всем этим.

У Фелпса была одна из таких маленьких хлопковых плантаций, рассчитанных на одну лошадь, и
все они выглядят одинаково. Железнодорожный забор вокруг двух акров двор; стиль выполнен из бревна
отпилили и состава в действиях, как дула разной длины, чтобы
перелезть через забор, и для женщин, чтобы стоять на, когда они
будут прыгать на лошадь; какой-то чахлой травы-патчи в большом дворе,
но в основном это были голые и гладкие, как старая шляпа с ворсом потер
выкл.; большой двойной сруб для белых—тесаных бревен, с
китаезы завалили грязью или раствора, а эти грязи-полоски были
побелены тот или иной момент; рублено-кухня, с большой широкой,
открытой, но крытый переход, связывающий его с домом; войти дым-дом сзади
на кухне; три маленьких журнала Нигер-каюты подряд ту сторону дым-
дом; одна маленькая хижина всех по себе далеко вниз вдоль задней ограды, и
некоторые хозяйственные постройки кусок другой стороне; зола-бункера и большой чайник
с желчью мыло в маленькой хижине; скамейку возле кухонной двери, с ведром
воды и тыквенной бутылки; собака спит там на солнце; больше собак спит
кругом; около трех тени деревьев, вдали, в углу; некоторые смородины
кустов крыжовника, а кустов в одном месте у забора; за
забором огород и арбузная патч; затем хлопковые поля начинается и
после поля, леса.

Я обошел дом, перелез через заднюю перекладину у бункера для золы и
направился на кухню. Пройдя немного, я услышал приглушенное жужжание
прялки, которая с воем поднималась вверх и снова опускалась вниз; и тогда
я точно знал, что хочу умереть, потому что это самый одинокий
звук во всем мире.

Я шел напролом, не составляя никакого конкретного плана, а просто доверяя Провидению вложить нужные слова в мои уста, когда придет время; потому что я заметил, что Провидение всегда вкладывало нужные слова в мои уста, если я оставлял это в покое.

Когда я прошел половину пути, сначала одна собака, а потом другая поднялись и направились ко мне, и, конечно, я остановился, повернулся к ним лицом и не двигался. И такой еще пафос, какой они устроили! Через четверть минуты я был чем—то вроде ступицы колеса, если можно так выразиться, — спицами, сделанными из собак, - их было пятнадцать, они столпились вокруг меня, вытянув ко мне шеи и носы, лая и выя; и еще больше приближалось; вы могли видеть, как они перелетают через заборы и огибают углы отовсюду.

Негритянка выбегает из кухни со скалкой в руке, выкрикивая: “Прочь, Тиге! ты заметил! убирайся, сах!” и она принесла сначала одному, а затем другому из них по обойме и заставила их завыть, а затем за ней последовали остальные; и следующая вторая половина из них вернулась, виляя хвостами вокруг меня и заводя со мной дружбу. В любом случае, от собаки нет никакого вреда.

А за женщиной идут маленькая девочка-негритянка и два маленьких черномазых мальчика, на которых нет ничего, кроме полотняных рубашек, и они цепляются за платье своей матери и выглядывают из-за нее на меня, застенчивые, как они всегда делают . И вот из дома выбегает белая женщина, лет сорока пяти-пятидесяти, с непокрытой головой и палкой-прялкой в руке; а за ней следуют ее маленькие белые дети, ведущие себя так же, как маленькие ниггеры. Она так широко улыбалась, что едва могла стоять — и говорит:

“Наконец—то это ТЫ! - НЕ так ли?”

я ответил “Да” раньше, чем подумал.

Она схватила меня и крепко обняла, а потом схватила за обе руки руки все тряслись и тряслись; и слезы навернулись у нее на глаза и потекли вниз; и она, казалось, не могла достаточно обнимать и трясти, и продолжала говорить: “Ты не так похожа на свою мать, как я предполагала ; но, ради бога, меня это не волнует, я так рада тебя видеть! Дорогой, дорогой, кажется, я могу вас съесть! Дети, это ваш кузен Том! — поздоровайтесь с ним.

Но они пригнули головы и сунули пальцы в рот,
и спрятались за ней. И она побежала дальше:

“Лиз, поторопись и приготовь ему горячий завтрак прямо сейчас — или ты позавтракала на яхте?”

Я сказал, что купил это на яхте. И тогда она направилась к дому, ведя меня за руку, а дети тащились следом. Когда мы добрались туда, она усадила меня на стул с раздвоенным дном, а сама села на маленький низкий табурет передо мной, взяв меня за обе руки, и сказала:

- Теперь я могу хорошенько рассмотреть тебя; и, клянусь богом, я жаждал этого много-много раз, все эти долгие годы, и это наконец пришло! Мы ждали вас пару дней или даже больше. Что вас беспокоит? — лодка села на мель?”

“Да, я... она...”

“Не говори "да", — говорит тетя Салли. Где она села на мель?”

Я толком не знал, что сказать, потому что не знал, будет ли лодка плыть вверх по реке или вниз. Но я во многом полагаюсь на инстинкт; и мой инстинкт подсказывал, что она будет подниматься вверх — снизу по направлению к Орлеану. Однако это мне не очень помогло, потому что я не знал названий баров в той стороне. Я вижу, что мне нужно изобрести бар, или забыть название того, на котором мы сели на мель, или... Теперь мне пришла в голову идея, и я вытащил ее:

“Дело было не в заземлении — это лишь немного задержало нас. Мы взорвали головку блока цилиндров”.

“ Боже милостивый! кто-нибудь пострадал?

“ Нет, сэр. Убил ниггера”.

“Что ж, это к счастью, потому что иногда люди действительно получают травмы. Два года назад, на прошлое Рождество, твой дядя Сайлас возвращался из Нью-Йорка на старой "Лалли Рук", и у нее снесло головку цилиндра и покалечило человека. И я думаю, что он умер потом. Он был баптистом. Твой дядя Сайлас знал семью в Батон-Руже, которая очень хорошо знала свой народ. Да, теперь я вспоминаю, он ДЕЙСТВИТЕЛЬНО умер. Наступило омертвение, и им пришлось ампутировать ему ногу. Но это его не спасло. Да, это было унижение — вот и все. Он весь посинел и умер в надежде на славное воскрешение. Говорят, на него было приятно смотреть. Твой дядя каждый день ездил за тобой в город. И он снова ушел, не больше, чем на

час назад; он вернется с минуты на минуту. Вы, должно быть, встретили его на дороге, не так ли?—пожилой мужчина, с...”

“ Нет, я никого не видела, тетя Салли. Пароход причалил как раз на рассвете, и я оставил свой багаж на пристани и отправился осматривать город и кое-что за городом, чтобы выиграть время и не приезжать сюда слишком рано; поэтому я спустился черным ходом.

“Кому ты отдала багаж?”

“Никому”.

“Ну, детка, его же украдут!”

“Думаю, не там, где я его спрятал”, - говорю я.

- Как тебе удалось так рано позавтракать на яхте?

Это был добрее тонкого льда, но я сказал:

“Капитан увидел, что я стою поблизости, и сказал, что мне лучше иметь хотелось перекусить перед тем, как сойти на берег; поэтому он повел меня на "Техасе" на офицерский обед и дал мне все, что я хотел".

Мне стало так не по себе, что я плохо слушал. Мои мысли все время были о детях; я хотел отвести их в сторону, немного потрясти и выяснить, кто я такой. Но я не смог добиться никакого шоу, миссис Фелпс продолжала в том же духе и так далее. Довольно скоро от нее по всей моей спине пробежали мурашки, потому что она сказала:

“Но вот мы уже бежим по этому пути, а ты не сказал мне ни слова ни о Сестре, ни о ком-либо из них. Теперь я немного отдохну от своих работ, а ты приступай к своим; просто расскажи мне ВСЕ — расскажи мне обо мне, обо каждом из меня; и как они поживают, и что они делают, и что они просили тебя рассказать мне; и все, что только сможешь придумать.

Что ж, я вижу, что зашел в тупик - и зашел неплохо. Провидение хорошо сохранило мне этот мех, но теперь я был крепко привязан к мели. Я вижу, что пытаться идти дальше было бесполезно — мне пришлось бы поднять руку. Поэтому я говорю себе: вот еще одно место, где я должен узнать правду. Я открыл рот, чтобы начать, но она схватила меня, затолкала за кровать и сказала:

“Вот он идет! Пригни голову пониже — вот, этого хватит; тебя сейчас не должно быть видно. Не показывай виду, что ты здесь. Я сыграю с ним шутку. Дети, не говорите ни слова”.

Теперь я вижу, что попал в затруднительное положение. Но волноваться бесполезно; ничего не нужно делать, кроме как просто стоять неподвижно и стараться быть готовым выбраться из-под удара молнии.

Я лишь мельком увидел пожилого джентльмена, когда он вошел; затем его скрыла кровать. Миссис Фелпс прыгает к нему и говорит:

“Он пришел?”

“Нет”, - говорит ее муж.

“Боже милостивый!” - восклицает она. “Что, во имя всего святого, могло с ним случиться?”

“Не могу себе представить, - говорит старый джентльмен. - и, должен признаться, это вызывает у меня ужасное беспокойство”.

“Тревожно!” - говорит она. “Я готова отвлечься! Он ДОЛЖЕН прийти; а вы разминулись с ним по дороге. Я ЗНАЮ, что это так — что-то мне это подсказывает.

— Ну, Салли, я НЕ МОГ разминуться с ним по дороге - ТЫ же знаешь это.

“ Но, боже мой, боже мой, что скажет Сестренка! Он должен а прийти! Вы, должно быть, по нему соскучились. Он...

“ О, не расстраивай меня больше, чем я и так огорчен. Я не знаю, что вообще с этим делать. Я в растерянности, и я не против признать, что мне очень страшно. Но нет никакой надежды, что он пришел, потому что он НЕ МОГ прийти, а я скучала по нему. Салли, это ужасно — просто ужасно — что-то случилось с лодкой, конечно!”

“ Ну что ты, Сайлас! Посмотри туда! — вверх по дороге!—разве это не кто-нибудь идет?”

Он подскочил к окну в изголовье кровати, и это дало миссис Фелпс шанс, которого она так хотела. Она быстро наклонилась к изножью кровати и потянула меня, и я вылез; а когда он отвернулся от окна, она стояла, сияя и улыбаясь, как охваченный пожаром дом, а я стоял рядом, довольно кроткий и потный. Старый джентльмен вытаращил глаза и говорит:

“А что, кто это?”

“Как ты думаешь, кто это?”

“Понятия не имею. Кто это?”

“Это Том СОЙЕР!”

Ей-богу, я чуть не провалился сквозь пол! Но не было времени поменяться ножами; старик схватил меня за руку и тряс, и продолжал трясти; и все это время женщина танцевала вокруг, смеялась и плакала; а потом они оба засыпали меня вопросами о Сиде, Мэри и остальном племени.

Но если они и радовались, то это не шло ни в какое сравнение с тем, кем был я; потому что это было все равно что родиться заново, я был так рад узнать, кто я такой. Ну, они замерзли перед мной на два часа; и наконец, когда мой подбородок так устал, что уже не мог с трудом двигаться, я рассказал им о своей семье больше — я имею в виду семью Сойер — чем когда-либо случалось с любыми шестью семьями Сойер. И я рассказал все о том, как у нас взорвалась головка блока цилиндров в устье Белой реки, и нам потребовалось три дня, чтобы ее починить. Все было в порядке, и сработало первоклассно; потому что ОНИ не знали, что потребуется три дня, чтобы это исправить. Если бы я назвал его bolthead он бы сделал так же.

Теперь я чувствовал себя довольно комфортно с одной стороны и довольно неуютно с другой. Быть Томом Сойером было легко и комфортно, и это оставалось легким и комфортным до тех пор, пока мало-помалу я не услышал, как по реке, покашливая, плывет пароход. Тогда я говорю себе: "А что, если Том Сойер приплывет на этой лодке?" А что, если он войдет сюда в любую минуту и выкрикнет мое имя, прежде чем я успею подмигнуть ему, чтобы он вел себя тихо? Что ж, я не мог допустить этого таким образом; это вообще никуда не годилось. Я должен пойти по дороге и подстеречь его. Поэтому я сказал ребятам, что собираюсь съездить в город и забрать свой багаж. Старый джентльмен был за то, чтобы поехать со мной, но я сказал, что нет, я могу сам управлять лошадью, и я уверен, что он не станет беспокоиться обо мне.

Глава XXXIII

Итак, я отправился в город в фургоне, и когда я был на полпути, я увидел, что приближается фургон, и, конечно же, это был Том Сойер, и я остановился и подождал, пока он не появится. Я сказал “Подожди!”, и машина остановилась рядом, и его рот открылся, как хобот, и остался таким; и он сглотнул два или три раза, как человек, у которого пересохло в горле, а затем сказал:

“ Я никогда не делал тебе ничего плохого. Ты это знаешь. Итак, тогда для чего ты хочешь вернуться и не видеть МЕНЯ?

Я говорю:

“Я не вернусь — я никуда не уходил”.

Когда он услышал мой голос, это немного его успокоило, но он еще не был вполне удовлетворен. Он говорит:

“ Не смей разыгрывать передо мной что-либо, потому что я бы не стал разыгрывать это перед тобой. Честное слово индеец, ты не призрак?”

“Честное слово, индеец, я - нет”, - говорю я.

“Ну... я... я... ну, это, конечно, должно все уладить; но я не могу почему-то кажется, что я этого никак не понимаю. Послушай, тебя вообще когда-нибудь убивали?”

- Нет. Меня вообще никогда не убивали - я разыгрывал это на них. Ты приходи сюда и потрогай меня, если не веришь мне.

Итак, он сделал это; и это удовлетворило его; и он был так рад снова видеть меня , что не знал, что делать. И он захотел узнать об этом все сразу, потому что это было грандиозное приключение, таинственное, и поэтому до него дошло, где он живет. Но я сказал, оставь это до скорого; и велел его водителю подождать, и мы отъехали немного, и я рассказал ему, в какую переделку я попал, и что, по его мнению, нам лучше сделать? Он сказал, оставь его в покое на минутку и не мешай ему. Так что он думал и думал, и довольно скоро он говорит:

“ Все в порядке, я справлюсь. Бери мой сундук в свою повозку и делай вид, что он твой; а ты поворачивай назад и не торопись, чтобы добраться до дома вовремя, как тебе положено; а я пройду немного в сторону города, начну все сначала и доберусь туда на четверть или полчаса позже тебя; и тебе не нужно сначала подавать виду, что узнаешь меня.

Я говорю:

“Хорошо, но подождите минутку. Есть еще одна вещь, о которой НИКТО, кроме меня, не знает. Дело в том, что здесь есть негр, которого я пытаюсь выкрасть из рабства, и зовут его Джим - Джим старой мисс Ватсон”.

Он говорит:

“Что? Да ведь Джим... —

Он замолчал и углубился в изучение. Я говорю:

“Я знаю, что ты скажешь. Вы скажете, что это грязный, подлый бизнес; но что, если это так? Я низко пал; и я собираюсь украсть его, и я хочу, чтобы ты помалкивал и никому не выдавал. Ты сможешь?”

Его глаза загорелись, и он сказал:

“Я ПОМОГУ тебе украсть его!”

Ну, тогда я выпустил все патроны, как будто в меня выстрелили. Это была самая потрясающая речь, которую я когда—либо слышал - и я должен сказать, что Том Сойер значительно упал в моих глазах. Только я не мог в это поверить. Том Сойер - ПОХИТИТЕЛЬ НЕГРОВ!

“О, черт!” Я говорю: “Ты шутишь”.

“Я тоже не шучу”.

“Ну, тогда, - говорю, - шутишь ты или не шутишь, если услышишь что-нибудь сказанное что касается сбежавшего ниггера, не забывай помнить, что ТЫ ничего о нем не знаешь, и я ничего о нем не знаю”.

Потом мы взяли сундук и положили его в мой фургон, и он уехал своей дорогой, а я поехал своей. Но, конечно, я напрочь забыл о медленной езде из-за того, что был рад и полон размышлений; так что я добрался домой слишком быстро для такой длительной поездки. Пожилой джентльмен был у двери, и он говорит:

“ Ну, это же замечательно! Кто бы мог а подумать, что эта кобыла способна на такое? Жаль, что мы не рассчитали время. И она ни на волос не вспотела — ни на волос. Это чудесно. Да я бы сейчас и ста долларов за эту лошадь не взял — не взял бы, честное слово; и все же раньше я продавал ее за пятнадцать, и думал, что это все, чего она стоит.

Это все, что он сказал. Он был самым невинным, лучшим стариком, которого я когда-либо видел. Но это неудивительно, потому что он был не только простым фермером, но и проповедником, и у него была маленькая одноконная бревенчатая церковь на задворках плантации, которую он построил сам за свой счет, для церкви и школы, и никогда ничего не брал за свою проповедь, и это того стоило. На Юге было много других фермеров-проповедников, подобных этому, и поступали точно так же.

Примерно через полчаса фургон Тома подъехал к крыльцу, и тетя Салли увидела его в окно, потому что до него было всего около пятидесяти ярдов, и сказала:

“ Да ведь кто-то идет! Интересно, кто это? Почему-то я
верю, что это незнакомец. Джимми (это один из детей): ”сбегай и скажи
Лиз, чтобы она поставила еще одну тарелку на ужин“.

Все бросились к парадной двери, потому что, конечно,
незнакомец приходит не КАЖДЫЙ год, и поэтому, когда он все-таки приходит, он переживает желтую лихорадку,
ради интереса. Том перелез через ограду и направился к
дому; фургон катил по дороге в деревню, и мы
столпились у входной двери. На Томе была магазинная одежда и
публика — и это всегда было безумием для Тома Сойера. В этих
обстоятельствах ему не составило труда придать стилю то количество,
которое было бы подходящим. Он не был мальчиком, который покорно ходил бы по этому двору, как
овца; нет, он пришел солидный и важный, как баран. Когда он становится
перед нами, он приподнимает шляпу так грациозно и изящно, как будто это крышка
коробки, в которой спят бабочки, и он не хочет их потревожить
, и говорит:

- Мистер Арчибальд Николс, я полагаю?

“Нет, мой мальчик, - говорит пожилой джентльмен, - к сожалению, должен сказать, что твой
водитель обманул тебя; заведение Николса находится в трех милях
дальше. Входи, входи.

Том он оглянулся через плечо и сказал: “Слишком поздно —
он скрылся из виду”.

“Да, он уехал, сын мой, и ты должен зайти и поужинать
с нами; а потом мы запряжем тебя и отвезем к Николсу”.

“ О, я НЕ МОГУ доставить тебе столько хлопот, я и подумать об этом не могла. Я
пройдусь пешком — меня не смущает расстояние.

“Но мы не ПОЗВОЛИМ тебе уйти — это было бы не по-южному гостеприимно
сделать это. Проходите прямо сейчас”.

“О, пожалуйста, - говорит тетя Салли. - Это ни капельки не беспокоит нас, ни кого-либо в
мире. Ты должен остаться. Это длинные, пыльные три мили, и мы не можем позволить
вам идти пешком. И, кроме того, я уже сказал им, чтобы они поставили еще одну тарелку
, когда я увижу, что ты идешь; так что ты не должен нас разочаровывать. Заходи прямо сейчас и
чувствуй себя как дома”.

Итак, Том поблагодарил их очень сердечно и любезно и позволил
уговорить себя и войти; и когда он вошел, он сказал, что он незнакомец

из Хиксвилла, Огайо, и звали его Уильям Томпсон — и он
отвесил еще один поклон.

Ну, он продолжал, и продолжал, и продолжал, сочиняя всякую чушь о Хиксвилле
и всех, кого только мог выдумать в нем, а я немного занервничал и
стал гадать, как это поможет мне выпутаться из передряги; и наконец,
все еще продолжая говорить, он потянулся и поцеловал тетю Салли прямо в
губы, а затем снова удобно откинулся на спинку стула и
продолжил говорить; но она вскочила, вытерла слезы тыльной стороной
ладони и сказала:

“Ах ты упрямый щенок!”

Он выглядел немного обиженным и сказал:

“Вы меня удивляете, мэм”.

“Вы с'рп— А что, вы за меня принимаете? У меня есть хорошая идея
взять и... Сказать, что ты имеешь в виду, когда целуешь меня?

Он выглядел немного смиренным и сказал:

“Я ничего не имел в виду, мэм. Я не хотел причинить вреда. Я... я...думал,
тебе понравится.

“ Ах ты, прирожденный дурак! Она взяла прялку, и это выглядело так,
как будто это было все, что она могла сделать, чтобы не врезать ему ею.
- С чего ты взял, что мне это понравится?

“Ну, я не знаю. Только они... они... сказали мне, что ты это сделаешь.

“ ОНИ сказали тебе, что я сделаю. Тот, кто тебе сказал, еще один сумасшедший. Я
никогда не слышал сути. Кто ЭТО ”ОНИ"?"

“Ну, все. Они все так говорили, мэм.

Это было все, что она могла сделать, чтобы сдержаться; и ее глаза сверкнули, а
пальцы задвигались, как будто она хотела его оцарапать; и она говорит:

“Кто такие ‘все’? Выкладывай их имена, иначе будешь идиотом
коротышка.

Он встал с расстроенным видом, нащупал шляпу и сказал:

“Извините, я этого не ожидал. Они сказали мне. Они все сказали
мне. Они все сказали "поцелуй ее"; и сказали, что ей это понравится. Они все это сказали —
каждый из них. Но мне жаль, мэм, и я больше не буду этого делать —
не буду, честное слово.

“Ты не сделаешь этого, не так ли? Ну, я бы так и думал, что не сделаешь!”

“Нет, я честен; я больше никогда этого не сделаю — пока ты не попросишь меня”.

“ Пока я не ПОПРОШУ тебя! Что ж, я никогда не видел этого в такт с тех пор, как родился! Я уверен, что ты станешь Мафусаилом-тупицей творения раньше, чем я попрошу тебя — или таких, как ты.

”Что ж, - говорит он, - это меня очень удивляет. Я не могу разобрать, почему-то. Они сказали, что ты придешь, и я думал, что ты придешь. Но... — Он остановился и медленно огляделся, как будто хотел где-нибудь наткнуться на дружеский взгляд, остановился на старом джентльмене и говорит: ”Вам не показалось, что она хотела бы, чтобы я ее поцеловал, сэр?“

“Ну, нет; я... я... ну, нет, я думаю, что нет”.

Затем он смотрит примерно так же на меня и говорит:

“Том, тебе не показалось, что тетя Салли раскинула бы объятия и сказала: " “Сид Сойер..."

“Земля моя!” — восклицает она, врываясь и прыгая к нему. “Ты наглый молодой негодяй, чтобы так дурачить людей...” и собиралась обнять его, но он оттолкнул ее и сказал:

“Нет, не раньше, чем ты спросишь меня первым”.

Поэтому она не стала терять времени, а спросила его; и обняла его, и целовала его снова и снова, а потом передала старику, и он забрал то, что осталось. И после того, как они снова немного помолчали, она говорит:

“ Боже мой, я никогда не встречал такого сюрприза. Мы вообще не ищем ТЕБЯ, а только Тома. Сестренка никогда не писала мне о том, что кто-то приедет кроме него.

“Это потому, что никто из нас не должен был приезжать, кроме Тома”, - говорит он; “но я просил и умолял, и в последнюю минуту она позволила мне тоже поехать; так что, спускаясь по реке, мы с Томом подумали, что для него будет первоклассным сюрпризом прийти сюда первым, а для меня мало-помалу присоединиться и заглянуть, притворившись незнакомцем. Но это была ошибка, тетя Салли. Это неподходящее место для прихода незнакомца.

“Нет, не наглые щенки, Сид. Тебе следовало бы дать пощечину; Я не был так расстроен, уж не знаю когда. Но мне все равно, я не возражаю против условий — я был бы готов вынести тысячу подобных шуток, чтобы видеть вас здесь. Подумать только, какое представление! Я не отрицаю этого, я больше всего оцепенел от изумления, когда ты дал мне такую затрещину.

Мы поужинали вон в том широком открытом проходе между домом и кухней; и на столе было столько всего, что хватило бы на семь семей — и все горячее; никакого дряблого, жесткого мяса, которое всю ночь пролежало в шкафу в сыром погребе, а утром стало похоже на кусок старого холодного каннибала. Дядя Сайлас довольно долго просил благословения по поводу этого, но оно того стоило; и это ни капельки не охладило его пыл, как это часто бывает с подобными перерывами. Весь день было много разговоров, и мы с Томом все время были настороже; но это было бесполезно, они, случайно, ничего не сказали о каком-нибудь беглом негре, и мы боялись пытаться подойти к этому делу. Но за ужином, вечером, один из маленьких мальчиков говорит:

“Папа, а можно нам с Томом и Сидом пойти на представление?”

“Нет, - говорит старик, - я думаю, что ничего не будет; и ты не смог бы пойти, если бы там что-то было; потому что сбежавший ниггер рассказал Бертону и мне все об этом скандальном шоу, и Бертон сказал, что расскажет людям; так что, я думаю, они уже изгнали этих дерзких бездельников из города до этого времени ”.

Так оно и было! — но я ничего не мог с собой поделать. Нам с Томом предстояло спать в одной комнате и на одной кровати; так что, устав, мы пожелали друг другу спокойной ночи и сразу после ужина поднялись в постель, вылезли из окна, спустились по громоотводу и направились в город; потому что я не верил, что кто-нибудь собирается намекнуть королю и герцогу, и поэтому, если я не потороплюсь и не дам им намек, они наверняка попадут в беду.

По дороге Том рассказал мне все о том, как меня сочли убитым, и как папа довольно скоро исчез и больше не возвращался , и какой переполох поднялся, когда Джим убежал; и я рассказал Тому все о наших королевских негодяях и о той части путешествия на плоту, на которую у меня хватило времени; и когда мы въехали в город и прошли через ... и тут на нас обрушилась яростная толпа людей с факелами, и ужасный гиканье, и вопли, и звон жестяных сковородок, и трубные звуки в рожки; и мы отскочили в сторону, чтобы дать им пройти; и когда они проходили мимо, я увидел, что у них король и герцог сидели верхом на перилах — то есть я знал, что это БЫЛИ король и герцог, хотя они были все в дегте и перьях и не были похожи ни на что в мире, что было человеческим — просто на пару чудовищно больших солдатских перьев. Что ж, мне стало дурно на это смотреть; и я

мне было жаль этих бедных жалких негодяев, казалось, что я больше никогда в мире не смогу испытывать к ним никакой жестокости. Это было ужасно
видеть. Люди МОГУТ быть ужасно жестоки друг к другу.

Мы видим, что опоздали — ничего хорошего сделать не смогли. Мы спросили об этом нескольких отставших зрителей, и они сказали, что все пришли на представление с
очень невинным видом; залегли на дно и держались в темноте, пока бедный старый король не оказался в середине своих прыжков на сцене; затем кто-то подал сигнал, и
зал поднялся и пошел на них.

Итак, мы поплелись домой, и я уже не чувствовала себя такой дерзкой, как была
раньше, а какой—то злобной, скромной и почему-то виноватой - хотя
я ничего не сделала. Но так бывает всегда; не имеет
значения, правильно ты поступаешь или неправильно, совесть человека не имеет
никакого смысла и все равно преследует его. Если бы у меня был желчный пес, который
знает не больше, чем человеческая совесть, я бы его взбесил. Это
занимает больше места, чем все остальные внутренности человека, и все же
ни на что не годится. Том Сойер говорит то же самое.

Глава XXXIV

МЫ перестали разговаривать и задумались. Мало-помалу Том говорит:

“ Послушай, Гек, какие же мы дураки, что не подумали об этом раньше! Бьюсь об заклад, я
знаю, где Джим.

“ Нет! Где?”

“В той хижине рядом с бункером для золы. А что, посмотри сюда. Когда мы были
за ужином, разве ты не видел, как туда зашел негр с едой?”

“Да”.

“Для чего, по-твоему, была еда?”

“Для собаки”.

“Я тоже”. Ну, это было не для собаки.“

”Почему?"

“Потому что частично это был арбуз”.

“Так оно и было - я это заметил. Что ж, это превосходит все, о чем я никогда не думал
о том, что собака не ест арбуз. Это показывает, как тело может видеть и
не видеть одновременно ”.

- Ну, ниггер отпер висячий замок, когда вошел, и
запер его снова, когда вышел. Он принес дяде ключ примерно в то время,
когда мы встали из-за стола — держу пари, тот же ключ. Арбуз изображает человека, замок
изображает заключенного; и маловероятно, что на такой маленькой
плантации, где все люди такие добрые, найдутся двое заключенных. Джим -
заключенный. Ладно, я рад, что мы выяснили это в детективной манере; я
и гроша бы не дал за любой другой способ. А теперь напряги мозги и
разработай план похищения Джима, и я тоже его разработаю; и мы возьмем
тот, который нам больше понравится.

Какая голова должна быть у простого мальчика! Если бы у меня была голова Тома Сойера, я
не променял бы ее ни на герцога, ни на помощника капитана парохода, ни на клоуна в
цирке, ни на что другое, что я могу придумать. Я начал обдумывать план, но
только для того, чтобы что-то делать; я очень хорошо знал, откуда должен взяться правильный план
. Довольно скоро Том говорит:

“Готов?”

“Да”, - говорю я.

“Хорошо, вытаскивай это”.

“Мой план таков”, - говорю я. “Мы можем легко выяснить, там ли Джим.
Тогда завтра вечером пришвартуй мое каноэ и пригони мой плот с
острова. Тогда в первую же темную ночь, что приходит украсть ключ из старого
человека в штаны после того, как он ложится спать, а бежать вниз по реке на
плоту с Джимом, прячась время дня и ночи работает, как я и Джим
делал раньше. Разве этот план не сработал бы?”

“РАБОТАТЬ? Ну, конечно, это сработало бы, как крысиная драка. Но это
слишком обвиняюще просто; в этом нет ничего особенного. Что хорошего в плане,
от которого не больше проблем, чем от этого? Он мягкий, как гусиное молоко. Ну,
Гек, разговоров об этом было бы не больше, чем о взломе мыловаренной фабрики.

Я никогда ничего не говорил, потому что не ожидал ничего другого;
но я прекрасно знал, что всякий раз, когда он подготовит СВОЙ план, у него
не будет возражений ни у кого из них.

И этого не произошло. Он рассказал мне, что это было, и через минуту я понял, что это
стоило пятнадцати моих долларов за стиль, и сделало бы Джима таким же свободным человеком, как
мой, и, возможно, к тому же убило бы нас всех. Так что я был удовлетворен и
сказал, что мы с удовольствием продолжим. Мне не нужно рассказывать, что это было здесь, потому что я
знал, что все не останется так, как было. Я знал, что он изменится

он крутился во все стороны, пока мы продвигались вперед, и набрасывался на новых
бычков везде, где у него появлялся шанс. И именно это он и сделал.

Что ж, в одном я был совершенно уверен, и это было то, что Том Сойер был
серьезен и действительно собирался помочь выкрасть этого негра из рабства.
Это было то, чего для меня было слишком много. Передо мной был мальчик, который был
респектабельным и хорошо воспитанным; и у него был характер, который можно было потерять; и люди в
доме, у которых были характеры; и он был умным, а не косоголовым; и
знающим, а не невежественным; и не подлым, а добрым; и все же он был здесь,
лишенный большей гордости, или правоты, или чувства, чем опуститься до этого
дела и опозорить себя и свою семью перед
всеми. Я вообще никак НЕ МОГ этого понять. Это было возмутительно,
и я знал, что должен просто встать и сказать ему об этом; и таким образом быть его настоящим другом,
и позволить ему бросить все прямо там, где он был, и спасти себя. И я
действительно начал ему рассказывать, но он заставил меня замолчать и сказал:

“ Ты думаешь, я не знаю, что делаю? Разве я в общих чертах не знаю,
что я делаю?”

“Да”.

“Разве я не ГОВОРИЛ, что собираюсь помочь украсть негра?”

“Да”.

“Ну что ж”.

Это все, что он сказал, и это все, что я сказал. Больше ничего говорить не было смысла
потому что, когда он говорил, что что-то сделает, он всегда это делал. Но я
не мог понять, как он был готов ввязаться в это дело; поэтому я просто отпустил его
и больше никогда не беспокоился об этом. Если ему суждено было так поступить, я
ничего не мог с собой поделать.

Когда мы вернулись домой, в доме было темно и тихо; поэтому мы пошли дальше
к хижине у бункера для золы, чтобы осмотреть ее. Мы прошли через
двор, чтобы посмотреть, что будут делать собаки. Они знали нас и
производили не больше шума, чем обычно делают деревенские собаки, когда
кто-нибудь проходит мимо ночью. Добравшись до хижины, мы осмотрели
переднюю часть и две стороны; и на стороне, с которой я не был знаком, —
это была северная сторона — мы обнаружили квадратное оконное отверстие на сносной
высоте, с прибитой к нему всего одной толстой доской. Я говорю:

“Вот билет. Это отверстие достаточно большое, чтобы Джим смог пролезть, если
мы оторвем доску.

Том говорит:

“Это так же просто, как крест-нолик, три в ряд, и так же легко, как играть
прогул. Я бы хотел НАДЕЯТЬСЯ, что мы сможем найти способ немного посложнее
, чем ЭТОТ, Гек Финн.

“Ну, тогда, - говорю, - как насчет того, чтобы распилить его, как я это сделал
перед тем, как меня убили в тот раз?”

“Вот это уже больше ПОХОЖЕ”, - говорит он. “Это действительно загадочно, и хлопотно,
и хорошо, - говорит он. - Но держу пари, мы сможем найти способ, который будет в два раза длиннее.
Спешить некуда, давайте продолжим осматриваться”.

Между хижиной и забором, с обратной стороны, был пристрой, который
соединялся с хижиной у карниза и был сделан из досок. Она была такой же длинной, как
хижина, но узкой - всего около шести футов в ширину. Дверь в нее находилась в
южном конце и была заперта на висячий замок. Том подошел к мыловарне,
поискал там и принес железную штуковину, с помощью которой поднимают крышку; поэтому
он взял ее и вытащил одну из скоб. Цепочка упала, и мы
открыли дверь и вошли, и закрыли ее, и чиркнули спичкой, и увидели, что
сарай был построен всего лишь рядом с хижиной и не имел к ней никакого отношения; и
в сарае не было пола, и в нем не было ничего, кроме нескольких старых ржавых
вышедших из строя мотыг, лопат, кирки и покалеченного плуга. Спичка
погасла, мы тоже, и снова вставили скобу, и дверь была
заперта так же хорошо, как всегда. Том был счастлив. Он говорит;

“Теперь с нами все в порядке. Мы его ВЫКОПАЕМ. Это займет около недели!”

Потом мы направились к дому, и я вошел через заднюю дверь — ты
нужно только потянуть за шнурок из оленьей кожи, двери ими не запираются -
но для Тома Сойера это недостаточно романтично; ему не подойдет никакой способ, кроме как взобраться на
громоотвод...........
Но после того, как он встал на полпути
примерно три раза, промахивался и каждый раз падал, а в последний раз
сильно расшиб себе мозги, он подумал, что должен сдаться; но после того, как он
отдохнул, он решил, что даст ей еще один ход на удачу, и на этот
раз он совершил путешествие.

Утром мы поднялись ни свет ни заря и отправились в "хижины негров"
, чтобы погладить собак и подружиться с негром, который кормил Джима, — если
это был Джим, которого кормили. Ниггеры как раз заканчивали
завтракать и отправлялись в поле; а ниггер Джима складывал консервы

противень с хлебом, мясом и прочим; и пока остальные уходили,
пришел ключ от дома.

У этого негра было добродушное, насмешливое лицо, а его шерсть
была вся перевязана нитками в маленькие пучки. Это должно было отпугивать ведьм
. Он сказал, что ведьмы ужасно докучали ему этими ночами и
заставляли его видеть всевозможные странные вещи и слышать всевозможные странные
слова и звуки, и он не верил, что когда-либо в своей жизни был околдован так давно
. Он так разволновался и так увлекся
своими проблемами, что совсем забыл о том, что собирался делать. Итак, Том
говорит:

“Для чего у нас еда? Собираешься покормить собак?”

Лицо негра постепенно расплылось в подобии улыбки, как тогда, когда
ты бросаешь биту кирпича в грязную лужу, и он говорит:

“ Да, Марс Сид, собака. И собака Cur'us тоже. Хочешь пойти
взглянуть на него?

“Да”.

Я прижал Тома к себе и шепчу:

“Ты идешь прямо сюда на рассвете? ЭТО не входило в план.

”Нет, это не входило; но теперь это план“.

Итак, черт бы его побрал, мы согласились, но мне это не очень понравилось. Когда мы вошли
внутрь, мы почти ничего не могли разглядеть, было так темно; но Джим был там,
конечно же, и мог видеть нас; и он поет:

“Почему, ГЕК! В добрый путь! это не ты, Том?”

Я просто знал, как это будет; я просто ожидал этого. Я не знал,
что делать; а если бы и знал, то не смог бы этого сделать, потому что ворвался тот ниггер
и говорит:

“Боже милостивый! он знает вас, джентльмены?”

Теперь мы могли видеть довольно хорошо. Том пристально посмотрел на негра
и вроде как удивленно, и говорит:

“КТО нас знает?”

“Ну, проклятый беглый ниггер”.

“Я не думаю, что он знает; но что вбило тебе это в голову?”

“Что ЗАСТАВИЛО тебя задуматься?" Разве "он на этой минуте не произнес это так, как будто знал
тебя?”

Том говорит с каким-то озадаченным видом:

“Что ж, это очень любопытно. КТО пел? КОГДА он пел
out? ЧТО он пел?” И поворачивается ко мне, совершенно невозмутимый, и говорит:
“Ты слышал, как кто-нибудь пел?”

Конечно, сказать было нечего, кроме одного, поэтому я сказал:

“Нет, я не слышал, чтобы кто-нибудь ничего не говорил”.

Затем он поворачивается к Джиму и смотрит на него так, словно видит впервые
раньше, и говорит:

“Ты что, пел вслух?”

“Нет, сэр, - говорит Джим. - Я ничего не говорил, сэр”.

“Ни слова?”

“Нет, сэр, я не сказал ни слова”.

“Вы когда-нибудь видели нас раньше?”

“Нет, сэр, насколько я знаю, нет”.

Итак, Том поворачивается к негру, который выглядел диким и расстроенным,
и говорит довольно сурово:

“ Как ты думаешь, что с тобой вообще происходит? Что заставило
ты думаешь, что кто-то запел?”

- О, это ведьмы, виноватые в отцовстве, сэр, и я хотел бы умереть, правда.
У них это хорошо получается, сэр, если они не убьют меня, они меня так боятся. Пожалуйста,
никому не рассказывай об этом, сэр, старине Марсу Сайласу, он меня отругает, потому что
он скажет, что они НЕ ведьмы. Я бы очень хотел, чтобы он был здесь сейчас
— И что бы он сказал! Держу пари, что он никак не мог найти способ обойти
это время. Но это не так; люди, которые такие, такими и остаются; они ни во что не
будут вникать и сами не разберутся, а когда ВЫ разберетесь,
расскажите им об этом, они вам не поверят ”.

Том дал ему десять центов и сказал, что мы никому не скажем; и велел
ему купить еще ниток, чтобы связать ему шерсть; а потом посмотрел на
Джима и сказал:

“ Интересно, собирается ли дядя Сайлас повесить этого негра? Если бы мне пришлось
поймать ниггера, который был бы настолько неблагодарен, что сбежал, я бы не отдал
его, я бы его повесил ”. И пока ниггер подошел к двери, чтобы посмотреть
на десятицентовик и откусить от него, хороший ли он, он шепотом сказал Джиму:

“Никогда не подавай виду, что знаешь нас. И если вы услышите, что по ночам ведутся какие-то раскопки
, это мы; мы собираемся освободить вас ”.

У Джима хватило времени только на то, чтобы схватить нас за руки и сжать их; потом негр вернулся, и мы сказали, что придем как-нибудь снова, если негр захочет; и он сказал, что придет, особенно если будет темно, потому что ведьмы нападали на него в основном в темноте, и тогда было хорошо, когда рядом были люди.

Глава XXXV

До завтрака оставался еще почти час, поэтому мы вышли и направились в лес; потому что Том сказал, что нам нужно немного света, чтобы посмотреть, как копать, а фонарь дает слишком много света и может навлечь на нас неприятности; что нам нужно, так это много тех гнилых кусков, которые называются лисьим костром, и просто мягко светятся, если положить их в темное место.
Мы набрали охапку, спрятали в сорняках и присели отдохнуть, и Том говорит как-то недовольно:

“Виноват, все это настолько просто и неуклюже, насколько это вообще возможно. И поэтому так чертовски сложно разработать сложный план. Нет сторожа, которого можно накачать наркотиками — теперь ДОЛЖЕН быть сторож. Нет даже собаки, которой можно дать снотворную смесь. А вот и Джим, прикованный за одну ногу десятифутовой цепью к ножке своей кровати: все, что вам нужно сделать, это приподнять спинку кровати и соскользнуть с цепи. А дядя Сайлас, он доверяет всем; посылает ключ тупоголовому негру и никого не посылает следить за ниггером. Джим мог бы выбраться из этого оконного проема и раньше, только не было бы никакого смысла пытаться передвигаться с десятифутовой цепью на ноге. Черт возьми, Гек, это самое глупое устройство, которое я когда-либо видел. Все трудности приходится придумывать. Что ж, мы ничего не можем с этим поделать; мы должны сделать все, что в наших силах, с теми материалами, которые у нас есть. Во всяком случае, есть одна вещь — больше чести в том, чтобы вытащить его через множество трудностей и опасностей, там, где ни одна из них не была предоставлена вам людьми, которые считали своим долгом предоставить их, и вам пришлось выдумать их все из своей собственной головы. Теперь взгляните только на одну особенность фонаря. Когда вы переходите к холодным фактам, мы просто должны ПРИЗНАТЬ, что фонарь резвый. Я думаю, мы могли бы поработать с факельным шествием, если бы захотели. Теперь, когда я думаю об этом,

мы должны найти что-нибудь, из чего можно было бы сделать пилу при первом же удобном случае, который нам представится ".

"Чего мы хотим от пилы?"

"Чего мы ХОТИМ от пилы?" Разве нам не нужно отпилить ножку от кровати Джима
, чтобы ослабить цепь?

- Вы только что сказали, что тело может поднять спинку кровати и снять
цепь.

" Что ж, если это на тебя не похоже, Гек Финн. Ты УМЕЕШЬ
подходить к делу по-детски-школьному. Ты что, вообще никаких
книг никогда не читал?— ни барон Тренк, ни Казанова, ни Бенвенуто Челлини,
ни Генрих IV, ни кто-либо из них не герои? Кто когда-нибудь слышал о том, чтобы освободить
заключенного таким старомодным способом, как этот? Нет; все, что делают лучшие
власти, - это распиливают ножку кровати надвое и оставляют ее именно так, и
глотают опилки, чтобы ее нельзя было найти, и обмазывают место распила грязью и жиром,
чтобы самый проницательный сенескаль не заметил никаких признаков того, что
ее распиливали, и решил, что ножка кровати совершенно целая. Затем, в
ночь, когда ты будешь готов, пни ее ногой, и она упадет; сними с себя
цепь, и вот ты здесь. Ничего не остается, как прицепить веревочную лестницу к
зубчатой стене, скатиться по ней, сломать ногу во рву — потому что веревочная
лестница, знаете ли, на девятнадцать футов короче, — и вот ваши лошади и
ваши верные вассалы подхватывают вас и перекидывают через седло,
и вы отправляетесь в свой родной Лангудок, или Наварру, или куда там еще.
Это безвкусно, Гек. Жаль, что рядом с этой хижиной нет рва. Если у нас будет время,
в ночь побега мы выроем один из них.

Я говорю:

"Зачем нам ров, когда мы собираемся вытащить его змеей
из-под хижины?"

Но он так и не услышал меня. Он забыл обо мне и обо всем остальном. Он
подпер подбородок рукой, размышляя. Довольно скоро он вздыхает и качает
головой; потом снова вздыхает и говорит:

"Нет, так не пойдет — в этом нет достаточной необходимости".

"Для чего?" Я спрашиваю.

"Ну, отпилить Джиму ногу", - говорит он.

"Хорошая земля!" Я говорю: "Ну, в этом нет никакой необходимости. И вообще, для чего
ты хотел бы отпилить ему ногу?

“Ну, некоторые из лучших авторитетов сделали это. Они не смогли снять цепь, поэтому они просто отрезали себе руку и оттолкнули. И нога была бы еще лучше. Но мы должны забыть об этом. В этом случае нет достаточной необходимости; и, кроме того, Джим - негр и не поймет причин этого и того, что так принято в Европе; так что оставим это. Но есть одна вещь — у него может быть веревочная лестница; мы можем разорвать наши простыни и сделать ему веревочную лестницу достаточно просто. И мы можем отправить это ему в виде пирога; чаще всего так и готовят. А у меня бывали пироги и похуже.

“Ну, Том Сойер, как ты говоришь”, - говорю я. “Джиму ни к чему веревочная лестница”.

“У него есть для этого применение. Как ТЫ говоришь, тебе лучше сказать; ты не ничего об этом не знаешь. У него ДОЛЖНА быть веревочная лестница, у них у всех она есть”.

“Что, черт возьми, он может с ней сделать?”

“ЧТО с ней делать? Он может спрятать это в своей постели, не так ли? Это то, что они все делают; и ОН тоже должен это делать. Гек, кажется, тебе никогда не хочется делать что-то обычное; ты все время хочешь начинать что-то новое . Предположим, он ничего с этим не сделает? разве это не лежит у него в постели, в качестве ключа к разгадке, после того, как он уйдет? и ты не думаешь, что им понадобятся ключи? Конечно, они будут. И ты бы им ничего не оставил? Это было бы МИЛОЕ приветствие, НЕ ТАК ли? Я никогда ни о чем подобном не слышал.

“Что ж, — говорю я, - если это предусмотрено правилами, и он должен это получить, то, ладно, пусть получает; потому что я не хочу отступать ни от каких правил; но есть одна вещь, Том Сойер: если мы начнем рвать на себе простыни, чтобы сделать Джиму веревочную лестницу, у нас будут неприятности с тетей Салли, это так же верно, как то, что ты родился. Теперь, как я на это смотрю, стремянка из гикри-коры ничего не стоит и ничего не тратится впустую, и ею так же хорошо начинять пирог и прятать в соломенной корзинке, как и любой тряпичной стремянкой, которую вы можете завести; а что касается Джима, у него нет никакого опыта, и поэтому ему все равно, какая...

“О, черт возьми, Гек Финн, если бы я был таким же невеждой, как ты, я бы сидел тихо — вот что я бы сделал. Кто когда-нибудь слышал о побеге государственного заключенного по лестнице из хикри-коры? Да ведь это совершенно нелепо ”.

- Ну, хорошо, Том, разберись с этим по-своему; но если ты последуешь моему совету, то одолжишь мне простыню с бельевой веревки.

Он сказал, что этого будет достаточно. И это натолкнуло его на другую идею, и он говорит:

“Одолжи рубашку тоже”.

“Зачем нам рубашка, Том?”

“Хочешь, чтобы Джим вел в ней дневник”.

“Записывай в дневник свою бабушку — ДЖИМ не умеет писать”.

“Предположим, он НЕ УМЕЕТ писать — он может оставить следы на рубашке, не так ли, если мы сделаем ему ручку из старой оловянной ложки или куска старого железного обруча для бочки?”

- Ну, Том, мы можем вытащить перо из гуся и сделать его получше, да и быстрее.

“ЗАКЛЮЧЕННЫЕ не заставляют гусей бегать по донжону - продолжайте вытаскивать загоны, вы, маггины. Они ВСЕГДА делают свои ручки из самого твердого, неподатливого куска старого медного подсвечника или чего-то подобного, что попадается им под руку; и у них уходят недели, и недели, и месяцы, и еще месяцы, чтобы подпилить его, потому что им приходится делать это, протирая им стену. Они бы не пользовались гусиным пером, если бы оно у них было. Оно необычное ”.

“Ну, тогда из чего мы сделаем ему чернила?”

“Многие делают их из железа - ржавчины и слез; но это обычный сорт и женщины; лучшие авторитеты используют свою собственную кровь. Джим может это сделать; и когда он хочет отправить какое-нибудь обычное загадочное послание, чтобы мир знал, чем он очарован, он может написать его на дне жестяной тарелки вилкой и выбросить в окно.
Железная маска всегда так поступала, и к тому же это очень хороший способ ”.

“ У Джима нет жестяных тарелок. Они кормят его на сковороде”.

“Это ничего, мы можем ему что-нибудь раздобыть”.

“Неужели никто не может ПРОЧИТАТЬ его номера?”

“Это тут ни при чем, Гек Финн. Все, что ЕМУ нужно сделать, это написать на тарелке и выбросить ее. Вам не обязательно уметь это читать. Ведь в половине случаев вы не можете прочесть ничего из того, что заключенный пишет на оловянной тарелке или где-либо еще”.

“Ну, тогда какой смысл тратить тарелки впустую?”

“Да ладно, виноваты все, это не тарелки ЗАКЛЮЧЕННОГО”.

“Но ведь это ЧЬИ-то номера, не так ли?”

“Ну, скажем так? Какая разница ЗАКЛЮЧЕННОМУ, чьи...”

На этом он замолчал, потому что мы услышали сигнал рожка к завтраку. Итак, мы направились к дому.

Утром я позаимствовал простыню и белую рубашку с бельевой веревки, нашел старый мешок и положил их в него, и мы спустились вниз, раздобыли лисий костер и положили его туда же. Я называл это заимствованием, потому что так всегда называл это папа; но Том сказал, что это не заимствование, это воровство. Он сказал, что мы представляем заключенных; а заключенным все равно, как они что-то получают, поэтому они это получают, и никто не винит их за это. Со стороны заключенного нет ничего преступного в том, чтобы украсть то, что ему нужно, чтобы выйти сухим из воды, сказал Том; это его право; и поэтому, пока мы представляли заключенного, у нас было полное право украсть все, что угодно в этом месте, которое нам было меньше всего нужно, чтобы выбраться из тюрьмы. Он сказал, что если бы мы предупреждали заключенных, это было бы совсем другое дело, и никто, только подлый, злобный человек не стал бы красть, если бы он не был заключенным. Поэтому мы позволили себе украсть все, что попадется под руку. И все же однажды после этого он поднял большой шум, когда я стащил арбуз с грядки негров и съел его; и он заставил меня пойти и дать ниггерам десять центов, не сказав им, для чего это. Том сказал, что он имел в виду , что мы можем украсть все, что нам НУЖНО. Ну, я сказал, мне нужен был арбуз. Но он сказал, что мне это не нужно, чтобы выйти с этим из тюрьмы; вот в чем разница. Он сказал, что если бы я хотел, чтобы в нем был спрятан нож, и не смог бы переправить его Джиму, чтобы тот убил сенескаля, то все было бы в порядке. Так что я смирился с этим, хотя и не видел никакого преимущества в том, что я представляю заключенного, если мне придется сидеть и жевать множество знаков отличия с позолотой подобным образом каждый раз, когда я вижу возможность стащить арбуз.

Ну, как я уже говорил, в то утро мы подождали, пока все не разошлись по своим делам и никого не было видно во дворе; затем Том отнес мешок в навес, а я встал в сторонке, чтобы понаблюдать. Вскоре он вышел, и мы пошли и сели на поленницу дров, чтобы поговорить. Он говорит:

“Теперь все в порядке, кроме инструментов; и это легко исправить”.

“Инструменты?” Я говорю.

“Да”.

“Инструменты для чего?”

“Ну, чтобы копать. Мы же не собираемся его ВЫГРЫЗАТЬ, правда?

“Разве эти старые сломанные кирки и прочее там недостаточно хороши, чтобы выковырять негра?” - Говорю я.

Он поворачивается ко мне с таким видом жалости, что я могу заплакать, и говорит:

- Гек Финн, ты КОГДА-нибудь слышал, чтобы у заключенного были кирки, лопаты и все современные удобства в гардеробе, чтобы самому выкапывать яму? Теперь я хочу спросить вас — если в вас вообще есть хоть капля здравого смысла — какое шоу дало бы ему возможность стать героем? Что ж, с таким же успехом они могли бы одолжить ему ключ и покончить с этим. Кирки и лопаты — да ведь они не подарили бы их королю.

“Ну, тогда, - говорю, - если нам не нужны кирки и лопаты, то что нам нужно?”

“Пара канцелярских ножей”.

“Чтобы вырыть фундамент из-под хижины?”

“Да”.

“Черт возьми, это глупо, Том”.

“Не имеет значения, насколько это глупо, это ПРАВИЛЬНЫЙ способ... и это обычный способ. И нет никакого ДРУГОГО способа, о котором я когда-либо слышал, и я прочитал все книги, дающие хоть какую-то информацию о этих вещах. Они всегда выкапывают ножом-футляром — и, заметьте, не через грязь; как правило, это происходит через твердый камень. И это занимает у них недели , и недели, и недели, и во веки веков. Посмотрите на одного из тех узников в нижней темнице замка Диф в гавани Марселя, который выкопал себе дорогу таким образом; как вы думаете, долго ОН этим занимался?”

“Я не знаю”.

“Ну, предположи”.

“Я не знаю. Полтора месяца”.

“ТРИДЦАТЬ СЕМЬ ЛЕТ — и он появился в Китае. ВОТ такой тип. Я бы хотел, чтобы основание ЭТОЙ крепости было из цельного камня”.

“ДЖИМ никого не знает в Китае”.

“Какое это имеет отношение к делу? Тот другой парень тоже не знал. Но ты всегда уходишь от второстепенных вопросов. Почему ты не можешь придерживаться главного?”

— Ладно, мне все равно, где он выйдет, пусть выходит; и
Джиму, я думаю, тоже. Но все равно есть одна вещь — Джим слишком стар,
чтобы его можно было откопать канцелярским ножом. Он долго не протянет.

“Да, он тоже ПРОДЕРЖИТСЯ ДОЛГО. Ты же не думаешь, что потребуется тридцать
семь лет, чтобы раскопать грунтовый фундамент, не так ли?

“Сколько времени это займет, Том?”

“Ну, мы не можем ждать столько, сколько следовало бы, потому что это может оказаться не так
Дяде Сайласу потребуется очень много времени, чтобы получить весточку оттуда, из Нового Орлеана.
Он услышит, что Джим не оттуда. Тогда его следующим шагом будет реклама
Джима или что-то в этом роде. Так что мы не можем рассчитывать на то, что будем откапывать его
так долго, как следовало бы. По идее, я думаю, нам следовало бы потратить пару лет;
но мы не можем. Поскольку ситуация настолько неопределенна, я рекомендую следующее:
мы действительно начинаем копать глубже, как можно быстрее; и после этого мы можем ПРИЗНАТЬСЯ
самим себе, что занимались этим тридцать семь лет. Тогда мы сможем
выхватить его и увезти при первом же звуке тревоги. Да, я
считаю, что так будет лучше всего”.

“В этом есть СМЫСЛ”, - говорю я. “Притворяться не стоит
ничего; притворяться - это не проблема; и если это имеет какое-то значение, я не возражаю
делать вид, что мы занимались этим сто пятьдесят лет. Это не стало бы меня напрягать
ничуть, после того как я набил руку. Так что я, пожалуй, пойду потихоньку и прихвачу
пару ножей-футляров.

“Смоуч три, - говорит он, - нам нужен один, из которого можно сделать пилу”.

“Том, если это не противоречит правилам и нерелигиозно, - говорю я, - то есть
вон там торчит старое ржавое пильное полотно -
доска за коптильней.

Он выглядел каким-то усталым и обескураженным и сказал:

“Бесполезно пытаться ничему тебя научить, Гек. Беги и
воткни ножи — три штуки.”Итак, я сделал это.

Глава XXXVI

Как только мы посчитали, что в ту ночь все уснули, мы спустились вниз по
громоотводу, заперлись в шалаше, достали
охапку лисьего хвороста и принялись за работу. Мы убрали все с дороги,
примерно на четыре или пять футов по середине нижнего бревна. Том сказал, что мы

теперь он был прямо за кроватью Джима, и мы копали под ним, и когда мы
пролезали, никто в хижине не мог знать, что там была какая-то
дыра, потому что штырь Джима свисал почти до земли, и
вам приходилось приподнимать его и заглядывать под него, чтобы увидеть дыру. Итак, мы копали и
копали складными ножами почти до полуночи; а потом устали как собаки,
и руки у нас покрылись волдырями, и все же не было заметно, что мы почти ничего не сделали
. Наконец я говорю:

“Это не тридцатисемилетняя работа, это тридцативосьмилетняя работа,
Том Сойер”.

Он никогда ничего не говорил. Но он вздохнул и довольно скоро перестал
копать, а потом я довольно долго знал, что он думает.
Потом он говорит:

“ Это бесполезно, Гек, ничего не выйдет. Если бы мы были заключенными, это
было бы так, потому что тогда у нас было бы столько лет, сколько мы хотели, и не
спешили; и у нас было бы всего несколько минут копать каждый день, пока
они меняли вахты, и поэтому наши руки не покрылись бы волдырями, и
мы могли бы продолжать это из года в год, и делать это правильно, и
так, как это должно быть сделано. Но МЫ не можем валять дурака; мы должны спешить; у нас
нет свободного времени. Если бы мы решили провести еще одну ночь таким образом, нам бы
пришлось прерваться на неделю, чтобы дать нашим рукам выздороветь — раньше мы не смогли бы дотронуться ими до
ножа-футляра ”.

“Ну, тогда что мы будем делать, Том?”

“Я скажу тебе. Это неправильно, и это не морально, и мне бы этого не хотелось
убирайся; но есть не только один способ: мы должны выкопать его
кирками и ПУСТИТЬ в ход ножи.

“ТЕПЕРЬ ты ЗАГОВОРИЛ!” Я говорю: “Твоя голова становится все ровнее и
все ровнее, Том Сойер”, - говорю я. “Выбор - это вещь, моральная или нет
моральная; а что касается меня, то мне наплевать на мораль этого, ни в коем случае.
Когда я начинаю воровать негра, или арбуз, или книгу из воскресной школы
, я не разбираюсь в том, как это делается, поэтому это делается. Чего я хочу
, так это моего негра; или чего я хочу, так это моего арбуза; или чего я хочу, так это моей
книжки для воскресной школы; и если кирка - самая удобная вещь, то именно ею
я собираюсь выкопать этого негра, или этот арбуз, или эту
книжку для воскресной школы; и мне плевать, что думают власти
по этому поводу ”.

“Что ж, - говорит он, — в деле,

подобном этому, есть оправдание для придирок и разглашения; если бы это было не так, я бы этого не одобрил и не стал бы стоять в стороне,
наблюдая, как нарушаются правила, потому что правильное есть правильное, а неправильное есть неправильное, и человеку незачем поступать неправильно, если он не невежда и
знает лучше. Для ТЕБЯ было бы лучше выкопать Джима киркой,
НЕ подавая виду, потому что ты не знаешь ничего лучшего; но для меня это
было бы не так, потому что я действительно знаю лучше. Дай мне складной нож.

У него был свой, но я отдал ему свой. Он бросил его на землю,
и говорит:

“Дай мне СКЛАДНОЙ НОЖ”.

Я просто не знал, что делать, но потом подумал. Я порылся
среди старых инструментов, достал кирку и отдал ее ему, и он взял ее
и принялся за работу, не сказав ни слова.

Он всегда был таким особенным. Полон принципов.

И тогда я взял лопату, и мы принялись ковырять, разворачиваясь,
и мех полетел. Мы продержались там около получаса, и это было все,
сколько мы могли стоять на ногах; но за
это время у нас образовалась изрядная дыра. Поднявшись по лестнице, я выглянул в окно и увидел, что Том делает все, что в его силах, с громоотводом, но он не мог дотянуться до него, так сильно болели его руки
. Наконец он говорит:

“Это бесполезно, это невозможно сделать. Как ты думаешь, что мне лучше сделать? Не могу
ты не придумал никакого способа?

“Да, ” говорю я, “ но я думаю, что это необычно. Поднимайся по лестнице и
представь, что это громоотвод.

И он это сделал.

На следующий день Том украл оловянную ложку и медный подсвечник в
дом, чтобы смастерить несколько ручек для Джима и шесть сальных свечей; и
я слонялся по хижинам негров, надеялся на удачу и украл три оловянные
тарелки. Том говорит, этого было недостаточно; но я сказал, что никто никогда не увидит,
тарелки, которые выбросил Джим, потому что они упадут в собачий фенхель и
сорняки джимпсон под окном, - тогда мы сможем отнести их обратно,
и он сможет использовать их снова. Итак, Том был удовлетворен. Затем он говорит:

“Теперь нужно разобраться, как доставить эти вещи Джиму”.

“Отнеси их через дыру, - говорю я, - когда мы закончим”.

Он лишь презрительно посмотрел на меня и сказал что-то о том, что никто никогда не слышал о такой идиотской идее, а потом принялся за учебу. Мало-помалу он сказал, что придумал два или три способа, но пока нет необходимости принимать решение ни по одному из них. Сказал, что сначала мы должны отправить Джима.

В ту ночь мы спустились по громоотводу вскоре после десяти, взяли с собой одну из свечей, подслушали под окном и услышали, как храпит Джим; тогда мы поставили ее, и она его не разбудила. Затем мы подоспели с киркой и лопатой, и примерно через два с половиной часа работа была сделана. Мы забрались под кровать Джима и проникли в каюту, и пошарили повсюду, и нашли свечу, и зажгли ее, и немного постояли над Джимом, и обнаружили, что он выглядит бодрым и здоровым, а потом мы разбудили его мягко и постепенно. Он был так рад видеть нас, что чуть не плакал; и называл нас лапочками, и всеми ласкательными именами, какие только мог придумать; и был благодарен за то, что мы разыскали стамеску для холодной резки, чтобы сразу же срезать цепь с его ноги, и убрались отсюда, не теряя времени. Но Том показал ему, насколько это нерегулярно , сел и рассказал ему все о наших планах, и о том, что мы можем изменить их в любую минуту, как только поднимется тревога; и чтобы он не боялся ни капельки, потому что мы, КОНЕЧНО, проследим, чтобы он сбежал. Итак, Джим сказал, что все в порядке, и мы немного посидели и поговорили о старых временах, а потом Том задал много вопросов, и когда Джим сказал ему, что дядя Сайлас приходит каждый день или два, чтобы помолиться с ним, и тетя Салли приходит посмотреть, удобно ли ему и много ли у него еды, и оба они были добры, насколько могли, Том сказал:

“ТЕПЕРЬ я знаю, как это исправить. Мы пришлем вам кое-что с ними”.

Я сказал: “Не делайте ничего подобного, это одно из самых идиотских действий идеи, которые мне когда-либо приходили в голову”; но он никогда не обращал на меня никакого внимания; шел дальше. Так было всегда, когда он строил свои планы.

И он рассказал Джиму, что нам придется тайком пронести пирог с веревочной лестницей и другие большие блюда от Ната, негра, который его кормил, и что он должен быть настороже, не удивляться и не показывать, что Нат видит, как он их открывает; и мы будем класть мелочи в карманы дядиного пальто, а он должен их украсть оттуда; и мы будем привязывать мелочи к тетиному фартуку или класть их в ее карман передника, если у нас будет возможность; и объяснили ему, что это будет и для чего они нужны. И рассказал ему, как вести дневник на рубашке с его кровью, и все такое. Он рассказал ему все. Джим, он не мог видеть нет

по большей части это было разумно, но он допускал, что мы белые и знаем
лучше него; поэтому он был удовлетворен и сказал, что сделает все так, как
сказал Том.

У Джима было вдоволь трубок из кукурузных початков и табака; так что мы
хорошо провели время в обществе друг друга; потом мы выползли через дыру и отправились домой
спать с руками, которые выглядели так, словно их обглодали. Том был в приподнятом
настроении. Он сказал, что это было лучшее развлечение, которое у него когда-либо было в жизни, и самое
интеллектуальное; и сказал, что если бы он только мог найти свой путь к этому, мы бы продолжали это
делать всю оставшуюся жизнь, а Джима оставили бы на попечение наших детей; потому что он
верил, что Джиму это будет нравиться все больше и больше по мере того, как он будет к этому привыкать
. Он сказал, что таким образом этот период можно было бы растянуть до восьмидесяти
лет, и это было бы лучшее время за всю историю наблюдений. И он сказал, что это прославит нас
всех, кто приложил к этому руку.

Утром мы пошли к поленнице дров и нарезали
медный подсвечник подходящих размеров, и Том положил их вместе с оловянной
ложкой в карман. Потом мы отправились в "хижины для негров", и пока я разбирался с
уведомлением Ната, Том засунул кусок свечи в середину
кукурузной лепешки, которая была у Джима на сковороде, и мы пошли с Натом посмотреть, как
это получится, и получилось просто великолепно; когда Джим откусывал от нее, у него
выбивались все зубы; и никогда ничего не могло получиться
лучше. Том сам так сказал. Джим никогда не подавал виду, что это был всего лишь
кусочек камня или чего-то в этом роде, который всегда кладут в хлеб,
вы знаете; но после этого он никогда не откусывал ничего, кроме того, во что сначала тыкал
вилкой в трех или четырех местах.

И пока мы стояли там в тусклом свете, вот появляется
пара гончих, выползающих из-под кровати Джима; и они продолжали
набиваться туда, пока их не стало одиннадцать, и
там едва хватало места, чтобы перевести дух. Черт возьми, мы забыли закрепить эту пристройку к двери!
Ниггер Нат хэ только раз выкрикнул “Ведьмы” и повалился на
пол среди собак, и начал стонать, как будто умирал.
Том рывком распахнул дверь и выбросил кусок мяса Джима, и
собаки набросились на него, и через две секунды он сам вышел и вернулся обратно
и закрыл дверь, и я знал, что он починил и другую дверь. Затем он
принялся за негра, уговаривая его, лаская и спрашивая

если ему только показалось, что он снова что-то увидел. Он поднялся,
обвел глазами присутствующих и сказал:

“Марс Сид, ты скажешь, что я дурак, но если бы я не верил, что вижу больше миллиона собак, э-э чертей, э-э кого-то еще, я хотел бы умереть прямо здесь, на этих путях. Я так и сделал, мос шоли. Марс Сид, я ПОЧУВСТВОВАЛ... я ПОЧУВСТВОВАЛ, эм, сэр; они были повсюду во мне. Папа, принеси это, я просто хотел бы, чтобы я мог наложить лапу на одну из этих ведьм, это все, что я хочу. Но если я
хочу, чтобы они оставили меня в покое, то да.

Том говорит:

“Ну, я скажу тебе, что я думаю. Что заставляет их приходить сюда именно во время у этого беглого ниггера время завтрака? Это потому, что они голодны; вот причина. Ты испечешь им ведьмин пирог, это ТВОЕ дело ”.

“Но, лан мой, Марсианин Сид, как же мне приготовить ведьмин пирог?" Я не знаю, как это приготовить. Я никогда ничего подобного не слышал”.

“Ну, тогда мне придется приготовить это самой”.

"Ты сделаешь это, милая? — правда? Я отшлепаю тебя по земле
ногой, обязательно!

“Хорошо, я сделаю это, раз уж это ты, и ты был добр к нам и показал нам сбежавшего ниггера. Но ты должен быть очень осторожен. Когда мы придем в себя, ты повернешься спиной; а потом, что бы мы ни положили на сковороду, не показывай виду, что ты это вообще видишь. И не смотри, когда Джим выгружает сковороду — что-то может случиться, я не знаю что. И
прежде всего, не ВЗДУМАЙ ОБРАЩАТЬСЯ С ведьмовскими штуками”.

“ХАННЕЛЬ м, Марс Сид? О чем ты вообще говоришь? Я бы не стал прикидывать, эм, ни за какие десять сотен тысяч миллиардов
долларов, я бы не стал”.

Глава XXXVII

ВСЕ было улажено. И тогда мы ушли и отправились к мусорной куче
на заднем дворе, где они хранят старые ботинки, и тряпки, и осколки
бутылок, и изношенные жестяные штуки, и все такое прочее, и порылись там,
и нашли старое жестяное ведро для мытья посуды, и как могли заделали дыры, чтобы испечь пирог, и спустились в подвал, и стащили его, набитое мукой,
и начали готовить завтрак, и нашли пару гвоздей для дранки, которые Том
принес в дом........................

сказали, что заключенному удобно нацарапать свое имя и горести на
стенах темницы, и уронили одну из них в
карман фартука тети Салли, который висел на стуле, а другую мы засунули за ленту от
шляпы дяди Сайласа, которая лежала на комоде, потому что слышали, как
дети сказали, что их папа и мама сегодня утром идут в дом беглого негра
, а потом пошли завтракать, и Том уронил оловянную
ложку в карман пальто дяди Сайласа, а тетя Салли еще не пришла, и мы пошли завтракать. так что
нам пришлось немного подождать.

И когда она пришла, она была разгоряченная, красная и сердитая, и не могла
с трудом дождаться благословения; а потом она принялась
одной рукой разливать кофе, а
другой треснула наперстком по голове самого ловкого ребенка и сказала:

"Я охотился высоко и я охотился низко, и это превосходит все то, что
стало с твоей второй рубашкой".

Мое сердце провалилось куда-то в легкие, печень и прочее, и
твердый кусок кукурузной корочки полез мне в глотку вслед за ним, и по
дороге меня встретил приступ кашля, и я пролетел через стол, и попал одному из
детей в глаз, и свернул его, как червяка, и испустил крик,
размером с боевой клич, и у Тома он стал добрее, посинел
вокруг жабр, и все это представляло собой значительное состояние вещей в течение
примерно четверти минуты или около того, и я бы продал все билеты. за
полцены, если бы нашелся претендент. Но после этого с нами снова все было в порядке — это
было внезапное удивление, от которого мы так похолодели. Дядя Сайлас
он говорит:

"Это на редкость любопытно, я не могу этого понять. Я прекрасно знаю
ну, я снял его, потому что...

"Потому что на тебе только один. Просто ПОСЛУШАЙ этого человека! Я
знаю, что ты его сняла, и знаю это лучше, чем твоя
память о шерсти, потому что вчера он был на вешалке для одежды - я сам вижу
его там. Но оно ушло, вот и все, и
тебе просто придется сменить его на красное фланелевое, пока у меня не найдется время сшить
новое. И это будет уже третья моя работа за два года. Это просто держит
тело в напряжении, чтобы держать вас в рубашках; и что бы вам ни удавалось
ДЕЛАТЬ со всем этим, это больше, чем я могу себе представить. Кто-то бы подумал, что ты
научился бы как-то заботиться о них в твоем возрасте ".

“ Я знаю это, Салли, и я делаю все, что в моих силах. Но это не должно быть полностью моей виной, потому что, вы знаете, я их не вижу и не имею к ним никакого отношения, кроме тех случаев, когда они на мне; и я не верю, что когда-либо терял хоть одну из них ”.

- Ну, Сайлас, это не ТВОЯ вина, что ты этого не сделал; я думаю, ты бы сделал это, если бы мог. И рубашка - это еще не все, что пропало. Пропала ложка; и это еще не все. Их было десять, а теперь осталось только девять. Я думаю, теленок получил рубашку, но ложку теленок так и не взял, ЭТО точно.

“А что еще пропало, Салли?”

“Там погасло шесть СВЕЧЕЙ — вот что. Крысы могли бы достать свечи, и я думаю, они были; Я удивляюсь, что они не уходят со всем заведением, как ты всегда собираешься затыкать их норы и не делаешь этого; и если они не дураки, то будут спать у тебя в волосах, Сайлас — ТЫ бы никогда этого не узнал; но крыс ЛОЖКОЙ не трожь, и я знаю.

“Что ж, Салли, я виноват и признаю это; я был небрежен; но Я не позволю завтрашнему дню пройти мимо, не заделав эти дыры”.

“О, я бы не торопилась, сойдет и в следующем году. Матильда Анджелина Араминта ФЕЛПС!”

Раздается щелчок наперстка, и ребенок выхватывает коготки из сахарницы, ничуть не дурачась. Как раз в этот момент негритянка выходит в коридор и говорит:

“Миссис, у них пропала простыня”.

“Пропала ПРОСТЫНЯ! Ну, ради земли!”

“Я сегодня же заделаю эти дыры”, - говорит дядя Сайлас с печальным видом.

“О, заткнись! — предположим, крысы утащили ПРОСТЫНЮ? КУДА оно пропало, Лиз?

“ Клянусь богом, я понятия не имею, мисс Салли. Она была на де линии одежды, но она ушла: ее больше нет ”.

“Я думаю, что мир приближается к концу. Я НИКОГДА не видел этого ритма за все дни моего рождения. Рубашка, и простыня, и ложка, и шесть банок консервов...

- Миссис, - подходит молодая девушка, - они просто медные пушки мисс.

“Убирайся отсюда, потаскушка, а то я тебе сковородку задам!”

Ну, она просто болтала. Я начал надеяться на шанс; я рассчитывал, что ускользну и пойду в лес, пока погода не утихнет. Она продолжала бушевать, руководя своим восстанием в полном одиночестве, а все остальные были очень кроткими и тихими; и наконец дядя Сайлас с каким-то глуповатым видом выуживает ложку из кармана. Она остановилась с открытым ртом и поднятыми руками; а что касается меня, то я пожалел, что не нахожусь в Иерусалиме или еще где-нибудь. Но ненадолго, потому что она говорит:

“Все именно так, как я и ожидал. Значит, он все время был у тебя в кармане; и как бы там ни было, у тебя там есть и другие вещи. Как он туда попал?”

“Я действительно не знаю, Салли, - говорит он, как бы извиняясь, - или ты знаешь, что я бы сказал. Я изучал свой текст из Деяний Семнадцатых перед завтраком, и, кажется, я положил его туда, не заметив, намереваясь положить свое Завещание, и, должно быть, так оно и есть, потому что моего Завещания там нет; но я пойду и посмотрю; и если Завещание там, где оно у меня было, я буду знать, что я не клал его, и это покажет, что я отложил Завещание и взял ложку, и...”

“О, ради земли! Дайте телу отдохнуть! Уходите теперь, в полном снаряжении и поклаже, и не приближайтесь ко мне снова, пока ко мне не вернется душевное равновесие”.

Я бы услышал ее, если бы она сказала это про себя, не говоря уже о том, чтобы высказать это вслух; и я бы встал и повиновался ей, даже если бы я был мертв. Когда мы проходили через гостиную, старик взял свою шляпу, и гвоздь от черепицы выпал на пол, и он просто поднял его и положил на каминную полку, ничего не сказав, и вышел. Том увидел, как он это делает, и вспомнил про ложку, и говорит:

“Ну, посылать вещи через НЕГО больше нет смысла, на него не можно положиться”. Потом он говорит: “Но он все равно оказал нам хорошую услугу ложкой, сам того не подозревая, и поэтому мы пойдем и сделаем ему то же самое без ЕГО ведома — заткнем его крысиные норы”.

В подвале их было очень много, и это заняло у нас целый час, но мы справились с работой качественно и безукоризненно. Потом мы услышали шаги на лестнице, погасили свет и спрятались; и вот идет старик со свечой в одной руке и узлом всякой всячины в другой, вид у него такой же рассеянный, как и в позапрошлом году. Он сошел с ума

по кругу, сначала в одну крысиную нору, потом в другую, пока не побывал во всех. Затем он постоял минут пять, снимая капли жира со своей свечи и размышляя. Затем он медленно и мечтательно поворачивается к лестнице, говоря:

“Ну, хоть убей, я не могу вспомнить, когда я это сделал. Я мог бы показать ей сейчас, что я не виноват из-за крыс. Но не бери в голову — забудь об этом. Я думаю, это ни к чему хорошему не приведет.

Итак, он продолжал что-то бормотать, поднимаясь по лестнице, а потом мы ушли. Он был очень приятный старик. И так было всегда.

Тома очень беспокоило, что делать с ложкой, но он сказал, что она нам нужна, так что он немного подумал. Когда он расшифровал это, он сказал мне, что нам делать; потом мы пошли и подождали около корзинки с ложками, пока не увидим, что идет тетя Салли, а потом Том пошел пересчитывать ложки и раскладывать их в сторонке, и я засунула одну из них в рукав, и Том говорит:

“Ну, тетя Салли, еще нет только девяти ложек”.

Она говорит:

“Иди пока поиграй со своей игрой и не мешай мне. Я знаю лучше, я считал я сам”.

- Ну, я пересчитала их дважды, тетя, и получилось всего девять.

Она выглядела потерявшей всякое терпение, но, конечно, стала считаться — любой бы так поступил.

“Я заявляю милосердному, что их ВСЕГО девять!” - говорит она. “Почему, что во имя мировой чумы, ЗАБЕРИ вещи, я пересчитаю их снова”.

Поэтому я сунул ей обратно ту, что была у меня, и когда она закончила считать, она говорит:

“Брось эту назойливую ерунду, их уже ДЕСЯТЬ!” - и она выглядела раздраженной и обеспокоенной одновременно. Но Том говорит:

“Ну, тетя, я не думаю, что их десять”.

“Ты что, тупица, разве ты не видела, как я СЧИТАЮ ”м"?"

“Я знаю, но...”

“Хорошо, я пересчитаю ”м" ЕЩЕ РАЗ."

Итак, я смял одну, и их получилось девять, как и в прошлый раз. Ну, она БЫЛА в ужасном состоянии — просто дрожала всем телом, она была так зла. Но она считала и считала, пока не запуталась настолько, что начала

иногда считай ложку в корзинке; и так, три раза она выходит
правильной, и три раза - неправильной. Затем она схватила
корзину, швырнула ее через весь дом и сбила кошку с ног;
и она сказала, чтобы она убиралась и оставила ее в покое, и если мы еще раз придем
приставать к ней между этим и обедом, она сдерет с нас шкуру. Итак, у нас
была лишняя ложка, и мы опустили ее в карман ее фартука, пока она
отдавала нам распоряжения относительно отплытия, и Джим еще до полудня все исправил вместе с ее
гвоздем от гальки. Мы были очень довольны этим делом,
и Том признал, что оно стоило вдвое больших хлопот, потому что, по его словам,
теперь она никогда больше не сможет пересчитать ложки дважды, чтобы спасти свою
жизнь; и не поверил бы, что она сосчитала их правильно, если бы СДЕЛАЛА ЭТО; и сказал
, что после того, как она отсчитывала себе головы в течение следующих трех дней, он
рассудил, что она сдастся и предложит убить любого, кто захочет, чтобы она когда-нибудь еще
их пересчитывала.

Так что в ту ночь мы повесили простыню обратно на веревку и украли одну из
ее шкафа; и продолжали класть ее обратно и красть снова в течение пары
дней, пока она не перестала знать, сколько у нее еще простыней, и ей
было все РАВНО, и она не собиралась вымещать на этом всю свою душу
и не стала пересчитывать их снова, даже ради спасения своей жизни; она предпочла
умереть первой.

Итак, с рубашкой, простыней, ложкой
и свечами у нас теперь все было в порядке, благодаря теленку, крысам и путаным
подсчетам; а что касается подсвечника, то это не имело никакого значения, оно
пройдет со временем.

Но этот пирог был настоящей работой; у нас не было конца хлопотам с этим пирогом. Мы
приготовили это далеко в лесу и там испекли; и у нас это
наконец получилось, и к тому же очень вкусно; но не все за один день; и нам пришлось
насыпать муки в три противня, прежде чем мы закончили, и мы
местами сильно подгорели, и от дыма заслезились глаза;
потому что, видите ли, нам не нужно было ничего, кроме корочки, и мы не могли
правильно ее подпереть, и она всегда прогибалась. Но, конечно, мы,
наконец, придумали правильный способ — приготовить лестницу тоже в пироге. Так что
потом мы легли с Джимом на вторую ночь, разорвали простыню на
маленькие ниточки и скрутили их вместе, и задолго до рассвета у нас было

прекрасная веревка, на которой можно было бы повесить человека. Мы признались, что на это ушло девять месяцев.

А утром мы отнесли его в лес, но он не
пошел в пирог. Поскольку мы были сделаны таким образом из цельного листа, веревки
хватило бы на сорок пирогов, если бы они нам понадобились, и еще много осталось на
суп, или сосиски, или все, что вы выберете. Мы могли бы устроить целый
ужин.

Но нам это было не нужно. Всего, что нам было нужно, хватило как раз на пирог, и
поэтому мы выбросили остальное. Мы не готовили пироги на
сковороде для мытья посуды - боялись, что припой расплавится; но у дяди Сайласа была замечательная
медная грелка, которой он очень дорожил, потому что она
принадлежала одному из его предков, с длинной деревянной ручкой, которая пришла
из Англии с Вильгельмом Завоевателем на "Мэйфлауэре" или на одном из
тех ранних кораблей и была спрятана на чердаке вместе с кучей других старых
кастрюль и прочего, что было ценным, не потому, что имело какое—то значение,
потому что это не так, а потому, что это реликвии, вы знаете , и
мы выкрали ее тайком и отвели туда, но на
первом пироге у нее ничего не получилось, потому что мы не знали как, но на
последнем она поднялась, улыбаясь. Мы взяли и обмазали ее тестом, и поставили на угли, и
обвязали тряпичной веревкой, и надели крышечку из теста, и закрыли
крышку, и положили сверху горячие угли, и отошли на пять футов, с длинной
ручкой, прохладной и удобной, и через пятнадцать минут у нее получился пирог,
на который было приятно смотреть. Но человек, который это сделал, хотел бы
прихватить с собой пару коробок зубочисток, потому что, если эта веревочная лестница
не заставит его приняться за дело, я вообще не знаю, о чем я
говорю, и у него тоже будет болеть живот, чтобы продержаться до следующего
раза.

Нат не смотрел, когда мы клали ведьмин пирог на сковороду Джима; и мы положили
три оловянные тарелки на дно сковороды под продукты; и так что Джим
все приготовил как надо, и как только он остался один, он набросился на
пирог и спрятал веревочную лестницу в своей соломенной корзинке, и нацарапал
несколько отметин на оловянной тарелке и выбросил ее в окно.

Глава XXXVIII

ИЗГОТОВЛЕНИЕ ручек было ужасно трудной работой, как и пила; и
Джим допускал, что надпись будет самой сложной из всех. Это тот
текст, который заключенный должен нацарапать на стене. Но он должен был это получить;
Том сказал, что ДОЛЖЕН; не было такого случая, чтобы государственный заключенный не
нацарапал свою надпись, чтобы оставить после себя, и свой герб.

“Посмотрите на леди Джейн Грей, - говорит он, - посмотрите на Гилфорда Дадли, посмотрите на
старину Нортумберленда! А что, Гек, если это серьезная проблема? —
что ты собираешься делать?—как ты собираешься ее обойти? Джим ДОЛЖЕН
сделать свою надпись и герб. Они все такие”.

Джим говорит:

“Ну, Марс Том, у меня нет никакого герба; у меня нет ничего, кроме
снимай свою старую рубашку, если знаешь, что я должен вести дневник ”.

“О, ты не понимаешь, Джим; герб - это совсем другое”.

“Ну, - говорю, - в любом случае Джим прав, когда говорит, что у него нет никакого
герб, потому что у него его нет.

“Думаю, я это знал, — говорит Том, - но держу пари, что у него это будет,
прежде чем он выйдет отсюда - потому что он выходит ПРАВИЛЬНО, и в его послужном списке
не будет изъянов”.

Итак, пока мы с Джимом запиливали ручки на кирпичной плите каждый, Джим
делал свою из меди, а я - свою из ложки, Том
принялся придумывать герб. Мало-помалу он сказал, что нашел
так много хороших вариантов, что едва знал, какой выбрать, но был
один, на котором, как он полагал, он остановит свой выбор. Он говорит:

“На гербе у нас будет изгиб Или основание декстера, солтир
МУРРИ в фессе, с собакой, лежащей навзничь, для общего пользования, а
под ногой у него цепь, предназначенная для рабства, с выгравированным шевроном в форме
вождя и тремя перечеркнутыми линиями на ЛАЗУРНОМ поле, с
номбриловыми остриями, торчащими на танцетке; герб, беглый негр,
СЭЙБЛ, со своим узлом через плечо на перекладине "зловещий"; и пара
солдат. поздравления болельщикам, которыми являемся мы с тобой; девиз: MAGGIORE
FRETTA, MINORE OTTO. Вычитал это из книги — значит, чем больше спешки,
тем меньше скорости”.

“Джиуилликинс, - говорю я, - но что все это значит?”

“У нас нет времени возиться с этим, - говорит он. - мы должны копать глубже
как и все мерзавцы”.

“Ну, в любом случае, ” говорю я, “ что из этого есть? Что такое фесс?”

“Фесс — это фесс — ТЕБЕ не нужно знать, что такое фесс. Я покажу ему, как это делается, когда он дойдет до этого”.

“Черт возьми, Том, - говорю я, - Я думаю, ты мог бы рассказать об этом кому-нибудь. Что такое бар зловещий?”

“О, я не знаю. Но он должен это иметь. Все благородные люди таковы”.

Просто это было в его духе. Если бы его не устраивало объяснять вам что-то, он бы этого не делал. Вы могли бы накачивать его неделю, это не имело бы никакого значения.

Он разобрался со всеми делами с гербом, так что теперь начал заканчивать остальную часть работы, которая заключалась в том, чтобы спланировать скорбную надпись — сказал, что Джиму нужна такая, как они все делали. Он много чего выдумал, записал на бумаге и зачитал, так что:

1. Здесь разбилось сердце пленника. 2. Здесь бедный заключенный, покинутый миром и друзьями, переживал свою печальную жизнь. 3. Здесь одинокое сердце разбилось, и измученный дух обрел покой после тридцати семи лет одинокого заточения. 4. Здесь, бездомный и лишенный друзей, после тридцати семи лет горького плена, погиб благородный незнакомец, внебрачный сын Людовика XIV.

Голос Тома дрожал, когда он читал их, и он почти сломался. Когда он закончил, он никак не мог решить, на какой из них Джиму нацарапать что-нибудь на стене, все они были так хороши; но в конце концов он позволил ему нацарапать их все. Джим сказал, что ему понадобится год, чтобы нацарапать гвоздем на бревнах такую кучу мусора, и, кроме того, он не знает, как выводить буквы; но Том сказал, что он запишет их для него, и тогда ему ничего не нужно будет делать, кроме как следовать линиям. Затем довольно скоро он говорит:

- Если подумать, бревна здесь ни к чему; в подземелье нет бревенчатых стен: мы должны вырыть надписи в скале. Мы принесем камень.

Джим сказал, что камень хуже бревен; он сказал, что ему потребуется столько времени, чтобы закопать их в камень, что он никогда не выберется. Но Том сказал, что позволит мне помочь ему это сделать. Затем он заглянул, чтобы посмотреть, как у нас с Джимом обстоят дела с загонами. Это была самая противная утомительная, тяжелая и медленная работа, и моим рукам было нечем заняться

у нас все хорошо с болячками, и мы, казалось, почти не продвинулись вперед; поэтому Том говорит:

“Я знаю, как это исправить. Нам нужен камень для герба и скорбных надписей, и мы можем убить двух зайцев одним и тем же камнем. На мельнице есть безвкусный большой точильный камень, и мы выточим его, и вырежем на нем все, что нужно, а также подпилим ручки и пилу на нем”.

Это не было ошибкой в идее; и это не было ошибкой в точильном камне ничего подобного; но мы решили, что возьмемся за это. Еще не было совсем полуночи, так что мы отправились на фабрику, оставив Джима на работе. Мы смяли точильный камень и отправились катить ее домой, но это была самая сложная работа. Иногда, делая все, что в наших силах, мы не могли удержать ее от падения , и каждый раз она была близка к тому, чтобы раздавить нас. Том сказал, что она , конечно, доберется до одного из нас, прежде чем мы закончим. Мы преодолели половину пути, а потом совсем выбились из сил и почти утонули в поту. Мы видим, что это бесполезно; нам нужно пойти и привести Джима, чтобы он поднял свою кровать и снял цепь с ножки кровати, и обмотал ее вокруг своей шеи, и мы вылезли через нашу нору и спустились туда, и Джим и я взялись за этот точильный камень и ходили с ней как ни в чем не бывало; а Том руководил. Он мог перехитрить любого мальчика, которого я когда-либо видел. Он знал, как делать все.

Наша дыра была довольно большой, но недостаточно большой, чтобы просунуть точильный камень; но Джим взял кирку и вскоре сделал ее достаточно большой . Затем Том наметил на нем гвоздем эти предметы и заставил Джима поработать над ними, используя гвоздь вместо стамески и железный болт из мусора в пристройке вместо молотка, и велел ему работать, пока не погаснет остаток его свечи, а потом он сможет лечь спать, а точильный камень спрятать под соломенный тик и спать на нем. Потом мы помогли ему прикрепить цепь обратно к ножке кровати и сами были готовы лечь спать. Но Том что-то придумал и говорит:

- У тебя здесь есть пауки, Джим?

“Нет, сэр, слава богу, у меня нет, Марс Том”.

“Хорошо, мы тебе купим”.

“Но благослови тебя господь, дорогая, я ничего не ХОЧУ. Я боюсь... эм. Я просто... скоро здесь появятся гремучие змеи’.

Том подумал минуту или две и говорит:

“Это хорошая идея. И я считаю, что это было сделано. Это ДОЛЖНО было быть сделано; это само собой разумеется. Да, это отличная идея. Где бы ты мог хранить это?”

“Оставить что, Марсианский Том?”

“Ну, гремучую змею”.

“Боже милостивый, Марсианский Том, будь жив! Да если бы они были гремучими змеями, которые придут сюда, я бы их вынес прямо из этой бревенчатой стены, я бы, со всей своей головой ”.

Ну, Джим, через некоторое время ты бы этого уже не боялся. Ты мог бы приручить это”.

“ПРИРУЧИ это!”

“Да, достаточно просто. Каждое животное благодарно за доброту и ласку, и им и в голову не ПРИДЕТ причинить вред человеку, который их гладит. Любая книга скажет вам об этом. Попробуйте — это все, о чем я прошу; просто попробуйте два или три дня. Ведь ты можешь за короткое время так увлечь его, что он полюбит тебя; и будет спать с тобой; и не отстанет от тебя ни на минуту; и позволит тебе обхватить его за шею и положить его голову тебе в рот ”.

Пожалуйста, Марс Том, НЕ говори так! Я не могу этого выносить! Он бы ПОЗВОЛИЛ мне засунуть его голову в рот в качестве одолжения, не так ли? Я полагал, что он будет ждать очень долго, пока я его спрошу. С этого момента я не хочу, чтобы он спал со мной.

“ Джим, не веди себя так глупо. У заключенного ДОЛЖНО быть какое-нибудь бессловесное домашнее животное, и если гремучую змею никогда не пробовали, что ж, можно получить больше славы от того, что ты первый попробовал это, чем от любого другого способа, который ты когда-либо мог придумать, чтобы спасти свою жизнь ”.

“ Ну, Марсианин Том, мне не НУЖНА твоя слава. Змея откусит Джиму подбородок, и В ЧЕМ же эта слава? Нет, сэр, я не хочу никаких подобных делишек.

“ Виноват, неужели ты не можешь ПОПРОБОВАТЬ? Я только хочу, чтобы ты попробовал — тебе не нужно продолжать в том же духе, если это не сработает ”.

- Но вся беда МОЖЕТ СЛУЧИТЬСЯ, если змея укусит меня, пока я пытаюсь его поймать. Марс Том, я готов взяться за все, что угодно, хотя это и неразумно, но если ты и Гек принесут мне гремучую змею, чтобы я ее приручил, я должен УЙТИ, это БЕРЕГ.

“ Ну, тогда забудь об этом, забудь, если ты такой упрямый. Мы
можем раздобыть тебе змей для подвязок, и ты привяжешь к их
хвостам пуговицы и представишь, что это гремучие змеи, и я думаю, этого будет достаточно.

“Я за них стэн, Марс Том, но виню себя, если не смог поладить
с эм, вот что я тебе скажу. Я никогда не знал, что быть заключенным - это так хлопотно
”.

“Ну, так ВСЕГДА бывает, когда все сделано правильно. У тебя тут есть крысы поблизости
Здесь?”

“Нет, сэр, я ничего не выращиваю”.

“Ну, мы достанем вам крыс”.

“Ну, марсианин Том, мне не НУЖНЫ никакие крысы. Их отец самый виноватый
я когда-либо видел существ, которые бьют по телу, шуршат им, кусают его за ноги, когда
он пытается уснуть. Нет, сэр, дайте мне еще змей, если они мне нужны,
но не давайте мне крыс; мне от них, честно говоря, никакого проку.

“Но, Джим, они должны быть у тебя — они у всех есть. Так что не поднимай
больше шума из-за этого. Заключенные никогда не обходятся без крыс. Нет ни одного
примера подобного. И они дрессируют их, и гладят, и учат их трюкам,
и они становятся общительными, как мухи. Но вы должны включить для них музыку.
У тебя есть на чем включить музыку?

- У меня нет ничего, кроме расчески для волос, листка бумаги и стаканчика сока
арфа; но я думаю, они не придали бы значения сочной арфе.

“Да, они бы так и сделали. Им все равно, что это за музыка. Еврейская
арфа вполне хороша для крысы. Все животные любят музыку — в тюрьме
они души в ней не чают. Особенно в мучительной музыке; и вы не можете добиться ничего другого
от еврейской арфы. Это всегда их интересует; они выходят посмотреть, что с тобой
такое. Да, с тобой все в порядке; ты очень хорошо устроен. Вы
хотите сидеть на своей кровати вечером, перед тем как лечь спать, и рано по
утрам, и играть на своей еврейской арфе; сыграйте "Разорвано последнее звено" -
это то, что быстрее всего схватит крысу; и когда
вы поиграете минуты две, вы увидите всех крыс, и змей, и
пауков, и все вокруг начнут беспокоиться о вас и придут. И
они просто набросятся на тебя и благородно проведут время”.

- Да, ОНИ придут, я думаю, Марс Том, но сколько времени проводит Джим
? Будь я благословен, если увижу их пинту. Но я сделаю это, если понадобится. Думаю, мне лучше
оставить животных довольными, чтобы в доме не было проблем ”.

Том подождал, чтобы обдумать это и посмотреть, нет ли чего-нибудь еще; и довольно скоро он говорит:

“О, есть одна вещь, о которой я забыл. Ты смог бы вырастить здесь цветок, как думаешь?

“Я не знаю, но, может быть, я мог бы, Марс Том; но в хиахе довольно темно, и мне все равно ни к чему цветок, иначе от нее было бы много неприятностей”.

“ Ну, ты все равно попробуй. Это делали некоторые другие заключенные”.

“В хиах вырос бы один из этих больших стеблей маллена, похожих на кошачий хвост, Марс Том, я полагаю, но у нее не было бы и половины тех проблем, которые она доставила бы.

“Ты не веришь этому. Мы принесем тебе маленькую, и ты посадишь ее в вон том углу и вырастишь. И не называйте его маллен, называйте его Питчиола — это его правильное название, когда он находится в тюрьме. И ты хочешь полить его своими слезами”.

“Ну, у меня много родниковой воды, Марс Том”.

“Тебе не НУЖНА родниковая вода; ты хочешь полить ее своими слезами. Они всегда так поступают”.

- Ну, Марсианин Том, я бы хотел, чтобы мои родственники вырастили одного из этих твистов с маллен-стэл родниковая вода помогает другому мужчине НАЧАТЬ со слез”.

“Идея не в этом. Ты ДОЛЖЕН делать это со слезами ”.

“Она умрет у меня на руках, Марс Том, она обязательно умрет, потому что я вряд ли когда-нибудь заплачу”.

Так что Том был в тупике. Но он внимательно изучил это, а затем сказал, что Джиму придется повозиться с луком, насколько это возможно. Он пообещал, что утром зайдет в "негритянские хижины" и добавит одну, частную, в кофейник Джима. Джим сказал, что “скоро у него будет табак в кофе”, и нашел в этом столько недостатков, а также в работе и хлопотах по воспитанию малленов и евреев - загонял крыс, ласкал и льстил змеям, паукам и прочим, вдобавок ко всей прочей работе, которую ему приходилось выполнять с ручками, надписями, журналами и прочим, что быть заключенным было больше хлопот, беспокойства и ответственности, чем за что бы то ни было, за что он когда-либо брался, что Том потерял всякое терпение и сказал, что он просто у него было больше блестящих шансов, чем у заключенного когда-либо в мире, сделать себе имя, и все же он не знал,

достаточно, чтобы оценить их по достоинству, а они были практически потрачены на него впустую. Так что
Джим ему жаль, и он сказал, что не стал бы вести себя так, не больше, а потом мне
и том толкнул на кровать.

Глава XXXIX

Утром мы отправились в деревню, купили проволочную крысоловку,
спустили ее вниз и откупорили самую лучшую крысиную нору, и примерно через час у нас
было пятнадцать самых задиристых крысят; а потом мы взяли ее и положили в
безопасное место под кроватью тети Салли. Но пока мы ходили за пауками,
маленький Томас Франклин Бенджамин Джефферсон Элександер Фелпс нашел это
там и открыл дверцу, чтобы посмотреть, не выйдут ли крысы, и
они вышли; и тетя Салли вошла, и когда мы вернулись, она
стояла на кровати и растила Каина, а крысы делали все, что
могли, чтобы избавить ее от скучных времен. Так что она взяла и обсыпала нас обоих
гикри, и мы целых два часа ловили еще
пятнадцать или шестнадцать, черт бы побрал этого назойливого детеныша, и они были не самыми
вероятными, потому что первая добыча была лучшей в стаде. Я никогда не
видел более вероятного количества крыс, чем та первая добыча.

У нас есть великолепный запас рассортированных пауков, и жуков, и лягушек, и
гусениц, и еще чего-нибудь; и нам хотелось бы развести осиное гнездо,
но мы этого не сделали. Семья была дома. Мы не сразу сдались, но
оставались с ними так долго, как могли; потому что мы допускали, что мы утомим
их или они должны были утомить нас, и они это сделали. Затем мы взяли
алликумпайн и натерли эти места, и все снова было почти в порядке
, но не смогли удобно расположиться. И вот мы отправились за змеями,
и схватили пару дюжин подвязок и домашних змей, и положили их в
сумку, и отнесли ее в нашу комнату, и к тому времени наступило время ужина, и
гремучий, честный рабочий день закончился: и проголодались? — о, нет, я думаю, что нет! И
когда мы возвращались, там не было ни одной благословенной змеи — мы не
наполовину завязали мешок, и они как-то разобрались и ушли. Но это не
имело большого значения, потому что они все еще были где-то в помещении. Поэтому мы
решили, что сможем снова заполучить некоторые из них. Нет, в течение длительного времени в доме не было реального
недостатка змей. Вы бы видели, как
они время от времени капают со стропил и других мест; и они

обычно они попадали вам в тарелку или на затылок, и в большинстве
случаев там, где вы их не хотели. Ну, они были красивые и
полосатые, и в миллионе из них не было ничего дурного; но для тети Салли это никогда не
имело значения; она презирала змей, какой бы породы они ни были
, и она терпеть их не могла, как бы это ни было исправимо; и
каждый раз, когда одна из них падала на нее, не имело значения,
что она делала, она просто откладывала работу и
отключалась. Я никогда не видел такой женщины. И вы могли слышать, как она кричала
Иерихону. Ты не смог бы заставить ее взять хоть один из них
щипцами. И если бы она перевернулась и обнаружила кого-нибудь в постели, она бы вскарабкалась
наружу и подняла такой вой, что можно было подумать, что дом в огне. Она
так встревожила старика, что он сказал, что больше всего на свете хотел бы, чтобы
никогда не было никаких змей. Да ведь после того, как все змеи до последней
убрались из дома на целую неделю, тетя Салли еще не оправилась от этого
; она еще и близко не оправилась от этого; когда она сидела и думала о
чем-нибудь, можно было дотронуться перышком до ее затылка, и
она выпрыгивала прямо из чулок. Это было очень любопытно. Но Том
сказал, что все женщины такие. Он сказал, что они созданы такими по той или иной
причине.

Нас облизывали каждый раз, когда одна из наших змей попадалась ей на пути, и
она позволяла этим облизываниям ничего не значить по сравнению с тем, что она сделала бы, если бы мы
когда-нибудь снова наполнили это место ими. Я не возражал против облизываний,
потому что они ничего не значили; но я возражал против того, что у нас были проблемы,
связанные с другой партией. Но мы уложили их и все остальное; и
вы никогда не увидите такой веселой хижины, какой была у Джима, когда они все толпились
на музыку и набрасывались на него. Джиму не нравились пауки, и паукам
не нравился Джим; и поэтому они подстилали для него постель и делали ее очень теплой для
него. И он сказал, что между крысами, змеями и точильным камнем
в постели для него, к сожалению, не было места; а когда было,
тело не могло уснуть, оно было таким оживленным, и оно всегда было оживленным, сказал он,
потому что они никогда не спали все одновременно, а дежурили по очереди, так что, когда
змеи спали, крысы были на палубе, а когда крысы ложились,
змеи заступали на вахту, так что у него всегда была под началом одна банда, на свой
лад, а другая банда устраивала над ним цирк, и если он попадал в ловушку, то становилось страшно. чтобы поохотиться
на
новом месте, пауки попытали бы напасть на него, когда он переправился бы через реку. Он

сказал, что если он когда-нибудь выйдет на этот раз, то никогда больше не будет заключенным, во всяком случае, за зарплату.

Что ж, к концу трех недель все было в довольно хорошей форме. Рубашку присылали рано, в пироге, и каждый раз, когда Джима кусала крыса, он вставал и записывал немного в свой дневник, пока чернила были свежими; ручки были сделаны, надписи и так далее вырезаны на точильном камне; ножка кровати была распилена надвое, и мы насыпали опилок, и от этого у нас ужасно болел живот. Мы думали, что все умрем, но этого не произошло. Это были самые неперевариваемые опилки, которые я когда-либо видел; и Том сказал то же самое. Но, как я уже говорил, теперь мы, наконец, сделали всю работу; и мы все тоже были изрядно вымотаны, но в основном Джим. Старик пару раз писал на плантацию под Орлеаном, чтобы они приехали и забрали своего беглого негра, но ответа не получил, потому что там не было такой плантации; поэтому он разрешил дать объявление о Джиме в газетах Сент-Луиса и Нового Орлеана; и когда он упомянул газеты Сент-Луиса, у меня мурашки побежали по коже, и я понял, что нам нельзя было терять времени. Итак, Том сказал, что теперь перейдем к безымянным буквам.

“Что это за ”они"?" Я говорю.

“Предупреждения людям о том, что что-то происходит. Иногда это делается одним способом, иногда другим. Но всегда есть кто-нибудь, кто шпионит поблизости и сообщает об этом коменданту замка. Когда Людовик XVI. собирался выйти из кладовой, это сделала служанка. Это очень хороший способ, как и безымянные буквы. Мы будем использовать их оба. И это обычно, когда мать заключенного меняется с ним одеждой, и она остается дома, а он выскальзывает в ее одежде. Мы тоже это сделаем”.

“Но послушай сюда, Том, о чем мы хотим кого-нибудь ПРЕДУПРЕДИТЬ что-то случилось? Пусть они выясняют это сами — это их дело”.

“Да, я знаю; но вы не можете на них положиться. Именно так они действовали с самого начала — предоставили нам делать ВСЕ САМИМ. Они настолько доверчивы и легкомысленны, что вообще ни на что не обращают внимания. Так что если мы не ПРЕДУПРЕДИМ их, нам никто и ничто не будет мешать, и поэтому после всей нашей тяжелой работы и неприятностей этот побег пройдет совершенно гладко; ничего из этого не выйдет — ничего особенного в нем не будет ”.

“Ну, что касается меня, Том, то мне бы этого хотелось”.

“Черт возьми!” - говорит он с отвращением на лице. Поэтому я говорю:

“Но я не собираюсь жаловаться. Любым способом, который тебе подходит
меня устраивает. Что ты собираешься делать со служанкой?

“Ты будешь ею. Ты проскальзываешь сюда посреди ночи и цепляешь на крючок платье этой
твоей девчонки.

- Ну, Том, завтра утром из-за этого будут неприятности, потому что, конечно,
у нее, вероятно, ничего нет, кроме этого.

- Я знаю, но тебе нужно всего пятнадцать минут, чтобы отнести
анонимное письмо и подсунуть его под входную дверь.

“Хорошо, тогда я сделаю это; но я мог носить его просто как удобно, на мой
собственные вещи.”

“Тогда ты не была бы похожа на служанку, не так ли?”

“Нет, но все равно некому будет увидеть, как я выгляжу”.

“Это не имеет к делу никакого отношения. Нам остается просто
выполнять свой ДОЛГ и не беспокоиться о том, УВИДИТ ли кто-нибудь, что мы это делаем, или
нет. Неужели у тебя совсем нет принципов?

“ Ладно, я ничего не говорю, я служанка. Кто у Джима
Мать?”

“Я его мать. Я возьму платье у тети Салли.

- Ну, тогда тебе придется остаться в домике, когда мы с Джимом
уедем.

“ Не так уж много. Я набью одежду Джима соломой и разложу ее на его кровати,
чтобы изобразить его переодетую мать, а Джим снимет с меня платье черномазой женщины
и наденет его, и мы все вместе сбежим. Когда
узник стиля сбегает, это называется уклонением. Это всегда так называется,
например, когда сбегает король. И то же самое с сыном короля;
не имеет значения, естественный он или неестественный
”.

Итак, Том написал неназванное письмо, и в тот вечер я смял платье этой желтой
девчонки, надел его и подсунул под входную
дверь, как велел мне Том. В нем говорилось:

Берегись. Назревают неприятности. Будь настороже.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДРУГ

На следующую ночь мы повесили на парадную дверь рисунок, который Том нарисовал кровью, с изображением черепа
и скрещенных костей, а на следующую ночь еще один, с изображением гроба
, на заднюю дверь. Я никогда не видел семью в таком поту. Они не могли бы
испугаться сильнее, если бы это место
было полно призраков, подстерегавших их, и они подстерегали бы их за всем, и под кроватями, и дрожали бы в воздухе. Если
хлопала дверь, тетя Салли подпрыгивала и говорила “ой!”, если что—нибудь падало,
она подпрыгивала и говорила “ой!”, если вы случайно дотрагивались до нее, когда она
этого не замечала, она делала то же самое; она не могла смотреть ни на что и быть
довольной, потому что каждый
раз допускала, что за ней что-то есть, поэтому она всегда внезапно оборачивалась и говорила “ой”,
и, не успев сделать и двух третей оборота, снова оборачивалась и повторяла это
снова; и она боялась ложиться спать, потому что каждый раз чувствовала, что за ней что-то есть. но она не решилась на
это. Так что, по словам Тома,
все работало очень хорошо, он сказал, что никогда не видел, чтобы что-то работало
более удовлетворительно. Он сказал, что это показывает, что все было сделано правильно.

Итак, он сказал, теперь перейдем к грандиозному выступу! Итак, уже на следующее утро, на
рассвете, мы подготовили еще одно письмо и размышляли, что нам
лучше с ним сделать, потому что за ужином мы слышали, как они сказали, что собираются
поставить негра дежурить у обеих дверей всю ночь. Том спустился по
громоотводу, чтобы пошпионить вокруг, а негр у задней двери спал,
и он воткнул его себе в затылок и вернулся. В этом письме говорилось:

Не предавай меня, я хочу быть твоим другом. Озверевшая банда
головорезов с индейской территории собирается сегодня ночью украсть вашего сбежавшего
негра, и они пытались напугать вас, чтобы вы
оставались в доме и не беспокоили их. Я один из банды, но у меня есть
религия, и я хочу бросить ее и снова вести честную жизнь, и я предам
замысел хелишей. Они прокрадутся с севера, вдоль забора,
ровно в полночь, с фальшивым ключом, и войдут в хижину негра, чтобы забрать
его. Я должен быть начеку и трубить в жестяной рожок, если увижу какую-нибудь опасность; но
вместо этого я буду лаять, как овца, как только они войдут, и вообще не буду дуть
; тогда, пока они будут снимать с него цепи, ты проскользнешь туда и запрешь
их, и сможешь убить их по своему усмотрению. Не делай ничего, кроме того,
как я тебе говорю; если ты это сделаешь, они что-нибудь заподозрят и поднимут
шумиху. Я не желаю никакой награды, но хочу знать, что поступил
правильно.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДРУГ.

Глава XL

После завтрака мы чувствовали себя довольно хорошо, и взяли мое каноэ, и отправились на реку порыбачить, пообедав, и хорошо провели время, и посмотрели на плот и нашли его в порядке, и вернулись домой поздно к ужину, и застали их в таком поту и беспокойстве, что они не знали, на каком конце они стояли, и отправили нас сразу спать, как только мы закончили ужинать, и не сказали нам, в чем была проблема, и никогда не обмолвились ни словом о новом письме, но в этом не было необходимости, потому что мы и так знали, что много думал об этом, как и все остальные, и как только мы поднялись на половину лестницы и она повернулась к нам спиной, мы проскользнули к буфету в подвале, набрали хорошего обеда, отнесли его в нашу комнату и легли спать, а встали около половины двенадцатого, и Том надел платье тети Салли, которое украл, и собирался приступить к обеду, но говорит:

“Где у тебя масло?”

“Я положил кусочек этого, - говорю, — на кусок кукурузной лепешки”.

“Ну, тогда ты оставила это на столе - его здесь нет”.

“Мы можем обойтись и без этого”, - говорю я.

“Мы и с этим справимся, - говорит он. - Просто спустись в подвал и принеси это. А потом спускайся прямо по громоотводу и приходи. Я пойду и набью солому в одежду Джима, чтобы изобразить его переодетую мать, и буду готов брыкаться, как овца, как только ты доберешься туда”.

Итак, он вышел, а я спустился в подвал. Кусок масла, величиной с человеческий кулак, был там, где я его оставила, так что я взяла кукурузную лепешку, не снимая ее, и погасила свет, и начала очень тихо подниматься по лестнице, и благополучно добралась до первого этажа, но тут входит тетя Салли со свечой, и я нахлобучила грузовик на шляпу, и нахлобучила шляпу на голову, и в следующую секунду она видит меня; и она говорит:

“Ты спускался в подвал?”

“Да”.

“Что ты там делал внизу?”

“Ничего”.

“НИЧЕГО!”

“Нет”.

“Ну, тогда что заставило тебя спуститься туда в такое время ночью?”

“Я не знаю ”м.".

“Ты не ЗНАЕШЬ? Не отвечай мне так. Том, я хочу знать, что ты там делал.

- Я ничего не делал, тетя Салли, будь я добр, если я это сделал .

Я полагал, что теперь она меня отпустит, и, как правило, она так и сделает; но я полагаю, что происходило так много странных вещей, что она просто переживала из-за каждой мелочи, которая не укладывалась в голове; поэтому она говорит, очень решительно:

- Ты просто маршируй в ту комнату и оставайся там, пока я не приду. Ты занимался чем-то, до чего тебе нет дела, и я обещаю выяснить, что это такое, прежде чем покончу с тобой.

Поэтому она ушла, когда я открыл дверь и вошел в декорационную комнату. Боже, но там была толпа! Пятнадцать фермеров, и у каждого из них было ружье. Меня сильно затошнило, я прокрался к стулу и сел . Они сидели вокруг, некоторые из них немного разговаривали тихим голосом, и все они суетились и чувствовали себя неловко, но старались делать вид, что они этого не делают; но я знал, что это так, потому что они постоянно снимали свои шляпы и надевали их, и чесали затылки, и меняли места, и возились с пуговицами. Мне и самому было нелегко, но я все равно не снял шляпу.

Я действительно хотел, чтобы тетя Салли пришла и покончила со мной, и облизала меня, если захочет, и позволила мне уйти и рассказать Тому, как мы перестарались с этим делом, и в какое осиное гнездо мы вляпались сами, чтобы мы могли немедленно перестать валять дурака и убраться с Джимом, пока у этих подонков не лопнуло терпение и они не пришли за нами.

Наконец она пришла и начала задавать мне вопросы, но я НЕ МОГ отвечать на них прямо, я не знал, с какого конца я встал; потому что эти люди сейчас были в таком волнении, что некоторые хотели начать прямо СЕЙЧАС и уложить этих головорезов, и говорили, что это всего лишь несколько

оставалось всего несколько минут до полуночи; и другие пытались уговорить их держаться и
ждать сигнала к овцеводству; и вот тетя отвечала на
вопросы, а я весь дрожал и был готов упасть как подкошенный,
я был так напуган; и в помещении становилось все жарче и жарче, и масло
начало таять и стекать у меня по шее и за ушами; и довольно
скоро, когда один из них сказал: "Я за то, чтобы пойти и залезть в хижину
ПЕРВЫМ и прямо СЕЙЧАС, и поймать их, когда они придут", я почти
упал духом.; и по моему лбу стекает струйка масла, и
тетя Салли, увидев это, становится белой как полотно и говорит:

" Ради всего святого, что случилось с ребенком? У него
мозговая лихорадка с самого твоего рождения, и она вытекает наружу!"

И все бегут посмотреть, а она срывает с меня шляпу, и
достает хлеб и то, что осталось от масла, и она схватила меня, и
обняла меня, и говорит:

" О, как ты меня завела! и как я рад и благодарен, что
хуже не бывает; потому что удача против нас, и никогда не идет дождь, но льет как из ведра, и
когда я увидел этот грузовик, я подумал, что мы потеряли тебя, потому что я узнал по цвету
и все было именно так, как было бы у тебя в голове, если бы ... Дорогой, дорогой, почему ты не
СКАЗАЛ мне, что ты был там для этого, мне было бы все равно.
А теперь отправляйся спать и не показывайся мне больше до утра!

Через секунду я был уже наверху по лестнице, через
секунду - внизу по громоотводу и, сверкая глазами, пробирался в темноте к навесу. Я с трудом выдавил из себя
эти слова, я был так взволнован; но я сказал Тому так быстро, как только мог, что мы
должны броситься наутек, и нельзя терять ни минуты —
там, в доме, полно людей с ружьями!

Его глаза просто вспыхнули; и он говорит:

"Нет! — это правда? РАЗВЕ это НЕ хулиганство! Что ж, Гек, если бы это повторилось
Еще раз, держу пари, я смог бы выручить двести! Если бы мы могли отложить это до...

"Быстрее! БЫСТРЕЕ!" Я говорю. "Где Джим?"

"Прямо у твоего локтя; если ты протянешь руку, то сможешь дотронуться до него.
Он одет, и все готово. Теперь мы выскользнем и подадим
овечий сигнал.

Но затем мы услышали шаги мужчин, приближающихся к двери, и услышали, как
они начали возиться с замком, и услышали, как мужчина сказал:

— Я ЖЕ ГОВОРИЛ тебе, что мы придем слишком рано; они не пришли - дверь
заперта. Я запру кого-нибудь из вас в хижине, и вы подстерегите их в
темноте и убьете, когда они придут; а остальные рассредоточьтесь вокруг
орудия и слушайте, не слышно ли, как они приближаются.

Итак, они вошли, но не смогли разглядеть нас в темноте, и большинство из них наступили на нас
, пока мы пытались забраться под кровать. Но мы все—таки добрались до дна,
и выбрались через дыру, быстро, но мягко -Джим первым, я следующим и Том
последним, что соответствовало приказу Тома. Теперь мы были в пристройке,
и услышали топот совсем рядом снаружи. Итак, мы подкрались к двери, и Том
остановил нас там и приложил глаз к щели, но ничего не смог разглядеть
, было так темно; и прошептал и сказал, что прислушается, не раздадутся ли
шаги дальше, и когда он толкнет нас локтем, Джим должен выскользнуть первым, а
он последним. Поэтому он приложил ухо к щели и слушал, и слушал, и
слушал, а шаги там все время скребли; и, наконец,
он толкнул нас локтем, и мы выскользнули наружу, и пригнулись, не дыша и не
производя ни малейшего шума, и тихонько проскользнули к забору
гуськом, как индейцы, и мы с Джимом благополучно добрались до него, а мы с Джимом перелезли через него; но
штаны Тома
крепко зацепились за щепку на верхней перекладине, а потом он услышал, что шаги
приближаются, так что ему пришлось отстегнуться. который сломал щепку и произвел
шум; и когда он упал на наши пути и тронулся с места, кто-то запел:

“Кто это? Отвечайте, или я буду стрелять!”

Но мы не ответили; мы просто развернулись на каблуках и толкнули. Затем
раздался грохот, и БАХ, БАХ, БАХ! и пули
засвистели вокруг нас! Мы слышали, как они пели:

“ Вот они! Они прорвались к реке! За ними, ребята, и
Спустите собак!

И вот они идут полным ходом. Мы могли слышать их, потому что они были в
ботинках и орали, но мы не носили ботинок и не орали. Мы были на
тропинке к мельнице; и когда они подобрались к нам совсем близко, мы нырнули
в кусты и пропустили их, а затем пристроились за ними.
Они загнали всех собак, чтобы они не спугнули грабителей;
но к этому времени кто-то выпустил их на волю, и вот они идут,
издавая столько шума, что хватило бы на миллион; но это были наши собаки; поэтому мы
остановились как вкопанные, пока они не догнали; и когда они увидели, что это не насторожило
никого, кроме нас, и им нечего было предложить, они только сказали

привет, и рванули прямо вперед, на крики и грохот; а потом
мы снова прибавили ходу и помчались за ними, пока не оказались почти у
мельницы, а затем продрались сквозь кустарник к тому месту, где было
привязано мое каноэ, запрыгнули в него и изо всех сил потянули к середине
реки, но производили не больше шума, чем нам полагалось. Затем мы
легко и удобно поплыли к острову, где стоял мой плот; и
мы слышали, как они орали и лаяли друг на друга по всему
берегу, пока мы не оказались так далеко, что звуки стали приглушенными и затихли совсем. И когда
мы ступили на плот, я сказал:

“ТЕПЕРЬ, старина Джим, ты снова свободный человек, и я уверен, что ты больше никогда не будешь
рабом”.

“ Это тоже очень хорошая работа, Гек. Это было прекрасно спланировано, и
это было прекрасно сделано; и никто не придумал бы план, который был бы более
запутанным и великолепным, чем тот, который есть у этого человека ”.

Мы все радовались, как могли, но Том радовался больше всех
потому что у него была пуля в икре ноги.

Когда мы с Джимом услышали это, мы уже не чувствовали себя такими дерзкими, как раньше.
Ему было очень больно, и он истекал кровью; поэтому мы положили его в
вигвам и разорвали одну из рубашек герцога, чтобы перевязать его, но
он говорит:

“ Дай мне тряпки, я могу сделать это сам. Не останавливайся сейчас; не валяй здесь дурака
, и "уклонение" гремит так красиво; возьми на себя
подсечку и отпусти ее! Мальчики, мы сделали это элегантно! — "Дело, которое мы сделали. Я
хотел бы, ЧТОБЫ У НАС было такое обращение, как у Людовика XVI, и в ЕГО биографии не было бы
записи "Сын Людовика Святого, вознесись на небеса!";
нет, сэр, мы бы
переправили его через ГРАНИЦУ — вот что мы бы с НИМ сделали — и сделали это так же ловко, как вообще ничего.
Человек, который
подметает, человек, который подметает!’”

Но мы с Джимом советовались - и думали. И после того, как мы
подумали минуту, я говорю:

“Скажи это, Джим”.

Поэтому он говорит:

“Ну, Ден, мне так кажется, Гек. Если бы ЭТО было с НИМ , да
будучи совершенно свободен, если кого-то из мальчиков подстрелят, скажет ли он: "Продолжай и
спаси меня, немайн" насчет доктора, который спасет этого?’ Это похоже на Марс

Том Сойер? Сказал бы он это? ДЕРЖУ пари, что нет! НУ что, ден,
ДЖИМ Гайн должен это сказать? Нет, сэр, я ни на шаг не сдвинусь с места без
ВРАЧА, даже если прошло сорок лет!

Я знал, что внутри у него все побелело, и я рассчитывал, что он скажет то, что сказал
так что теперь все было в порядке, и я сказал Тому, что иду за врачом.
Он поднял из-за этого большой шум, но мы с Джимом настаивали на своем и
не сдвинулись с места; поэтому он был за то, чтобы выползти и освободить плот
самому; но мы ему не позволили. Затем он высказал нам часть своего мнения,
но это не принесло никакой пользы.

Поэтому, когда он видит, что я готовлю каноэ, он говорит:

“Ну, тогда, если ты собираешься идти, я расскажу тебе, как это сделать, когда
ты доберешься до деревни. Закройте дверь и завяжите доктору глаза туго и
крепко, и заставьте его поклясться, что он будет тих как могила, и дайте ему в руку кошелек, полный
золота, а затем возьмите и проведите его по всем закоулкам
и повсюду в темноте, а затем привезите его сюда в каноэ,
кружным путем среди островов, и обыщите его, и отберите у него мел
, и не отдавайте ему, пока не доставите его обратно в
деревню, или же он нарисует этот плот мелом, чтобы снова найти его. Так
они все поступают”.

Поэтому я сказал, что приду, и ушел, а Джиму велено было прятаться в лесу, когда он
увидит, что доктор идет, пока он снова не уйдет.

Глава XLI

Доктор был стариком; очень милым, добродушным на вид стариком, когда я
поднял его. Я сказал ему, что мы с братом были на Испанском острове
вчера днем на охоте и разбили лагерь на найденном нами куске плота,
и около полуночи он, должно быть, во сне пнул свое ружье, потому что оно
выстрелило и ранило его в ногу, и мы хотели, чтобы он поехал туда и починил его
и ничего не говорил об этом и никому не рассказывал, потому что мы хотели
вернуться домой этим вечером и удивить людей.

“Кто твои родители?” он спрашивает.

“Фелпсы, вон там”.

“О, - говорит он. И через минуту он спрашивает:

“Как, ты говоришь, в него стреляли?”

“Ему приснился сон, - говорю я, - и он застрелил его”.

“Странный сон”, - говорит он.

Итак, он зажег свой фонарь, взял седельные сумки, и мы тронулись в путь. Но когда он увидел каноэ, ему не понравился его вид — сказал, что оно достаточно большое для одного, но не выглядит достаточно безопасным для двоих. Я говорю:

- О, вам не нужно бояться, сэр, она легко вынесла нас троих достаточно.

“Какие три?”

— Ну, я и Сид, и... и... и ПИСТОЛЕТЫ, вот что я имею в виду.

“О”, - говорит он.

Но он поставил ногу на перекладину и покачал ее, и покачал головой, и сказал, что, пожалуй, поищет машину побольше. Но все они были заперты и прикованы цепями; поэтому он взял мое каноэ и сказал, чтобы я подождал, пока он не вернется, или я могу поохотиться еще, или, может быть, мне лучше спуститься домой и подготовить их к сюрпризу, если я захочу. Но я сказал, что не знаю; поэтому я просто рассказал ему, как найти плот, и тогда он начал.

Довольно скоро мне в голову пришла идея. Я говорю себе, почему он не может вылечить эту ногу всего за три взмаха овечьего хвоста, как говорится? возможно, это займет у него три или четыре дня? Что мы собираемся делать?— валяться там, пока он не выпустит кота из мешка? Нет, сэр, я знаю, что я сделаю. Я подожду, и когда он вернется, если он скажет, что ему нужно идти дальше, я тоже спущусь туда, если доплыву; и мы возьмем и привяжем его, и будем держать, и столкнем вниз по реке; и когда Том закончит с ним, мы отдадим ему столько, сколько это стоит, или все, что у нас есть, а потом позволим ему выбраться на берег.

И тогда я забрался на кучу бревен, чтобы немного поспать; и в следующий раз, когда я проснулся, солнце уже стояло высоко у меня над головой! Я выскочил и направился к дому доктора, но мне сказали, что он ушел ночью на какое-то время или что-то в этом роде и до сих пор не вернулся. Что ж, думаю я, для Тома это выглядит очень плохо, и я сразу же отправлюсь на поиски острова. Поэтому я оттолкнулся, завернул за угол и чуть не врезался головой в живот дяди Сайласа! Он говорит:

“ Ну что ты, Том! Где ты был все это время, негодяй?”

“Я нигде не был, - говорю, - только охотился за беглянкой ниггер — я и Сид”.

“Почему, куда ты вообще ходила?” он спрашивает. - Твоя тетя была очень взволнована

.

“Ей это было не нужно, - говорю я, - потому что у нас все было в порядке. Мы преследовали людей и собак, но они обогнали нас, и мы потеряли их; но нам показалось, что мы слышали их шум на воде, поэтому мы взяли каноэ и отправились за ними и не смогли ничего от них найти; поэтому мы плыли вдоль берега, пока не устали и не выбились из сил; и привязали каноэ и легли спать, и не просыпались примерно час назад; потом мы поплыли сюда послушать новости, а Сид пошел на почту посмотреть, что он может услышать , и я собираюсь перекусить для нас, а потом мы поедем домой”.

Тогда мы пошли на почту, чтобы забрать “Сида”; но, как я и подозревал, его там не было; тогда старик получил письмо из офиса, и мы подождали еще немного, но Сид не пришел; тогда старик сказал: "Пойдем, пусть Сид дойдет до дома пешком или сплавится на каноэ, когда закончит валять дурака", - но мы поедем верхом. Я никак не могла уговорить его позволить мне остаться и дождаться Сида; и он сказал, что в этом нет смысла, и я должна пойти с ним, и показать тете Салли, что с нами все в порядке.

Когда мы вернулись домой, тетя Салли была так рада меня видеть, что смеялась и плакала одновременно, и обняла меня, и дала мне кусочек ветчины, который не стоит ни гроша, и сказала, что угостит Сида тем же, когда он придет.

И заведение было битком набито фермерами и женами фермеров, собравшимися на ужин; и такого клацанья никто еще никогда не слышал. Старая миссис Хочкис была хуже всех; у нее все время заплетался язык. Она говорит:

“Ну, сестра Фелпс, я обшарил всю каюту с кондиционером, и я уверен, что ниггер был сумасшедшим. Я сказал сестре Дэмрелл — не так ли, сестра Дэмрелл? — С'я, он сумасшедший, с'Я— это те самые слова, которые я сказал. Вы все слышите меня: он сумасшедший, да; все показывает это, да. Посмотри на этот воздушный точильный камень, да; хочешь сказать МНЕ, что ни один кретин в здравом уме не станет нацарапывать все эти безумные штуки на точильном камне, да? Вот так человек разбил себе сердце; и вот так "привязан" к тридцати семи годам, и все такое - обычный сын какого—то Луи, и вот так вечный мусор. Он совершенно сумасшедший, да; это то, что я сказал в начале

место, это то, что я говорю в середине, и это то, что я говорю последним ”н" все время — ниггер сумасшедший, сумасшедший Небокудожник, да.

- А ты посмотри на эту воздушную лестницу, сшитую из тряпок, сестра Хочкис, — говорит старая миссис Дэмрелл. - Чего, во имя всего святого, он мог хотеть от...

- Те самые слова, которые я не далее как сию минуту говорил сестре Аттербек, и она сама тебе это скажет. Ш-ше, посмотри на эту- воздушную тряпичную лестницу, ш-ше; н—да, ПОСМОТРИ на нее, ш-ше, что он МОГ от нее хотеть, ш-ше. Ш-она, сестра Хочкисс, ш-она...

“Но как, черт возьми, им вообще удалось РАЗДОБЫТЬ этот точильный камень, В ЛЮБОМ случае? и кто выкопал эту воздушную ЯМУ? ”н" кто...

“ Это мои СЛОВА, братец Пенрод! Я хотел сказать, чтобы вы передали это воздушное оскорбление моим парням, не так ли?— Я тут сию минуту спрашивал сестру Данлэп, откуда у них там этот точильный камень, а? Без ПОСТОРОННЕЙ ПОМОЩИ, заметьте — без ПОСТОРОННЕЙ ПОМОЩИ! ВОТ в чем дело. Не говори МНЕ, с'Я; там была помощь, с'Я; и там тоже была БОЛЬШАЯ помощь, с'Я; их больше ДЮЖИНЫ помогают этому ниггеру, и я готов содрать шкуру с каждого ниггера в этом месте, но я найду, кто это сделал, с'Я; и более того, с'я...

— ДЮЖИНА говорит, что ты! - СОРОК человек не смогли бы сделать всего, что было сделано. Посмотрите на эти пилы и прочее, какие нудные они были сделаны; посмотрите на ножку кровати, отпиленную буквой ”м", - недельная работа для шести человек; посмотрите на этого негра, застеленного соломой на кровати; и посмотрите на...

“ Ты вполне можешь сказать это, брат Хайтауэр! Это именно то, что я говорил брату Фелпсу, самому себе. С'е, что ТЫ об этом думаешь, сестра Хочкис, с'е? О чем думаешь, брат Фелпс, а? Подумай о том, что ножку кровати отпилили таким способом, да? ПОДУМАЙ об этом, да? Я уверен, что это никогда не отпиливалось САМО по СЕБЕ, с'Я— кто-то это ОТПИЛИЛ, с'Я; это мое мнение, принимай его или оставь, может, оно и не имеет значения, с'Я, но как бы там ни было, это мое мнение, с'Я, и если кто-нибудь хочет начать лучше, с'Я, пусть он это СДЕЛАЕТ, с'я, вот и все. Я сказал сестре Данлэп, ты...

“Черт возьми, мои кошки, они, должно быть, набивают там полный дом ниггеров каждую ночь в течение четырех недель, чтобы проделать всю эту работу, сестра Фелпс. Посмотрите на эту рубашку — каждый ее дюйм покрыт тайными африканскими письменами, сделанными кровью! Неужели Бен-рафт должен заниматься этим постоянно,

большинство. Что ж, я бы дал два доллара, чтобы мне это прочли; а что касается ниггеров, которые это написали, то, думаю, я бы взял и выпорол их, если бы ...

" Люди, которые ПОМОГУТ ему, брат Марплз! Ну, я думаю, ты бы думал так же, если бы побыл в этом доме некоторое время назад. Да ведь они украли все, до чего смогли дотянуться, а мы все время за этим наблюдаем, имейте в виду. Они украли эту футболку прямо с конвейера! а этот лист, который они сделали тряпичную лестницу из, еще не никто не знает, как много раз они не украдет; а муку, свечи, а подсвечники, а ложки, а старую потепление-Пан, и большинство тысячи вещей, которые я disremember сейчас, а мое новое ситцевое платье; и меня и Сайласа и мой Сид и том постоянным наблюдением день и ночь, как я был-говорю тебе, и ни один из нас не мог поймать спрятать, ни волос, ни взгляда , ни звука; и вот в последнюю минуту, глядь, они скользит прямо у нас под носом и дураков нас, и не только дураков, но индеец территории разбойников тоже, а actuly получает от негра безопасный и звук, и что шестнадцать человек и двадцать две собаки прямо у них очень каблуки в это время! Говорю вам, это просто превосходит все, о чем я когда-либо СЛЫШАЛ. Да ведь СПЕРИТС не мог бы сделать лучше и был ничуть не умнее. И я думаю, что это, должно быть, БЫЛИ спецы — потому что, ВЫ же знаете наших собак, и они ничуть не лучше; ну, те собаки ни разу даже не вышли на СЛЕД меня! Объясните мне ЭТО, если сможете! — ЛЮБОЙ из вас!"

"Ну, это действительно бьет..."

"Законы живы, я никогда..."

"Да поможет мне бог, я бы не стал..."

"ДОМОВЫМИ ворами, а также..."

"Боже милостивый, я бы побоялся жить в сече..."

"Боюсь ЖИТЬ! — да ведь я был так напуган, что с трудом ложился спать, или вставай, или ложись, или ПРИСАЖИВАЙСЯ, сестра Риджуэй. Да ведь они украли бы само... Да что там, ради всего святого, вы можете догадаться, в каком волнении я был прошлой ночью, когда наступила полночь. Я надеюсь, что буду милостив, если я не побоюсь, что они украдут кого-нибудь из семьи! Я был просто на грани того, что у меня больше не было способностей рассуждать. Это выглядит достаточно глупо СЕЙЧАС, днем; но я говорю себе: "Вот мои два бедных мальчика, спят"наверху, в этой одинокой комнате, и, клянусь богом, мне было так неловко, что я прокрался туда и запер их! Я ТАК И СДЕЛАЛ. И

любой бы так сделал. Потому что, знаешь, когда ты вот так пугаешься, и
это продолжается, и с каждым разом становится все хуже и хуже, и твой
разум начинает мутнеть, и ты начинаешь совершать всякие дикие поступки, и постепенно
ты думаешь про себя: ”А вдруг я была мальчиком, и была далеко наверху,
и дверь не заперта, и ты ..." Она замолчала, выглядя как бы
удивленной, а потом медленно повернула голову, и когда ее взгляд
остановился на мне — я встал и пошел прогуляться.

Я говорю себе, что смогу лучше объяснить, почему мы не оказались в этой
комнате сегодня утром, если отойду в сторону и немного изучу ее. Так что я
сделал это. Но я не побоялся пойти на это, иначе она послала бы за мной. И когда было уже поздно
, все люди разошлись, а потом я вошел и сказал ей, что шум
и стрельба разбудили меня и “Сида”, и дверь была заперта, и мы
хотели посмотреть на веселье, поэтому спустились по громоотводу, и мы оба
немного поранились, и мы больше никогда не хотели ЭТОГО делать. И
тогда я продолжил и рассказал ей все, что раньше говорил дяде Сайласу; а потом
она сказала, что простит нас, и, может быть, все и так будет в порядке вещей, и
о том, чего можно ожидать от мальчиков, потому что все мальчики - довольно харизматичная
сволочь, насколько она могла видеть; и поэтому, пока из этого не
вышло ничего плохого, она решила, что ей лучше потратить время на то, чтобы быть благодарной, что мы
живы и здоровы и мы все еще у нее есть, вместо того, чтобы переживать из-за того, что было в прошлом
и сделано. И тогда она поцеловала меня, и погладила по голове, и погрузилась
в своего рода мрачное изучение; и довольно скоро вскакивает и говорит:

“ Боже правый, уже почти ночь, а Сид еще не пришел! Что
Стало с этим мальчиком?”

Я вижу свой шанс; поэтому я вскакиваю и говорю:

“Я сбегаю прямо в город и приведу его”, - говорю я.

“Нет, ты не сделаешь этого”, - говорит она. “Ты останешься там, где ты есть; ОДНОГО
достаточно, чтобы потеряться за раз. Если он не придет к ужину, твой дядя уйдет.

Ну, его не было там к ужину, так что сразу после ужина дядя ушел.

Он вернулся около десяти, немного встревоженный; не наткнулся на след Тома
. Тетя Салли была очень встревожена, но дядя Сайлас сказал, что для этого
не было никакого повода — мальчики есть мальчики, сказал он, и ты увидишь, что этот
утром вернется целым и невредимым. Так что ей пришлось удовлетвориться.
Но она сказала, что все равно посидит с ним какое-то время и будет держать свет
горящим, чтобы он мог это видеть.

А потом, когда я пошел спать, она поднялась вместе со мной и принесла
свою свечу, и подоткнула мне одеяло, и так по-матерински заботилась обо мне, что я почувствовал себя ничтожеством, и
как будто я не мог смотреть ей в лицо; и она присела на кровать и
долго разговаривала со мной, и сказала, каким замечательным мальчиком был Сид, и
, казалось, не хотела когда-либо прекращать говорить о нем; и продолжала спрашивать меня,
время от времени, как я думаю, мог ли он
заблудиться, или пострадать, или, может быть, в эту минуту утонул и, возможно, лежит там где-то страдал или
умер, а ее не было рядом, чтобы помочь ему, и поэтому слезы капали
тихо, и я говорил ей, что с Сидом все в порядке, и он, конечно, будет дома
утром; и она сжимала мою руку или, может быть, целовала меня,
и просила меня повторить это снова, и продолжать повторять, потому что это пошло ей
на пользу, и у нее были такие большие неприятности. И когда она уходила,
она посмотрела мне прямо в глаза, такая спокойная и нежная, и сказала:

– Дверь не будет заперта, Том, и еще есть окно и
прут; но ты будешь вести себя хорошо, ПРАВДА? И ты не уйдешь? Ради МЕНЯ
.

Лоусс знает, что я так сильно ХОТЕЛА поехать, чтобы узнать о Томе, и
намеревалась поехать; но после этого я бы ни за что не поехала, ни за какие
королевства.

Но я думал о ней, и Том был у меня на уме, так что я спал очень
беспокойно. И дважды я спускался по тропинке ночью, и проскальзывал
спереди, и видел, как она сидит там при свете свечи в окне, и
ее глаза устремлены на дорогу, и в них стоят слезы; и мне хотелось сделать
что-нибудь для нее, но я не мог, только поклясться, что я никогда больше не сделаю
ничего, что могло бы ее огорчить. И в третий раз я проснулся на рассвете,
и соскользнул вниз, а она все еще была там, и ее свеча почти погасла, и
ее старая седая голова покоилась на руке, и она спала.

Глава XLII

Старик снова уехал в город перед завтраком, но не смог разыскать
Тома; и они оба сели за стол, задумавшись, и ничего не сказали
, и вид у них был печальный, и кофе у них остывал, и они ничего не
ели. И мало-помалу старик говорит:

“Я отдал тебе письмо?”

- Какое письмо?

“То, которое я получил вчера на почте”.

“Нет, вы не давали мне никакого письма”.

“Ну, я, должно быть, забыл его”.

Тогда он порылся в карманах, а потом куда-то ушел,
он положил его, принес и отдал ей. Она говорит:

“Да ведь это из Санкт—Петербурга, это от сестренки”.

Я решил, что еще одна прогулка пойдет мне на пользу, но не мог пошевелиться. Но
прежде чем она смогла открыть его, она уронила его и убежала, потому что
что—то увидела. И я тоже. Это был Том Сойер на матрасе; и тот старый
доктор; и Джим в ситцевом платье, со связанными за спиной руками;
и множество людей. Я спрятал письмо за первым, что попалось под руку,
и помчался. Она бросилась к Тому, плача, и говорит:

“О, он мертв, он мертв, я знаю, что он мертв!”

И Том слегка повернул голову и что-то пробормотал
другой, который показывал, что он не в своем уме; тогда она всплеснула
руками и сказала:

“ Слава Богу, он жив! И этого достаточно!” - и она сорвала с него воздушный поцелуй
и помчалась в дом готовить постель, на каждом шагу раздавая приказы
направо и налево ниггерам и всем остальным так быстро, как только мог ее язык
.

Я последовал за мужчинами, чтобы посмотреть, что они собираются делать с Джимом; а
старый доктор и дядя Сайлас последовали за Томом в дом.
Мужчины были очень раздражены, и некоторые из них хотели повесить Джима в
пример всем остальным ниггерам в округе, чтобы они не пытались
сбежать, как это сделал Джим, и не создавали столько проблем, и
держали всю семью в смертельном страхе дни и ночи напролет. Но
другие сказали: не делайте этого, это вообще ничего не даст; он не наш ниггер, и
его владелец, конечно, объявится и заставит нас заплатить за него. Так что это немного их охладило
, потому что люди, которые всегда больше всего хотят
повесить негра, который поступил не совсем правильно, - это всегда те, кто
не очень хочет платить за него, когда они получили от него свое удовлетворение
.

Они, однако, обругали Джима консибла и время от времени давали ему пару тумаков
по голове, но Джим никогда ничего не говорил и никогда не подавал виду

чтобы узнать меня, и они отвели его в ту же хижину, и надели на него его собственную
одежду, и снова приковали его, и на этот раз не к ножке кровати,
а к большой скобе, вбитой в нижнее бревно, и приковали его руки тоже,
и обе ноги, и сказали, что после этого ему нельзя будет
есть ничего, кроме хлеба и воды, пока не придет его хозяин, или его продадут с аукциона, потому что он
не придет через определенное время, и засыпали нашу яму, и сказали, что
пара фермеров с ружьями должны стоять на страже около дома. хижина
каждую ночь, а днем у двери привязан бульдог; и примерно в это
время они закончили работу и расходились,
обычно ругаясь на прощание, а потом приходит старый доктор, смотрит,
и говорит:

- Не будь с ним грубее, чем тебе положено, потому что он
неплохой негр. Когда я добрался туда, где нашел мальчика, я увидел, что не мог
вырезать пулю без посторонней помощи, и он был не в том состоянии, чтобы
я мог уйти за помощью; и ему становилось все хуже и немного
хуже, и через долгое время он сошел с ума и больше не позволял мне
приближаться к нему, и сказал, что если я начищу его плот мелом, он убьет меня,
и таким диким глупостям не было конца, и я вижу, что вообще ничего не мог с ним сделать
; так что я сказал, что у меня ничего не получится. чтобы как-то получить ПОМОЩЬ; и в ту минуту, когда я
говорю это, откуда-то выползает этот ниггер и говорит, что поможет, и
он тоже это сделал, и сделал очень хорошо. Конечно, я решил, что это, должно быть,
беглый негр, и ОКАЗАЛСЯ ТАМ! и там мне пришлось держаться прямо
весь остаток дня и всю ночь. Это было здорово, говорю вам! У меня была
пара пациентов с ознобом, и, конечно, мне
хотелось бы съездить в
город и повидать их, но я не осмеливался, потому что негр мог удрать, и
тогда виноват был бы я; и все же ни одна лодка не подходила достаточно близко, чтобы я мог их окликнуть. Итак,
сегодня утром мне пришлось торчать там до рассвета; и я
никогда не видел ниггера, который был бы лучшим нянькой или верующим, и все же он
рисковал своей свободой, чтобы сделать это, и к тому же совсем вымотался, и я ясно вижу,
что в последнее время он очень много работал. За это мне и понравился негр;
говорю вам, джентльмены, такой негр стоит тысячи долларов — и
доброго обращения тоже. У меня было все, что мне было нужно, и мальчику там было так же
хорошо, как дома, — может быть, лучше, потому что там было так
тихо; но там был я, с обоими мной на руках, и мне пришлось
торчать до рассвета этим утром; потом мимо проплыли какие-то люди в лодке,

и, по счастливой случайности, негр сидел у тюфяка,
положив голову на колени, и крепко спал; поэтому я тихонько сделал им знак,
и они незаметно подкрались к нему, схватили и связали, прежде чем он
понял, что делает, и у нас никогда не было никаких проблем. И мальчик,
поскольку сон у него тоже был какой-то беспокойный, мы приглушили весла, прицепили
плот и отбуксировали его очень тихо, а негр с самого начала не
сделал ни малейшего гребка и не сказал ни слова. Он неплохой негр,
джентльмены, вот что я о нем думаю”.

Кто-то говорит:

“Что ж, должен признаться, это звучит очень заманчиво, доктор.

Потом остальные тоже немного смягчились, и я был им очень благодарен
тому старому доктору за то, что он оказал Джиму такую услугу; и я был рад, что это тоже
соответствовало моему мнению о нем; потому что я подумал, что у него доброе
сердце и он был хорошим человеком, когда я увидел его в первый раз. Тогда все они
согласились, что Джим действовал очень хорошо и заслуживает того, чтобы на это обратили какое-то
внимание и вознаградили. Поэтому каждый из них прямо и сердечно пообещал,
что больше не будет его ругать.

Потом они вышли и заперли его. Я надеялся, что они
скажут, что ему можно снять одну или две цепи, потому что они были
ужасно тяжелыми, или что он может есть мясо и зелень с хлебом и водой;
но они об этом не подумали, и я решил, что мне не стоит вмешиваться,
но я решил, что так или иначе передам историю доктора тете Салли, как только
преодолею буруны, которые были прямо передо мной —
объяснения, я имею в виду, того, как я забыл упомянуть о том, что Сид был застрелен,
когда я рассказывал, как он и я затеял эту чертову ночную греблю
в поисках сбежавшего ниггера.

Но у меня было достаточно времени. Тетя Салли торчала в комнате больного весь день
и всю ночь, и каждый раз, когда я видела, как дядя Сайлас слоняется без дела, я уворачивалась от
него.

На следующее утро я узнал, что Тому намного лучше, и они сказали, что
тетя Салли ушла вздремнуть. Поэтому я проскользнула в комнату больного, и если я
найду его бодрствующим, я подумала, что мы могли бы собрать для семьи пряжу, которая
будет стирать. Но он спал, и спал очень мирно; и
лицо у него было бледное, а не пылающее, как тогда, когда он пришел. Поэтому я села и постелила
, чтобы он проснулся. Примерно через полчаса вплывает тетя Салли, и

и вот я снова оказался в тупике! Она жестом велела мне замолчать и села
рядом со мной, и начала шептать, и сказала, что теперь мы все можем радоваться,
потому что все симптомы были первоклассными, и он так долго спал
, и все это время выглядел лучше и умиротвореннее, и десять
к одному, что он проснется в здравом уме.

Итак, мы сидели и смотрели, и мало-помалу он немного пошевелился и очень естественно открыл свои глаза, посмотрел и сказал:

“Привет! — Почему, я ДОМА! Как это? Где плот?”

“Все в порядке”, - говорю я.

“А ДЖИМ?”

“То же самое”, - говорю я, но не могу сказать это слишком дерзко. Но он так и не заметил, но говорит:

“Хорошо! Великолепно! ТЕПЕРЬ мы в порядке и в безопасности! Ты сказал Тетушке?

Я собирался сказать “да", но она вмешалась и спросила: "О чем, Сид?”

“Ну, о том, как все это было сделано”.

“Что за целое дело?”

“Ну, все это дело. Есть только один; как мы освободили беглого негра — я и Том”.

“Хорошая земля! Задавай темп — О чем говорит ребенок! Дорогой, дорогой, опять у него из головы вылетело!”

- НЕТ, я не выжил из ума; я знаю, о чем говорю.
Мы освободили его — я и Том. Мы планировали сделать это, и мы СДЕЛАЛИ
это. И мы сделали это элегантно ”. Он только начал, а она так и не проверила
его, просто сидела и смотрела, и смотрела, и позволила ему продолжать, и я вижу, что мне
вмешиваться бесполезно. — Ну, тетя, это стоило нам огромного труда
— нескольких недель, - часов за часами, каждую ночь, пока вы все спали.
И нам пришлось украсть свечи, и простыню, и рубашку, и твое платье,
и ложки, и оловянные тарелки, и кухонные ножи, и грелку, и
точильный камень, и муку, и просто бесконечно много всего, и вы не представляете,
какой работой было делать пилы, и ручки, и надписи, и то, и другое
, и вы не представляете и ПОЛОВИНЫ того удовольствия, которое это было. И нам пришлось
придумать изображения гробов и прочего, а также анонимные письма
от грабителей, подняться и спуститься по громоотводу и выкопать яму

сходи в хижину, сделай веревочную лестницу и отправь ее приготовленной в виде
пирога, а ложки и все необходимое для работы положи в карман своего фартука...”

“Ради всего святого!”

“... и наполните каюту крысами, змеями и так далее, для
компания для Джима; а потом ты так долго держал Тома здесь с маслом в
шляпе, что чуть не испортил все дело, потому что люди
пришли раньше, чем мы вышли из хижины, и нам пришлось спешить, и они услышали
нас и напали на нас, и я получил свою долю, и мы свернули с тропинки
и пропустили их мимо, а когда появились собаки, мы их не заинтересовали,
но пошли на самый шум, и мы взяли наше каноэ и поплыли к плоту,
и все были в безопасности, а Джим был хорошим парнем. свободный человек, и мы сделали все это сами,
и РАЗВЕ это не хулиганство, тетя!”

“ Ну, я никогда не слышал ничего подобного за всю свою жизнь! Так что это
ВЫ, маленькие негодяи, устроили все эти неприятности,
вывернули у всех мозги наизнанку и напугали нас всех до смерти.
У меня, как никогда в жизни, есть твердое намерение вырвать это из тебя сию
же минуту. Подумать только, ночь за ночью я был здесь, и ... Ты только разок выздоровеешь, юный негодяй, и я уверен,
что выжму из вас обоих, как из Старины Гарри,
тебя!”

........Но Том, он БЫЛ таким гордым и радостным, что просто НЕ СМОГ сдержаться,
и у него просто сорвалось С языка —она вмешалась и все
время плевалась огнем, и они оба сделали это одновременно, как на кошачьем съезде; и она
сказала:

“НУ, теперь ты получаешь от этого все возможное удовольствие, имей в виду
Говорю тебе, если я еще раз увижу, что ты с ним связываешься...

“ Вмешиваешься в дела КОГО? - Говорит Том, переставая улыбаться и выглядя
удивленным.

“ С КЕМ? Ну, с беглым ниггером, конечно. Кем бы ты
считал?

Том смотрит на меня очень серьезно и говорит:

“Том, разве ты только что не сказал мне, что с ним все в порядке? Разве он не сбежал?”

“ОН?” - спрашивает тетя Салли. - “Сбежавший негр? "Неужели он не сбежал.
Они вернули его, живого и невредимого, и он снова в той хижине, на
хлебе и воде, закованный в цепи, пока его не заберут или не продадут!”

Том выпрямился в постели, у него горел глаз, ноздри раздувались
и закрывались, как жабры, и он поет мне:

“ Они не имеют права затыкать ему рот! ТОЛКАЙСЯ! — и не
теряй ни минуты. Отпусти его! он не раб; он такой же свободный, как любой
кретин, который ходит по этой земле!”

“Что имеет в виду ребенок?”

“Я имею в виду каждое свое слово, тетя Салли, и если кто-нибудь не уйдет,
Я уйду. Я знаю его всю его жизнь, и Том тоже. Старая мисс
Уотсон умерла два месяца назад, и ей было стыдно, что она вообще собиралась
продать его вниз по реке, и она так и сказала; и она освободила его в своем
завещании.

- Тогда зачем, черт возьми, вы хотели освободить его, учитывая, что он
уже свободен?

“Ну, это вопрос, я должен сказать; и совсем как у женщин! Да ведь я
мечтала об этом ПРИКЛЮЧЕНИИ; и я бы увязла по шею в крови, чтобы
- боже правый, ТЕТЯ ПОЛЛИ!

Если бы она не стояла прямо там, за дверью, и не выглядела такой
милой и довольной, как ангел, наполовину объеденный пирогом, я бы хотел, чтобы этого никогда не было!

Тетя Салли бросилась к ней, обняла ее за голову и
заплакала над ней, а я нашла для себя достаточно хорошее местечко под кроватью, потому что
мне показалось, что нам становится довольно душно. И я выглянул, и через
некоторое время тетя Тома Полли высвободилась и стояла там,
глядя на Тома поверх очков — как бы втоптывая его в
землю, знаете ли. А потом она говорит:

— Да, тебе лучше отвернуться - я бы на твоем месте так и сделал,
Том.

“ О, боже мой! ” восклицает тетя Салли. “ Неужели он так изменился? Да ведь это не
ТОМ, это Сид; Том—Том—Том... Почему, где Том? Он был здесь
минуту назад.

“ Ты имеешь в виду, где Гек ФИНН, вот что ты имеешь в виду! Думаю, я
не для того растила такого негодяя, как мой Том, все эти годы, чтобы не узнать его
, когда УВИЖУ. Это было бы милым приветствием. Вылезай из
под кровати, Гек Финн.

Итак, я сделал это. Но не чувствую себя дерзкой.

Тетя Салли была одним из самых растерянных людей, которых я когда-либо видел - за исключением одного, и это был дядя Сайлас, когда он пришел, и они рассказали ему все это. Это, можно сказать, напило его, и он вообще ничего не понимал остаток дня, а в тот вечер произнес молитвенную проповедь на собрании, которая привела его в шокирующее состояние, потому что самый старый человек в мире не смог бы ее понять. Итак, тетя Тома, Полли, она рассказала все о том, кто я и что; и мне пришлось встать и рассказать, как я оказалась в таком затруднительном положении, что, когда миссис Фелпс приняла меня за Тома Сойера, она вмешалась и сказала: “О, продолжай называть меня тетей Салли, я уже привыкла к этому, и мне не нужно менять”, — что, когда тетя Салли приняла меня за Тома Сойера, мне пришлось это терпеть — другого выхода не было, и я знала, что он не будет возражать, потому что это было бы здорово. для него было безумием быть загадкой, и он превратил бы это в приключение и был бы совершенно удовлетворен. Так оно и вышло, и он притворился Сидом и постарался сделать все так мягко, как только мог, для меня.

А его тетя Полли сказала, что Том был прав насчет того, что старая мисс Уотсон освободила Джима в своем завещании; и вот, конечно же, Том Сойер ушел и взял на себя все эти хлопоты, чтобы освободить свободного негра! и я никогда раньше, до той минуты и того разговора, не мог понять, как он МОГ помочь телу освободить ниггера с его воспитанием.

Ну, тетя Полли, она так и сказала, когда тетя Салли написала ей, что Том и СИД добрались сюда целыми и невредимыми, говорит она себе:

“ Посмотри на это сейчас же! Я мог бы ожидать этого, позволив ему уйти таким образом, чтобы никто за ним не наблюдал. Так что теперь я должен отправиться в ловушку на всем пути вниз по реке, на тысячу сто миль, и выяснить, что это за существо задумало на ЭТОТ раз, раз уж мне не удалось добиться от тебя никакого ответа по этому поводу ”.

“Да ведь я никогда ничего от тебя не слышала”, - говорит тетя Салли.

“Ну, мне интересно! Я дважды писал тебе, чтобы спросить, что ты мог иметь в виду, говоря, что Сид здесь ”.

“Ну, я их так и не получил, сестренка”.

Тетя Полли медленно и сурово поворачивается и говорит:

“Ты, Том!”

“Ну и ЧТО?” — говорит он немного раздраженно.

“Не смей, как Я, ты, наглая тварь, раздавать эти письма”.

“Какие письма?”

“ЭТИ письма. Клянусь, если мне придется позаботиться о тебе, я—

“ Они в багажнике. Вот, сейчас. И они точно такие же, какими были
, когда я забрал их из офиса. Я не заглядывал в них, я не
прикасался к ним. Но я знал, что они создадут проблемы, и подумал, что если ты
не будешь торопиться, я бы...

“ Ну, с тебя ДЕЙСТВИТЕЛЬНО нужно снять шкуру, тут нет никакой ошибки. И я написал еще одно, чтобы сообщить тебе, что я приеду; и я полагаю, он...

“Нет, оно пришло вчера; я его еще не читал, но все в порядке, у меня есть
вот это”.

Я хотел поспорить на два доллара, что она этого не сделала, но подумал, что, возможно, было бы безопаснее не делать этого. Поэтому я никогда ничего не говорил.

Глава Последняя

В первый раз, когда я поймал Тома наедине, я спросил его, какова была его идея, время побега? — что он планировал сделать, если уклонение сработает
нормально и ему удастся освободить ниггера, который уже был на свободе раньше?
И он сказал, что с самого начала у него в голове был план, что, если мы вытащим
Джима целым и невредимым, мы отправим его вниз по реке на плоту, и
у него будут приключения вплоть до устья реки, а потом скажем ему, что
он свободен, и отвезем его домой на пароходе, с шиком, и
заплатим ему за потерянное время, и напишем заранее, и соберем всех
ниггеров в округе, и пусть они провожают его в город с факельным
шествием и духовым оркестром, и тогда он станет героем. , и мы бы тоже так поступили
. Но я решил, что так оно и есть.

Мы в мгновение ока сняли Джима с цепи, и когда тетя Полли,
дядя Сайлас и тетя Салли узнали, как хорошо он помогает доктору
ухаживать за Томом, они подняли над ним шум и привели его в порядок,
и давали ему столько еды, сколько он хотел, и хорошо проводили время, и ничего не делали.
И мы отвели его в комнату больного и поговорили на повышенных тонах; и Том дал
Джиму сорок долларов за то, что он был таким терпеливым пленником для нас и делал это так хорошо, и Джим был доволен до смерти, и вырвался, и говорит:

“ Да, ну, Гек, что я тебе скажу?—что я тебе рассказывал об
Острове Джексон? Я СКАЗАЛ тебе, что у меня волосатая грудь, но что это значит;

ru Я ГОВОРЮ тебе, что хочу разбогатеть, и Гвинет снова станет богатой; ru это
сбылось; так оно и есть! Да, сейчас! не говори со МНОЙ — знаки есть
ЗНАКИ, говорю тебе, мои; но я хорошо знал, что в эту минуту я буду богат
еще больше, чем в эту минуту!”

И тогда Том, он все говорил и говорил, и сказал, что давайте как-нибудь ночью все
трое ускользнем отсюда, возьмем снаряжение и отправимся на
жуткие приключения среди индейцев, на Территорию, на
пару недель или две; и я сказал, что хорошо, это меня устраивает, но у меня нет
денег, чтобы купить снаряжение, и я думаю, что не смог бы достать ничего из
дома, потому что, скорее всего, папа уже вернулся, забрал все это
у судьи Тэтчера и пропил.

“Нет, его там нет, — говорит Том. - Все это еще там - шесть тысяч долларов
и больше; и с тех пор твой отец так и не вернулся. Во всяком случае, когда я уезжал, этого не было,
во всяком случае.

Джим говорит как-то торжественно:

“Он больше не вернется, Гек”.

Я спрашиваю:

“Почему, Джим?”

“Не знаю, почему, Гек, но он больше не вернется”.

Но я не отпускал его; так что, наконец, он говорит:

“А ты, член палаты представителей, плыл вниз по реке, а они
был ли мужчина в дахе, возбужденный, когда я вошел, не поздоровался с ним и не
позволил тебе войти? Что ж, Ден, ты можешь получить свои деньги, когда захочешь,
скажи, что ты с ним.

Том сейчас совсем здоров, и получил пулю в шею на вахте -
охраняет вахту и всегда смотрит, который час, так что писать больше не
о чем, и я чертовски рад этому, потому что, если бы я
знал, какой это труд - писать книгу, я бы не
взялся за это, да и не-собираюсь больше. Но я думаю, что мне пора отправляться на Территорию
раньше остальных, потому что тетя Салли собирается удочерить меня и цивилизовать
меня, а я этого не вынесу. Я бывал там раньше.

Конец